

ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ

ФИЛОСОФИЯ
И ХРИСТИАНСТВО

ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ

**ФИЛОСОФИЯ
И ХРИСТИАНСТВО**

Полемические заметки
«непрофессионала»

МОСКВА
Русская цивилизация
2017

УДК 215
ББК 86.201+Э37-100
К 29

Катасонов В. Ю.

К 29 Философия и христианство. Полемические заметки
«непрофессионала» / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.:
Русская цивилизация, 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-4261-0171-5

© Катасонов В. Ю., 2017
© Русская цивилизация, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга посвящена проблемам взаимоотношений философии и религии. Более конкретно: проблемам взаимоотношений философии и христианства. Философия (с греческого слово переводится как «любовь к мудрости»), как признают историки и сами философы, существует примерно с VII века до Рождества Христова, а христианству скоро исполнится две тысячи лет. Проблемы взаимоотношений философии и христианства возникли буквально в момент зарождения христианства, т. е. и им уже около двух тысяч лет. Все это время философы и представители Церкви обсуждали такие животрепещущие вопросы, как границы между философией и христианством, необходимость изучения и понимания философии христианами и, наоборот, христианства — философами, соотношение истин философского знания и христианской веры, относительную способность философии и христианской веры познавать разные сферы бытия: природу, социум, человека, Бога. В христианской Церкви уже в начальные века стало формироваться систематизированное представление о мире и Боге в виде богословия, которое имело некоторые признаки философского знания. Проблемы взаимоотношений философии и христианства трансформировались в проблемы взаимоотношений философской и богословской наук.

В отдельные моменты истории философам и христианам удавалось достигать «консенсуса» по обсуждаемым вопросам, особенно если философы были христианами,

а христиане – просвещенными светским образованием людьми. На основе этого консенсуса выстраивалось сотрудничество философии и христианского богословия. Впрочем, не менее часто такого согласия достигать не удавалось. Богословия и философия не признавали друг друга. Картина дополнительно усложняется тем, что единства по вопросам взаимоотношений двух видов знаний не было как в стане философов, так и в стане христианских богословов.

Но все-таки некая общая позиция Церкви по указанным вопросам на протяжении многих веков просматривается. По целому ряду спорных и сложных вопросов внутри Церкви удавалось достигать единомыслия на вселенских и прочих соборах. Такое согласие не было формальным, его источником был Дух Святой, о котором в Символе веры говорится: «Душе истины». Немалую роль в обеспечении такого единомыслия играли святые отцы, канонизированные Церковью. Сам факт канонизации членов Церкви, оставивших свои мнения по вопросам философии и христианства, повышает авторитет таких мнений в глазах христиан. Церковь на протяжении всех двух тысяч лет своего существования боролась с разного рода ересями, в том числе ересями и ошибочными мнениями по вопросам взаимоотношений философии и христианства. Происходил непрерывный отсев «зерен» от «плевел».

Намного более пестрой является картина в стане философов. За период существования философии «любителям мудрости» не удалось сформировать сколь-нибудь внятной позиции по вопросам взаимоотношений двух видов знаний. Как читатель увидит, философия по любым вопросам характеризовалась «плюрализмом» мнений, при этом многие из них были диаметрально противоположными. От века к веку количество философских мнений по любому вопросу (не только касательно

взаимоотношений философии и христианства) росло как снежный ком. Приближения к истине, достижения «консенсуса» не происходило и не происходит. Современная философия напоминает грандиозный концерт, на котором одновременно исполняются органные произведения Баха, военные марши Третьего рейха, оперы Чайковского, джазовые пьесы Дюка Эллингтона, песни советской эстрады и барабанные ритмы племени «тумбу-юмбу». Сплошная какофония, причем усиливающаяся с каждым веком и даже с каждым годом. Уточненные любители мудрости ностальгически вспоминают те далекие времена, когда не было нынешней философской какофонии и можно было наслаждаться «сольными произведениями» Сократа, Платона и Аристотеля.

Если вернуться к теме взаимоотношений философии и христианства, то спектр мнений любителей мудрости здесь простирается от признания подчиненного положения философии по отношению к вере и богословию («философия – служанка богословия») до провозглашения христианства «пережитком прошлого», «опиумом для народа» и «мракобесием». Значительная часть философов занимала (и продолжает занимать) позицию своеобразного синкретизма. Она заключается в том, чтобы добиться «конвергенции», «синтеза», «слияния» философии и богословия в «единое знание».

Справедливости ради следует сказать, что о таком «синтезе» говорили и святые отцы Церкви. Речь идет не о механическом (эkleктическом) соединении философии и богословия, а о развитии богословского видения мира с привлечением понятийного аппарата философии, углубленном изучении таких предметов, как природа, социум, человек. Такое соединение предполагает также привлечение логики (важной составной части философии) и перевод Божественного Откровения на понятный свет-

ским людям язык философии. По большому счету, речь идет о создании христианской философии. Для христиан является очевидным тезис, что истиной в последней инстанции является Бог. В Евангелии Христос называется Истиной. Бог является человеку в Откровении. Он являлся Моисею, пророкам, апостолам, которые зафиксировали отдельные фрагменты Откровений в книгах Ветхого и Нового Заветов. Кроме того, Божественные Откровения были явлены святым отцам, отразившим их в своих мыслях, которые мы называем Священным Преданием. Все эти источники (Откровения и Предания) являются жестким каркасом богословия. Если так можно выразиться, это «кости», на которых уже может наращиваться «мясо» философского знания. А в целом это и будет христианская философия. Она может существовать в единственном варианте. Множества христианских философий быть не может. Христианская философия не лишает человека творчества. Христианский философ имеет возможность генерировать свежие идеи, которые будут наращивать «мясо». Но вместе с тем ему не позволено посягать на «костную» конструкцию. Подобного рода радикальные посягательства могут и должны квалифицироваться как ереси.

Что касается философии, то она опирается на чувства и разум человека, которые могут давать лишь относительные истины. Зачастую это истины, которые подвергаются сомнениям и критике и которые могут отвергаться следующим поколением философов. Философия может быть полезной и продуктивной лишь в том случае, если опирается на догматы (аксиомы) христианства. Все другие варианты философии есть блуждания человеческого разума во тьме.

То, что я сказал выше, не является «открытием Америки». Это известно любому грамотному человеку.

Об этом писали и говорили до меня многие философы и богословы. Зачем потребовалось мне, человеку, не являющимся «профессиональным» философом или богословом, говорить и писать о соотношении и взаимоотношении философии и христианства?

Во-первых, потому, что многие философы, а отчасти и богословы, не любят акцентировать на этом внимание широкой аудитории. В результате у многих людей, даже имеющих высшее образование, философия и богословие сливаются в сознании как что-то очень похожее. А если «профессионалы» и говорят о различиях, то чаще всего выражают свои мысли на очень специфическом языке, непонятном широкой аудитории. Я делаю попытку объяснить различия без использования «эзотерического» языка (понятого лишь «посвященным», «избранным» людям).

Во-вторых, автор исходит из того, что, конечно же, христианское богословие имеет неоспоримый приоритет перед философией, которая по отношению к нему может быть лишь «служанкой». Соответственно, при дефиците времени в жизни любого человека приоритет должен отдаваться изучению богословия. Особенно в России, которую мы все еще (слава Богу) считаем православным государством. Однако в реальной жизни все складывается с точностью «до наоборот». В Советском Союзе статус философии был возведен на недостижимую высоту. Философия не была достоянием узкого круга «профессионалов». Ее изучали во всех высших учебных заведениях в виде курсов марксистско-ленинского диамата (диалектического материализма) и марксистско-ленинского истмата (исторического материализма). Партийно-государственная власть в СССР не скрывала, что философия используется в качестве средства формирования общественного сознания, необходимого для построения

социализма и коммунизма. Что касается богословия, то в СССР оно фактически находилось на нелегальном положении, было загнано в подполье.

СССР рухнул уже четверть века назад, а философию по инерции продолжают изучать в качестве обязательной дисциплины во всех высших учебных заведениях. Таким образом, философия как «частичное» знание подавляет богословие как знание более высокое и широкое. Богословие оказывается маргинальной дисциплиной, которая преподается в очень ограниченном круге вузов (да и то под названием «теология», привнесенном к нам в России из католицизма и протестантизма). Таковы плачевные результаты секуляризации образования в России. Каждый думающий человек может и должен исправлять перекосы существующей системы образования, занимаясь богословским самообразованием.

В-третьих, автору очень хотелось бы обратить внимание на то, как и чему сегодня учат студентов на занятиях по философии. Количество имен и философских школ и теорий исчисляется десятками и сотнями. Ум и память студента загружаются большими объемами информации. Но что еще удивительнее, профессора и учебники не определяют, какие философы, школы и теории ближе к истине, а какие – дальше. А какие из них вообще являются вредными и опасными. Не определяют по той причине, что у профессоров и авторов учебников нет четких ориентиров для таких оценок и классификаций. Студенту самому предлагается определить то, что ему нравится и что не нравится. Фактически мы становимся свидетелями процесса «разводнения» (выражаясь языком финансовых дельцов и спекулянтов) сознания молодого человека с помощью философского «плюрализма». Если при советской системе образования философия забивала в голову человека «гвозди» марксистско-

ленинского мировоззрения, то сегодняшняя система философского образования способствует превращению человеческого мозга в «кисель». Человек с таким «киселеобразным» мозгом формируется под требования новой системы глобального управления. Забегая вперед, делаю вывод: такая система философского образования разрушает человека и подрывает культурно-историческую идентичность нашего общества, которое на протяжении многих веков базировалось на христианстве как фундаментальной системе мировоззрения. Следовательно, такой плюралистической философии нам вообще не надо. Нам нужна «единственно верная» философия. Причем ее не надо изобретать (как это было в XIX–XX веках, когда была изобретена марксистско-ленинская философия). Это может быть только христианская философия, которая была дана русскому народу Богом. «Профессиональные» философы подобного вывода никогда не озвучат. Сформулировать такой вывод значит срубить сук, на котором почивает нынешняя корпорация профессиональных философов.

В-четвертых, хотелось бы обратить внимание на то, что людям, которые хотели бы изучать христианскую философию, сделать это не так просто. По той причине, что у нас до сих пор нет фундаментального учебника с таким названием. На протяжении многих веков христианства было написано немало работ по разным аспектам христианской философии (ранние отцы Церкви, которые разрабатывали христианскую апологетику, блаженный Августин, Фома Аквинский, другие авторы эпохи патристики и эпохи схоластики). Однако все они должны быть сведены в стройную систему и облечены в удобно воспринимаемую форму. Этого пока, к сожалению нет. В книге содержатся некоторые соображения и предложения по поводу учебника по христианской философии.

Почему эти вопросы решил поднять автор предлагаемой книги, который не является ни профессиональным философом, ни профессиональным богословом? По той простой причине, что некоторые фундаментальные проблемы лучше видны не «изнутри», а «извне». Долгое нахождение человека в той или иной «профессиональной корпорации» притупляет восприятие им некоторых проблем, он начинает мыслить в общем русле, концентрироваться на деталях, теряя общую картину. Как сказал русский поэт, «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье». Я к выводу о профессиональной ограниченности специалистов пришел к выводу на примере той сферы, которая мне ближе, – на примере экономики. По-настоящему понять экономику можно лишь выйдя за пределы экономики, поняв ее место в обществе и ее взаимосвязи с политикой и духовно-религиозной сферой жизни человека. Такой взгляд присущ преимущественно тем людям, которые не принадлежат к профессиональной корпорации экономистов. Это могут быть медики, инженеры и даже поэты. Вот и я, не будучи профессиональным философом и богословом, стал замечать, что представители двух профессиональных корпораций достаточно редко и осторожно касаются фундаментальных проблем взаимодействия и взаимосвязи философии и христианского богословия. Конечно, ответы на мои вопросы имеются в специальной философской и богословской литературе, но их не так просто найти и не так просто понять, поскольку они написаны достаточно «эзотерическим» языком. По этой причине я решил набросать по теме «Философия и христианство» собственные полемические заметки, которые, как я надеюсь, будут понятны и интересны простому читателю, не принадлежащему к профессиональным корпорациям философов и богословов.

Философия в жизни человека, особенно в последние времена

Жизнь человека коротка. Надо постичь, понять самое главное. Объект постижения – мир: Вселенная (природа), общество, человек. А также первопричина мира, начало всего, что принято называть словом «бог». У каждого человека стихийно или осознанно в течение жизни происходит формирование мировоззрения. Естественно, каждый человек стремится иметь правильное, объективное видение (понимание) мира.

Постигает мир человек разными способами. Прежде всего эмпирически, используя пять органов чувств и перерабатывая поступающую информацию с помощью ума. Созерцая мир, а также активно вступая с ним в отношения. Это индивидуальный эмпирический опыт.

Другим средством постижения выступает религия как способ сверхчувственного восприятия мира. Иногда религиозное постижение мира называют метафизическим, поскольку человек стремится постичь то, что находится за пределами материального, физического мира. Как правило, пытливый метафизик пытается докопаться до первоначала видимого и невидимого мира, называемого Богом. Впрочем, Бог может сам приходить к человеку, такая встреча не зависит от умственных способностей человека, его образования и социального статуса. Христианам это особенно понятно: две тысячи лет назад в наш земной мир явился Сын Божий – Иисус Христос. Это важнейшее в истории человечества событие прекрас-

но изобразил наш русский художник Иванов на картине «Явление Христа народу».

Дополнительным средством познания для человека выступает накопленный человечеством опыт постижения мира. Прежде всего в виде науки (совокупный опыт эмпирического постижения). Также совокупный религиозный опыт в виде богословия (теологии). Наконец, источником мировоззрения являются накопленные богатства культуры. Последняя весьма многообразна: художественная литература, изобразительное искусство, театр, музыка, поэзия и т. п. Недооценивать этот источник нельзя. Порой одна строфа А. С. Пушкина может стоить многих томов «ученых исследований».

Довольно часто нам говорят, что важным (а по мнению некоторых людей, и главным) способом постижения мира является *философия*. В переводе с греческого языка – «любовь к мудрости». Давайте подробнее разберемся в этом вопросе. Определений философии много, но общий смысл их понятен.

С одной стороны, это мыслительная деятельность человека, направленная на целостное понимание мира. В отличие, скажем, от конкретной науки (физика, химия, астрономия, биология, социология, медицина и т. д.). Каждая наука занимается лишь своей «грядкой» на бесконечных полях мироздания. Или в отличие от художественного произведения (книги, картины, скульптуры), охватывающего тоже какие-то фрагменты бесконечного во времени и пространстве мира.

С другой стороны, философия – это уже некий запас накопленных знаний, полученных предыдущими поколениями философских мыслителей. Философию можно уподобить громадному хранилищу, внутри которого собрано громадное количество «вещей», очень разных по внешнему виду и содержанию. Склад такой громадный,

что для того, чтобы даже осмотреть все его содержимое, может не хватить жизни. А ведь человеку еще надо выбрать нужную «вещь» (или несколько «вещей»). И при этом заплатить немалую цену. Какую цену? – Время на изучение той или иной философской идеи, теории. Время – самый дорогой ресурс, данный нам Богом, и он ограничен. На вопрос пользования «складом» и правильного выбора философы вам вряд ли дадут ответ (по крайней мере, непредвзятый, поскольку каждый может хвалить свои любимые «вещи»).

Какое место занимает философия в общем арсенале средств постижения мира? Проще говоря: какова роль философии в формировании мировоззрения человека и общества? Эту роль следует рассматривать в контексте сочетания следующих упомянутых выше источников формирования мировоззрения:

- 1) индивидуальный эмпирический опыт;
- 2) наука;
- 3) религия;
- 4) культура;
- 5) философия.

В предварительном порядке следует отметить, что по мере социализации человека роль индивидуального эмпирического опыта снижается. В чистом виде индивидуальный эмпирический опыт существует на необитаемом острове, но сегодня, в условиях глобализации и бурного развития массовых коммуникаций, таких «островов» на Земле не осталось. Возрастает роль коллективных форм опыта, передаваемых от одного поколения другому.

Разброс мнений о роли философии, очень широкий. Оценка, во-первых, зависит от субъективных причин – личного опыта человека, оценивающего место философии, и его социального статуса. Так, если человек

является «профессиональным» философом, велика вероятность того, что оценка философии будет завышенной. Во-вторых, оценка зависит от более объективных причин. Прежде всего от времени, к которому относится оценка. В разные периоды истории роль философии как системы мировоззрения могла быть и очень высокой и очень незначительной. Например, временем «торжества философии» можно назвать последние века дохристианской истории, когда в древнем мире (несмотря на официально существовавшее язычество с его религиозным мировоззрением) большой популярностью пользовались учения древнегреческих философов Сократа, Платона и Аристотеля. Другим примером «торжества философии» можно назвать Европу XIX века: тогда стали наблюдаться процессы ослабления христианства (в том числе как мировоззрения) на фоне резко возросшего влияния немецкой классической философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель). Примером резкого ослабления роли философии можно назвать Европу со времен Константина Великого, когда христианство стало официальной религией. Философия на протяжении многих веков после этого имела статус «служанки богословия». В XX веке в мире резко возрос авторитет науки. Это в очередной раз способствовало снижению влияния философии в обществе.

Одним из наиболее сложных вопросов для самих философов является вопрос о том, где проходит граница между философией и другими системами формирования мировоззрения. На протяжении большей части истории человечества основным «конкурентом» философии была религия. Философские школы Сократа и Платона уже вторглись в ту сферу, которая относилась к невидимому миру и которая до этого почти исключительно принадлежала религии (языческой). Граница между философией

и религией начала размываться. Философы также стали претендовать на решение задачи поиска «бога» («богов») и объяснение его (их). При этом философы «искали» и «находили» «бога», опираясь исключительно на разум, логику и рациональное мышление. Конечно, бог у философов получался всегда какой-то очень странный. Почему-то вспоминается афоризм известного немецкого ученого и публициста XVIII века Георга Кристофа Лихтенберга: «Бог создал человека по Своему подобию, сказано в Библии. Философы делают все наоборот: они создают Бога по своему подобию».

Впрочем, здесь также все условно. Взять, к примеру, школу неоплатоников (Плотин, Порфирий, Ямвлих, Прокл). Ее процветание пришлось на III–V века по Р. Х. Неоплатоники изначально позиционировали себя как философы, которые являются приверженцами Платона и дополняют платоновскую систему идеями Аристотеля и других философских школ. Постепенно они приступили к «конструированию» «универсального бога». По сути, началось перерождение неоплатонизма из философии в богословие. А затем – в религию, поскольку чисто умозрительная деятельность стала дополняться некоей культовой деятельностью, напоминающей оккультные обряды. Вот как определяет неоплатонизм священник Николай Карасев в своем фундаментальном исследовании «Путь оккультизма. Историко-богословские исследования»: «По существу, неоплатонизм – это новое религиозное движение, которое ставило целью достичь “божественной премудрости” не методом покаяния и молитвы, не с помощью внутреннего перерождения души и очищения сердца от скверны, а посредством магических ритуалов, тайного знания древних мистерий оно стремилось выработать способность входить в экстаз и в этом состоянии, теряя чувство собственной личности,

получать откровение, приобретать силу космического разума, получать власть от божества над Вселенной¹.

По замыслу неоплатоников, их «сконструированная» религия могла и должна была заменить христианство. Идеи неоплатонизма взял на вооружение Юлиан Отступник, который попытался «упразднить» христианство. Попытки неоплатоников «учредить» новую религию успехом не увенчались. И из религии неоплатонизм превратился опять в философию, причем его влияние на протяжении многих веков было незначительным. В 529 году император Юстиниан своим эдиктом закрыл академию в столице Византии Константинополе. Таким образом была поставлена точка на распространении и развитии неоплатонизма, оплотом которого была указанная академия.

Справедливости ради следует сказать, что на протяжении многих веков были философы, которые пытались провести четкую границу между философией и религией и сознательно отказывались внедряться на «чужую территорию», принадлежащую богословию и Церкви. Впрочем, не всегда это получалось. Либо страдала философская конструкция, которая оказывалась без «метафизического фундамента», либо все-таки такое вторжение происходило. Чтобы замаскировать нарушение «конвенции о невторжении», философы избегали и избегают слова «бог», заменяя его терминами «первоначало», «абсолют», «единое», «причина всего сущего» и т. п. Но что примечательно: эти свои абстрактные понятия они, как правило, писали и пишут с большой буквы, что позволяет их называть «богом философии», «философским богом».

В Новое время на арену общественной жизни выходит наука как особый вид человеческой деятельности.

¹ Карасев Николай. Путь оккультизма. Историко-богословские исследования. М.: Пренса, 2003. С. 111.

Она сразу же вступает в конкурентную борьбу с религией (христианством). Довольно часто наука вступает в тактические союзы с философией для того, чтобы совместными усилиями вытеснить христианство на периферию общественной жизни. Наука становится идолом (богом) для значительной части европейцев. Впрочем, появляется целый сонм идолов (богов), поскольку каждая наука хочет властвовать над умами и душами людей. Бог философии сосуществует с идолами науки. Философия вынуждена подстраиваться под новую ситуацию. Философский бог хочет быть первым в иерархии всех новоиспеченных богов. Ради этого жрецы философии пошли даже на то, что философию стали определять как «науку наук» или «королеву наук». Однако уже давно «наука наук» переживает кризис, ее авторитет как методологии научного знания среди представителей конкретных естественных и общественных наук упал, как говорится, «ниже плинтуса». Об этом кризисе я рассчитываю поговорить в отдельной статье.

Непростые отношения у философии также с культурой и искусством. Философия ведь хочет сохранить свои позиции главного властителя над умами и душами людей. Но большинство людей не склонно к тому, чтобы штудировать скучные, толстые и порой заумные трактаты Спинозы, Гегеля или Канта. Они тянутся к тому, что проще и доступнее, что можно понять (потребить) здесь и сейчас. Особенно сегодня, в XXI веке, когда уже сформировался «человек потребляющий». В этом смысле современная массовая культура вне конкуренции по сравнению с философией. Конечно, философия пытается «выживать» в этих непростых условиях. После войны во Франции даже появилась школа, которая утверждала, что философия – это прежде всего, искусство. А если искусство, значит, на первое место выходят форма и апел-

ляция не к уму и рассудку, а к чувствам человека. Между прочим, французских мыслителей Анри Бергсона (1859–1941) и Жана-Поля Сартра (1903–1980) принято считать «выдающимися философами». Первый – представитель школы интуитивизма и «философии жизни», второй – школы «атеистического экзистенциализма». Оба стали лауреатами Нобелевской премии по литературе. Думаю, что не, будь у них склонностей к литературному творчеству, вряд ли они стали бы известны как философы.

В целом следует признать, что философия сегодня, в XXI веке, переживает жесточайший кризис. Она вынуждена мимикрировать то под «науку», то под «культуру» и «искусство». Получается очень неважно. Позиции свои философия сдает. На невнятный статус философии сегодня не могут уже не обращать своего внимания даже те, кто профессионально занимается философией. Вот, например, известный российский философ Виктор Лега. В предисловии к двухтомнику «История западной философии» он пишет: «Получается, что философия не является ни наукой, ибо в ней есть нечто от искусства, ни искусством, ибо похожа на науку. И именно в этом своеобразии философии. Имея общие черты с наукой, философия предлагает объективный взгляд на интересующие вопросы, но при этом, разделяя некоторые черты искусства, философия не навязывает себя человеку, оставляя за ним право выбора»¹.

Что ж, не часто услышишь от человека, профессионально занимающегося философией (В. Лега – заведующий кафедрой философии в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете), честного признания в том, что философия не имеет своей четко очерченной «территории». Вот последние слова из пре-

¹ Лега В. П. История западной философии: В двух частях. – Часть I. Античность. Средневековье. Возрождение. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 19.

дисловия к упомянутой книге: «Таким образом, сказать, что такое философия, крайне сложно. К какой сфере человеческого познания она относится, тоже сказать с определенностью невозможно. Единственно, что можно сказать с полной уверенностью, – что философия не наука, не искусство и не религия, это философия»¹.

В зависимости от ситуации ей приходится быть похожей то на науку, то на искусство, то на религию. Прямо по Пушкину: «Не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка» (из «Сказки о царе Салтане...»). Философия, как выясняется, может жить, лишь выступая в качестве «служанки». Любая попытка стать «королевой» обречена на горькую неудачу.

Даже из моего краткого обзора читателю понятно, что философия стала удаляться от религии еще в начале Нового времени, когда христианство стало переживать кризис. Сначала Возрождение, потом Реформация, затем Просвещение – вехи удаления философии от христианства. Философия не желала больше быть «служанкой богословия» и возмечтала стать «королевой науки». Но и тут ей не повезло. Она опять стала превращаться в «служанку», на этот раз науки. После этого была попытка философии превратиться в «королеву культуры и искусства». Но здесь также все закончилось плачевно. Сегодня философия не только утратила статус «служанки», она стала «люмпеном» современного общества. Она почти никому не нужна.

Но думаю, что она сумет найти нового хозяина и покровителя. Кто это? – Полагаю, она может вернуться под крыло... религии. При этом подчеркиваю: не христианства, а именно религии, отличной от христианства. С христианством «развод» философии произошел еще в Средние века. Сегодня христианский мир переживает

¹ Там же. С. 20.

тяжелые времена. Лишний раз об этом свидетельствует так называемый «всеправославный» собор на Крите, проходивший в июне этого года. Пока речь идет лишь о неких экуменистических процессах в рамках так называемых христианских конфессий. А завтра он выйдет за рамки «христианского» экуменизма и будет представлять собой процесс движения разных религий и конфессий к единой мировой религии¹.

Вот тут и потребуются философы типа упоминавшихся выше неоплатоников, которые будут «конструировать» единую мировую религию. Призывы к православию повернуться лицом к неоплатонизму и его новому «прочтению» звучат уже со стороны некоторых авторитетных отечественных представителей богословско-философской мысли². Тогда, в IV веке, на волне философской мысли неоплатонизма к власти пришел император Юлиан Отступник, который пытался «осчастливить» своих подданных «новой» религией, представлявшей гремучую смесь язычества и неоплатонизма. Стремясь

¹ О долгосрочных планах мировой закулисы по созданию единой мировой религии см.: Серафим Роуз, иеромонах. Православие и религия будущего // Интернет. Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/put/biblio/rose_prb/rose01.htm.

² См.: Дугин А. Г. Христианство и неоплатонизм // Интернет. Режим доступа: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-hristianstvo-i-neoplatonizm>. Вот выдержки из данной работы: «Для современного русского православия жизненно важно новое знакомство с неоплатонизмом и его топикой... Полезно провести компаративистский анализ того, как неоплатонические тенденции сложились в других монотеистических религиях – в исламе (аль-фаласафа, ат-тассавуф, ишрак, шиитский гнозис) и в иудаизме (каббала). Кроме того, важно внимательнее изучить влияние неоплатонизма на Возрождение и ряд мистико-окультистических течений (от Бруно до розенкрейцеров и герметистов)... Значение неоплатонизма в современном православии фундаментально занижено... Не все глубоко понимают христианские догмы. Неоплатоническая философия способна помочь нам понять их лучше... Поэтому знакомство с неоплатонизмом как философией, а также образом мысли и даже образом жизни христианину абсолютно необходимо».

таким образом отвратить их от христианства, легализованного всего за полвека до этого Константином Великим. Уверен, что сейчас нам будет опять предлагаться «новая» религия в духе неоплатонизма или какого-то иного «неофилософского синтеза». Так что могу утешить «профессиональных» философов: безработными они не останутся. А кое-кто из них может заслужить даже высокий титул философского предтечи антихриста.

Могут ли существовать сегодня настоящие философы, не обслуживающие интересы «хозяев мира» и не выступающие в роли предтеч антихриста? Думаю, что да. В свое время святитель Григорий Палама назвал философские теории «смесью меда и цикуты» (цикута – вид яда)¹. Так вот, настоящий философ – тот, кто знает об этой тайне философии. Не только знает, но и предупреждает «непосвященных», что в предлагаемом им напитке под названием «философия» кроме меда есть еще цикута. Профессия философа крайне опасная, поскольку ему, помимо его воли и желания, приходится периодически пригубливать опасный напиток. Тем более что со времен Григория Паламы соотношение меда и цикуты в напитке резко изменилось в пользу цикуты. Но это – тема отдельного разговора.

¹ Святитель Григорий Палама писал: «Мы никому не мешаем знакомиться со светской образованностью, если он этого желает, разве только он воспринял монашескую жизнь. Но мы никому не советуем предаваться ей до конца и совершенно запрещаем ожидать от нее какой бы то ни было точности в познании божественного учения о Боге». И немного далее: «Итак, у светских философов есть и кое-что полезное, так же как в смеси меда и цикуты; однако можно сильно опасаться, что те, кто хочет выделить из смеси мед, выпьют нечаянно и остаток смертоносный» (Алипий (Кастальский-Бороздин), архим., Исая (Белов), архим. Догматическое богословие: Курс лекций. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 14).

Философия в эпоху христианства. Судьба Агасфера и Сизифа

В своей первой статье по проблемам философии я сделал осторожный вывод, что у философии нет своей «территории». Чем бы ни занимались философы, они всегда оказывались на «территории», которую прочно обосновали другие «профессиональные корпорации». Одна из «территорий» занята корпорацией ученых, представляющих разные конкретные науки – естественные, социальные, гуманитарные. Другая территория принадлежит корпорации, называемой «культура и искусство» и объединяющей художественную литературу, изобразительное искусство, театр, кино и т. д. Наконец, третьей корпорацией, наделенной собственной «территорией», является богословие, или теология. А в более широком смысле – религия. Вся история философии за последние две тысячи лет – борьба ее за «жизненное пространство», «место под солнцем». Временно философии удавалось занимать чужие территории, но затем ее с этих территорий опять «отжимали».

Чтобы не погибнуть, философия шла на компромиссные соглашения с другими корпорациями, предлагая им проекты «синтеза». Выражаясь современным языком, что-то наподобие «совместного предприятия». Ярким примером такого «совместного предприятия» был проект «русской религиозной философии» (начат в конце XIX века Владимиром Соловьевым), предусматривавший «синтез» философии и христианского богос-

ловия¹. При этом заинтересованность в данном проекте проявляли преимущественно философы, начав его реализацию явочным порядком (благословения на это философы у Церкви не брали). А Церковь, курирующая корпорацию богословов, к этому проекту отнеслась более чем сдержанно. А когда появилась первая «продукция» самостоятельного «совместного предприятия», то в ней богословы обнаружили в больших или меньших концентрациях ереси эйкуменизма, софианства, космизма и др. Церковь благоразумно стала дистанцироваться от проекта «русской религиозной философии». Говоря простым языком, это была очередная попытка захвата чужой территории корпорацией философов.

Чем-то племя «профессиональных философов» напоминает мне Вечного жида. Другое имя этого персонажа – Агасфер (*лат.* Ahasverus). Напомню, что Агасфер – легендарный персонаж, по преданию, обреченный скитаться по земле до Второго пришествия Христа. Имеется несколько вариантов легенды об Агасфере. Все они восходят к Священному Писанию. Наиболее распространенная версия связана с историей Голгофы. Когда Иисуса Христа, несшего Свой крест, вели на распятие, Он оказался около дома иудея-ремесленника. Иисус попросил у этого иудея позволения прислониться к стене его дома, чтобы отдохнуть. Тот не только не позволил, но даже оттолкнул Христа. За это иудей был осужден на вечное скитание по земле и презрение со стороны людей². Близка упомянутая легенда и к одному из вариантов истории Каина, осужденного, как и Агасфер, на вечное скитание

¹ Большое влияние на русскую религиозную философию в XX веке оказала «философия всеединства» В. С. Соловьева, тяготевшего к экуменизму и обращавшегося к широким пластам западноевропейской религиозной и философской литературы.

² Фигура «Вечного жида» весьма популярна в сюжетах европейской литературы и живописи.

по земле. Неким аналогом является также легенда о Сизифе, обреченном вечно поднимать на гору камень.

С моей точки зрения, вечные скитания философии – результат того, что она не приняла Христа и христианство две тысячи лет назад. А некоторые наиболее агрессивные представители корпорации профессиональных философов даже пытались Христа оттолкнуть (боролись с христианским учением).

Философия имела право на существование до Христа. Более того, она была тогда необходима. Греческая философия Сократа, Платона и Аристотеля была своего рода «детоводителем», готовившим Римскую империю к принятию Христа. Климент Александрийский даже сказал, что расцвет античной философии в Греции логически трудно объяснить. Это Промысл Божий. Святитель Василий Великий называл Сократа «христианином до Христа». Греческую античную философию можно уподобить первой очереди ракеты, летящей в космос. Она высоко подняла человечество в духовно-нравственном и интеллектуальном плане. Но затем включилась вторая ступень ракеты, называемая христианством, которая и должна помочь ракете (человечеству) достичь конечной цели. Атакой целью является Бог, Царство Божие, Царство Небесное.

Христианство – понятие многогранное. Это религия, Церковь, учение Христа, богословие, особая этика. Можно сказать, что это и философия. Но не всякая философия, а лишь Философия с большой буквы, упраздняющая все остальные философские школы и теории. Философия – «любовь к мудрости». Высшая мудрость – Божия. София (мудрость) – важнейшее свойство Бога. А там, где мудрость, там и постижение Истины, коей опять же является Бог. В Евангелии от Иоанна мы читаем следующие слова Христа: Аз есмь путь и истина и живот:

никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною» (Ин. 14, 6). «Философия, согласно христианскому пониманию, есть не что иное, как любовь к Богу – Абсолютной Мудрости, Абсолютной Истине¹.

Диакон Владимир Василик на вопрос о том, как понимать Софию Премудрость Божию, прямо отвечает: «Святая София Премудрость Божия – это есть Христос, Премудрость Божия и Божия Сила. И Святая София Константинопольская, нынешняя София, которая была построена императором Юстинианом после страшного пожара, после восстания “Ника” строилась с 532 по 536 год – это храм воплотившейся Премудрости Божией, это храм Христа, потому что Христос есть Слово Отчее, Отчий Разум, Отчая Премудрость»². Между прочим, христиане даже имеют праздник, прославляющий Премудрость Божию. Владимир Василик пишет: «И вы знаете, какой был престольный праздник в Святой Софии, когда праздновался престольный день храма? На Рождество Христово»³. С точки зрения Православия, истинными философами могут считаться лишь члены Церкви, ибо они проявляют истинную любовь к Христу, стало быть, и любовь к Премудрости Божией.

Апостол Павел четко провел границу между Премудростью Божией и «мудростью века сего» и показал, что Бог уготовал истинным философам (любящим Премудрость Божию): «Братия, мудрость мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Бо-

¹ См.: «Философия – это любовь к Богу». Беседа монаха Рафаила (Попова) с заведующим кафедрой философии ПСТГУ В. П. Легой // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/86798.html>.

² Диакон Владимир Василик. Лекция 5. Ответы на вопросы // Интернет. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ebpWEyveQPg&list=PLURDbynGfsfWzAYZbFDaDevpbqmqW5psd>.

³ Там же.

жию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор 2, 6–9).

Итак, две тысячи лет назад человечество получило христианство, которое и стало истинной Философией. Конструирование иных философских систем – отход от Истины. Кажется, именно ко многим представителям современной философской корпорации обращены слова апостола Павла: «Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия, и для вас нужно молоко, а не твердая пища. Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла. Посему, оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству; и не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел и вере в Бога, учению о крещениях, о возложении рук, о воскресении мертвых и о суде вечном. И это сделаем, если Бог позволит. Ибо невозможно – однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему» (Евр. 5, 12; 6, 6).

Философия в традиционном понимании (любовь к мудрости, но без Христа) уже давно выполнила свою всемирно-историческую миссию. Но ностальгическая тоска по философии у части людей сохраняется. Это тоску использует (можно сказать, эксплуатирует) небольшая группа людей, образовавших сплоченную профессио-

нальную философскую корпорацию. Как я говорил в своей первой статье, часть членов этой корпорации (меньшая) продолжает создавать «продукцию» в виде новых философских идей и теорий. Число новых видов «продукции», созданных за две тысячи лет, трудно даже подсчитать, оно измеряется сотнями (модификации основных видов – не в счет). Другая (бóльшая) часть членов корпорации занята хранением и инвентаризацией той «философской продукции», которая была создана за несколько тысячелетий человеческой истории и собрана на громадном складе с вывеской «Мировая философия». Даже сами сотрудники этого склада (профессиональные философы) не знают до конца, что имеется в этом гигантском хранилище (трех жизнью не хватит, чтобы его обойти).

В каком-то смысле греческую философию можно сравнить с Ветхим Заветом, который был в свое время дан древним евреям Богом и служил «детоводителем» для этого дикого жестоковыйного народа. Христиане знают Ветхий Завет, составляющий первую часть Священного Писания. Они понимают, что Новый Завет не отрицает первую часть Священного Писания, между двумя частями Священного Писания существует органическая связь. Но свою жизнь христиане строят по Новому Завету. А святые отцы предупреждали чад Церкви об осторожном отношении к чтению и изучению Ветхого Завета, предостерегали об опасности умственного и духовного «повреждения» от неправильного подхода к Ветхому Завету.

Еврейский народ в значительной своей массе после распятия Христа христианство не принял. А духовные вожди еврейского народа продолжили начатую еще во время вавилонского пленения «творческую» работу по «усовершенствованию» Торы (Пятикнижия Моисеева) и других книг Священного Писания на основе своего

поврежденного ума и своей помраченной души. Стал складываться корпус книг, которые получили название Талмуд (несколько десятков томов). В недрах талмудического иудаизма зародилась философская мысль, которая стала создавать оккультно-мистическую систему тайного знания, получившую название «каббала». Очень многие вожди и жрецы мирового иудаизма ставят Талмуд и каббалу выше Торы и других книг Ветхого Завета. Очень небольшая кучка приверженцев «истинного», «ортодоксального» иудаизма отрицает Талмуд и каббалу, считая основой своего религиозного мировоззрения либо Тору, либо весь Ветхий Завет.

Все то, что было создано корпорацией профессиональных философов за последние две тысячи лет, можно условно назвать «философским Талмудом» и «философской каббалой». Все это «творчество» – от лукавого. У философии своего жизненного пространства нет. В итоге она обречена на вечные скитания подобно Агасферу. Или подобно еврейскому народу, который в начале христианской эры лишился своей «обетованной земли» в Палестине (разрушение Иерусалима Веспасианом и Титом) и был рассеян по всему миру.

Единственный для современной философской корпорации выход – признать Христа. Лишь в этом случае она получит право действительно называться Философией (подчеркиваю: именно с большой буквы). Есть подозрение, что корпорация профессиональных философов признавать Христа не собирается. Сегодня часть рассеянного еврейского народа опять собралась в Палестине, образовав без малого семьдесят лет назад свое государство Израиль. Воссоздание этого государства – важное звено последнего отрезка мировой истории. По замыслу врага рода человеческого, на территории Израиля будет восстановлен Иерусалимский храм (третий) для того,

чтобы там мог воссесть на троне лжемессия – Машиах¹. Есть предчувствие, что и у философии впереди может быть своеобразный ренессанс. После долгих скитаний они подпишут соглашение о «стратегическом сотрудничестве» с врагом рода человеческого и получают из его рук свою территорию – «философский Израиль». Это будет плацдарм, с которого будет вестись подготовка в виде философского «обоснования» прихода ложного мессии, то есть антихриста.

Чрезмерное увлечение современного человека философией (особенно страсть некоторых к конструированию новых философских «теорий») может быть также описано словами апостола Петра: «Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья идет валяться в грязи» (2 Пет. 2, 22).

Конечно, чтобы понимать историю и современную жизнь, христианин не должен демонстративно отказываться от знакомства с «наследием» и текущим «творчеством» философствующих талмудистов и каббалистов. Как говорил Господь, мы должны быть «мудры как змии». Ибо живем в мире, кишашем змиями-искусителями. Но лишь знакомиться и понимать. Но не принимать сердцем. Еще раз повторю, что занятие это опасное. Этим могут и должны заниматься лишь духовно подготовленные люди.

Опять не могу не вспомнить святителя Григория Паламу (1296–1357). Казалось бы, парадокс: с одной стороны, Палама был блестящим знатоком Аристотеля; с другой стороны, он настороженно и даже негативно относился к греческой философии. Григорий Палама возражал тем, кто считал, что «приобретение светской мудрости» есть главное условие приближения к Богу и общения с Ним. «Новая жизнь во Христе» не зависит

¹ См.: Катасонов В. Ю. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: Кислород, 2014.

от достижений интеллекта. Святитель осторожно допускал, что философия может оказаться полезной некоторым ищущим людям, которые, не найдя ответов на свои мировоззренческие вопросы у философствующих мудрецов, обратятся к богословию, а после богословия – к Богу. Но одновременно святитель предупреждал тех, кто уже были внутри церковной ограды и считали себя христианами. Им-то уже философия как «детоводитель» ко Христу не нужна была. Но некоторой части христиан, по мнению святителя, надо быть знакомыми и с философией. Он считал, что христиане должны обращаться с греческой философией, как фармацевты со змеями: сначала нужно их убить, затем препарировать, извлечь яд и приготовить из него противоядие¹. Святитель Григорий Палама писал: «Мы никому не мешаем знакомиться со светской образованностью, если он этого желает, разве только он воспринял монашескую жизнь. Но мы никому не советуем предаваться ей до конца и совершенно запрещаем ожидать от нее какой бы то ни было точности в познании божественного учения о Боге». И немного далее: «Итак, у светских философов есть и кое-что полезное, также как в смеси меда и цикуты; однако можно сильно опасаться, что те, кто хочет выделить из смеси мед, выпьют нечаянно и остаток смертоносный»². Еще раз повторю мысль, которой я закончил предыдущую статью: концентрация цикуты в современных философских напитках несоизмеримо возросла за многие столетия со времен Григория Паламы. Поэтому даже опытным христианам надо соблюдать все меры предосторожности при общении с миром философии.

¹ Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие (Конспекты лекций). Вильнюс, 1992. С. 340.

² Алипий (Кастальский-Бороздин), архим., Исая (Белов), архим. Догматическое богословие: Курс лекций. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 14.

Можно ли считать философию наукой? О «голой королеве»

Довольно часто философию называют наукой. И не просто наукой, а «наукой наук», «сверхнаукой», «королевой наук» и т. п.

Судьба философии в истории человечества очень непроста. После утверждения христианства в Европе на многие столетия философия превратилась в «служанку теологии». Когда началась эпоха Возрождения, а за ней наступило время Реформации, христианство стало переживать потрясения, которыми решила воспользоваться философия. Ей надоело ходить в «служанках», и она стала пытаться стать «госпожой». Однако «возрождение» философии продолжалось не очень долго. В конце XVI – начале XVII века в Европе начинается становление науки как влиятельного социального института. Об этом вступлении Европы в историю Нового времени современный отечественный философ В. Лега пишет: «... до XVII века не было ни одного вида знания, которое могло бы претендовать на абсолютную истинность. Ни одна религия, ни одна философская система не могла неопровержимо доказать, что только она является истинной. Такую задачу удалось решить зародившейся в XVII веке науке, которая сразу же предложила убедительные критерии своей истинности: логическую доказуемость и экспериментальную проверяемость. С этих пор слово “истина” для многих стало прочно ассоциироваться со словом “наука”. Истинность философских и религиозных по-

ложений в сравнении с очевидностью научных теорий стала подвергаться все большему сомнению. И чтобы подтвердить значимость философии, многие мыслители начинают соотносить философию с наукой и стремятся построить некую «научную философию»¹.

Надо отдать должное философам: они очень быстро перестроились под новую ситуацию, связанную с быстрым развитием науки и ростом ее влияния на общество. Они начали строить упомянутую В. Легой «научную философию». С одной стороны, опираясь на методологию естественных наук (Декарт, Спиноза, Локк и др.), а с другой – погрузившись в исследование природы научного знания (Юм, Кант, Фихте и др.). Особую роль в развороте философии и превращении ее в «науку» сыграли Г. Галилей, Ф. Бэкон, Р. Декарт². Поднятию имиджа философии как науки весьма способствовали также представители немецкой классической философии, в частности знаменитый немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831). Позицию Гегеля по этому вопросу разъясняет современный философ В. П. Кохановский: «Ее (философии – В. К.) научность, по его мнению, состоит не только в систематичности, но также в последовательном применении научного метода. В отличие от дедуктивного метода Декарта и индуктивного метода Бэкона, по Гегелю, истинным методом познания является диалектика: восхождение от абстрактного к конкретному, совпадение исторического и логического, противоречие как универсальный принцип познания и т. п. Сопоставив философское познание природы с исследованием эмпирического естествознания, мыслитель подчеркивал продуктивность

¹ Лега В. П. История западной философии: В двух частях. – Часть II: Новое время. Современная западная философия. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 5.

² Там же. С. 5–6.

философского ее познания. Согласно гегелевскому пониманию, природа исследуется различными науками, которые изучают различные силы природы, но не постигают целостности, сущности последней. Поэтому истинное содержание природы постигается только философией, которая рассматривает природу как звено в контексте исторического развития духа»¹.

Философии не только удалось убедить многих, что она – наука, но даже создать имидж «науки наук», или «королевы наук». Правда, некоторые современные философы отождествление философии с наукой считают упрощением и занижением статуса философии. Нет, они согласны, что философия – «наука наук». Но не только. Мол, кроме науки философия также, «система взглядов». А кроме того, это и «мировоззрение», и «метафизика» (тайны которой постигаются иными, чем наука, средствами), и «этика», и т. п.

Некоторые философы полагают, что на территории философии можно выделить «делянку», относящуюся к науке. Учитывая бум развития естественных и социальных наук в XIX и особенно XX веке, философы поспешили сориентироваться: в рамках системы философских дисциплин они выделили «философию науки». «Предметом философии науки, как отмечают мэтры российской философии, являются общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их историческом развитии и рассматриваемых в исторически изменяющемся социокультурном контексте»².

¹ Кохановский В. П. Философия и методология науки (Монография) // Философия как «наука наук» (Г. Гегель) // Интернет. Режим доступа: [http://adhdportal.com/book_3598_chapter_13__3._Filosofija_kak_nauka_nauk_\(G._Gegel\).html](http://adhdportal.com/book_3598_chapter_13__3._Filosofija_kak_nauka_nauk_(G._Gegel).html).

² Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М, 1996. С. 9.

Кажется, у нас в России многие также согласны и с Гегелем, и с мэтрами отечественной философии, поскольку Министерство образования дало добро на преподавание для студентов и аспирантов предмета «Философии науки» (это в дополнение к основному курсу философии).

Коротко о границе между философией и наукой. Философия нередко говорит ученым, которые занимаются конкретными вопросами в рамках соответствующих научных дисциплин: «Мы тоже наука». И даже более того: «Мы главная наука, мы наука наук». Действительно, в ряде учебников по философии, словарях и энциклопедиях философию называют «наукой о наиболее общих законах природы, общества и мышления». Положим, что это так. Но если считать философию наукой, то вполне логично также считать, что **философия** должна подчиняться и правилам и нормам науки, по которым она должна оцениваться и развиваться. Речь в данном случае идет о теории научных исследований, то есть о принципах развития любой науки, которые формулируются в рамках «науковедения». В соответствии с этой теорией¹ решение любой научной проблемы (кстати, и не только научной) проходит ряд обязательных последовательных стадий:

- сбор исходной для исследования информации;
- обработка этой информации (систематизация, обобщение, анализ);
- синтез вариантов возможных решений проблемы;
- выбор рационального (оптимального) решения;
- формулировки выводов и решения.

¹ Основы научных исследований.: Учеб. для техн. вузов / Крутов В. И., Грушко И. М. и др. / Под ред. В. И. Крутова, В. В. Попова. – М.: Высшая школа, 1989.

Недавно мне на глаза попала интересная и острая статья «Кризис современной философии». Ее автор В. И. Мельников пишет, что за всю историю своего развития философия до сих пор не вышла из стадий обработки исходной информации и синтеза вариантов возможных решений. Основанием для такого вывода, по мнению этого автора, является тот общеизвестный факт, что философия до настоящего времени по сути представляет собой не набор твердо и однозначно установленных законов и истин, а набор самых разнообразных субъективных мнений об этих истинах, что соответствует стадии синтеза вариантов решений. Таким образом, по указанной причине можно сделать вывод, что философия до настоящего времени не решила практически ни одной из своих проблем. Есть только варианты решения проблем»¹.

Хочу обратить внимание читателя на то, что в мире, в любой стране (независимо от ее общественно-политического устройства и господствующей идеологии) существует одна и та же математика, физика, механика... А вот с философией такого нет. В Непале будет преобладать один набор философских взглядов, в Китае – другой, а в США – третий. Хотя даже в Непале, Китае и США все равно будет некий набор философских учений. Можно говорить в лучшем случае о преобладающей, но не монополярной философской концепции. А теперь представим, что мы учили бы математику в России, а приехав в Америку, столкнулись с другой математикой, в которой мы разобраться не можем. Но мы прекрасно знаем, что и в Африке, и в Антарктиде дважды два будет четыре, а не пять или три. А вот с «истинами» философии подобные казусы случаются сплошь и рядом.

¹ Мельников В. И. О кризисе в современной философии // Интернет. Режим доступа: <http://www.newtheory.ru/philosophy/o-krizise-v-sovremennoy-filosofii-t2254.html>.

Кстати, В. И. Мельников дает набор некоторых индикаторов (признаков), которые свидетельствуют о том, что философия как «наука наук» переживает серьезнейший кризис. Этот набор был составлен на основе обзора работ как «профессиональных» философов, так и «философствующих энтузиастов»¹. У автора выделено 11 позиций (признаков). Мы некоторые позиции объединили, сведя количество основных признаков кризиса философии до семи. Вот они:

1) отсутствие (или сильное понижение) влияния философии на общество; неспособность философии если не ответить на вызовы современности, то хотя бы смягчить острые проблемы, возникающие перед человеком и обществом;

2) отсутствие влияния философии на развитие конкретных наук, особенно естественных; одновременно происходит усиление обратного влияния частных наук на философию (при этом философия фиксирует и осмысливает новые открытия частных наук с большой задержкой);

¹ К работам первой категории авторов В. И. Мельников относит следующие: 1) Александров И. А. Философия кризиса и кризис философии; 2) Беличенко В. Ю. Современный философский кризис; 3) Ермаков В. П. Осмысливание кризиса духовной культуры в русской философии // Гуманитарные и социальные науки. №3. 2010; 4) Некрасов С. Н. Кризис философии в глобальном мире: фокусировка оптики; 5) Канке В. Н. Заключение. Философия в современном мире // Философия: Учебное пособие // Интернет. Режим доступа: eurasianland.ru/txt/kanke/130; 6) Лукач Г. Кризис буржуазной философии // Философия и общество. №3, 2005; 7) Розов Н. С. Философия и теория истории. Прологомены. М.: Логос, 2002. – Книга 1. Раздел 7. 7 «Кризис и трансформация философии».

В списке работ авторов второй категории («философствующих энтузиастов») приведены следующие статьи: 1) Калмыков Р. Б. Системный мир сознания; 2) Сахно В. А. Онтологическое конструирование и категории; 3) Хруцкий К. С. Эволюционный час российской философии.

3) падение авторитета философии и философов в обществе (в частности, негативное отношение к философии в вузах со стороны студентов);

4) резкое увеличение разного рода школ, теорий, учений, специальных дисциплин внутри философии (усиление философского «плюрализма»);

5) пересмотр и трансформация фундаментальных понятий и категорий философии (например, категорий «идея», «материя», «форма», «сознание» и т. д.); при этом происходит все большее «размывание» понятийного аппарата философии, что затрудняет даже общение философов в своем профессиональном кругу (понятийный аппарат многих конкретных, частных наук больше строг и менее изменчив);

6) одновременно все больше размываются критерии оценки результатов философских изысканий;

7) «прагматизация» и «приземление» философии, забвение философами того, что философия призвана открывать и изучать наиболее общие законы развития природы, общества и мышления; попытки философии захватить «территории», принадлежащие конкретным наукам.

Приведем комментарии В. И. Мельникова к некоторым позициям. Например, комментарий к *первому признаку*: «Молчит философия и о путях решения многих современных вызовов, влияющих не только на прогресс, но и на выживание человечества. Сюда прежде всего следует отнести проблемы экологии, терроризма, мирового экономического кризиса, религиозных конфликтов, расслоения общества, падения нравов и роста насилия в обществе и многих других. Конечно, философия исследует проблему добра и зла, но почему-то добра в мире становится все меньше, а зла все больше. То есть влияние философии на эти проблемы по сути нулевое».

А вот раскрытие *второго признака*: «Но кто может сказать, что крупнейшие открытия и прорывы современности (генетика, кибернетика, космогония и космология, ядерная физика) были сделаны под влиянием философии? Скорее вопреки, а не благодаря. Во всяком случае, такая незыблемая константа философии, как “материя”, совершенно не предполагала своего превращению в энергию. Или информационный взрыв современности не явился следствием ни одного из законов философии в лице какого-либо философского направления или школы. Ну а генная инженерия 35 лет ждала своего вторичного открытия при явном непонимании ее как философами, так и ботаниками с биологами. Причем последние поняли и начали ее обобщать и исследовать на несколько десятков лет раньше, чем философия».

А вот наконец *обобщающая оценка состояния философии*, приводимая автором рассматриваемой работы и свидетельствующая о ее кризисе: «Практически отсутствует общее поступательное движение в развитии философии. Философия напоминает некоторый турбулентный поток (если не сказать хаос) новых идей, теорий, точек зрения, позиций и т. д.»¹.

Приведу собственные комментарии к признакам кризиса. Для тех, кто поддерживает иллюзию, что философия – наука, хочу напомнить: важнейшим признаком сферы умственной деятельности, претендующей на звание «науки», является наличие открытых *законов*. А закон (в науке), как меня учили почти полвека назад на уроках философии, – это устойчивые причинно-следственные связи. Задаю конкретный вопрос: какие законы открыла философия? Все, что мне удалось найти на эту тему, сводится к следующему.

¹ Мельников В. И. Указ. соч.

Во-первых, три закона диалектики, сформулированные Гегелем: закон единства и борьбы противоположностей; закон перехода количественных изменений в качественные; закон отрицания. Указанные три закона диалектики вошли в обращение более двух веков назад. Кстати, они вошли в качестве «ядра» в учебники марксистско-ленинской философии (диалектический материализм). Не без морально-политической поддержки марксизма-ленинизма эти законы стали всемирно известными.

Во-вторых, законы логики. Все эти законы появились еще в античной философии. Например, Парменид сформулировал закон достаточного основания и закон тождества; Аристотель – закон исключенного третьего, закон противоречия. Парменид, между прочим, жил и творил за пять веков до Рождества Христова, а Аристотель – за три с половиной. Спрашивается, а какие законы открыла философия как «наука» за последние, скажем, сто лет? – Никаких. Разве это не проявление бесплодия современной философии? Разве это не свидетельство ее глубочайшего кризиса?

Особенно хочу остановиться на *четвертом* из списка признаков кризиса, приведенного выше. Усиление философского «плюрализма» проявляется прежде всего в том, что количество разного рода философских школ, теорий, гипотез, мнений растет в геометрической прогрессии. Все это очень напоминает процесс дробления протестантизма на множество толков и течений, который начался в эпоху Реформации и до сих пор продолжается¹. Один философ пошутил, что

¹ Наиболее крупными деноминациями протестантизма являются: лютеранство, кальвинизм, анабаптизм, англиканство, унитаризм, баптизм, методическая церковь, пятидесятники, адвентисты, харизматы. Внутри каждой из названных деноминаций имеются десятки более мелких деноминаций и толков.

если дело пойдет такими же темпами, то скоро в мире будет 7 миллиардов философских теорий и мнений (по числу жителей на планете).

Видимо, свобода мысли в философии сегодня не имеет никаких ограничений. Ни моральных, ни юридических, ни экспериментально-практических. Действительно, 99, 9% всех теорий нельзя проверить на практике (в том числе экспериментально). Следовательно, их нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Кстати, именно по этой причине сегодня пошла мода на лукавое словечко «гипотеза» (впрочем, его могут заменять похожими терминами: версия, предположение, мнение и т. п.). Гипотезу нельзя ни доказать, ни отвергнуть, а ответственность автора гипотезы нулевая. Гипотеза – это что-то наподобие фантазии или поэзии (причем поэзии второсортной). Гипотеза освобождает ее автора от необходимости формулировать законы или хотя бы закономерности. Итак, торжество философской свободы и безответственности.

Впрочем, эффект от внедрения в философию вируса под названием «гипотеза» может быть очень большим. Но, естественно, со знаком «минус». В результате мы имеем дело с таким феноменом, как инфляция философских идей, обесценение результатов мыслительной деятельности» философов. Если в старое доброе время половину всего времени студенты на занятиях по философии изучали классиков – Сократа, Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля и еще двух-трех влиятельных философов прошлого (так было в мои времена), то сегодня эти авторитеты вытеснены на обочину. Программы забиты современными философскими школами и течениями. Вот их далеко не полный список: неокантианство, неотомизм, экзистенциализм, критический рационализм, структурализм, иррационализм, прагматизм, «фило-

софия жизни», «франкфуртская школа», психоанализ (фрейдизм), неопрейдизм, персонализм, феноменология, постмодернизм и т. д. И это не считая, что внутри каждой школы и каждого течения имеется еще куча разных направлений и оттенков. У современного студента в памяти остается не Платон и даже не Гегель, а сумасшедший Ницше со своей фразой «Бог умер», извращенец Фрейд с эдиповым комплексом и Камю с навязчивой идеей суицида. Происходит «разводнение» философского капитала. Это неизбежно снижает статус философии в обществе, углубляет ее кризис. Но при этом усиливается разрушающий ее эффект на общество и человека.

Кстати, «дурной пример заразителен». Увлечение гипотезами из философии перекочевало в другие сферы умственной деятельности. Например, в «экономическую науку», с которой мне приходится соприкасаться как преподавателю. Во многих учебниках по экономической теории и «научной» экономической литературе слово «теория» все чаще замещается термином «гипотеза». В течение нескольких лет студенты экономических факультетов занимаются бесплодными рассуждениями типа: «Есть ли жизнь на Марсе?» В итоге впустую уходят лучшие годы жизни. Почему-то часто на занятиях со студентами вспоминаю строки из Лермонтова:

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.

Увы, сегодня студентам на занятиях и по философии, и по экономике, и по социологии, и по многим другим предметам дается громадный объем информации, процент усвоения которой составляет не более десяти.

Под усвоением я понимаю лишь запоминание. Но полноценное усвоение предполагает не только запоминание, но также понимание. А такое усвоение может быть оценено условно в 1 %. Правильному отбору информации, ее разделению на «зерна» и «плевелы» должна учить как раз философия. Но она сама забывает память молодежи «плевелами». О том, чтобы усваивать «зерна», переваривать их, понимать смысл получаемых знаний, я уже не говорю. Философия как учебный предмет давно уже перестала выполнять эту свою задачу, превратившись в инструмент разрушения человеческого сознания.

Плюрализм философии проявляется также в том, что она начала стремительно делиться на отдельные дисциплины. Я полистал два-три учебника по философии и выяснил, что философия как «наука наук» имеет сложнейшую внутреннюю структуру (примечательно, что в разных учебниках приводимые структуры не совпадают). Вот наиболее крупные структурные элементы философии, которые присутствуют во всех учебниках:

- теоретическая философия (систематическая философия);
- социальная философия;
- этика;
- эстетика;
- логика;
- история философии;
- философия науки;
- философия человека (философская антропология).

Но современная философия подобна дереву. Кроме основных ветвей на каждой ветви имеются еще веточки. Так, основными частями теоретической философии (веточками) выступают:

- онтология (учение о бытии);
- гносеология (учение о познании);

- диалектика (учение о развитии);
- аксиология (теория ценностей);
- герменевтика (теория понимания и толкования знаний).

Разве сегодня студент может охватить своим умом все это «дерево» с десятками ветвей и сотнями веточек? А ведь на каждой веточке есть еще десятки и сотни листочков (конкретные теории, гипотезы, идеи). Мне иногда приходится общаться с «профессиональными» философами. Они честно говорят, что они «частичные» философы. Они специалисты по отдельной «ветке», «веточке» и а иногда и «листочку». Зачем же тогда пытаться втиснуть в голову студента дерево целиком? Голова-то может и повредиться. И где же тогда «целостное видение и понимание мира», которое нам обещают в своих введениях учебники по философии? Целостного понимания не получается. Особенно с учетом того, что преподаватели философии студентам предлагают из этой кучи веток, веточек и листьев сделать выбор самостоятельно. Выбрать то, что им нравится. Об истине речь даже не идет¹. Кажется, Гераклит говорил, что «многознание уму не научает». С учетом нынешней ситуации в философии и организации ее преподавания можно скорректировать великого грека: многознание ум повреждает.

А теперь чуть подробнее о такой ветке, как «философия науки». На ней за последнее столетие появилось большое количество веточек: философия математики, философия физики, философия химии, философия биологии, философия медицины и т. д. Чаще всего речь идет о том, что представители соответствующей науки занимаются разработкой принципов исследования в

¹ Так мне рассказывают студенты. Хочу верить, что не все преподаватели философии преподают свой предмет с такой циничностью.

своей области (тем, что обычно называется методологией науки), а также обобщают результаты исследований и осмысливают их. В 99 из 100 случаев философией каждой конкретной науки занимается человек, который изначально не философ, а специалист в своей предметной области. Такой человек ближе к своей конкретной науке, чем к философии. Корпорация профессиональных философов делает вид, что занимается философскими вопросами конкретных наук. На самом деле она лишь отслеживает то, что создается в конкретных науках. Наиболее интересные результаты она заимствует. Затем облачает в собственную красивую «философскую упаковку» и выдает за свой собственный продукт.

Это лишний раз показывает, что у философии своей собственной территории нет, она пытается внедряться на сопредельные территории. В данном случае – на территорию конкретных наук (преимущественно естественных)¹. Имеет место откровенное паразитирование философии на конкретных науках. Правда, надо признать, что конкретные науки не признают философию «наукой наук» или «королевой наук». Они вообще ее не желают признавать. Так, известный современный английский физик-теоретик, математик и популяризатор науки Стивен Хокинг как-то обронил: «философия умерла».

Впрочем, современная либеральная философия пытается паразитировать не только на науке, но также на наследии классической философии (греческой, немецкой и т. д.). Так называемые новые философские идеи – чаще всего заимствованные у классиков и облеченные в новые словесно-терминологические упаковки

¹ Я специально подчеркиваю: естественных наук, поскольку так называемые социальные науки имеют большое сходство с философией (с точки зрения бесплодности) и корпорацию «профессиональных философов» не очень интересуют.

ки. Причем зачастую заимствования сопровождаются ошибками и искажениями¹. Также современная философия паразитирует на культуре и религии. Но это тема особого разговора.

Все мы помним сказку датского писателя Ганса Христиана Андерсена «платье короля» и слова мальчика: «А король-то голый». Придворные короля молчали, поскольку боялись прослыть дураками. И сегодня вокруг философии – «королевы наук» – толпится куча тех, кто чего-то ждет от этой «королевы» и боится сказать правду. Так вот я, подобно андерсеновскому мальчику, и говорю: «А королева-то голая».

¹ См.: «Философ смерти философии». Интервью с Кареном Араевичем Свасьяном // Литературная Россия. № 42. 20. 10. 2006.

Философия и богословие

Это не есть мудрость, нисходящая
свыше, но земная, душевная, бесовская.

Иак. 3, 15

Так вот, ум внешних философов тоже дар Божий, и ему тоже врождена здравая мудрость, но, извращенный внушениями лукавого, он сделал свою мудрость, придумавшую подобные учения, вздорной, лукавой и поистине безумной.

Святитель Григорий Палама.

Триады 1, 1, 19

Часть I. Четыре главных различия

Есть ли принципиальные различия?

Я заметил, что в представлении многих людей, даже хорошо образованных в своих областях, богословие и философия – что-то очень похожее. Мол, в обоих случаях люди занимаются познавательной деятельностью, постигают тайны и законы мира. Просто в одном случае эту деятельность осуществляют люди светские (философия), в другом – церковные (богословие). Некоторые даже воспринимают эти два института (философия и богословие) как «конкурирующие корпорации». Что, по их мнению, даже хорошо. Мол, таким образом человечество быстрее найдет ответы на волнующие его вопросы; причем ответы будут более точными и надежными.

Деление познавательной деятельности по принципу «церковной ограды» правомерно: внутри «церковной ограды» – богословие, за ее пределами – философия. Однако этот признак не настолько формальный, как кажется на первый взгляд. Он порождает ряд принципиальных различий между богословием и философией. Постараюсь в конспективной форме отметить некоторые наиболее принципиальные различия. Это главная цель моих заметок.

Для начала дадим определения двум видам познавательной деятельности (на основе имеющихся под рукой словарей и учебников).

Богословие, или *теология* (калька греч. θεολογία, от греч. θεός – Бог и греч. λόγος – слово, учение, наука) – систематическое изложение и истолкование какого-либо религиозного учения, догматов какой-либо религии. Представляет собой комплекс дисциплин, занимающихся изучением, изложением, обоснованием и защитой учения о Боге, Его деятельности в мире и Его откровении, а также связанных с ним учениях о нравственных нормах и формах богочитания. Богословие в каждой религии и конфессии свое. Поэтому сразу оговорюсь, что речь ниже идет лишь о христианском богословии (более конкретно – православном).

Философия (древнегреч. φιλοσοφία, дословно – любомудрие, любовь к мудрости) – особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о наиболее общих характеристиках, предельно обобщающих понятиях и фундаментальных принципах реальности (бытия) и познания, бытия человека, об отношении человека и мира. К задачам философии на протяжении ее истории относились как изучение всеобщих законов развития мира и общества, так и изучение самого процесса по-

знания и мышления, а также изучение нравственных категорий и ценностей.

Оба определения представляют некую обобщенную компиляцию формулировок из разных источников. Можно обратить внимание на то, что в приведенных дефинициях границы богословия по сравнению с границами философии очерчены более четко. Впрочем, о размытости границ философии я уже говорил в предыдущих своих статьях. Даже вспомнил в этой связи слова Пушкина: «Не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка». И тем не менее можно назвать следующие принципиальные различия двух рассматриваемых нами институтов.

Предмет познания

Для богослова в его познавательной деятельности первичен Бог. Поэтому иногда богословие называют богопознанием¹. Мир природы, человека, общества также находится в сфере внимания богословия, но этот мир вторичен по отношению к Богу.

Для философа на первом месте находится мир, воспринимаемый органами чувств человека (непосредственно или с помощью специальных инструментов и приборов). Тут могут быть свои вариации: для одних философов приоритетным интересом может выступать природный мир, для других – человек, для третьих –

¹ Можно назвать следующие труды богословов и святых отцов, где синонимом богословия является понятие «богопознание»: «О познании Бога» преп. Силуана Афонского, «Пути богопознания» прот. Георгия Флоровского, «Богопознание» архимандрита Алипия, «Сколько видов познания о Боге и какие они?» Симеона Нового Богослова, «От незнания Бога к богопознанию» прот. Михаила Дронова, «Богопознание и его границы» прот. Олега Давыденкова, «Забывтый путь опытного богопознания» прот. Иоанна Журавского, «Симфония по творения преподобных Оптинских старцев», «Богопознание» схиархимандрита Иоанна (Маслова).

социум. Предметом философского исследования становится также познание как таковое. Бог у философов тоже является предметом познания, но чаще всего он вторичен по отношению к миру. Бог философии представляет собой умозрительную конструкцию, которую ее автор создает на основе своих представлений о природе, человеке, социуме, мышлении. Если в христианстве человек – творение Бога, созданное по образу и подобию Бога, то в философии происходит конструирование бога по образу и подобию человека. В некоторых случаях Бог у философов вообще не рассматривается как предмет познания (как говорят такие философы, они не нуждаются в «гипотезе существования Бога»). Такая позиция присуща разного рода материалистическим философским школам (в законченном виде – марксистской).

На протяжении всей истории существования философии наблюдалась эволюция предмета познания. В Новое время центральным предметом философии чаще всего выступали человек и человечество (антропоцентризм). В XIX–XX **веках ввиду бурного развития науки** многие философские школы сконцентрировали свое внимание на теории познания (гносеологии), имея в виду, что результаты философских поисков будут востребованы конкретными науками. В то же время какие-то части философии выделялись, превращаясь в самостоятельные науки. Так, когда-то, на заре становления философии, математика входила в ее состав, а потом, примерно в III веке до Р. Х., стала самостоятельной наукой. Одним словом, приоритеты и акценты в определении предмета познания у философии определяются в зависимости от «внешних условий» и текущих потребностей общества. В отличие от философии в богословии эволюции предмета познания не происходит.

Формально у богословия и философии могут быть общие предметы (объекты) познания. Так, мы уже отметили, что философы также могут претендовать на познание Бога, но это у них получается плохо. Общим на протяжении многих веков предметом является человек. Но на человека философ и богослов смотрят по-разному. Об этом мы скажем в следующем разделе.

Метод познания

Перейдем ко второму различию – в методах познания. Начнем с богословия. Оно опирается на Божественное Откровение – открытие Богом Самого Себя и Своей воли людям. Откровение бывает сверхъестественным и универсальным. Первый вид откровения дается как чудо лишь отдельным людям. Универсальное Откровение Бога дается всем в виде Священного Писания и Священного Предания. По сути, Божественное Откровение одновременно является боговидением. Кстати, одним из ранее использовавшихся названий богословия было боговидение¹.

В свою очередь, боговидение предполагает *самопознание*. Можно, конечно, сказать, что самопознание – просто-напросто антропология, что здесь акцентируется внимание на человеке как *предмете познания* (а об этом мы уже говорили выше). Но самопознание – также *метод*. Человек есть образ и подобие Божие. Кроме того, человек – часть мира и Вселенной. Именно под таким углом зрения он себя и познает. И через постижение себя познает весь мир. Поскольку подобие Божие в человеке искажается грехом, то человек не просто сам себя познает, но пытается себя преобразовывать, борясь со

¹ У В. Н. Лосского есть работа, которая так и называется: «Боговидение».

своими грехами. Чем чище сердце человека, тем яснее он постигает Бога¹. Чем яснее он постигает Бога, тем лучше он понимает и мир, сотворенный Богом. Богопознание требует не только умственных усилий со стороны человека; в еще большей мере требуются усилия нравственно-волевые (аскетика). Безусловно, средством богопознания является и изучение видимого, материального мира, созданного Богом. В богословии это называется «естественным богооткровением».

Может использоваться *самопознание* и в философии. Обычно философы вспоминают совет древнегреческих мудрецов: «Познай самого себя». По сведениям античных авторов, на стене храма Аполлона в Дельфах, где пророчествовала пифия, было сделано несколько надписей-граффити. Одна из таких надписей гласила: «Познай самого себя». Античные источники приписывали изречение разным мудрецам древности. Чаще всего автором называли одного из семи мудрецов (Фалес, Питтак, Биант, Солон, Клеобул, Мисон и Хилон), либо все семь мудрецов сразу². В диалоге Платона «Протагор» утверждалось, что семь мудрецов, собравшись вместе, преподнесли эту фразу в дар богу Аполлону. Впоследствии особое внимание методу самопознания уделял знаменитый *Сократ*. Но, в отличие от богословия, в философии самопознание не сопровождается работой человека по своему исправлению. В этом важное отличие христианского самопознания от самопознания языческого. Святитель Григорий Палама пишет: «При-

¹ См. «Самопознание» Ю. М. Зенько.

² Семь мудрецов – особо чтимые древнегреческие политики, общественные деятели и мыслители VII–VI веков до Р. Х., авторы сочинений или устно передаваемых рассказов о мудрой и правильной жизни, житейской практической мудрости. Самый ранний из дошедших до нас список мудрецов приведен в платоновском диалоге «Протагор» (IV в. до Р. Х.). Этот же источник содержит предания о них.

открою тебе чудовищную глубину лукавства внешних философов. Лукавый и те, кто научился от него лукаво мудрствовать, украли одну нашу полезнейшую заповедь и выставляют ее как некую лукавую приманку благодаря сходству выражений “внемли себе” и “знай самого себя”¹. Имеется в виду сравнение и противопоставление древнегреческого принципа «познания самого себя» и часто используемого в святоотеческой традиции выражения «внемли себе» (Втор. 15, 9), как оно звучит в переводе семидесяти и в славянском переводе. Между прочим, синодальный русский перевод этого места звучит так: «берегись, чтобы не вошла в сердце твое беззаконная мысль»².

Рискну провести такую образную аналогию. В философии познание самого себя можно уподобить рассмотрению человеком себя в зеркале. На этом познание заканчивается. В богословии человек также может изменять «зеркало». И если он видит, что его тело дрябло, толсто, жирно, непропорционально, он начинает заниматься физкультурой (гимнастикой). Он хочет вернуть себе нормальную форму и здоровье (образное сравнение, речь идет, конечно же, не о теле, а о душе). Итак, в философии «зеркалом» все начинается и кончается (уже не приходится говорить о том, что в этом «зеркале» неподготовленный философ может не увидеть многих своих

¹ Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно безмолвствующих... (Первая часть Триады I. «Для чего и до каких пор полезно заниматься словесными рассуждениями и науками» – Ответ первый. Пункт 10// Интернет. Режим доступа: http://www.orthlib.ru/Palamas/tr2_2.html.

² По Григорию Паламе, языческие авторы использовали призыв к самопознанию в качестве приманки: «Но если разберешь, каков для них смысл этой заповеди, обнаружишь пучину злоучения: исповедуя переселение душ, они считают, что человек достигнет самопознания и исполнит эту заповедь в том случае, если узнает, с каким телом был связан прежде, где жил, что делал и чему учился; разузнает же он это, покорно отдавшись коварным нашептываниям злого духа» (там же).

«дефектов»). В богословии с «зеркала» все только начинается. Только для исправления физического тела используется гимнастика, а для исправления души – аскетика (ее святые отцы называли «гимнастикой души»).

Конечно, за многие столетия существования богословия пропорции между отдельными методами познания Бога и мира изменились. Аскетика и самопознание, к сожалению, стали занимать гораздо меньшую роль, чем это было в раннем христианстве. Недаром раннее богословие часто называют аскетическим. В противовес современному богословию, которое иногда определяют как преимущественно книжное или школьное (упор на изучение Священного Писания и его толкований)¹.

Богословие не чурается использовать данные науки и философии для объяснения своих истин. Речь идет о такой отрасли богословия, которая называется *основным* или *апологетическим богословием* (апологетика). Апологетика – одна из главных учебных дисциплин в христианских духовных учебных заведениях, где она служит введением в изучение других богословских дисциплин. Особенностью изложения данного курса в православных духовных учебных заведениях является обоснование не на основании авторитета Священного Писания и Предания, а главным образом с позиции интеллектуальных, моральных, культурных и других общепризнанных норм и критериев².

Теперь о методах философии. Это *эмпирические методы*: наблюдение, эксперимент, измерение, сравнение. Затем включается *логическое мышление*. Происходит пе-

¹ На Западе (у католиков) богословие стало книжным, школьным еще более тысячи лет назад. Там его, кстати, определяли как схоластическое, что в переводе с латинского языка и означает школьное. В Православии также есть школьное богословие. Но это первая, низшая ступень богословия.

² Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М., 2008. С. 5.

реработка эмпирической информации с использованием таких методов, как анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация, формализация, моделирование. Философы всегда чувствовали, что такой арсенал методов недостаточен для того, чтобы постигать многие тайны мира. Особенно если философия претендует на решение вопросов метафизических (постижение мира, лежащего за границами физического мира).

Отсюда возникающая время от времени склонность философов к использованию мистики. *Мистика* (от греч. μυστικός – скрытый, тайный) – вера в существование сверхъестественных сил, с которыми таинственным образом связан и способен общаться человек; также – сакральная религиозная практика, имеющая целью переживание непосредственного единения с нематериальными сущностями – Богом, богами, ангелами, демонами и прочими духами. По сути, именно на мистике основано христианское богословие, которое построено на познании человеком Бога и общении с Ним. Но те, кого мы называем философами, находятся вне церковной ограды, поэтому у них иная мистика. Мистика, заканчивающаяся общением с падшими духами, представителями inferнального мира. Увлечение философов мистикой отчасти есть реакция на «бездуховный» характер материалистических теорий. Русский мыслитель Лев Тихомиров в своей известной работе «Религиозно-философские основы истории» (написанной век назад) подчеркивал, что философы со времен французского Просвещения устали от доминирования материалистических идей. В XX веке неизбежно будет возрастать тяга философов и ученых к «духовности», но это не будет возврат к христианству. Начнется повальное увлечение языческой мистикой¹.

¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. Отдел девятый «Воскресение языческой мистики и экономический материализм».

Ориентация философов на мистику как практику приводит к тому, что философия приобретает черты оккультизма. *Оккультизм* (от лат. *occultus* – скрытый, тайный) – общее название учений и традиций, считающих, что существуют скрытые и неизвестные науке силы и явления в человеке и космосе (природе), опыт которых доступен лишь людям с особыми способностями или посвященным¹. Одна из первых форм оккультизма – гностицизм, который возник еще до появления христианства. К учениям оккультного характера относятся алхимия, астрология, каббала, розенкрейцерство, спиритуализм, теософия, теургия. С оккультизмом связаны такие практики, как гадания, спиритизм, колдовство, магия, шаманизм, парапсихология, экстрасенсорика, а также паранормальные явления².

Многие философы тайно или открыто прибегают к мистическим практикам. Более того, они осмысливают и обосновывают их, создавая свои учения и теории, называемые *внецерковным*, или *философским* мистицизмом. Философов-мистиков не пустили на ту территорию, которая принадлежит богословию (теологии). Тогда они создали свою альтернативную теологию, которая получила название *теософия*. Теософия (др.-греч. *θεοσοφία* – божественная мудрость) – оккультное движение; в широком смысле слова – мистическое богопознание, созерцание невидимого мира, зачастую с использованием специальных техник (прежде всего экстаза). Теософия как понятие уходит корнями в гностицизм, неоплатонизм, каббалу. Часто теософией называют мистические учения XVI–XVIII веков, появившиеся

¹ Оккультизм часто понимается как синоним эзотеризма (тайное знание).

² Подробнее см.: Свящ. Николай Карасев. Путь оккультизма. Историко-богословские исследования. М.: Пренса, 2003.

в основном в среде протестантизма¹. В более узком значении под теософией понимается учение Елены Блаватской (сложилось во второй половине XIX века). Русской Православной Церковью теософия квалифицируется как богоборческое, антихристианское учение².

Завершить свои размышления о различиях в методах богословия и философии я хочу словами известного греческого богослова митрополита Навпактского Иерофея (Влахоса)³. Он пишет: «...Святые отцы также отвергли и метод, используемый древними философами, и те способы, которыми они пришли к таким заключениям, так как все это приводит к ложным теориям о Боге, о человеке и о мироздании. Философы строят свое учение на догадках, воображении и используют рассудок как центр познания, в то время как для святых отцов центром являлся ум. Они сначала очистили свои сердца от страстей, а их ум достиг просвещенности. Это просвещение ума есть не просто знание первообразов (архетипов) бытия, а пришествие Божественной благодати в их сердца. В результате этого они достигли видения Бога, которое является видением Бога в нетварном Све-

¹ Это учения Майстера Экхарта, Парацельса, Якоба Беме, Эмануэля Сведенборга, Луи де Сен-Мартена, Фридриха Этингера, Сен-Жермена. Многие теософы (например, Парацельс) предположили, что теософия включает в себя не только мистический опыт созерцания Божества, но и раскрытие тайн природы и совершение чудес (тауматургию).

² См.: Николай Карасев. Путь оккультизма. Историко-богословские исследования. М.: Пренса, 2003.

³ Митрополит Навпактский Иерофей (Влахос) был одним из участников так называемого «всеправославного» собора, проходившего в июне 2016 года на острове Крит. Он выпустил двадцатистраничный доклад, в котором прокомментировал ситуацию вокруг «Святого и Великого Собора». В частности владыка рассказал о том, почему отказался подписывать документ «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром» (Интернет. Режим доступа: <http://regions.ru/news/2584645/>).

те. Именно так святые пророки, апостолы и святые получили откровение и проявление Бога в их сердцах»¹.

«Свобода мысли», «свобода выбора» и «фильтры» идей

Третье отличие касается наличия или отсутствия «фильтров», через которые проходят идеи. Результаты философских поисков не имеют конечной авторитетной и формальной оценки и легализации. Это приводит к тому, что количество философских теорий и мнений, находящихся в обращении, стремительно множится. Отбраковку ложных идей пытаются вести сами философы, что выражается в критике одних философов другими. Однако, как правило, в таких философских дуэлях победителей почти не бывает. Споры и взаимные философские обличения не позволяют произвести отбор правильных теорий и идей. Это тот самый случай, когда в спорах истины не рождаются, а количество заблуждений и ересей множится. Окончательный выбор «правильной» философской теории (идеи) – исключительно за потребителем. Однако у него также нет, как правило, внятных критериев для отбора. Память потребителей со временем перегружается объемом информации философского характера, что окончательно лишает их возможности правильного выбора. Я уже говорил о том, как организовано преподавание философии в наших университетах и иных вузах. Студентам выдается громадное количество информации (понятийный аппарат философии, имена философов, название философских школ, описание отдельных философских теорий, их

¹ Митрополит Навпактский Иерофей (Влахос). Святые отцы и философия. – 1. Философия и богословие // Интернет. Режим доступа: <http://apologet.spb.ru/ru/593.html>.

критика и т. п.). Но при этом преподаватели (за редким исключением) предоставляют студентам в дальнейшем определяться самостоятельно – то есть сделать выбор тех философских теорий и идей, которые им (студентам) кажутся правильными, объективными, справедливыми, красивыми, практически значимыми. Сдается мне, что и сами преподаватели зачастую не в состоянии сделать выбор (по крайней мере, действительно обоснованный). Вспоминаются слова Христа: «Оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15, 14).

Есть, правда, в истории один способ навести порядок в подобном философском хаосе. Определить на уровне государства, какие теории и учения являются «правильными», а какие – «ошибочными» или даже «вредными». Такой подход был использован в СССР (а затем в других социалистических странах). Единственно верной была определена марксистско-ленинская философия в совокупности двух ее частей – диалектического материализма (диамат) и исторического материализма (истмат). Все остальные философские школы и теории квалифицировались как ошибочные или, по крайней мере, неполные, несовершенные, неадекватные. Однако подавляющая часть всей продукции мировой философской корпорации оценивалась как вредная и даже опасная. Соответственно, проблема выбора для советского человека, проявлявшего интерес к философии, упрощалась до предела. В его распоряжении были философские произведения классиков марксизма-ленинизма, другие философские работы, выдержанные в духе марксизма-ленинизма, и учебники по философии, которые содержали критику иных философских концепций и теорий. Подобный административно-командный подход к решению проблемы философского отбора у нас на протяжении последней четверти века

постоянно критикуется. Я воздержусь от однозначной оценки, отметив лишь, что такой подход спасал головы людей от громадного количества философского мусора, который сегодня предлагается книжными магазинами, интернетом и профессорами философии в наших вузах. Мозг советского человека был, конечно, отравлен ядом ложной идеологии марксизма-ленинизма, но в нем оставалось достаточно свободного места для самостоятельных размышлений и занятий конкретными науками. Мозг современного человека напоминает компьютер, диски которого на 100 % загружены информацией, отчего работать он больше не может.

В богословии результаты творческих поисков такую конечную оценку имеют (не обязательно положительную, она может быть критической и даже резко негативной). «Продукция» богословия проходит тщательную процедуру отбора и легализации (как правило, на церковных соборах). Лишь после этого она становится доступной потребителям. Это не исключает возможности того, что какая-то часть «продукции» богословия попадает в обращение, минуя указанные фильтры. Такую «продукцию» принято называть частными мнениями. Иногда такие частные мнения бывают явно ошибочными, противоречат догматам христианства, мешают спасению человека, создают угрозу единству Церкви и т. д. Особенно опасной становится ситуация, когда начинается массовое увлечение такими мнениями. В таких случаях Церковь на своих соборах может давать оценку опасных частных мнений, квалифицируя их как ереси со всеми отсюда вытекающими последствиями для тех, кто будет ими увлекаться и далее. В широком смысле под *ересью* (др.-греч. αἵρεσις – выбор, направление, школа, учение, секта) понимается сознательное отклонение от религиозного учения. Согласно богословскому опреде-

лению, ересь – «сознательный отказ принимать богооткровенную истину и следование ошибочному учению»¹. С точки зрения ортодоксального христианства, ересь – учение, осужденное в Священном Писании (например, николаиты) или Вселенскими Соборами, поместными соборами, усвоившими вселенский авторитет, святыми отцами или иными источниками Священного Предания. Преподобный Иоанн Дамаскин, живший в VIII веке на Востоке, считал, что существуют четыре первоереси: варварство, скифство, иудейство и эллинство: «Ясно об этих четырех ересях выразился апостол, сказав: о Христе Иисусе нет варвара и скифа, ни эллина, ни иудея (Кол. 3, 11), но новая тварь (2 Кор. 5, 17)». Согласно его подсчету, всего к его времени существовала как минимум сто основных ересей².

Примечательно, что в период расцвета христианства Церковь следила не только за теми богословскими мнениями, которые уже были объявлены ересями или потенциально могли быть таковыми. Церковь также следила за философскими увлечениями христиан. Скажем, Русская Православная Церковь осудила философские идеи Льва Николаевича Толстого, которые имели характер вызова христианству и которые заражали часть нашего общества.

В истории Византии было также немало случаев, когда некоторые философские идеи квалифицировались как ереси, а их авторы предавались Церковью анафеме. Это происходило в тех случаях, когда философы забывали о границах своей науки и пытались вторгнуться на территорию богословия.

¹ Теологический энциклопедический словарь/ Ред. Уолтер Элвелл. М.: Ассоциация «Духовное возрождение», 2003. С. 440.

² См.: Преподобный Иоанн Дамаскин. О ста ересях вкратце. Откуда они взялись и от чего произошли // Интернет. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/loann_Damaskin/o_100_eresyax/.

Так, в 1082 году, в царствие Алексея I Комнина, был обвинен в ереси и предан анафеме влиятельный в Византии философ Иоанн Итал. Тяготение к античному рационализму спровоцировало прямой конфликт Итала с Церковью. С помощью философской мысли он предпринял попытку создать собственную богословскую систему. Итал был родом из Южной Италии, слушал лекции знаменитого философа Пселла в Константинополе, позже сменил его в качестве руководителя философской школы. Преподавательская работа Итала преимущественно была посвящена толкованию Аристотеля, Платона и неоплатоников. Учение Итала сводилось к платоновским идеям о предсуществовании, переселении душ и творении мира из предвечной материи. До тех пор пока интерес к античной философии носил некий академический характер, он не вступал в конфликт с консервативным богословием. Но Иоанн Итал рассматривал философию не только как учебную дисциплину, дающую знания о философских системах прошлого, и не только как методологический аппарат, используемый в богословии. Иоанн считал философию самостоятельной наукой, независимой от церковных догм. Философия – это «живая» реальность, поддерживаемая силой человеческого разума. Если Пселл применял методы логики преимущественно к философскому осмыслению феноменологического мира, то Итал распространил их на богословские проблемы. Его представления о разграничении сфер философии и богословия расходились с существующей традицией. Вере Итал противопоставил рассудок, считая его основным источником знания и инструментом постижения истины¹.

¹ См.: Ревко-Линардато П. С. Византийский рационализм и античная философия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (Тамбов). Выпуск № 1-2 (51). 2015.

Конечно, и после осуждения Итала византийские интеллектуалы продолжали изучать и переписывать древних авторов, но анафема Иоанна Итала отразила позицию Византийской Церкви, официально отвергшей идею о возможности нового синтеза античной философии и христианства. Примечательно, что ученик Иоанна Итала митрополит Никеи Евстратий Никейский в 1117 году также был обвинен в ереси. Однако позже, спустя сорок лет, он был реабилитирован и причислен к высшим церковным авторитетам¹.

Впрочем, свою оценку греческой философии Византийская Церковь дала еще за несколько веков до осуждения Итала. Прот. Иоанн Мейендорф пишет: «То правда, что за всю средневековую историю византийской православной мысли отношения между греческой философией и христианским богословием никогда не достигали общепризнанного и нерушимого согласия. В классических и достаточно строгих официальных исповеданиях православной веры после Юстиниана, и особенно после победы над иконоборцами в 843 году, Платон и Аристотель неизменно ассоциировались с язычеством»². Мейендорф также добавляет: «Синодик Недели Православия, ежегодно читаемый в первое воскресенье Великого поста, анафематствовал тех, кто последует “эллинским учениям”, их “суетным мнениям” и приемлет “Платоновы идеи как истинные”»³.

Вот что пишет об упомянутом «Синодике» митрополит Навпактский Иерофей (Влахос): «Тот факт, что Церковь отвергла все философские теории, это кратко пред-

¹ См.: Ревко-Линардато П. С. Указ. соч.

² Прот. Иоанн Мейендорф. Пасхальная тайна: Статьи по богословию // Греческая философия и христианское богословие в древней Церкви // Интернет. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/loann_Mejendorf/pashalnaja-tajna-stati-po-bogosloviyu/28.

³ Там же.

ставлено в “Синодике Православия”, тексте-документе, который читают в Воскресение Православия (первый воскресный день Великого поста). В самом деле эти теории были отвергнуты не только как ереси, но и сказано четко и неоднократно, что всякий, кто принимает учения философов, подлежит церковной анафеме. Все, кто принимает “идеи Платона как истину” и говорят и принимают учение о том, что материя самобытна – подлежат анафеме. Также и все, кто принимает и распространяет ложные и эллинские высказывания, все, кто утверждает, что душа предсуществует и что все не было создано из ничего, сбились с пути и подлежат анафеме. Также подлежат анафеме те, кто учат о доктрине о “несозданной первобытной материи и идеях или же о совечности Творцу и Богу всех творений” и что все творения “не имеют причины и начала и остаются неизменными”. Подлежат анафеме и все те, кто отдает предпочтение “глупой так называемой мудрости философов”, и все, кто следует этим “учениям об этих предметах”, и все те, кто принимает учение о переселении человеческой души»¹.

Что касается встречных оценок официальной богословской мысли со стороны философов, то их было бесконечно много. Но это были частные оценки, которые иногда были остроумными, иногда жесткими, иногда надуманными и несправедливыми. На протяжении многих веков, когда христианство занимало ключевые позиции в обществе, богословам от этих частных оценок было ни жарко ни холодно. Но когда начался кризис христианства, то нападки на богословие усилились, причем они приобрели откровенно богоборческий характер. Например, высмеивание религии Вольтером и рядом дру-

¹ Митрополит Навпактский Иерофей (Влахос). Святые отцы и философия. – 1. Философия и богословие // Интернет. Режим доступа: <http://apologet.spb.ru/ru/593.html>.

гих французских энциклопедистов в XVIII веке. А со второй половины XIX века целенаправленную борьбу с христианством и религией вообще начал вести марксизм, возомнивший себя философией. Может быть, нападки эти не наносили видимого ущерба богословию (в силу их поверхностности, а иногда и откровенной абсурдности), но вот религиозные устои общества они расшатывали достаточно успешно.

«Открытые проблемы» и вечные истины

Четвертое различие связано с предыдущим. Оно касается характера и качества «продукции», выдаваемой философией и богословием. Речь идет о *качественном различии «истин» философских и богословских*.

Философия преимущественно ставит вопросы, не давая ответов. Или если она их дает, то они рано или поздно опровергаются. Или, по крайней мере, ставятся под сомнение. Иначе говоря, философская корпорация выдает лишь относительные истины в виде *версий, предположений, гипотез*. Гипотеза (др.-греч. ὑπόθεσις – предположение) – предположение или догадка; утверждение, лишь предполагающее доказательство в отличие от аксиом, постулатов, не требующих доказательств. Недоказанная и не опровергнутая гипотеза называется *открытой проблемой*. А фабрика философских идей как раз и занимается производством открытых проблем. Они вылетают подобно джинну из бутылки. При этом открытыми такие проблемы останутся, видимо, до конца человеческой истории, а загнать их назад в бутылку уже не получится. Они начинают мучить одно поколение за другим, не давая никому покоя и отдохновения.

Богословие дает ответы, конечно, не на все, а лишь на самые принципиальные вопросы. Но выдаваемые ответы не меняются. Они не могут быть опровергнуты, поскольку имеют статус *догматов*. Догмат, или догма (др.-греч. δόγμα, δόγματος – мнение, решение, постановление) – утвержденное Церковью положение вероучения, объявленное обязательной и неизменяемой истиной, не подлежащей сомнению и критике. Раскрывая суть богословского догмата, протоиерей Георгий Флоровский писал: «Догмат ни в коем случае не новое откровение. Догмат – это только свидетельство. Весь смысл догматического определения сводится к свидетельствованию непреходящей истины, которая была явлена в Откровении и сохранилась от начала». Сущность всех догматов – содержащаяся в Божественном Откровении Истина – изначально присутствовала в Священном Писании, и сначала не было необходимости в облечении христианского учения в рамки догматической системы. Однако потребность человеческого разума в лучшем, более понятном ему, логичном толковании еще не оформленного догматически, во многих местах трудно принимаемого христианского учения привела к появлению и развитию философско-богословских школ в первые века христианства. В этих школах (главным образом в Антиохийской и Александрийской) и появились первые ереси. Для их обнаружения и искоренения периодически собирались Вселенские Соборы, на которых и устанавливались догматы – в форме кратких определений истин христианского Откровения. Они ярко и точно обличали еретические учения. В Православной Церкви не определено количество догматов, как и границы между ними: в одном догмате могут заключаться и другие догматы. Основная часть догматов (в количестве 15) была утверждена в Никео-Цареградском Символе веры. Приняты на Первом Никейском и допол-

нены на Втором Вселенском СОБОРЕ в Константинополе¹. Максимум, что допускается в богословии, – корректировать комментарии к этим ответам-догматам с учетом меняющихся внешних условий жизни.

Философия способна формулировать лишь относительные истины, христианское богословие формулирует истины абсолютные, оно претендует на Истину (с большой буквы). Поскольку именно Христос сказал, что Он есть Истина: «Я есть путь, истина и жизнь» (Ин. 14, 6).

На конференции, посвященной взаимоотношениям богословия и философии в 2001 году, митрополит Минский и Слуцкий Филарет в своем выступлении обратил внимание на эти различия: «... Философия прежде всего *вопрошает* и... ее ответы всегда неокончательны, а богословие, напротив, только *утверждает*, а значит, в конечном счете *учит* “последним истинам”...»²

Конечно, богословие занимается не только толкованием догматических истин, но также приданием им нужной (отвечающей времени) формы. Оно имеет дело с большим количеством проблем, которые не имеют догматического закрепления решениями Вселенских Соборов; именно в этой сфере возможно и даже требуется богословское творчество. В этой части богословия могут быть споры, существовать частные мнения. Не исключены ошибки. Такое вполне может случаться. Как тут не

¹ Догмат о грехопадении (поврежденности духовной природы всего человечества вслед за Адамом) неявно вытекает из Никео-Цареградского Символа веры, но также является неотъемлемой частью православного вероучения. Последний догмат о благодати (или о Божественной энергии) был принят на Пятом Константинопольском соборе 1351 года.

² Доклад митрополита Минского и Слуцкого Филарета «Философия и богословие в “постсовременную” эпоху» на богословской конференции «Богословие и философия: аспекты диалога», проводившейся в рамках IX Рождественских образовательных чтений (25 января 2001 года, Москва).

вспомнить слова апостола Павла: «А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии. Но, предлагая сие, не хвалю [вас], что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее. Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти и верю. Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 16-19).

Впрочем, некоторые богословы и святые отцы утверждали, что в дальнейшем не исключено появление новых догматов Церкви. Рождение догмата – защитная реакция Церкви на новые ереси, а их за последний век появилось немало. Вопрос о возможности появления новых догматов – крайне спорный и неоднозначный. Ведь любой новый догмат должен быть утвержден Вселенским Собором. В истории было семь Вселенских Соборов. А по пророчествам некоторых старцев восьмой (он же последний) собор состоится на излете человеческой истории, накануне прихода антихриста¹.

Часть II. Платон и Христос

Смотрите, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно.

Кол. 2, 8–9

Итак, в первой части моих заметок я определил четыре основных различия между богословием и фило-

¹ См.: Фокин Сергей. Восьмой вселенский собор в пророчествах старцев // Интернет. Режим доступа: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_1942_8.

софией. Во второй части заметок хочу высказать несколько соображений о соотношении и взаимодействии двух этих институтов.

«Конвенция» между «королевствами» философии и богословия

Несмотря на упомянутые различия, «китайской стены» между богословием и философией нет. Образно говоря, богословие может заходить на ту территорию, которая является «королевством философии», а философия может заходить на территорию, принадлежащую «королевству богословия». Такое право каждая из этих двух «юрисдикций» получает по умолчанию, между ним и негласно заключена конвенция, легализующая свободную границу. Следовательно, стерильно чистого богословия и такой же философии в природе не существует.

Хотя богословие (школьное, или академическое) формирует представления человека о мире на базе Откровения, язык этого Откровения должен быть понятен людям. Для перевода на привычный язык может использоваться *логика* (входящая в юрисдикцию королевства философии), *понятийный аппарат философии*, а в некоторых случаях – и отдельные *элементы созданных философами теорий* (метод наглядных аналогий). Особенно такой «перевод» нужен для людей, только что переступивших порог Церкви и еще не развивших должного духовного зрения. И вдвойне он нужен тем людям, которые до этого успели изучить язык философии и привыкли им пользоваться. Это уже на следующей ступени (высшее богословие) можно обходиться без философских подпорок, а постигающему начальное (школьное) богословие они жизненно необходимы.

Многие философы и богословы признают, что такой «зеркальности» для философии не существует. То есть философия может пользоваться лишь своими инструментарием – логикой и иными методами рационального познания мира. А вот к Откровению она прибегать не может. Таковы условия конвенции об отношениях между двумя королевствами. Вроде бы и философы не оспаривают такого условия.

Но и тут необходимы оговорки. Вот что пишет по этому поводу наш известный философ Виктор Тростников: «... Все мы по своему опыту знаем, что разум в процессе работы время от времени нуждается в подсказках со стороны интуиции, и философы ею вовсе не пренебрегают. Так что, если быть точными, мы должны сказать, что философия есть такой род универсального познания, который преимущественно (но не исключительно. – В. К.) употребляет интеллект... А если считать интуицию тихой подсказкой свыше (что, скорее всего, так и есть), то... в каждой философии есть некая доля религии, а именно – скрытого Откровения, называемого обычно *вдохновением* (дуновением Божьего Духа)»¹. С подобным замечанием маститого философа я одновременно и соглашусь, и не соглашусь.

Действительно, многие известные философы пользовались для своих открытий не только интеллектом (рациональным мышлением), но также интуицией и вдохновением. Таким образом, философские теории могут нести на себе отпечатки религии. Тут я соглашусь с Виктором Тростниковым. Более того, я усилю его тезис: *иногда это почти в чистом виде религиозные доктрины, созданные за счет «вдохновения»*. По некоторым причинам философы не хотят, чтобы их теории

¹ Виктор Тростников. Вера и разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины. М.: Грифон, 2010. С. 11.

квалифицировались как религиозные доктрины, они предпочитают прикрываться вывесками «философия», чтобы их не уличили в нарушении упомянутой выше конвенции. Находясь под прикрытием вывески «философия», они сохраняют за собой полную свободу творчества, а продукты этого творчества получают иммунитет от возможных обвинений в богословских ересьях. Таким образом, религиозная ересь может скрываться в упаковке философской «гипотезы», «мнения», «точки зрения», «теории» и т. п.

Таким образом, «зеркальность» в отношениях богословия и философии все-таки существует. Но не де-юре, а де-факто. И философам, особенно тем, кто творит за счет «вдохновения», такое положение очень выгодно.

Философы как «агенты влияния»

А теперь о том, что вызывает у меня несогласие с утверждением Виктора Тростникова. Уважаемый философ ставит знак равенства между «вдохновением» и *Откровением*, называет его «дуновением Божьего Духа». История философии пестрит случаями таких «вдохновений», источником которых был отнюдь не Божий Дух, а тот, кого в Евангелии называют «врагом рода человеческого», «духом тьмы», «духами злобы поднебесной», «князем мира сего», «дьяволом», «демоном», «лукавым», «отцом лжи» и т. д. Это дух из бездны ада, который пахнет серой. Именно такие «откровения» (с маленькой буквы) обитателей infernalного мира вдохновляли многих «гениев», имена которых сегодня красуются в энциклопедиях, справочниках и учебниках по философии и истории философии.

Когда-то давно читал книгу о немецком писателе Иоганне В. Гете и его главном произведении «Фауст».

Уже не помню ни автора, ни названия книги. Но вот одну фразу из книги запомнил очень хорошо: «Дьявол ищет своих “агентов влияния” среди людей». Между прочим, Фауст напряженно занимался познавательной деятельностью, причем его интересовали именно метафизические вопросы. Фауста смело можно назвать человеком философского склада ума. И Мефистофель (вербовщик) эту склонность Фауста учел при его вербовке. Главные кандидаты на роль «агентов влияния» – философы, ученые, писатели и иные деятели культуры, то есть те, кто может оказывать максимальный разрушительный эффект на общество (как по охвату аудитории, так и по силе убеждения). Зачастую это люди, которые уже приобрели имя и авторитет. Как правило, при этом непомерно возрастает и гордыня, и самомнение, что облегчает дьяволу проведение «вербовки».

За примерами далеко ходить не надо. Наш писатель Лев Николаевич Толстой. Был «завербован» уже в зрелом возрасте, когда были написаны «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», другие романы и повести, которые сделали его знаменитым. Так вот, после «вербовки» Толстой из писателя превратился в философа. Между прочим, Толстого лишь в России воспринимают как писателя, за рубежом Лев Николаевич в первую очередь – философ и лишь во вторую очередь – писатель. Позволю себе привести обширную цитату из книги Юрия Воробьевского, который изучил эту потаенную, мистическую сторону жизни и творчества писателя: «Какой же “проект” был поручен Толстому демоническим миром? Перекорезивание Евангелия? Писал же он весной 1889 года: “Созревает в мире новое мирозерцание и движение, и как будто от меня требуется участие – провозглашение его. Точно я для этого нарочно сделан тем, что я емь с моей репутацией, – сделан колоколом”. Поистине месси-

анские амбиции! Их развивал в Толстом некий голос. Вот запись от 25 мая того же года: «Ночью слышал ГОЛОС, требующий обличений заблуждений мира. Нынешней ночью ГОЛОС говорил мне, что настало время обличить зло мира...»¹ Ю. Воробьевский приводит много интересных фактов, доказывающих, что Толстой – классический «агент влияния». И делает следующее заключение: «Все это не копание в грязном белье. Все это важный аспект нашей темы (безумие в современном мире. – В. К.). А именно разговор о том, что всемирно известными писатели становятся не за свои реальные литературные заслуги. Знаменитыми их делает раздувание безумия человеческих страстей»². Можно лишь добавить к сказанному, что точно таким же образом всемирно известными становятся многие философы.

Невооруженным глазом видно, что среди философов XIX–XX веков к категории «агентов влияния» дьявола можно отнести таких «мыслителей», как Фрейд, Ницше, Камю. Кстати, до «вербовки» они были соответственно врачом, филологом и писателем. Дьявол всех их назначил быть философами. Их работы пропитаны духом человеконенавистничества, богоборчества, суицидных настроений, апелляции к животным инстинктам человека. Достаточно фактов, подтверждающих, что указанные «мыслители» выходили на связь с «резидентурами» inferнального мира. Оттуда они получали инструкции и нужные идеи. Другие «агенты влияния» дьявола сумели максимально «раскрутить» идеи этих философских извращенцев по каналам СМИ, образования и культуры. Философию подобного рода авторов можно смело назвать «богословием смерти» или «богословием ада».

¹ Воробьевский Ю. Безумие: пред Богом и пред людьми. М., 2012. С. 157.

² Там же. С. 159.

Назад к Платону?

В нашем церковном сообществе достаточно распространено мнение, что современная философия сильно деградировала. Справедливой критике подвергаются «раскрученные» сегодня идеи Шопенгауэра, Фрейдера, Ницше, Сартра в силу их откровенно богоборческой направленности. Иные философские теории могут и не нести в явном виде антихристианского заряда, но они крайне скудны позитивными идеями. Кризис современной философии, однако! И его признают даже сами философы¹.

Другое дело – классическая философия, греческая или немецкая. Христианские интеллектуалы полагают, что у таких гигантов, как Сократ, Платон, Аристотель, Кант, Фихте и Гегель есть чему поучиться и современным богословам. Вот, например, современный «православный» философ Александр Дугин публикует статью с многозначительным названием: «Актуальность Платона для России и платонический минимум»². Идея автора понятна: «Назад к Платону!» Но и сердце, и ум как-то подсказывают: возвращаться назад не надо.

И тут мне на помощь приходит все тот же митрополит Навпактский Иерофей (Влахос), которого я уже цитировал. Вот его отношение к философскому наследию Платона и Аристотеля: «Во всех этих теориях философов и философии мы можем заметить полную противо-

¹ См.: Мельников В. И. О кризисе в современной философии // Интернет. Режим доступа: <http://www.newtheory.ru/philosophy/o-krizise-v-sovremennoy-filosofii-t2254.html>.

² Интернет. Режим доступа: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-ag-aktualnost-platona-dlya-rossii-i-platonicheskiy-minimum>. См. также: Дугин А. Актуальность философии Платона для современной России: итоги семинара // Интернет. Режим доступа: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/301110023711.xhtml>.

положность богословию и вообще учению Церкви и жизни по двум главным вопросам. Один – это содержание философии, а другой – методология, которую философы применяют, приходя к таким заключениям. Все эти философские взгляды были отвергнуты отцами Церкви. Церковь не принимает ни учение об идеях, ни сущности Бога, как ее описывают философы, ни предсуществование души, ни вечность мира и времени, ни освобождение человека, заключающееся в том, что душа должна покинуть тело, которое является ее темницей, ни то, что Бог является первым неподвижным движимым (двигателем). Наоборот, святые отцы, излагая истину Церкви, говорят, что Бог – это не “благая мысль”, как говорил Платон, а личностный Бог, Который открывался пророкам, апостолам и святым. Душа не предсуществовала, а она создана Богом одновременно с телом. Тело не является темницей для души, но вместе с душой тело составляет человека, потому что тело – это не весь человек, как и душа – это тоже не весь человек. Святые отцы также учат, что мир не начал существовать в результате его отпадения от так называемого реального мира, мира идей, но он был создан Богом совершенным. Они также учат, что мир был создан “из ничего” и что он управляется нетварным Божественным Промыслом и нетварной управляющей энергией-действием Бога. Святые отцы также учат, что любовь – это не только движение человека к Богу, как говорил Платон, и она также не является выражением бессилия человека, который направляется к первому неподвижному двигателю, чтобы почувствовать полноту, а это совершенная энергия-действие. Бог не просто неподвижный двигатель, а Он в тоже самое время направлен к человеку. Он движется и движим. Любовь не является причиной человеческой слабости, болезненности, так как Бог Сам, Тот, Кто есть любовь,

и является предметом любви, также именуем любовью. Я упомянул кратко точки зрения святых отцов, которые противопоставляли себя философии»¹.

Так как же относиться христианам к Платону?

Так как же относиться христианам к классическому философскому наследию? Вот совет святителя Григория Паламы, не только богослова, но также мыслителя, хорошо знавшего тонкости философии: «... Мы не мешали бы обучаться внешней науке желающим из тех, кто не избрал монашеской жизни, но всю жизнь заниматься ею никоим образом не советуем никому, а ожидать от нее каких-либо точных познаний о божественных предметах и вовсе запрещаем, потому что от нее нельзя научиться ничему надежному о Боге»².

А митрополит Навпактский Иерофей (Влахос) напоминает нам, как византийская Церковь рекомендовала христианам относиться к философии: «В “Синодике православия”, о котором мы уже упоминали, хотя те, кто принимают древнюю философию, и подпадают под анафему, тем не менее это делается не по злобе и ненависти, а с любовью и милосердием, чтобы они смогли обратиться и последовать по верному и правильному пути, по пути исцеления. Те, кто изучают древнюю культуру, не подлежат анафеме. Существует явное различие между теми, кто принимает древнюю философию, и кто ее изучает. Анафеме подвергаются те, кто принимает эллинские уче-

¹ Митрополит Навпактский Иерофей (Влахос). Святые отцы и философия. 1. Философия и богословие // Интернет. Режим доступа: <http://apologet.spb.ru/ru/593.html>.

² Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно безмолвствующих... // Первая часть Триады I. Для чего и до каких пор полезно заниматься словесными рассуждениями и науками // Ответ первый. Пункт 12 // Интернет. Режим доступа: http://www.orthlib.ru/Palamas/tr2_2.html.

ния, а не те, кто просто их изучает, под анафему подпадают те, “кто следуют этим ложным учениям и даже верят им, и принимают их как истину, те, кто пристрастились к ней, в то время как другие, иногда тайно, иногда явно и открыто, ее вводят и пламенно ей обучают”¹.

А что думают философы о соотношении философии и богословия в постижении истины? Увы, за редкими исключениями они не могут честно, непредвзято оценить это соотношение. Одним из исключений является наш известный философ Виктор Тростников. Вот как он, например, рассуждает на эту тему в контексте оценки творчества «религиозного философа» Николая Бердяева: «Бердяев, который в целом был грамотным комментатором Священного Писания и тем самым утверждал его ценность, не удержался от отсебятины: объявил первоначалом всего сущего не Бога, а свободу, за которой уже следует Бог. Отрывать один из атрибутов Бога, каковым является свобода, от Его Личности и объявлять этот атрибут самостоятельным безликим началом – значит идти не за Христом, а за Платоном, который возводил на вершину своей пирамиды идей отвлеченное “благо”»².

Честное признание философа: истины философские и истины религиозные (богословские) соотносятся так же, как Платон и Христос. И идти, соответственно, надо за Христом, а не за Платоном.

О православном богословии и «синтезе» западной теологии и философии

В начале своего размышления я специально подчеркнул, что философия у меня сравнивается не с бо-

¹ Там же.

² Виктор Тростников. Вера и разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины. М.: Грифон, 2010. С. 217-218.

гословием (теологией) «вообще», а с богословием православным. Между православным богословием и западной (католической и протестантской) теологией существуют принципиальные различия. Православное богословие в наше время, после окончания Вселенских Соборов, развивается в спорах об истинах веры свое основное учение, состоящее из догматов в отличие от западной теологии. Развиваются только христианская герменевтика, патрология, церковная история, церковная археология, иконопись, архитектура, искусствоведение, каноническое право и другие дисциплины, входящие в блок богословских наук или сопряженные с ним. Православные догматы используются богословами для того, чтобы отвечать на вызовы времени и объяснять верующим, как нельзя истолковывать вероучение и философию (борьба с разного рода ересями).

В то же время западные теологи с гордостью заявляют, что они занимаются «развитием» богословия. А что получается в результате? – Та теология, которая сегодня существует в католицизме и протестантизме, в значительной степени утрачивает «видовые» признаки богословия.

Во-первых, теология на Западе в значительной степени редуцировалась до «теории». Она стала «школьным», или схоластическим¹, богословием. Задействовано лишь рациональное мышление. Практическая ее часть (аскетика) почти полностью исчезла, душа (сердце) «отдыхает».

Во-вторых, католическая теология взяла на вооружение догматы, которые не были одобрены на Вселенских Соборах и находятся в противоречии со Священным Писанием и Священным Преданием. Прежде

¹ Слово «схоластика» происходит от лат. *schola* (греч. *σχολή*) или, ближе, от производного *scholasticus* (лат.) – «школьный, учебный».

всего речь идет о поправке догматического характера к Никео-Цареградскому Символу веры – «филиокве»¹. Поправка «филиокве» была впервые введена еще в 589 году на Толедском соборе в Испании. Утверждена в Риме на коронации германского императора Генриха II в 1014 году, при папе Бенедикте VIII. Послужила причиной отпадения западной части Церкви (Римо-католической) от христианской Церкви, формального зафиксированного в 1054 году. Затем последовали новые догматические «новшества», которые утверждались на католических соборах. Это следующие догматы:

1) о «чистилище» (сформулирован в 1439 году на Ферраро-Флорентийском соборе, подтвержден в 1563 году на Тридентском соборе);

2) о «непорочном зачатии Девы Марии» (1854);

3) о «безгрешности папы в делах веры и морали» (I Ватиканский собор, 1870);

4) о «вознесении Девы Марии» (1950, подтвержден на II Ватиканском соборе, 1964).

Православие признает вселенскими семь соборов, прошедших до великой схизмы 1054 года, а вот католицизм признает вселенскими двадцать один собор, в том числе те, что проходили после великой схизмы. Официальным учением Римо-католической церкви стала теория «догматического развития», сформулированная кардиналом Ньюменом. В католическом мире, в особенности в англоязычных странах, Джон Генри Ньюмен (1801–1890) считается одним из самых выдающихся религиозных мыслителей и литераторов XIX века – «эпохи агностицизма и эволюционных теорий» – апологетом, столпом католической богословской науки. В одной из энциклопедических статей о Ньюмене писали: «Среди

¹ Филиокве (лат. Filioque – «и Сына») – добавление в догмате о Троице: об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но «от Отца и Сына».

звезд литературы его времени Ньюмен выделялся чистым сиянием христианской веры, светившим в его жизни и его произведениях. Он был единственный англичанин своей эпохи, который отстаивал древнюю веру при помощи знаний, которыми обладал как исключительный богослов, шекспировской силой литературного слога и горячностью, достойной святого». В наше время католические богословы считают, что богословское наследие Джона Генри Ньюмена определило путь развития новой теологии, ставшей фундаментом современного католицизма, – католицизма после II Ватиканского собора¹.

В-третьих, в западных христианских конфессиях теология давно уже подвергается «разбавлению» различными философскими идеями, происходит ее «обмирщение», вера замещается рациональными умствованиями. Причем в западной теологии это процесс не стихийный, а вполне осознанный. Те же самые католики называют это синтезом философии и богословия, традиции которого, по их мнению, берут начало от Фомы Аквинского. Уже в католической Европе был достигнут глубокий синтез богословия и философии, продуктом которого стала схоластика. Между прочим, даже трудно сказать, является ли схоластика богословием или философией. В зависимости от пристрастия авторов схоластику подают то как философию, то как теологию².

Впрочем, протестантские интеллектуалы добились еще больших успехов на почве такого синтеза. «Заражение» протестантской теологии духом философии привело к тому, что в этой теологии стало появляться большое количество школ. Пошел процесс «дробления» протестантской теологии подобно тому, как про-

¹ См.: Протодиакон Константин Маркович. Джон Генри кардинал Ньюмен // Интернет. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/649027.html>.

² См.: «Схоластика» // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

исходит дробление и размножение философских школ и направлений. В основном это различные виды *либеральной теологии*, пришедшей на смену ортодоксальной (классической) протестантской теологии времен Лютера. «Либеральная протестантская теология зародилась на рубеже XVIII–XIX веков и занимала одно из центральных мест в развитии протестантизма от Ф. Шлейермахера до раннего К. Барта. Она была отмечена стремлением перенести центр тяжести христианского учения со сверхъестественных на этические и социальные аспекты, что означало отказ от исторической христианской догматики. Библия при этом рассматривается в либеральной теологии не как Откровение, а как продукт человеческого религиозного творчества, неизбежно ограниченного историей и культурой и потому не обладающего абсолютным авторитетом»¹.

Тема «перемешивания» богословия и философии очень обширна, она не вмещается в формат моих заметок. Здесь я хочу подчеркнуть, что в результате обозначенных выше причин «размывания» теологии грани между философией и теологией в западной цивилизации также активно размываются. Различия между этими двумя институтами исчезают на наших глазах. Именно поэтому на Западе для людей философия и теология воспринимается как что-то очень похожее. Или как один и тот же «товар», имеющий разные фирменные названия.

Русская религиозная философия: опыт «синтеза»

К сожалению, указанные негативные процессы в западной теологии создали угрозу и для православного

¹ «Протестантская теология» // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006.

богословия. Те или иные новации в западной теологии фиксировались и оценивались Восточной Церковью.

Так, например, взятая католиками на вооружение после I Ватиканского собора (1870) *теория Ньюмена*. Одни православные авторы полагают, что концепция «догматического развития» неприемлема для Восточной Церкви, поскольку все догматы уже сформулированы. Другие не исключают возможности появления новых догматов. Наконец, третьи считают приемлемым «догматическое развитие», но лишь в смысле все более точного словесного определения догмата и все более точного выражения в слове познанной Истины. В то же время это развитие не означает, что прогрессирует или развивается «понимание» Откровения¹. Слава Богу, в своей массе православные богословы стоят на позиции недопустимости догматических «новаций». Имеющихся догматов вполне достаточно для того, чтобы отражать любые ереси.

Вместе с тем усиливается «схоластическое» начало в богословии (по крайней мере том, которое преподается в духовных учебных заведениях), что воспринимается как негативный процесс².

И что особенно опасно: делаются попытки синтеза богословия и философии. Правда, слава Богу, пока инициатива такого синтеза исходит преимущественно от философов, а не богословов. Появление в конце XIX – начале XX века так называемой русской религиозной философии – яркий пример попытки такого синтеза со стороны некоторых отечественных интеллектуалов. От-

¹ См.: Догматического развития теория // Православная энциклопедия // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/178714.html>.

² Об усилении «схоластического» начала в богословии дореволюционной России очень живо и доступно написал митрополит Вениамин (Федченков; 1880–1961) в своих книгах воспоминаний «На рубеже двух эпох» и «Записки архиерея».

части причиной появления русской религиозной философии стало то, что в России происходило охлаждение веры, особенно дух нигилизма и даже атеизма захватил российскую элиту (в том числе интеллектуальную). Представители русской религиозной философии пытались по-своему вдохнуть жизнь в христианство. В том числе компенсируя вялость академической богословской науки, не отвечавшей адекватно на вызовы времени.

Идеологом и вдохновителем такого «синтеза» был Владимир Соловьев. Кем был Соловьев – богословом или философом? Известный богослов прот. Георгий Флоровский писал: «Гениальный, но страстный (в аскетическом смысле этого слова) Соловьев не причислял себя к богословам. Он оставался мыслителем на философской почве, даже противопоставляя себя “отеческим богословам”, часто строя церковный синтез из нецерковного опыта»¹.

В своей известной работе «Основы цельного знания» Соловьев писал: «Не подлежит никакому сомнению, что первый, древнейший период человеческой истории представляет как свой господствующий характер слитность, или необособленность, всех сфер и степеней общечеловеческой жизни. Не подлежит никакому сомнению, что первоначально не было ясного различия между духовным, политическим и экономическим обществом... Так же слиты были теология, философия и наука, мистика, изящное и техническое искусство... Степень абсолютная, степень формальная и материальная, затем сферы творчества, знания и практической деятельности собраны здесь в одном фокусе. В области знания в эту эпоху, собственно говоря, нет совсем

¹ Цит. по: прот. Александр Шаргунов. Тайна добра и зла. Эсхатология Вл. Соловьева и учение Церкви о добре и зле // Интернет. Режим доступа: <https://antimodern.wordpress.com/2009/05/12/soloviev/>.

различия между теологией, философией и наукой – вся эта область представляет одно слитное целое, которое может быть названо теософией»¹. Опять звучит слово «теософия» (которое незадолго до этого ввела в широкий оборот Елена Блаватская). Именно так представлял себе конечный результат синтеза этот философ. Потом, по понятным соображениям, слово «теософия» из работ представителей русской религиозной философии стало исчезать². Но дух теософского мистицизма остался. Идея соловьевского синтеза привела к появлению целого ряда ересей – софианства, экуменизма, хилиазма, нософерного космизма, философии общего дела и других.

После Соловьева в русской религиозной философии появились такие «мыслители», которые вообще почитали, что могут обойтись без богословия, что новая философия вполне самодостаточна и более эффективно может решать проблемы религиозно-духовной жизни. Один из таких радикалов, Николай Бердяев, вообще дошел до отрицания богословия: «Не только философия не должна быть прислужницей теологии, но, быть может, и самой теологии не должно быть. Философия должна быть органической функцией религиозной жизни, а не прислужницей теологии – это разница огромная. Философия не может и не должна быть богословской апологетикой, она открывает истину, но открыть ее в силах лишь тогда, когда посвящена в тайны религиозной жизни, когда приобщена к пути истины. Философия, которая будет искать своей пищи в религиозном опыте, не только не будет схоластикой, но именно она будет противопо-

¹ Соловьев В. С. Философские начала цельного знания / Сочинения в 2 т. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 155–156.

² Более того, сам Владимир Соловьев публично дистанцировался от одиозной Елены Блаватской (см.: Соловьев В. С. Е. П. Блаватская // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых С. А. Венгерова. Т. 36. СПб., 1892. С. 316-318.)

ложна всякой схоластике... Схоластическое богословие и есть разобщение с тайнами религиозной жизни, оно свидетельствует о том, что опыт религиозный иссяк, и подменяет опыт отвлеченным мышлением»¹. По мысли Бердяева, теология представляет собой «навязанное воспоминание о былой религиозности». А вот еще «перл» философской мысли Бердяева из той же работы: «...Для богословского исследования совсем не нужна живая религиозность субъекта, хотя и требуется формальная принадлежность к какому-нибудь вероисповеданию»². А в «Философии свободы» Бердяев буквально ставит ультиматум богословию: «Догматическое богословие должно уступить место религиозной философии»³.

Попытки **возрождения в России «духовности»** с помощью философии оказались неоднозначными. Скорее – разрушительными. Как признает современный русский философ **Виктор Тростников**, «... опыт русской религиозной философии Серебряного века... отрицателен, он учит не тому, как надо, а тому, как не надо возвращаться к Богу. Она продемонстрировала, что возвращаться к учению Христа, как-то его модернизируя, совершенно недопустимо... если философия хочет помочь человечеству выйти из кризиса, она должна смирить свою гордыню и начать сотрудничать с православным богословием. Это не только не унизит ее, но, наоборот, значительно возвысит»⁴.

¹ Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 7.

² Там же.

³ Цит. по: Болдарева В. О различиях религиозной философии и богословия (на материале ранней мысли Н. А. Бердяева) // Интернет. Режим доступа: <http://pstgu.ru/download/1445951624.boldareva.pdf>.

⁴ Тростников В. Вера и разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины. М.: Грифон, 2010. С. 217-218. И это несмотря на то, что указанный философ порой излишне толерантно относится к творчеству Владимира Соловьева.

Примечательно, что официальная богословская наука достаточно слабо реагировала на появление различных слишком «оригинальных» идей русской религиозной философии. Некоторые авторы полагают, что это было обусловлено тем, что такие идеи формально не квалифицировались как «ереси», а рассматривались как частные мнения философов (а не богословов). Таким образом, мыслители русской религиозной философии имели иммунитет от критики со стороны Церкви и богословской науки. Однако позднее такие философские «ереси» все-таки стали получать должные оценки в работах наших богословов, оказавшихся после трагических событий 1917 года за пределами России. Осмысление русской трагедии столетней давности показывает, что философские «ереси» оказали свое разрушающее влияние и на Церковь, и на русское государство.

Среди таких критиков «ересей» русской религиозной философии я хотел бы особо отметить только что канонизированного Русской Православной Церковью святителя Серафима (Соболева), давшего развернутую критику расцветшей в XX веке пышным цветом ереси софианства¹. В этом же ряду стоят: архиепископ Аверкий (Таушев), святитель Иоанн (Максимович), архиепископ Иоанн (Шаховской), иеромонах Серафим (Роуз) и многие другие. Православное богословие в целом сумело отбить в XX веке атаки энтузиастов синтеза и разных иных философских модернистов.

Опасный вирус, выведенный в лаборатории философско-богословского синтеза, все-таки сумел зацепить общество, в том числе ту его часть, которая считает себя церковными людьми. Причем это относится не только к событиям вековой давности, но и к сегодняшнему дню.

¹ См., в частности: Архиепископ Серафим (Соболев). Искажение православной истины в русской богословской мысли. София, 1943.

В качестве примера приведу высказывание известного православного миссионера прот. Олега Стеняева: «Работая с людьми, оказавшимися в различных сектах, я обнаружил определенную закономерность. Например, если человек зачитывался книгами Блаватской, Рерихов, то он оказывался потом втянутым в секту “Аум Сенрикё” или “Харе Кришна”. Если человек злоупотреблял трудами таких “богословов”, как о. Павел Флоренский или о. Сергей Булгаков, то он попадал в “Богородичный центр”. Если чрезмерно увлекался книгами философов Владимира Соловьева, Трубецкого, Волконского, то мог оказаться среди униатов или русских католиков. Перефразируя известную поговорку, можно сказать так: “Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, в какой секте ты можешь оказаться”. В этом нет ничего удивительного! Лжеименные знания, вредные знания уводят человека из Церкви и наносят непоправимый вред его душе»¹.

Экуменизм и его философское «обоснование»

Сегодня главным вызовом для православия становится ересь экуменизма, которая выражается в попытках обосновать «всехристианское единство». Экуменизм (греч. οἰκουμένη, обитаемый мир, вселенная) – идеология, обосновывающая сближение и объединение различных христианских церквей (конфессий), один из механизмов межхристианских отношений. «Экуменизм – это современное лжеучение, искажающее православный догмат о единстве и святости Церкви Христовой. Согласно его доктрине, созданная Господом Иисусом Христом и святыми апостолами Церковь некогда разделилась на части, “осколки” – различные конфессии (православие, като-

¹ Прот. Олег Стеняев. Что такое древо познания добра и зла?// Интернет. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/81416.html>.

лицизм, протестантизм), в каждом из которых в той или иной степени содержится истина Божия и, возможно, душевное спасение. А в более широком смысле экуменизм учит о неких “семенах истины” во всех религиях, в том числе и нехристианских, и призывает к объединению сначала исповедующих Христа “церквей”, а затем всех вообще “людей доброй воли”»¹.

А за «**всехристианским единством**» идеологов экуменизма маячит план **создания так называемой «всемирной религии» и «мировой церкви**». Еще в 70-е годы прошлого века об этом плане писал выдающийся православный богослов современности отец Серафим (Роуз)².

В том числе используются для этого и **работы современных философских «мыслителей» модернистского толка, пропагандирующих идеи «всечеловечества», «интернационализма», «мондиализма», «глобализма»**³. План **врага рода человеческого прост: от синтеза философии и богословия перейти к синтезу церквей и созданию мировой церкви**.

Первоначально ведущая роль в экуменизме принадлежала протестантским организациям. Понятие «экуменизм» было предложено в 1937 году теологами Принстонской теологической семинарии. Но сегодня ересь экуменизма проникает также в Православие. Последняя попытка **синтеза церквей была предпринята на так называемом всеправославном соборе на Крите в июне 2016 года**. Это нашло свое отражение в документе, который

¹ Дмитрий Мельников. Ересь экуменизма по творениям святых отцов // Интернет. Режим доступа: <http://www.christian-spirit.ru/1356-eres-ekumenizma-po-tvoreniam-svyatyh-otcov.html>.

² Серафим (Роуз), иеромонах. Православие и религия будущего // Интернет. Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/put/biblio/rose_prb/rose01.htm.

³ См.: Катасонов В. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. М.: Кислород, 2014.

был принят на критской встрече, – «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром»¹. Очень уж некоторые формулировки из документов, родившихся на «всеправославном соборе», напоминают формулировки и мысли из работ основателя русской религиозной философии Владимира Соловьева. Я имею в виду идеи его «философии всеединства». В одной из своих первых публичных лекций «Исторические дела философии» В. С. Соловьев назвал первоначальной философской интуицией провозглашение «нового, неслыханного слова: все есть одно». Следовательно, обособившееся, разделившееся множество явлений этого мирового человечества есть проявление единой сущности. «Все есть одно – это было первым словом философии, и этим словом впервые возвещались человеку его свобода и братское единение». Из этой первоначальной идеи родилась соловьевская «этика всеединства» (работа «Оправдание добра», 1887). А затем В. С. Соловьев дошел и до религиозно-философского обоснования *всемирной теократии* (работы 1880-х годов: «История и будущность теократии», «Россия и вселенская церковь», «Великий спор и христианская политика»).

Современный исследователь Н. Сомин пишет: «Соловьев указывает, что Церковь разделенная бессильна против мировых сил зла. А потому для решения задачи преобразования общества жизненно необходимо соединение церквей. В этом вопросе воззрения Соловьева

¹ См.: Моргун Евгений, диакон. Краткий богословский анализ. Документ собора «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром» // Интернет. Режим доступа: <http://3rm.info/mainnews/61285-bogoslovskiy-analiz-proekt-dokumenta-vsepravoslavnogo-sobora-otnosheniya-pravoslavnoy-cerkvi-s-ostalnym-hristianskim-mirom.html>.
Василик Владимир, диакон. Анализ документа «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром» // Интернет. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/4929788.html>.

проделали значительную эволюцию. Сначала, в свой славянофильский период, он указывает на неправду папизма и под единой церковью понимает Восточную Церковь. Затем он признает и католичество за часть единой церкви и говорит об объединении двух ветвей. Наконец, в своих французских книжках (прежде всего в книге «Россия и вселенская церковь») он высказывает убеждение, что в вопросе разделения церковей Восточная Церковь неправа и что она должна покаяться и признать верховенство римского первосвященника»¹.

В той же статье Н. Сомин отмечает, что «всемирная теократия» Соловьева вызвала яростную критику в русском обществе. Против нее выступили буквально все известные публицисты, философы и общественные деятели. Биограф Соловьева К. Мочульский, сам поклонник идей Соловьева, рассказывает, какую реакцию вызвала эта идея синтеза и всемирной теократии у русского мыслителя Константина Леонтьева, когда она была высказана особенно ярко в статье-лекции Соловьева «Об упадке средневекового мировоззрения». Мочульский пишет: «Когда Леонтьев понял, что Соловьев сближает христианство с гуманистическим прогрессом и демократией, он возненавидел его так страстно, как страстно раньше любил. Леонтьев первый закричал о том, что путь Соловьева ведет к пропасти, что в его величественном строительстве теократического царства есть какая-то зловещая ложь. Он первый почувствовал в деле Соловьева веяния “антихристового духа”»².

¹ Николай Сомин. Владимир Соловьев. «Всемирная теократия» // Интернет. Режим доступа: <http://pereprava.org/trust/3071-vladimir-solovev-vsemirnaya-teokratiya.html>.

² Цит. по: прот. Александр Шаргунов. Тайна добра и зла. Эсхатология Вл. Соловьева и учение Церкви о добре и зле // Интернет. Режим доступа: <https://antimodern.wordpress.com/2009/05/12/soloviev/>.

Фактически еще в конце XIX века Владимир Соловьев подготовил философское обоснование нынешней ереси экуменизма. Это яркий пример того, как философия может наносить серьезный вред христианству.

Заключение

В заключение хочу обратить внимание на один аспект философии, который почему-то выпадает из поля зрения многих думающих людей. Для начала приведу одно из определений философии. Она является «особой формой общественного сознания и познания, вырабатывающей систему знаний об основаниях и фундаментальных принципах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни»¹. Автор определения – Степин Вячеслав Семенович, академик, долгое время возглавлявший Институт философии РАН, президент Российского философского общества. Он, наверное, самый «профессиональный» философ в России на сегодняшний день. У такого профессионала «оговорок по Фрейдю» не бывает. Так вот он, прежде всего, отмечает, что философия – «форма *общественного* сознания и познания». Это расходится с привычными представлениями: мол, философия – дело частное, это форма индивидуального сознания и познания, каждый волен выбирать (или создавать) свою собственную философию и т. п.

Думаю, что действительно академик прав: некоторые философские идеи и теории не остаются достоянием их авторов и их ближайших коллег и друзей. Они могут захватывать значительные слои общества, превращаются в «общественное сознание», причем иногда владеют

¹ Степин В. С. Философия // Новая философская энциклопедия. Т 4. М.: Мысль, 2012. С. 195.

душами и умами многих поколений. Примечательно, что отдельно взятый человек может быть беспредельно далек от философии, но при этом находиться под гипнозом и властью тех или иных философских идей (сам об этом не подозревая). Один из моих знакомых философов пошутил: в истории России было два ига. Одно из них – татаро-монгольское. А другое – иго немецкой классической философии, которое длится уже более двух веков и продолжается до сих пор. А ведь это действительно так, мы просто об этом не задумываемся.

Об этом, к сожалению, часто не задумываются и «профессиональные философы». В этом нет ничего удивительного, так как они всю жизнь читают книги «раскрученных» философов, фактически «агентов влияния» врага рода человеческого. Они живут в своем «философском гетто», куда свет Истины и воздух Правды попадают лишь в малых дозах. В качестве примера приведу признание уважаемого мною философа Виктора Тростникова. Он действительно воцерковленный человек, который пытается открыть «философское гетто» для того, чтобы туда проникали свет и воздух. В предисловии к своей книге «Вера и разум» он пишет, что готовил (с помощью своих коллег) курс лекций по европейской философии для студентов Российского православного университета им. Иоанна Богослова. Как пишет Тростников, в результате такой подготовки «... нам удалось уточнить само понятие “философии” как науки об “отвлеченных началах” (метафизики) и вывести ее за пределы “философствования” (вроде того, каким занимались французские просветители XVIII века), а затем *постепенно избавиться от гипноза послекантовской немецкой классической философии* (курсив мой. – В. К.)»¹. Честное

¹ Виктор Тростников. Вера и разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины. М.: Грифон, 2010. С. 5.

признание философа: первыми и главными носителями философского гипноза оказываются сами философы.

Так вот, работ, которые бы раскрывали, каким образом философские идеи начинают завладевать обществом, миром, человечеством, крайне мало. Мой поиск работ на эту тему оказался не очень продуктивным. Удалось найти лишь несколько публикаций по двум конкретным аспектам: 1) влияние марксистской философии на формирование идеологии и политики СССР; 2) влияние философии Ф. Ницше на идеологию и политику III Рейха. В рамках философии появилась специальная дисциплина «Политическая философия» (на Западе она существует уже сравнительно давно, у нас она стала внедряться в обучение с конца прошлого века). Казалось бы, в ней можно было бы найти ответы на интересующие нас вопросы. Однако уровень «абстрактного мышления» в учебниках по политической философии таков, что они не проясняют действие конкретных механизмов влияния философских идей на идеологию и политику общества. Как пишут энциклопедии, предметом «политической философии» являются «политические рефлексии» человека. «Неотмирность» курсов политической философии просто поражает¹.

¹ В качестве примера могу привести «Конспект лекций по политической философии» Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург, 2011). Автор – О. Ф. Русакова. Весь учебник посвящен разбору различных философских теорий политики, причем большая часть из них – экзотические, известные узкому кругу «профессиональных» философов. Все теории родились в лабораториях западной философской науки и несут на себе следы поврежденного западного ума. Практически ничего не говорится о том, как реально эти философские теории влияют на нашу жизнь. Вот названия отдельных разделов: «Политический хронотоп», «Концепт идентичности», «Концепт политического насилия», «Политическая философия коммуитаризма, мультикультурализма и феминизма». Яркий пример того, как «школьная философия» становится «вещью в себе». Впрочем, можно предположить, что это не такая уж «вещь в себе». Подобные «Конспекты лекций...» призваны разрушать сознание студентов, а не формировать у них правильное мировоззрение.

А ведь современному человеку очень важно понимать, каким образом философские идеи «овладевают массами». Без этого нельзя понять ни истории, ни тенденций сегодняшнего дня. Кое-что об этом можно найти в работе известного русского мыслителя Льва Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» (написана век назад). В своем фундаментальном историософском исследовании Лев Александрович пытается объяснить ход истории не через призму «классовой борьбы», деятельность харизматических личностей (типа Александра Македонского или Наполеона), не через какую-то оккультную или каббалистическую мистику, а через борьбу идей. Идей, оформленных в виде религиозных учений, «тайных» доктрин, политических программ и различных философских теорий. Причем, по Тихомирову, чем ближе к нашему времени, тем роль философских теорий и идей в обществе и истории выше¹.

Большую популярность получила вышедшая в начале прошлого века работа немецкого философа и социолога Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Основная идея работы проста Реформация породила протестантизм, а протестантизм стал идейно-духовной базой, на которой началось быстрое развитие капитализма. Все правильно. За «кадром» осталось только объяснение того, откуда взялась протестантская доктрина, которая через некоторое время после революции Лютера была положена на бумагу первыми протестантскими богословами. Это были богословы «в первом поколении», которые до этого были философами или просто людьми, интересовавшимися философией. Макс Вебер показал в своей книге протестантизм

¹ См.: Катасонов В. Историософия Л. А. Тихомирова // Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. М.: Родная страна, 2015. С. 227–275.

как достаточно «застывшую» религиозную доктрину. Между тем протестантская доктрина постоянно развивалась и изменялась. Кем? – Все теми же «креативными» богословами. Что их подталкивало на занятие таким «творчеством»? – Да прежде всего та самая невинная философия, которую привыкли считать уделом чудаков. Еще раз повторю: об этом написано мало. Но факт влияния философии на историю и общество серьезные специалисты признают. Вот что, в частности, говорит Виктор Тростников касательно вопроса о влиянии «немецкой классической философии» на развитие протестантизма: «... она (указанная философия. – В. К.) является, в сущности, идеологическим инструментом протестантской цивилизации, представляемым всему миру как высший образец человеческой мудрости»¹. Эта философия не стояла на месте. Ее развивали и «углубляли» последовательно такие гиганты мысли, как Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель. При этом не стояла на месте протестантская теология, модернизируясь под влиянием свежих философских идей. На основании имеющихся в моем распоряжении источников выстраивается примерно следующая цепочка причинно-следственных связей (применительно к Европе XVIII–XX веков): появление новых философских теорий – модернизация теологических доктрин – изменение общественного сознания – развитие капитализма². Думаю, что с учетом высказанных соображений не лишней была бы книга с названием «Немецкая философия и дух капитализма». Она бы очень дополнила упомянутую выше работу Макса Вебера. Почему такой книги до сих пор не появи-

¹ Тростников В. Вера и разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины. М.: Грифон, 2010. С. 5-6.

² См. Катасонов В. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. М.: Кислород, 2014.

лось? Потому что кто-то очень не хочет «засвечивать» своих «агентов влияния».

Хотя сегодня говорят о кризисе философии (это факт, с этим спорить нельзя), однако это не означает, что философия перестает быть формой «общественного сознания». Философские идеи продолжают незримо властвовать над умами и душами миллионов людей, просто люди (да порой даже и некоторые «профессиональные» философы) этого не замечают. Впрочем, здесь я поставлю точку. Данная тема настолько серьезна, что заслуживает отдельного разговора.

Знание – сила... нечистая

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Еккл. 1, 17, 18

Часть I. Знание как идол

Знание как объект поклонения и фундамент «светлого будущего»

Сегодня в последние, апостасийные времена у людей, отошедших от христианства, появляются все новые кумиры и идолы для поклонения. На первом месте, конечно, стоит мамона – божество, олицетворяющее богатство, накопление капитала. «Не можете служить богу и мамоне» (Мф. 6, 24), – сказал Спаситель две тысячи лет назад. Пять веков назад в Европе произошла духовная революция под названием Реформация, которая легализовала поклонение мамоне. Довершили эту легализацию буржуазные революции. Мир вступил в фазу развития, которую принято называть капитализмом.

Смею предположить, что вторым в пантеоне современных богов является знание. По-гречески его имя будет звучать как *гнозис* (*γνώσις*). Бог этот существует уже с незапамятных времен, просто на время, когда мир жил в условиях христианства, он ушел в тень.

В Новое время началось возрождение гнозиса, а сегодня это божество заняло ключевые позиции в обществе. У него есть свои храмы. Какие? – Наши университеты и вузы, которые мы часто, не задумываясь, называем «храмами знаний». Есть и специальный праздник, когда происходит массовое поклонение гнозису, – «день знаний» (1 сентября).

На Западе уже давно циркулируют теории «общества знаний» (другое название – «общество информации»). Согласно этим теориям, уже не деньги и капитал будут править миром, а знания. Вслед за буржуазными революциями идут так называемые *научно-технические революции* (НТР). Такие революции нельзя сводить лишь к резкому увеличению научных открытий и технологических нововведений. Это революции в сознании и мировоззрении человека. Современные теории «общества знаний» представляют собой обособление новейшей фазы НТР – *революции знания*. В пантеоне современных богов, согласно этим теориям, произойдет перестановка, и гнозис займет первое место, отеснив мамону на второе. Знания спасут человечество от кризисов, позволят преодолеть социальное неравенство, подчинят ему не только земную природу, но и космос. А также сделают человека совершенным. А может быть, даже и бессмертным¹. Последнее вожделение «революционеров знания» проявляется в расцвете идеологии *трансгуманизма* (от лат. trans – сквозь, через, за, и homo – человек). В первую очередь

¹ См.: Варакин Л. Е. Глобальное информационное общество: Критерии развития и социально-экономические аспекты. М.: Международ. акад. связи, 2001; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000; Концепции «общества знания» в современной социальной теории. Сборник научных трудов. Институт научной информации по общественным наукам. М., 2010.

это философская концепция, но также международное движение, поддерживающие использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека с целью преодоления страданий, болезней, старения и даже смерти¹.

В тех же самых «храмах знаний» будущим экономистам внушают, что высшей и последней стадией постиндустриального общества является *экономика знаний*. Читаются курсы и пишутся учебники по экономике знаний, защищаются диссертации на эту тему². Некоторые отечественные представители «корпорации ученых» на полном серьезе говорят, что России следует из сырьевой полуколонии сразу стать «обществом знаний». Выражаясь словами «классика» марксизма, Россия с помощью гнозиса может сделать «прыжок из царства необходимости в царство свободы»³. Наши интеллектуалы привыкли пользоваться терминами, пришедшими в Россию «оттуда» и оканчивающимися на «изм». С учетом этой привычки упомянутую модель общества можно было бы назвать «гностицизм».

Слово «гностицизм» – производное от «гнозис», оно существует с незапамятных времен. Оно всегда обозначало определенный набор философских и религиозных взглядов (учений), о чем мы еще будем говорить. Но сегодня в связи с планами построения «общества

¹ Nick Bostrom. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. Vol. 14 – April 2005. Подробнее см.: Четверикова О. Диктатура «просвещенных»: о духовных корнях и целях трансгуманизма // Интернет. Режим доступа: http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/diktatura_prosveschennyh_o_duhovnyh_kornyah_i_celyah_transgumanizma_24092013/.

² См., например: Ченцова М. В. Особенности формирования экономики знаний в современных условиях. Автореферат на соискание ученой степени канд. экономических наук. М., 2008.

³ Выражение Фридриха Энгельса из «Анти-Дюринга» (1878).

знаний» термин гностицизм приобретает дополнительное значение: новый тип общества, встающий в один ряд с «феодализмом», «капитализмом», «социализмом», «коммунизмом».

Формула «Знание – сила» и ее автор

К мысли о том, что знание может спасти и осчастливить человечество, мудрецы (они же «идейные вожди», «интеллектуальная элита», «книжники», «выдающиеся мыслители» и т. п.) приучали людей уже давно. Неискушенные граждане нашей страны склонны думать, что это все началось в СССР, где знание имело очень высокий статус. Обычно знание в СССР шло всегда с определением «научное». Уважение и трепетное отношение к науке фактически означало такое же почтение к знанию. Одним из самых тиражных изданий в СССР был журнал «Знание – сила»¹. Правда, регулярно читая этот журнал, многие советские люди думали, что такое название придумали где-то в руководстве КПСС. Лишь наиболее внимательные и пытливые знали, что «Знание – сила» – афоризм английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561–1626).

Из того, что я в институте слушал на лекциях по философии о Бэконе (1969 год), мне запомнился лишь лозунг этого философа: человек должен властвовать над природой. А также нам было вскользь сказано о версии, согласно которой произведения, приписываемые Вильяму Шекспиру, на самом деле творчество гениального Бэкона. Уже в настоящее время, более глубоко знакомясь с жизнью и идеями английского философа, я уяснил, что Бэкон – один из тех, кто начал упомянутую мною выше

¹ Начал издаваться в 1926 году. Его издание продолжается и сегодня, но тираж составляет всего несколько тысяч экземпляров.

«революцию знания». Во всех энциклопедиях и справочниках его включают в список «отцов-основателей» научного метода познания, науки в ее современном понимании (он предложил методы индукции и эксперимента). Во всех учебниках по философии его причисляют к самым авторитетным представителям *эмпирической линии в философии Нового времени*¹.

Копнув еще глубже, я неожиданно обнаружил, что Бэкон к тому же – яркий представитель гностицизма. Правда, об этом почему-то не любят писать в учебниках по философии, зато с гордостью заявляют современные последователи гностицизма. Вот что пишет о самом Фрэнсисе Бэcone его современный российский почитатель: «Бэкон, как и Гермес, – наиболее великая и загадочная фигура среди всех величайших ученых и мистиков. Незаконнорожденный сын королевы Елизаветы и графа Лейчестера, он был лордом и имел титулы герцога Веруламского и виконта Сент-Олбани. Став крупным государственным деятелем, Бэкон одновременно занимался наукой, литературой, философией и алхимией, магией, астрологией и другими тайными или мистическими науками. Говорят, что он был учителем Ньютона и даже, возможно, Ньютон на самом деле – это Фрэнсис Бэкон»². Хотя автор процитированного материала прямо не называет Бэкона представителем гностицизма, однако он перечисляет признаки, которые не оставляют сомнений в принадлежности английского философа к этому направлению. С учетом этого по-другому начинаешь воспринимать слова Бэкона, вынесенные на обложку популярного советского журнала.

¹ Наряду с Томасом Гоббсом, Джоном Локком, Джорджем Беркли, Дэвидом Юмом – в Англии; Этьеном Кондильяком, Клодом Гельвецием, Полем Гольбахом, Дени Дидро – во Франции.

² Кончеев А. Фрэнсис Бэкон // Журнал «Самиздат» // Интернет. Режим доступа: http://www.koncheev.narod.ru/bekon_text.htm.

Знание, познавательная деятельность и ум

Что такое знания? Гамма определений понятия «знание», содержащихся в учебниках, словарях, энциклопедиях, очень широкая. Начиная от первичной эмпирической информации, получаемой человеком посредством пяти органов чувств, а также с помощью специальных технических средств, до конечных результатов научных исследований. То есть информация в виде «сырья», «полуфабрикатов» и «конечной продукции». И вся эта информация «складируется» на разных «полках» памяти человека. В жизни человека важной ее частью является *первичная познавательная деятельность – поиск, отбор и «складирование» информации.*

Познавательная деятельность в широком определении – не только сбор, отбор и складирование в памяти знаний («сырья»), но также их обработка с помощью ума¹. Выражаясь языком экономистов, получение «добавленной стоимости» (приращение знаний). На выходе – получение нового «конечного продукта». Ум даже более важная инстанция, чем знания². Уму приходится каждый день (можно сказать, даже ежесекундно) выдавать «конечные продукты», которые называются «решения». Решения самые разные. От выбора между добром и злом или даже между жизнью и смертью до ответа на вопрос,

¹ Вот одно из определений понятий «знание» и «познание», взятое из учебника: «Знание есть совокупность поступившей из внешнего мира (или являющейся результатом самонаблюдения), усвоенной человеком информации. Сам процесс усвоения, включающий, как правило, осознание связей и закономерностей, присущих (или, во всяком случае, приписываемых) объектам информации, то есть предметам и явлениям как материальной, так и духовной природы, называется познанием» (Интернет. Режим доступа: <http://mydocx.ru/1-99103.html>).

² Грубым аналогом человеческого ума является «процессор» компьютера. Впрочем, это не буквальное, а скорее аллегорическое сравнение.

в какие ценные бумаги вкладывать свои деньги или что выбрать на десерт: пирожное или пирожок? Кстати, ум принимает окончательное решение относительно того, складировать или не складировать в памяти знания, падающие в поле зрения человека. Или о том, какие знания надо искать. При необходимости он может освободить хранилище знаний от излишней информации. Ум, как мы отметили, реагирует не только на текущие проблемы и вызовы, но также постоянно (каждодневно, на протяжении всей жизни) пытается сформировать общую картину мира, или *мировоззрение*. Это самый главный «конечный продукт» познавательной деятельности.

Поскольку ум – достаточно таинственная сфера человеческого бытия, то понять, каким он должен быть и как его совершенствовать, могут далеко не все. Здесь часто происходит подмена понятий. В некоторых учебниках авторы говорят о способах совершенствования ума, а на деле оказывается, что речь идет о другом – совершенствовании сбора, отбора и хранения информации. Мне кажется, что на протяжении своей истории человек более значительное внимание уделял развитию именно *первичной познавательной деятельности* (сбор, отбор и складирование информации), а не уму.

Знание как «процесс» и «дурная бесконечность»

Помню еще со студенческой скамьи слова Гераклита: «Многознание ума не прибавляет». Древнегреческий философ предупреждал людей об опасности «перекоса» между знанием и умом. Но, увы, такие перекосы в сторону знания были всегда, а сегодня они стали просто чудовищными. Кстати, ставшую знаменитой формулу Бэкона «Знание – сила» некоторые европейцы восприни-

мали осторожно. Так, английский адмирал Сидней Смит (1764–1840) обыграл формулу Бэкона следующим образом: «Знание – сила, всезнание – слабость». Звучит еще жестче, чем у Гераклита.

Священномученик архиепископ Иларион (Троицкий) в своей статье «Наука и жизнь» (1913) приводит поучительную притчу об ученом. Однажды молодой человек, имеющий наставника-старца, приходит к своему учителю и с восторгом сообщает, что видел настоящего ученого. Старец поинтересовался у молодого человека: что он конкретно видел, что его впечатлило? Юноша отвечает, что этот ученый все время читает. И утром, и днем, и вечером, и даже ночью. На что старец задал вопрос: «А когда же он думает?» После этого ученик смутился и задумался...

Архиепископ Иларион говорит, что указанная притча относится к древним временам. В начале XX века все еще серьезней: «Не то ли мы видим и теперь? О, конечно, то же самое, даже несравненно более печальное можно сказать об ученом человеке нашего времени. У человечества до настоящего времени накопилось слишком много знаний, и ученому человеку теперь нужно слишком много знать. Кажется порой, что наука послушалась лукавого совета древнего искусителя: будете как боги, знающие все. Всезнание – вот чем желает стать наука. Нужно или не нужно знание, полезно или вредно, об этом не возникает даже и вопроса – только бы знать! С равным старанием и самоотвержением изучаются и те кривые, по которым движутся в безграничном мировом пространстве зловещие кометы, и пищеварительные органы безобидного майского жука, и употребление предлогов у древнегреческого писателя. Уже и теперь человечество знает очень много: в будущем оно узнает еще больше»¹.

¹ Архиепископ Иларион (Троицкий). Без Церкви нет спасения. М.: Сретенский монастырь, издательство «Знамение», 1999. С. 284-285.

Во все времена были люди, которые стремились максимально накапливать знания, но их было немного («книжные черви», «книжники»). Сегодня в обществе формируется такая атмосфера, которая подталкивает большинство людей к тому, чтобы максимизировать накопление знаний. Страсть накопления знаний становится для многих даже более захватывающей, чем страсть накопления богатства, капитала. Накопление капитала, как я уже неоднократно писал, – бесконечный процесс, «дурная бесконечность». Но накопление знаний – еще более «дурной» процесс. Это жалкая потуга человека быть «как Бог», то есть знать все тайны мироздания.

«Стали учение, но зато и глупее»

Наш величайший мыслитель XIX века Константин Леонтьев очень подозрительно относился к той «учености», которая стала модой и объектом восхищения сначала в Европе, а затем докатилась и до России. Во многих своих работах Леонтьев отмечает (где намеками, а где прямо), что люди в эпоху заката цивилизации (в той же Европе XIX века) становятся «учение», но одновременно и... глупее. Вот убийственная для «среднего европейца» фраза из статьи «О либерализме вообще»: «Они не стали ни лучше, ни умнее, ни счастливее!.. Они стали мельче, ничтожнее, бездарнее; учение в массе, это правда, но зато и глупее»¹.

В работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» К. Леонтьев обращает внимание на то, что большинство так называемых научных книг читать не стоит. От таких книг один только вред: «Не считая себя обязанным читать все, что пишется но-

¹ Константин Леонтьев. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 27.

вого на свете, находя это не только бесполезным, но и крайне вредным, я даже имею варварскую смелость надеяться, что со временем человечество дойдет рационально и научно до того, до чего, говорят, халиф Омар дошел эмпирически и мистически, то есть до сожигания большинства бесцветных и неоригинальных книг. Я ласкаю себя надеждой, что будут учреждены новые общества для очищения умственного воздуха, философско-эстетическая цензура, которая будет охотнее пропускать самую ужасную книгу (ограничивая лишь строго ее распространение), чем бесцветную и бесхарактерную»¹. Что ж, предложение Леонтьева организовать сжигание книг либерального толка не было абсолютно оригинальным. Такие предложения звучали и от других известных людей России. Так, Грибоедов вкладывает эту идею в уста своего героя Фамусова: «Уж коли зло пресечь, / Забрать все книги бы да сжечь» («Горе от ума»). Не менее выразительна фраза Скалозуба из той же пьесы: «Ученостью меня не обморочишь». Думаю, что эта фраза вполне могла бы послужить эпиграфом к ряду работ Леонтьева.

Леонтьев постоянно повторяет: есть «ученость», «наукообразие», а есть высший ум, который позволяет видеть весь мир в его целостности, со всеми оттенками, со светом и тенью. Он, в частности, писал, что «уметь видеть мрачную сторону всех этих высокоумий научных есть тоже разум, и даже самого высшего порядка» («Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни») ². У святых отцов, имевших дар такого разума, это называется трезвением, трезвостью ума. Леонтьев, будучи духовным чадом старца Амвросия Оптинского (канонизированного в лике преподобных в 1988 году), понимал

¹ Константин Леонтьев. Указ. соч. С. 242.

² Константин Леонтьев. Указ. соч. С. 269.

лучше многих других, в чем разница между «научным высокоумием» и «разумом высшего порядка».

Накопление знаний. «Интеллектуальное» мшелоеимство

Мотивы познавательной деятельности у людей могут быть разными. Одни с помощью знаний хотят приумножить свои капиталы. Другим знания нужны для того, чтобы повысить свой статусный рейтинг. Третьим они нужны для того, чтобы повысить свою квалификацию (например, преподавателям и людям науки). Четвертым необходимы для того, чтобы добиться власти. Пятым – продлить жизнь или даже обрести бессмертие. Чаще всего знания становятся средством подпитки человеческих страстей – сребролюбия, тщеславия, властолюбия и т. д. Просто люди зачастую этого не осознают.

Впрочем, сегодня настоящей эпидемией стало накопление человеком знаний без внятных обоснований конечных целей такого накопительства. Что-то наподобие «искусства ради искусства». Это особая форма психического заболевания. Какую-то аналогию можно провести с гоголевским героем Плюшкиным из «Мертвых душ». Он занимался накоплением никому не нужных предметов, превратив свой дом в помойку. Во времена Гоголя плюшкины были редкостью. Сегодняшние плюшкины благодаря интернету собирают гигантские горы различного информационного «мусора». Сначала они загружают его в память своего компьютера, а потом пытаются произвести перезагрузку в свою собственную память, превращая голову в «помойку».

Тяга к накоплению информации и знаний можно назвать новой формой мшелоеимства. Святые отцы мшелоеимством называли страсть к собиранию имущества,

стяжание и накопительство излишних, ненужных вещей. Священник Павел Гумеров пишет о мшелоимстве в современных условиях: «Страсть к накопительству, скупость – черта, присущая не только богачам. Довольно часто люди задают вопрос: “Что такое мшелоимство?”, про которое мы читаем в исповедальной вечерней молитве. Мшелоимство – это стяжание ненужных для нас вещей, когда они от долгого хранения и бездействия как бы покрываются мхом. Этим грехом могут страдать и люди весьма бедные, приобретая и копя посуду, одежду, любые другие предметы, заполняя ими все шкафы, полки и кладовки и часто забывая даже, что где лежит»¹. Можно лишь добавить, что сегодня гораздо более распространенным становится *интеллектуальное мшелоимство* – накопление в кладовых человеческой памяти любой информации. Во-первых, информации ненужной (мусорной). Во-вторых, информации ложной (дезинформации). В-третьих, информации, вредной для души и даже тела (отравленной). На фоне современного интеллектуального мшелоимства то, чем занимался гоголевский Плюшкин, можно назвать лишь невинной странностью.

На Западе, который раньше нас встал на путь безудержного накопления знаний, уже вынуждены констатировать возникновение информационных перегрузок. Там они стали серьезной причиной психических расстройств человека, снижения эффективности управления компаниями и государствами, утраты всяких ориентиров в жизни даже теми, кто еще не попал в психические лечебницы. Впервые термин «информационная перегрузка» упоминается в книге Бертрама Гросса «Управление организацией» 1964 года, где он акцентировал внимание на сложностях управления компаниями. Данное понятие

¹ Интернет. Режим доступа: http://www.verappravoslavnyaya.ru/?Msheloimstvo_-_alfavit.

популяризировал известный американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер в своем бестселлере «Шок будущего» (1970)¹.

Отчасти можно понять, откуда возникает такая безумная тяга современного человека к знанию, «гнозису». Он интуитивно пытается заполнить свою духовную пустоту, которая возникает, когда он отворачивается от Бога. Он ищет какого-то «особенного знания», которое даст ему покой и счастье. В итоге заполняет свою память «мусором», а душу – ядом.

Лишь в одном случае знания не служат человеческим страстям – когда человек с их помощью ищет первопричину всего сущего, Бога. Иногда это происходит интуитивно, иногда осознанно. Когда человек понимает (или чувствует), что именно в Боге он может найти спасение и жизнь вечную. Но это узкий путь познания. Все остальные пути подобны широким вратам, ведущим в ад. Впрочем, прежде чем попасть в ад, некоторые люди оказываются в психиатрических лечебницах. В первом случае поводом человека является Сам Бог, во втором случае – его антипод, «обезьяна Бога», дьявол.

«Частичное» знание

По мере того как растет объем накапливаемых знаний об окружающем мире, человек начинает испытывать все больший дискомфорт. Он перестает ориентироваться в бескрайнем море информации, теряет целостное представление о мире и даже о себе самом. Человека охватывает ужас, подобный тому, какой возникает у человека, оказавшегося в море, а берегов нигде не видно. Премудрый Соломон не раз говорил о том, что многознание ума не прибав-

¹ Кстати, Тоффлер – один из основоположников концепции постиндустриального общества, на почве которой выросла упомянутая нами теория «общества знания».

ляет, а вот дополнительные скорби и уныние порождает: «И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1, 17, 18).

Одной из защитных реакций современного человека, ставшего жертвой информационного взрыва, стал уход его в частичное знание. Человек получает иллюзию психологического комфорта, когда он встает на путь «интеллектуальной» специализации. Особенно это ярко проявляется в науке. В Новое время она начала дробиться на все новые и новые направления, дисциплины и специальности, одно перечисление которых может занять десятки (если не сотни) страниц убористого текста. На протяжении последних веков философия горделиво называла себя «наукой наук» и заявляла, что с высоты птичьего полета обзревает весь мир в его полноте и целостности. Но, кажется, в XX веке и философия «сломалась». Она в духе времени встала на путь специализации. Внутри философии появились десятки направлений, а каждое направление, подобное ветке дерева, успело дать кучу новых побегов, маленьких веточек. На этих веточках каждый год распускаются все новые «листочки» в виде школ и теорий. Иначе говоря, большинство философов также стали «специализированными», «частичными».

Вот любопытное наблюдение, которое приводит св. архиепископ Иларион (Троицкий) в своей статье «Наука и жизнь»: «Человеческое сознание лишь познает свои границы, убеждается в своей ограниченности. Библиотеки громадны, но велика ли та библиотека, какую может прочитать отдельный человек и содержание которой он может усвоить? Не смешна ли даже мысль о человеке, знающем все науки? Не наукой и не науками занимаются люди, а лишь дробными отделами наук. При современ-

ной специализации знания человек науки – это каторжник, прикованный к своей тачке в одной жиле громадного рудника знания, не ведающий, кто и что находится рядом с ним, за стенками его узкой норы. Известен рассказ о том, как хранитель одного музея, ученый, с увлечением и с жаром говорил посетителям о предметах своей сокровищницы. “А это что?” – спросили заинтересованные слушатели, обратившись к соседнему шкафу. Сухим и совершенно безучастным голосом ученый отвечал: “Не знаю, этот шкаф не мой”... Да, знание человечества все ширится, а знание человека становится все уже. Больше и больше вкушает человек плодов с древа познания, но лишь все больше и больше убеждается он в том, что он наг¹. Наши ближайшие предки еще прекрасно понимали все издержки узкой специализации. Козьма Прутков выдал это понимание в виде следующей формулы: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя»².

Сегодня – «век торжества научно-технического прогресса». Это век, в котором «профессионализм» считается высшим достоинством человека. Но в 9 из 10 случаев слово «профессионал» используется для того, чтобы подчеркнуть, что человек – «специалист». То есть тот, кто специализируется на чем-то. Универсалы сегодня не в почете. Они подобны вымирающим видам, что-то наподобие динозавров. Об универсальном (точнее – целостном) знании нам напоминает только название некоторых вузов – университет. В Средние века университеты действительно соответствовали своему названию. Во-первых, в них было всего три-четыре факультета: богословский, юридический, медицинский, физический

¹ Архиепископ Иларион (Троицкий). Без Церкви нет спасения. М.: Сретенский монастырь, издательство «Знамение», 1999. С. 286.

² 101-й афоризм из собрания мыслей и афоризмов «Плоды раздумья» (1854) Козьмы Пруткова.

(или натурфилософии). Во-вторых, студенты каждого из этих факультетов в определенном объеме постигали знания по программам остальных факультетов. Сегодня все иначе. Сегодня, например, в МГУ 39 факультетов. Думаю, что даже ректор Садовничий по памяти все их не перечислит. А внутри каждого факультета имеется как минимум с десяток кафедр. И давно уже появилась мода (подкрепленная нормативными документами Министерства образования), согласно которой студенты старших курсов «приписываются» к соответствующим кафедрам с учетом специальности. Мне МГУ почему-то напоминает дерево с очень раскидистой кроной (десятки мощных ветвей, сотни и тысячи веточек, бесчисленное количество листьев). А вот корня у этого дерева почти нет. Наверное, когда-то был, да весь сгнил. Под корнем я понимаю мировоззрение. Источником мировоззрения ни наука, ни философия быть не могут. Они лишь пыжятся и делают вид, что они – «мировоззрение». Они лишь ветви, веточки и листья. Корнем древа знания может быть только религия, религиозное знание.

Знание как вера

Кстати, в ряде учебников и научных монографий определение знания неполное. И я в начале своих размышлений привел такое усеченное определение: информация, получаемая человеком в результате непосредственного наблюдения (с использованием пяти органов чувств) и научного (с использованием специальных технических средств). Однако сегодня львиная доля информации, загружаемая в память человека, поступает из других источников. Из средств массовой информации (СМИ), из учебников и другой литературы, от учителей в школах и профессоров в университетах,

иногда просто от людей «с улицы». Человек, воспринимающий такую «вторичную» информацию, сам решает, какая ее часть достоверна, а какая нет. Лишь в небольшой степени он полагается на логику. В большей части случаев он, однако, оценивает не саму информацию и источник вторичной информации. Фактически фильтрация такой информации базируется на основе доверия к источнику. В конечном счете это вера. Каким бы рационалистом себя ни считал человек, он все равно вынужден полагаться на веру. Уж совсем рациональные люди пытаются задним числом проверить вторичную информацию с помощью своих пяти чувств, а наиболее пытливые – провести научное исследование или эксперимент. Но у самого рационального человека 99 % хранящейся в памяти информации поступило туда через «фильтры веры». В условиях информационного бума значение «фильтров веры» в жизни любого человека возрастает. Многим людям просто даже в голову не приходит перепроверять какую-то информацию, поскольку для такой перепроверки требуются специальные знания, специальная аппаратура, масса времени. Иногда не хватает целой жизни для перепроверки лишь одного факта или научного вывода. Так, например, несколько десятков лет назад группа физиков и астрономов (Фридман, Леметр, Эйнштейн, Допплер, Хаббл и др.) заявила об открытии, получившем в науке название «расширение Вселенной». По их данным, базирующимся на спектральном анализе, все доступные наблюдению небесные тела (звезды и планеты) движутся с ускорением от единого центра в радиальных направлениях. Это важнейшее положение современной космогонии ставилось под сомнение многими учеными. Однако в конечном счете возобладала позиция сторонников теории расширения Вселенной. И не потому, что их аргументы оказались более убедительными,

чем аргументы их оппонентов. Просто позиция первых получила мощное усиление с помощью СМИ и других средств, не имеющих никакого отношения к научному наблюдению и эксперименту. Сегодня гипотеза расширения Вселенной получила уже статус вполне respectable научной теории, о которой можно прочесть во многих школьных и вузовских учебниках. Но признание, в конечном счете, построено на вере.

Кроме научного знания есть еще религиозное. Считается, что последнее на 100% формируется на основе веры. Ведь нет никаких приборов, которые могли бы, например, доказать или опровергнуть существование ангельского мира. И уж тем более доказать или опровергнуть существование Бога. На основании такой логики доказывалось, что научное знание надежнее, чем религиозное. На первый взгляд, с таким заключением можно согласиться. С ним без колебаний согласится человек, далекий от религии. Таких людей обычно называют атеистами или агностиками; первые отрицают существование Бога; вторые заявляют, что существование Бога нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Но для человека религиозного, находящегося в Церкви, подобная логика неприемлема. Дело в том, что религия – не только учение, не только набор информации о видимом и невидимом мире. Это практика. Практика молитвы, участия в богослужениях, практика таинств, практика аскетической жизни и т. д. Что это означает? – Это означает, что человек религиозный, принимая на веру многие религиозные аксиомы, убеждается в том, что эти «аксиомы» «работают». Они подтверждаются опытом религиозной жизни¹.

Даже если информация, относящаяся к категории религиозного знания, является вторичной, она, как пра-

¹ См.: Иван Ильин. Аксиомы религиозного опыта // Интернет. Режим доступа: <http://azbyka.ru/aksiomy-religioznogo-opyta>.

вило, вызывает у человека больше доверия, чем вторичная информация, относящаяся к категории научного знания. Почему? – Тут срабатывает психологический момент: человек получает такую информацию, как правило, от своих родителей, родственников, друзей, иных людей, которые вызывают у него уважение и доверие. Вторичная информация религиозного характера передавалась внутри семьи из поколения в поколение. Впрочем, любая вторичная информация, хранившаяся в малых социумах, обладала большей надежностью, поскольку базировалась на жизненном опыте, а не на фантазиях философов и ученых. Это было эмпирическое знание.

Впрочем, за последний век мощь СМИ и других институтов ретрансляции вторичного знания (причем не базирующегося на эмпирическом опыте) неуклонно растет. И эти институты все более заглушают ту вторичную информацию, которую человек получает в семье и других малых социумах (община, церковный приход, артель и др.). Эта информация малых социумов – клеточек общества – является памятью, в которой содержится цивилизационный код нации. Сегодня СМИ, школа, университеты, научные организации в нашей стране в значительной степени выступают в качестве ретрансляторов такого вторичного знания, которое разрушает код русской цивилизации.

Научное знание как религиозная секта

На тему, обозначенную в данном подзаголовке, мне уже приходилось писать раньше. В частности, в книге «Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков», где я рассматриваю творчество таких выдающихся русских мыслителей, как Л. А. Тихомиров, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, С. Ф. Шарапов¹. Все

¹ Катасонов В. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. М.: Родная страна, 2015.

они в той или иной мере оценивали современную им науку, особенно социальную, как разновидность религиозного сознания. Особенно страстно науку как объект религиозного поклонения развенчивал К. Н. Леонтьев. В этой связи воспроизведу фрагмент моей книги с высказываниями указанного мыслителя:

«Чтобы было понятно отношение Леонтьева к этой “ученой публике”, приведу обширную выдержку из работы Константина Николаевича, которая называется “О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике” (1880): “Итак, испытавши все возможное, даже и горечь социалистического устройства, передовое человечество должно будет неизбежно впасть в глубочайшее разочарование; политическое же состояние обществ всегда отзывается и на высшей философии, и на общем, полусознательном, в воздухе бродящем мирозерцании; а философия высшая и философия инстинкта равно отзываются рано или поздно и на самой науке.

Наука поэтому должна будет неизбежно принять тогда более разочарованный, пессимистический, как я сказал, характер. И вот где ее примирение с положительной религией, вот где ее теоретический триумф: в сознании своего практического бессилия, в мужественном покаянии и смирении перед могуществом и правотою сердечной мистики и веры.

Вот о чем славянам не мешало бы позаботиться! Это не противоречит прогрессу; напротив, если понимать прогресс мысли не в духе непременно приятно-эгалитарном и любезно-демократическом, а в значении усовершенствования самой только мысли, то такое строгое и бесстрашное отношение науки к жизни земной должно быть признано за огромный шаг вперед... ‘Ищите утешения в чем хотите; я Бога не навязываю вам – это не мое дело, – я только говорю вам: не ищите утешения в моих прежних

радикально-благотворительных претензиях, столь глупо волновавших прошедший XIX век. Я могу помогать вам только паллиативно'. Вот что бы должна говорить наука".

Блестящая и очень остроумная характеристика той науки, которая преобладала в России. Особенно, конечно, оценки Леонтьева относятся к общественной науке, социологии. Почему-то, говоря о причинах "русских" революций начала прошлого века, вовлечения Российской империи в бойню Первой мировой войны, мы крайне редко вспоминаем о той российской социальной "науке", которая внесла свой весомый вклад в эти трагические события. Впрочем, не без помощи системы образования, через которую идеи этой "науки" продвигались в народ (прошу прощения у читателя, не могу не ставить в данном контексте слово "наука" в кавычки).

И здесь Леонтьев в очередной раз подчеркивает, что современная ему наука имеет признаки религии. Точнее, это религиозная секта, обладающая большим разрушительным потенциалом. Как ей не быть религией, если она основана на вере "в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле"! Наука пришла на смену христианству, многие его адепты уповали на изменение человека в лучшую сторону. Предполагалось, что таким образом произойдет и улучшение самого общества. Рано или поздно наступит рай на земле. В истории Церкви это была *ересь хилиазма* (впрочем, почему *была*, эта ересь крайне распространена и сегодня). Однако царства Божия на земле еретики не дождались. И тогда люди свои надежды и взоры обратили в сторону науки. Номинальные члены Церкви отвернулись от христианства, потому что ожидали, что через него они обретут рай на земле. Эта страшная ересь закончилась безбожием, вернее сменой бога: вместо Христа люди стали поклоняться неведомому богу по имени "наука".

Один из догматов безбожной социологии: наука призвана начать с изменения условий жизни людей. Тогда *“сердца поневоле привыкнут к добру, когда зло невозможно будет делать”*. Наука должна заботиться об изменении одновременно и физических условий жизни человека, и его социальной среды. Первую задачу решают естественные науки, вторую – общественные (социальные). Наука (чистый разум) страдает *“утилитарной и оптимистической тенденциозностью, которая сквозит у большинства современных ученых”*. В этом, по мнению Леонтьева, заключается крайне негативная, разрушительная роль науки, которая сеет в обществе опасные иллюзии»¹.

Часть II. Гносис, или лжеименное знание

Наше время – время всяких подделок и фальсификаций. Церковь подменена христианством; живая жизнь – отвлеченным учением. Стираются в сознании многих границы между православием и ересью, между истиной и заблуждением.

*Сщмч. архиепископ
Иларион (Троицкий)*²

Знание как яд. Ересь гностицизма

Почему я об этом сегодня говорю? Потому что вижу, как культ гнозиса сегодня проникает даже внутрь

¹ Катасонов В. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. М.: Родная страна, 2015. С. 96–98.

² Священномученик архиепископ Иларион (Троицкий). Без Церкви нет спасения. М.: Сретенский монастырь, издательство «Знамение», 1999. С. 141.

церковной ограды. Происходит возрождение *гностической ереси*, которая возникла уже в начальные века христианства. Тогдашние гностики предлагали совмещать христианство с поклонением богу «знания», кое-где им это удалось. А затем началась вторая фаза натиска на христианство – полное и окончательное его вытеснение религией гностицизма (которая рядилась в тогу философии). Ересь гностицизма тогда с трудом, но была преодолена. В первую очередь благодаря бескомпромиссной позиции отцов Церкви.

На первый взгляд кажется странным: как можно бороться со знанием? Неужели отцы Церкви хотели противопоставить знанию веру и заменить знание верой? – Ничуть не бывало. Дело в том, что то, что представители гностицизма называли знанием, таковым не было. Отцы Церкви боролись не со знанием, а с ложным, точнее лжеименным, знанием. Напомню, что апостол Павел предостерегал своего ученика Тимофея от «прекословий лжеименного знания» (1 Тим. 6, 20). Некоторые толкователи полагают, что апостол предостерегал именно от ереси «гностицизма», которая во времена Павла уже существовала. Лжеименному знанию (разуму) святые отцы противопоставляли *духовное знание (разум)*. Святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «“Лжеименный разум”... есть образ мыслей и суждений, усвоившихся уму по падении человека. Как следствие падения, он имеет характер самообольщения, как следствие лжи и обмана, он не приемлет Истины – Христа, как высоко ценящий все земное, между тем как земля есть место изгнания падших, он противен вере и рождаемому ею духовному разуму, взирающему на все земное оком странника. Предмет лжеименного разума – одновременное и тленное. Когда предметом его

делается вечное и духовное, то суждения его вполне неосновательны и ошибочны»¹.

Троянским конем, с помощью которого еретики-гностики пытались уничтожить христианство, была философия. Сегодня повторяется та же самая история. Православие находится в опасности. Нам есть смысл вернуться к истории возникновения ереси *гностицизма*. Понять, каким образом она внедрялась в Церковь, насколько угрожала тогда христианству, разобраться, как велась борьба с нею, и извлечь необходимые уроки.

Ранний гностицизм, или синкретизм

Гностицизм начал свое движение, когда древний мир – как иудейский, так и языческий – «выдохся», исчерпал все свои ресурсы. «В действительности, – говорит русский богослов В. Болотов, – начало гнозиса падает на одну из печальных эпох во всемирной истории. Классическая философская мысль – уже без веры в свою силу, религия – без веры в свое содержание, политическая жизнь... – со зловещими предзнаменованиями»².

Некоторые авторы предпочитают ранний гностицизм называть синкретизмом – механическим соединением разных верований, философий, мифов. Не органическим соединением, а именно механическим, не рождающим ничего нового, но портящим даже исходные части искусственных конструкций. Как пишет современный исследователь гностицизма М. Э. Попов, ранний, дохристианский гностицизм – «синкретическое учение, охватившее античный мир в самые последние

¹ Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты // Интернет. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/simfonija-po-tvorenijam-svjatitelja-ignatija-brjanchaninova-tereshenko/237.

² Болотов В. История древней Церкви. Том 2. М., 1994. С. 181.

века перед Рождеством Христовым, начало со временем постепенно консолидироваться и кристаллизоваться в виде различных теогоний, космогоний, учений о происхождении человека, смешанных мистических культов и религиозных союзов или общин»¹.

Болотов видит в гностицизме синтез религии и философии, что-то наподобие «религиозной философии»: «Гностицизм развернулся в удивительном разнообразии систем, представляющих самые причудливые сочетания отрывков греческой философии и мифологических форм и религиозных верований египетских и восточных»². Достаточно глубокому рассмотрению раннего гностицизма, или синкретизма, посвятил Л. А. Тихомиров четвертый раздел своей книги «Религиозно-философские основы истории», который называется «Синкретические учения». Он, в частности, пишет: «Самые разнообразные синкретические объединения получались из комбинирования греческой философии и мистики с египетской, вавилонской, индусской, отчасти еврейской и христианской, захваченной гностицизмом. Новопифагорейство, всех видов гнозис, филонизм, впоследствии новоплатонизм, герменизм, манихейство и т. д. — все это было проявлениями стремления к синкретизированию различных отрывков истины, предполагавшихся в различных верованиях. Иногда эти попытки были производимы умами гениальными, как Плотин, и давали построения глубокие, как новоплатонизм — быть может, высшее выражение греческой философии. Этим построениям недоставало одного, главного, такого основного исходного пункта, который бы мог слить отвлеченную истину с жизненным и мировым делом человека, вооду-

¹ Гностики/ Под ред. Еремеева С. И. Киев, 1996. С. 11.

² Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Том 2. М., 1994. С. 171.

шевляя его горячей верой в то, что даваемая ему “истина” даст ему также и “жизнь”»¹.

Мир гностиков был не просто синкретическим, он был *плюралистическим*, всему в нем находилось место. Они знали философию, астрологию, магию и алхимию. Каждый интеллеktуал и творческий человек мог найти в гностицизме прекрасную среду для самовыражения.

Иудаизм и ранний гностицизм

В первую очередь гностицизм захватил языческий Восток (Вавилон, Египет), а также античный мир с его причудливой смесью язычества и греческой философии. Но дохристианский гностицизм начал расцветать также на почве *иудаизма*. В «Электронной еврейской энциклопедии» читаем: «В иудаизме в конце эпохи Второго храма существовали интеллектуальные и эмоциональные настроения, близкие духовному миру гностицизма. Возможно, они оказали более непосредственное влияние на возникновение гностицизма или по крайней мере послужили основой некоторых его идей. Признаки этого обнаруживаются в литературе секты Мертвого моря. Общим для гностицизма и свитков моря является представление об эзотерическом знании как о спасительном средстве, которое позволяет группе избранных преодолеть бездну, отделяющую человека от Божества, и предстать перед Богом “вместе с вечным воинством и духами знания, обновиться со всем существующим” (“Благодарственные псалмы”))»².

В энциклопедии упоминается возникшая внутри иудаизма секта ессеев, действовавшая в основном

¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 174.

² Гностицизм // Электронная еврейская энциклопедия // Интернет. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=11218&query>.

в районе Мертвого моря. Первоначально эта секта имела название «Новый завет» (другое название – «Новый союз»). Секта ессеев («Нового завета») появилась примерно в 180 году до Р. Х. Она утверждала, что обладает «тайным знанием». Ее учение было изложено в специальных книгах, некоторые из которых были обнаружены после Второй мировой войны в результате открытия на берегу Мертвого моря в Кумране древней библиотеки рукописей. Между прочим, сегодня в России многим известна апокрифическая «Книга Еноха». Специалисты полагают, что она вышла из ессеиских кругов. Секта ессеев прекратила свое существование в начале II века по Р. Х.¹

Однако, по мнению некоторых исследователей, вирус гностицизма начал разъедать монотеистическую религию евреев еще раньше – за несколько веков до Рождества Христова. Этот вирус зацепил монотеистическую религию еврейского народа («учение Моисеево») во время нахождения этого народа в вавилонском плену (VI век до Р. Х.). Данную точку зрения лаконично выразил немецкий историк XIX века Юлиус Вельгаузен: «Из плена возвратилась не нация, а лишь религиозная секта»². Под влиянием халдейской мистики и вавилонской магии появились вольные толкования Торы и других книг Священного Писания Ветхого завета. Позднее они трансформировались в Талмуд (в начальные века по Рождестве Христовом появились многотомные корпуса Иерусалимского и Вавилонского Талмуда). По мнению некоторых авторов (в том числе еврейских), именно во времена вавилонского пленения зародилась и каббала.

¹ См.: «Камо грядеши, Вавилон?» / Сост. В. И. Кремень. М.: Паломник, 2002. С. 167-177.

² Цит. по: Чамберлен Гаустон Стюарт. Евреи, их происхождение и причины их влияния в Европе/ Пер. с нем. Издание второе. СПб.: издание А. С. Суворина, 1907. С. 184.

Хотя официально ее рождение датируют XIII–XIV веками. Именно такую датировку дает «Электронная еврейская энциклопедия» (статья «Каббала»). Однако этот же источник признает, что первые идеи каббалы появились гораздо раньше: «Одним из древнейших источников каббалы является литература мистического характера, сложившаяся в I–III вв. н. э. в Эрец-Исраэль и Вавилонии на основании первой главы книги Бытия и первой главы книги пророка Йехезкеля...»¹ Кое-что на эту тему читатель может найти в моей книге «Иерусалимский храм как финансовый центр»².

В истории раннего мистицизма важное место занимает представитель философствующей еврейской элиты Филон Александрийский. Л. А. Тихомиров пишет о нем следующее: «Ряд эллинизированных евреев пытался синкретизировать Моисееву веру с мировоззрениями, с одной стороны, нашего античного мира, с другой – с воззрениями халдейско-персидскими. Наиболее крупным представителем первого направления был Филон Александрийский. Из этого направления не вышло никаких прочных результатов, и оно заглохло, забитое, с одной стороны, христианством, с другой – еврейством, перешедшим к внутреннему сплочению, с отбросом всяких чуждых взглядов»³.

В Новом Завете мы видим, что иудаизм времен Христа уже в значительной мере вырожден в секты, прежде всего секты фарисеев и саддукеев. По мнению некоторых богословов, эти секты представляют собой иудейскую

¹ Каббала // Электронная еврейская энциклопедия // Интернет. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=11899&query>.

² См.: Катасонов В. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: Кислород, 2014. – Глава I. Иерусалимский храм в истории еврейского народа.

³ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 174.

разновидность гностицизма. Священник Владимир Соколов пишет: «Собственно, все Евангелие, и особенно апостольские послания, – это полемика не с иудейской... и даже языческой верой, а с гностицизмом, именно потому, что он очень похож на веру, none является ею»¹.

Гностицизм как Лернейская гидра, или большой котел

Очень обстоятельный анализ истории становления и духовной сущности гностицизма содержится в работе сщмч. архиепископа Илариона (Троицкого) «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету». Вот его образная характеристика данной ереси: «Гностицизм – это было какое-то удивительное сплетение обрывков эллинской философии с мифами и мистериями восточных культов, такое сплетение, что даже и ученые специалисты затрудняются его распутать и часто склонны бывают объявить совершенно безнадежным вопрос о происхождении гностицизма и вопрос о классификации гностических систем. Гностических учений было множество. Древнецерковные полемисты сравнивают гностицизм с чудовищем, подобным Лернейской гидре, у которой на месте отрубленной головы выросло две новых, и говорят, что гностические системы появлялись как грибы. Более снисходительные ко всем вообще еретикам современные ученые разнообразие гностических систем уподобляют причудливым очертаниям вечерних облаков, освещенных прощальными лучами заходящего солнца»².

¹ Священник Владимир Соколов. Мистика или духовность? Ереси против христианства. М.: Даниловский благовестник, 2012. С. 28.

² Священномученик архиепископ Иларион (Троицкий). Без Церкви нет спасения. М.: Сретенский монастырь, издательство «Знамение», 1999. С. 383.

Особенно удачным в приведенном отрывке мне показалось сравнение гностицизма с Лернейской гидрой из древнегреческой мифологии. В переводе с древнегреческого это «водяная змея». Согласно мифам, эта гидра – дочь Тифона и Ехидны, чудовище с ядовитым дыханием, обитавшее в подземных водах. Описывалась как змея с семьей, девятью или даже пятьюдесятью головами. По другим источникам – чудовище с сотней шей, вырастающих из туловища. Вместо одной отрубленной головы у нее выросли новые две (по другим источникам – три), а одна голова (средняя) была бессмертна и извергала пламя.

Лернейская гидра вспоминается в связи с подвигами одного из главных героев греческой мифологии – Геракла. Всего он совершил 25 подвигов. Вторым подвигом стало уничтожение Гераклом гидры. Срубив бессмертную голову гидры, Геракл зарыл ее в земле у дороги, идущей через Лерну на Элеунт, а сверху на это место привалил тяжелый камень. Забегая вперед, скажу, что ересь гностицизма была побеждена святыми отцами внутри Церкви, а тяжелым камнем, положенным на место захоронения чудовища гностицизма, стали их обличения, которые дошли до нас. Но, увы, гидра гностицизма успела разложить свои яйца за пределами церковной ограды, поэтому из них вылупились маленькие змейки, которые стали встречаться в больших количествах на тех территориях, которые принадлежат философии. Некогда маленькие змейки сегодня превратились в гигантских удавов, количество которых стремительно множится, и они опять пытаются заползти на территорию Церкви.

Попытаемся представить себе атмосферу, в которой происходило зарождение гностицизма. Это был своеобразный пир интеллекта и самовыражения, на котором

было бесконечное количество блюд и кушаний. Здесь древним интеллектуалам можно было забыть, абстрагироваться от мрачных реалий тогдашней жизни (пир во время чумы). При этом участники пира не обращали внимания на то, что некоторые блюда были изначально ядовитыми, а кроме того – несовместимы между собой и грозили жизни и здоровью интеллектуальных сибаритов. Впрочем, можно также этот гностический плюрализм сравнить с большим котлом, в который без разбору бросали самые разные продукты и приправы. В результате получалось малосъедобное или даже опасное для здоровья варево¹.

Зарождение «христианского» гностицизма

Вскоре после зарождения христианства появилась форма так называемого христианского гностицизма. Это была совокупность ересей, которые появились в христианстве и прекратили свое существование примерно в V веке (некоторые считают, что еще в начале девятого). В большинстве гностических учений того периода ключевым понятием был гнозис как *тайное знание*. Это тайное знание якобы было изложено Спасителем во время Его земного служения избранным. А затем эти избранные стали передавать тайное знание немногим своим ученикам, которые также составили

¹ Когда я уже заканчивал подготовку данного материала, попало следующее сравнение гностицизма с котлом у современного психоаналитика, исследователя творчества Карла Юнга Льва Хегая: «Древний гностицизм и современный постмодернизм являются плавильным котлом, в котором рождается новое миропонимание» (цит. по: Тоотс Н. А. Гностицизм древний и современный // Интернет. Режим доступа: <http://www.delphis.ru/journal/article/gnostitsizm-drevnii-i-sovremennyi>). Примечательно, что Хегай не скрывает, что он последователь гностицизма и Юнга, внесшего свой вклад в развитие гностицизма, и идея плавильного котла его не только не смущает, но, наоборот, вдохновляет.

контингент избранных. Таким образом, и далее до конца земной истории тайное знание будет передаваться от одного избранного к другому. Тайное знание в гностицизме – условие спасения человека. Спасутся немногие, а именно избранные. Адепты гностицизма для продвижения своих учений довольно часто использовали апокрифические книги Священного Писания (они, собственно, их и писали). Например, «Евангелие Фомы», «Евангелие Филиппа», «Евангелие Истины». Вот, к примеру, один из источников гностицизма – «Апокриф Иоанна». Он, возможно, был создан в школе Валентина. В этом мифологическом повествовании (а таково большинство гностических текстов) содержатся ответы на важнейшие вопросы, волновавшие гностиков: «Кем мы были? Кем стали? Где мы были? Куда заброшены? Куда стремимся? Как освобождаемся? Что такое рождение? Что – возрождение?»¹

Впрочем, кроме своих доморощенных евангелий и других откровений гностики широко пользовались и Священным Писанием – как Ветхим, так и Новым Заветом. При этом пользовались крайне свободно, раскрепощенно.

Во-первых, они заложили привычку выбирать те части Священного Писания, которые им казались правильными, и отбрасывать те, которые были, по их мнению, неправильными. Эту привычку потом переняли другие еретики, вплоть до современных протестантов.

Во-вторых, они прибегали к крайне вольным трактовкам даже тех частей, которые им казались правильными.

В-третьих, у них была привычка исправлять тексты Священного Писания.

В целом для еретиков «печкой» их доморощенного богословия были их же собственные гностические

¹ Климент Александрийский. Извлечения из Феодота. 78, 2.

фантазии, а Священное Писание использовалось как троянский конь для продвижения этих фантазий и разрушения христианства. Книгами Священного Писания гностики пользовались в самых широких масштабах. По выражению Тертуллиана, изречения Священного Писания были для гностиков тем же, чем одежды овчие для хищных волков¹.

Детали учения так называемого христианского гностицизма дошли до нас через труды святых отцов раннего христианства, которые занимались борьбой с этой ересью. Это труды Климента Александрийского, Ириней Лионского, Ипполита Римского, а также Тертуллиана, Епифания Кипрского, Феодорита Кирского и др.²

Большинство исследователей, занимающихся гностицизмом, склоняются к тому, что христианский гностицизм – продукт смешения христианского учения, данного в Откровении, с греческой философией. А это синкретическая религия дополнительно еще сдобрена приправами в виде языческой мифологии античного мира и Востока, а также тайного иудаизма. Впрочем, гностицизм – не только учение. Это также определенные ритуальные практики. Они появились в результате синтеза христианских богослужений, языческих ритуалов, колдовства, шаманства и магии.

Расцвет гностических систем приходится на II век. Известны различные гностические секты: офиты, бар-

¹ См.: Священномученик архиепископ Иларион (Троицкий). Без Церкви нет спасения. М.: Сретенский монастырь, издательство «Знамение», 1999. С. 384.

² Первоисточники гностицизма были обнаружены сравнительно недавно. В XVIII–XIX веке в Египте было найдено несколько гностических сочинений в коптском переводе («Пистис София», «Книги Иету», «Мудрость Иисуса Христа»). В 1945 году в Египте, близ местечка Наг-Хаммади (древний Хенобоскион), была обнаружена библиотека, включающая 52 сочинения гностицизма в переводе на коптский язык.

белогностики, карпократиане и др. Известны и многие имена учителей, творцов систем. Первый в списке – Симон Маг, о котором мы знаем из «Деяний апостолов». Святые отцы называли его отцом всех ересей. Последующие представители христианского гностицизма: Маркион, Феодот, Марк, Менандр, Саторнил, Карпократ, Валентин, Василид и другие. Вот краткая справка о главных творцах христианского гностицизма, которую мы находим в работе Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории»: «Первым гностиком по времени был Симон Волхв, известный из Деяний апостольских, впрочем, еще не принимавший названия “гностика”, которое пущено в ход только Карпократом. Св. Иринеи Лионский, Ипполит, равно как и позднейшие писатели, единогласно признают Симона Волхва первым учителем гностицизма. Он был родом из Самарии. Его учениками были Менандр, тоже самарянин, и Кердон. Учениками Менандра были Сатурнил, родом сириец, и Василид, бывший египтянином. Учеником Кердона был Маркион (Понтиец), находящийся в связи с каинитами. Василид, по-видимому, дал некоторые исходные пункты знаменитому Валентину, который, впрочем, и сам знал египетскую философию, будучи и сам египтянин. В Египте же научен Керинф. От Сатурнилы и Маркиона получили начало эикратиты (Татиан). Учение Марка примечательно по сходству с каббалистической “Сефер Иецирой”, вводя в творческие силы буквы и цифры, только не еврейские, а греческие. Мистические формулы “искупления” его секты произносятся на еврейском языке, который вообще пропитывает гностические термины. Из наиболее революционных учений должно отметить доктрину Карпократа и его сына Епифана, а также секту каинитов. Остальных учителей гностицизма оставляем в сторо-

не. Развитие гностицизма совершалось одновременно с христианством. Симон Волхв был современником Спасителя и еще при императоре Клавдии был в Риме. Менандр и Коринф относятся к I веку по Р. Х. Кердон и Сатурнил переходят с первого века на второй. Маркион продолжал еще учить в 150 году. Василид был несколько раньше Валентина, который родился в последнее десятилетие I века и умер в 160 году»¹.

Тема гностицизма очень обширная. Я, будучи непрофессионалом, не дерзаю сильно погружаться в нее. Но вот что я хочу показать на примере ереси христианского гностицизма: философия стала разъедать Церковь, как серная кислота разъедает железо. И не какая-нибудь, а самая «качественная» на тот момент, классическая греческая философия.

Тайное знание вместо Истины Христа

Возникает вопрос: почему тайное знание христианских гностиков спасает человека? И от чего спасает? Спасает от существующего мира, который гностики считают сплошным злом. Спасает от плоти, которая является обузой для человека. Спасает от демиурга, выступающего в качестве посредника между человеком и Богом и также являющегося злом (так как стоит на пути человека, стремящегося к Богу). Спасение происходит в результате того, что человек действует по инструкциям тайного знания, предписывающим определенный образ жизни и осуществление должных практик и ритуалов. Итак, спасает человека не Бог, а какие-то инструкции тайного знания. Махровая ересь.

¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 175-176.

Судя по всему, партию гностиков составляли люди с высоким уровнем образования. Они увлекались философией, особенно учением Платона. Они привыкли к пространным текстам, тонкостям мысли, различным интеллектуальным изыскам. Евангелия, записанные апостолами, казались им слишком простыми и краткими. Далекое не все их устраивало и в Ветхом Завете. Так, в книге Бытия мы читаем историю творения мира. Создав мир, Бог увидел, что «вот, все хорошо весьма». А если открыть «Евангелие от Филиппа», то все, наоборот, плохо. По мнению гностиков, мир возник случайно, в результате ошибки. Бог к творению этого мира не имеет отношения. К тому же во многих гностических доктринах Бога как такового нет. Есть некое безличное начало в духе философии Платона. Из этого бога (с маленькой буквы) исходят (истекают) зоны, образующие плерому. Зоны – духовные сущности, заполняющие пространство между Богом и миром, а плерома (наполнение, полнота, множество) – мир, который формируется с помощью эонов. Из этой идеи рождается учение гностиков о трех типах людей. Те, в ком есть пневматический элемент, кому доступно высшее знание, гнозис, являются людьми духовными, пневматиками. Ниже их стоят люди, послушные заповедям тех, кто творил этот мир (демиургам), – психики, душевные. Основная же масса людей – плотские, гилики (или соматика).

Афанасий Савельев следующим образом комментирует подобную сортировку людей гностиками: «Вот такой своего рода духовный расизм. От человека ничего не зависит – бедняга гилик никогда не станет даже психиком, не то что гностиком. А максимум, что светит психику, – прямо-таки булгаковские “не свет, но покой”»: в плерому ему не войти, но пребывать в более-

менее сносом состоянии на одной из низших ступеней бытия он может сподобиться. Гилики же обречены погибнуть вместе с этим миром»¹.

Предопределенность судьбы человека неизбежно порождает этический нигилизм, безразличие к вопросам морали у гностиков. В реальной жизни это безразличие перерастало в осознанную и смакуемую гностическую аморальность. Приведу цитату из Иринея Лионского по этому поводу:

«Физические люди обучаются вещам физическим, и они укрепляются в трудах и в вере и не обладают совершенным знанием. И они (по их словам) и есть мы, церкви. Следовательно, утверждают они, для нашего спасения моральная жизнь необходима. Сами же они, однако, согласно их учению, будут спасены абсолютно и при любых обстоятельствах, не через дела, но через простой факт своего бытия, по природе “духовного”. Поскольку как невозможно для земного элемента участвовать в спасении, неподвластном ему, так невозможно для духовного элемента (на который они претендуют сами) страдать от порчи, вне зависимости от того, какие действия они себе позволяют. Как золото, погруженное в грязь, не потеряет свою красоту, но сохранит свою природу и грязь не сможет испортить золото, так ничто не может повредить им, даже если их деяния вовлекают их в материю, и ничто не может изменить их духовную сущность. Следовательно, “наиболее совершенных” среди них действительно не смущают все те запретные вещи, о которых Библия говорит, что “те, кто делает подобное, не войдут в Царство Божие”... Другие несдержанно служат вожде-

¹ Афанасий Савельев. Гностицизм – ересь, не дающая миру шанса // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravda.ru/faith/dialog/29-02-2012/1109681-gnostik-0/>.

нию плоти и говорят, что вы должны воздавать плоти плотью и духу духом»¹.

В общем, мы видим, что картина мира, созданная гностиками, весьма мрачна. Картина фатализма, обреченности, нигилизма, бесконечной удаленности от Бога. Эту картину могли нарисовать люди уходящего языческого мира, которые не сумели сердцем принять Христа. Они лишь проявили любопытство к христианству, которое воспринимали только как одну из сект, вышедших из недр иудаизма. Они не увидели спасительности христианства, не поверили в воскресение Христа. Они лишь пытались интегрировать некоторые идеи христианства в свою философскую систему, основанную на платонизме.

Гностики имели навык излагать свои мысли на бумаге, причем в виде системы. Именно они сделали первую попытку облечь учение Христа в некую пространную и интеллектуально изоциренную систему, которая стала первой версией христианского богословия. Правда, как потом выяснилось, первый блин получился комом. Гностическая версия богословия была забракoвана отцами Церкви как ересь и полное извращение христианства. Если бы отцы Церкви не сделали этого вовремя, гностицизм мог поглотить христианство. Выше я уже перечислил имена отцов Церкви, которые принимали самое деятельное участие в развенчании ереси. Собственно, в борьбе с гностицизмом и стало зарождаться истинное христианское богословие.

По словам английского писателя Г. К. Честертона, Церковь сумела «сдержать разгулявшуюся фантазию пессимистов, восставших против природы, – противо-

¹ Цит. по: Йонас Г. Гностицизм. Часть третья. Гностицизм и классический ум. Добродетель и душа в греческом гностическом учении. Идея добродетели: ее отсутствие в гностицизме // Интернет. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Jonas/14.php.

стоять их зонам, их демиургу, их странному Логосу и невеселой Софии. Если бы Церковь не настаивала на богословии, она растворилась бы в безумной мифологии мистиков, далекой от жизни и от любви к живому»¹.

Христианский гностицизм передает эстафету философам и тайным сектам

Гностицизм как религиозно-философское течение внутри христианства исчезает к IV–V векам. Но его ядовитые семена разлетелись по всему миру. Идеи гностицизма легли в основу манихейства (возникшего в III веке) и многих средневековых сект (павликиане, богомилы, катары), которые пытались выдавать себя за христиан, но таковыми не были, находились за пределами Церкви. В Новое время гностические мотивы звучат в таких религиозно-философских учениях, как розенкрейцерство, теософия, антропософия, софиология и т. д.²

Некоторые авторы полагают, что продолжением христианского гностицизма стал неоплатонизм. Это, по их мнению, поздний гностицизм. Даже, помню, у какого-то автора прочитал: неоплатонизм и поздний гностицизм – две стороны одной медали. Но разница между ними есть, и она существенная. Христианский гностицизм развивался в лоне Церкви (пока не был оттуда изгнан как ересь). Неоплатонизм возник за пределами церковной ограды,

¹ Честертон Г. Вечный человек – Часть II. Глава 4. Свидетельство еретиков.

² См.: Гностицизм // Новая философская энциклопедия // Интернет. Режим доступа: <http://iph.gas.ru/elib/0807.html>. См. также: Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. – Глава 23. Гностицизм; Поснов М. Э. Гностицизм второго века и победа христианской религии над ним. К., 1917; Ионас Г. Гностицизм. СПб., 1998; Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979.

но сразу предпринял попытки расшатывать христианство извне. Время становления неоплатонизма – VI–VII века. Затем император Юстиниан закрыл академию философов в Константинополе, бывшую оплотом неоплатоников. И поздний гностицизм-неоплатонизм вынырнул на поверхность лишь в эпоху Возрождения. В это время в Западной Европе начинаются попытки восстановления гностической традиции как философии научного познания, одним из подразделов которого в те времена считалась магия. Первыми гностиками Ренессанса были богословы, ученые и артисты, оперировавшие в сферах философии, науки и культуры: Варлаам Калабрийский (оппонент Паламы в исихастских спорах) и его ученик Пико делла Мирандола, Джордано Бруно, Галилео Галилей, Леонардо да Винчи, Фрэнсис Бэкон, Исаак Ньютон, Вильям Шекспир, Бенедикт Спиноза, Рене Декарт, граф Калиостро... С началом Нового времени гностическая идеология была ассимилирована розенкрейцерами, мартинистами и масонами, а в XX веке усвоена экзистенциальной философией – от Ницше и Хайдеггера до Сартра и Дерриды¹. Выше перечислены имена лишь некоторых философов, которых в учебниках и научных монографиях по философии, а также современные гностики приписывают к гильдии гностицизма.

Но если внимательнее изучить философские теории и учения последних веков и дня сегодняшнего, мы увидим, что почти все они заражены вирусом гностицизма. Один мой знакомый, бывший в «прошлой жизни» профессиональным философом, высказался еще жестче: все теории, имеющие фирменный знак философской корпорации, содержат вирусы гностицизма. Заражение стопроцентное!

¹ Владимир Видеман. Платонизм и гностицизм // Интернет. Режим доступа: <http://www.platonizm.ru/content/videman-v-platonizm-i-gnosticizm>.

Сегодня, помимо профессиональных философов, которые в той или иной мере питаются идеями древних гностиков и творчески их развивают, имеется большое число так называемых верующих и практикующих гностиков. Они объединены в гностические церкви, ордена и просветительские общества¹.

Часть III. Интеллектуалы в поисках мистики

Ученостью меня не обморочишь
(Скалозуб).

А. С. Грибоедов. Горе от ума

Философия и атеизм: ренессанс «духовности»

Я уже не раз отмечал, что корпорация профессиональных философов на протяжении многих веков сталкивается с серьезнейшей проблемой. С одной стороны, она претендует на то, чтобы раскрывать человечеству тайны бытия. Но тайны бытия находятся за гранью видимого мира, за гранью пяти чувств человека. Для раскрытия таких тайн философия должна стать *метафизикой* (буквально: за пределами физического мира). Но вся философская метафизика построена на песке человеческих фантазий, которые нельзя ни обосновать, ни опровергнуть.

Философия оказалась неконкурентоспособной по сравнению с религией. Особенно – христианством, мировоззрение которого базируется на Откровении, ставшим метафизическим фундаментом Церкви. Кроме того, у Церкви есть свои дополнительные методы метафизи-

¹ Алекс Мома. Гностицизм в современном мире. Материал доклада на Ассамблее О. Т. О. в 2009 году // Интернет. Режим доступа: <http://www.thelema.ru/gnosticism/580-gnosticism-v-sovremennom-mire.html>.

ческого познания мира, построенные на христианской аскетике и молитвенном делании.

Попытка философии в Новое время встать на фундамент рационального познания и эмпирических методов очень скоро привела ее к еще более плачевному исходу. Философия оказалась неконкурентоспособной по сравнению с наукой, которая познавала физический мир гораздо более профессионально (в том числе с помощью эксперимента, приборного наблюдения и т. п.). Рационально-эмпирическая философия по отношению к науке оказалась чем-то наподобие пятого колеса в телеге.

У корпорации профессиональных философов есть возможность признать, что абсолютная истина находится в Церкви, и, покаянно признав это, войти внутрь церковной ограды. Признав, что именно там (и только там) существует Философия с большой буквы (как любовь к Мудрости Божией). Но, как я писал в первой части, философствующие гностики, которые оказались внутри церковной ограды в начальные века христианства, этого признавать не собирались. И были в конце концов изгнаны из Церкви как еретики. Гордыня современных профессиональных философов тем более не позволяет им сделать этот единственно правильный и спасительный шаг. Точно так же не хотят они бесследно раствориться в науке. Не только в силу своей гордыни, но также в силу того, что в настоящей науке надо по-настоящему трудиться. А многие профессиональные философы к этому не приучены. Они могут лишь пережевывать результаты, создаваемые настоящей наукой. Проще говоря, имеет место паразитирование на науке.

В этой ситуации профессиональные философы видят единственный для себя выход в том, чтобы заняться метафизикой с помощью *специальных мистических ме-*

тодов. Мистика (от греч. μυστικός – скрытый, тайный) – вера в существование сверхъестественных сил, с которыми таинственным образом связан и способен общаться человек; также – сакральная религиозная практика, имеющая целью переживание непосредственного единения с Богом (или богами, духами, другими нематериальными сущностями). Совокупность теологических и философских доктрин, посвященных оправданию и осмыслению этой практики, называется *мистицизмом*¹. Религия – основная форма мистики и мистицизма. Это *религиозный мистицизм*, он имеется не только в христианстве, но также в исламе, иудаизме, буддизме и т. д. Собственно, без мистицизма религии не бывает. Обратим внимание на следующее тонкое замечание русского мыслителя Л. Тихомирова: «Христианская мистика неохотно употребляет термин “мистическое” и гораздо чаще говорит о “ложном мистицизме”, таинственное же общение в области мистического допускает только в смысле духовной жизни»². Итак, истинные христиане однозначно дистанцировались от понятий «мистика», «мистический», «мистицизм» для описания своей духовной жизни³.

Итак, мистицизм – явление внецерковное. Иногда его еще называют философским мистицизмом. Об этом пишет И. Т. Фролов, который, кстати, в советское время был «главным философом» страны⁴: «Однако начиная

¹ Мистика // Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

² Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 73.

³ Более подробно данный вопрос освещен в следующей работе: Священник Владимир Соколов. Мистика или духовность? Ереси против христианства. М.: Даниловский благовестник, 2012.

⁴ Иван Тимофеевич Фролов (1929–1999) – советский и российский философ, партийный деятель, в 1990–1991 – член Политбюро ЦК КПСС, в 1989–1990 – секретарь ЦК КПСС, в 1989–1991 – главный редактор газеты «Правда». Академик по отделению философии АН СССР.

с XIX века в культурной жизни Европы все заметнее становится роль так называемого внецерковного или философского мистицизма. В XX веке он превращается в общемировое явление и начинает конкурировать с традиционными религиозными и религиозно-философскими учениями¹. Советский философ совершенно верно пишет, что внецерковный мистицизм стал выходить на передовые позиции в позапрошлом веке, повышая конкурентоспособность начавшей было хиреть философии.

Поиск интеллигенцией неведомого бога

Впрочем, эту тенденцию зафиксировал и описал еще век назад наш выдающийся русский мыслитель Лев Александрович Тихомиров в своей известной книге «Религиозно-философские основы истории». Этому он посвятил девятый раздел своего труда, который называется «Воскресение языческой мистики и экономический материализм». При этом он обратил внимание на то, что мистика была нужна не только профессиональным философам как метод метафизического познания, но и всем людям, которые ушли из Церкви и успели устать от вульгарного материализма. Им потребовалась духовность.

В XIX веке началось активное искание нового бога, особенно этим увлекались интеллектуалы. Большой размах оно получило в России. В конце XIX – начале XX века в среде русской интеллигенции возникло философско-религиозное движение, которое получило неофициальное название «богоискательство». Представители этого движения – Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский,

¹ Философский мистицизм // Фролов И. Т. Введение в философию: учебное пособие для ВУЗов // Интернет. Режим доступа: http://society.polbu.ru/frolov_intphilosophy/ch59_i.html.

З. Гиппиус, Н. Минский, В. Розанов, Д. Философов и другие. Как видно, в движении принимали участие как «профессиональные философы», так и «творческая интеллигенция». «Богоискатели» группировались вокруг Религиозно-философского общества; издавали журналы «Новый путь», «Вопросы жизни», «Весы»¹.

Кто-то из «блудных сынов» стал возвращаться в лоно Церкви, но большинство обратилось совсем к другой духовности. Вот что пишет Тихомиров в указанном разделе книги: «... Первичным пунктом “освобождения от Бога” стал рационализм, направление, основанное на предположении возможности разума (*ratio*) познавать истину независимо от Божественного Откровения, своими собственными силами... Эта грубая философия, выбрасывающая из души человека три четверти ее содержания, дает образчик того, в какую ничтожность низводит человека в конце концов горделивая идея автономности. Избавившись от зависимости от Бога, он переходит в полное рабство силам природы, где нет ничего, кроме роковой необходимости... Людьми... стала овладевать тоска по всему, где есть личность и свобода. И вот в этом атеистическом, материалистическом, позитивном культурном мире вдруг со всех сторон открываются ворота для вторжения языческой мистики, которую человечество так решительно отвергало девятнадцать веков назад для духовной жизни со Христом»².

Во Втором послании апостола Петра сказано «Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается

¹ Бердяев в своей работе «Новое религиозное сознание» (1907) утверждал, что речь идет не о поиске «нового бога», а о «поиске новых путей к Богу». Однако эти богоискатели, выбирая пути внецерковной мистики, находили не Бога, а то, что принято называть обезьяной Бога. Но об этом разговор ниже.

² Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 473, 478, 479.

на свою блевотину, и: вымытая свинья идет валяться в грязи» (2 Петр. 2, 22). Такими словами апостол обличал некоторых первых христиан, которые возвращались к прежним языческим привычкам. Судя по общему содержанию послания, можно предположить, что некоторые из них были заражены ересью гностицизма. Если во времена апостола число тех, кто возвращался в грязную лужу языческого мистицизма, было сравнительно невелико, то во времена Тихомирова и тем более в наше время таких абсолютное большинство. А многие «валяются в грязи», даже сохраняя на своей шее знак христианства – крест.

Попробуем разобраться, что такое мистицизм, который называют внецерковным, философским, языческим. В христианской литературе его часто называют ложным мистицизмом.

Оккультизм и эзотерика как формы мистицизма

Для того чтобы просто перечислить основные направления, разновидности, а также оттенки ложного мистицизма, потребуется несколько страниц убогистого текста. Часто всю совокупность видов мистицизма называют оккультизмом. *Оккультизм* (от лат. *occultus* – скрытый, тайный) – общее название учений и традиций, считающих, что существуют скрытые и неизвестные науке силы и явления в человеке и космосе (природе), опыт которых доступен лишь людям с особыми способностями, или посвященным. Иногда пытаются провести границы между мистицизмом практическим и теоретическим. Под последним понимается философско-теоретическое обобщение и обоснование мистических практик. В специальной литературе иногда синонимом оккультизма считают слово *эзотерика*, означающее также тайное зна-

ние. Но некоторые авторы проводят грань, полагая эзотерику скорее теоретическим тайным знанием, а оккультизм – практикой, умением применить «тайные знания» на деле. Иначе говоря, эзотерик может только читать книги, а настоящий оккультист должен уметь проникать за грань видимого мира.

Никаких реестров и классификаций видов мистицизма нет. У разных авторов списки варьируются. Некоторые классифицируют виды по хронологии, например, мистицизм античности (древнего мира), Средних веков, Нового времени, современный.

Мистицизм: подделки под религию

После *раннего гностицизма*, конец которому внутри христианства был положен в IV–V веках, эстафету от него приняло *манихейство*. Это наполовину религия, наполовину философия, которая была сконструирована персидским проповедником Мани (отсюда название). Талантливый Мани синтезировал христианство, гностицизм и каббалистические идеи. Судя по всему, манихейство было предназначено для христиан, поскольку в системе Мани были сохранены христианские названия и обряды. И жертвы со стороны христианства были. Манихейством в молодости увлекся даже Августин, тот самый Августин, который позднее был прославлен как Блаженный и получил титул отца Церкви. Испытав на себе лицемерие и пустоту манихейства, Блаженный Августин позднее стал вести непримиримую борьбу с манихейством (трактаты «О правах манихеев», «О пользе веры», «О двух душах», «Против Фавста-манихея» и др.). Манихейство, согласно православным исследователям, имело претензию на то, чтобы быть универсальной религией, которая могла бы удовлетворить духовные потребности всех. Манихей-

ство – религия с агрессивно-миссионерской претензией на «завоевание» мира и монополизм. Манихейство просуществовало почти тысячу лет, а по некоторым данным, продолжает существовать и сегодня. Либо тайно, либо под другими названиями.

После гностицизм и манихейства в эпоху расцвета христианства были также очень распространенными такие виды «тайного знания», как каббала и герметизм. *Каббала* (ивр. קַבָּלָה – получение, принятие, предание) – религиозно-мистическое и эзотерическое течение в иудаизме, появившееся, как указано в большинстве учебников, в XII веке и получившее наибольшее распространение в XVI веке. Каббала претендует на тайное знание божественного откровения, содержащегося в Торе (Пятикнижии Моисеевом). Каббала связана с осмыслением творца и творения, роли и целей творца, природы человека, смысла существования. В законченном виде каббалистическое учение, которое еще называют «еврейской философией», изложено в XVI веке в сочинениях раввина Ицхака Лурия Ашкенази (чаще упоминается под именем Аризаль). Некоторые авторы полагают, что Каббала гораздо древнее, чем принято считать. Есть мнение, что она зародилась еще во времена вавилонского пленения евреев (примерно за пять веков до Р. Х.), после соприкосновения иудаизма с учениями и религиями вавилоно-персидского Востока¹. Высказываются предположения, что Каббала родилась даже раньше, чем классическая греческая философия (Сократ, Платон, Аристотель), что последняя заимствовала идеи ранней каббалы.

Некоторые авторы полагают, что толчок к рождению каббалы дало появление христианства, вернее – от-

¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 199.

каз от принятия евреями христианства. Вот, в частности, мнение Андрея Кураева: «Религия Завета навязывается Израилю, а не творится им. И когда Израиль не принял Новый Завет, когда ушли пророки и ушла Благодать Божия – он наконец вполне предался желаниям своего сердца и создал себе религию. Он создал каббалу. Все то, что было запрещено Ветхим Заветом, есть в каббале – магия и оккультизм, астрология и отрицание Единого Личного Бога-Творца»¹.

Идеи каббалы исследовали и развивали в своих работах следующие мыслители: христианский мистик Якоб Беме, немецкие врачи Бальтазар Вальтер, Парацельс, Пауль Риций, алхимик, писатель и врач Корнелий Агриппа, Роберт Фладд, химик и врач Ван Гельмонт, врач-психиатр и философ Карл Густав Юнг, Анна Шмидт, Кнофф вон Розенрот, Пико делла Мирандола, Генри Мор, философы Бенедикт Спиноза, Соломон Маймон, Рене Генон, Гийом Постель, Иоганн Рейхлин, французский мистик Луи Сен-Мартен, писатель мистик Новалис, историк и литературный критик Харольд Блум, русские философы Николай Бердяев, Владимир Соловьев и Сергей Булгаков.

Надо сказать, что каббала оказалась очень живучей. Она популярна до сих пор: издается большое количество литературы по каббале, проводятся конференции и дискуссии. Каббала признавалась всеми направлениями ортодоксального иудаизма как дополнение к традиционному религиозному образованию. В XX веке каббалу начали использовать для истолкования актуальных проблем современности и описания будущих событий в мире.

¹ Диакон Андрей Кураев. Можно ли спастись вне Церкви? // Интернет. Режим доступа: http://otrok-ua.ru/sections/art/show/mozhno_li_spas-tis_vne_cerkvi.html.

Герметизм (герметика, или герметическая философия) – оккультное и магическое учение, течение эпохи эллинизма и поздней античности, изучавшее тексты с сокровенными знаниями, приписываемые мифической личности – мудрецу Гермесу Трисмегисту (в древнем Египте его аналог – бог мудрости и знаний Тот, у древних греков – бог Гермес). От имени указанного мудреца и произошло название течения. В Средние века и период Возрождения герметизм стал практической доктриной европейских алхимиков. Эзотерическое учение сочетало элементы популярной древнегреческой философии, халдейской астрологии, персидской магии и древнеегипетской алхимии. Влияние герметизма на общество чувствуется до сих пор. Герметизмом была очень увлечена Елена Блаватская, его идеи вошли в ее теософию – эзотерическое учение, которое до сих пор популярно среди части интеллектуалов.

Многие исследователи исходят из того, что любая форма мистицизма в конечном счете – «мимикрия», попытка быть похожей на ту или иную привычную религию. Внецерковные мистики пытаются выдать свои практики и философские озарения за разновидности известных людям религий и теологий. Отсюда рождается классификация мистицизма по видам религий (христианство, ислам, иудаизм, конфуцианство, буддизм и т. д.). Примерами таких подделок, имитирующих христианство, могут служить: христианская каббала, христианский дзэн, эзотерическое христианство.

Мистицизм: подделки под оздоровление, философию, науку

Впрочем, некоторые виды мистицизма, наоборот, всячески маскируют свою связь с религиями. Мисти-

цизм может облекаться в формы привычных для образованных людей *философских школ*. Например, философию Пифагора или Платона. Получая соответственно названия: пифагореизм и неоплатонизм. К философскому направлению мистицизма также принято относить теософию Елены Блаватской, антропософию Рудольфа Штайнера, учение «Живой этики» Н. К. и Е. И. Рерихов, космологическое учение «четвертый путь» Г. И. Гурджиева, мистическое учение Леонида Андреева (произведение «Роза мира») и т. д.

Парадоксально, но и внутри святая святых европейского рационализма – науки – наблюдается мощная тяга к мистике и мистицизму. Здесь я позволю себе процитировать уже упоминавшегося академика И. Т. Фролова: «На фоне умаления идеалов Просвещения и Разума обнаруживаются теневые, “иррациональные” стороны философствования и основ классических наук, что воспринимается как прямой призыв к пересмотру значимости наук. Представители различных отраслей знания и культуры, например медик Дж. Лилли, историк Т. Роззак, психиатр С. Гроф, литератор А. Кестлер, религиовед Р. Генон, физик Дж. Беннет (последователь Гурджиева), этнограф К. Кастанеда, отрицая свою причастность философии, создают оригинальные гипотезы и учения о субстанциональном либо динамическом единстве душевного мира человека и “истинного” Космоса. То, что, по их мнению, действительно существует или является ведущим в мире, – будь то вакуум, лептонные структуры, информационные поля, космическое Сознание и тому подобные представления, взятые подчас из области современной физики, наделяются антропоморфными чертами (памятью, творчеством, программированием), а нередко и божественными свойствами (творением из ничего, всеведением и т. п.). Такого рода

построения можно оценить как возврат к досократической натурфилософии»¹.

Наконец, мистицизм может выдавать себя за *школы оздоровления* (как тела, так и души), учитывая тягу современных людей к «правильному образу жизни». Убедительное тому подтверждение – йога. На первой этапе вам предлагают гимнастику, а затем постепенно начинают погружать в созерцания и единственно правильную философию. В этом же ряду стоят: система саморегуляции под названием «аутотренинг», оздоровительная система Порфирия Иванова и т. д.

Тайные общества: борьба не только за души, но и за власть

Многие виды внецерковного мистицизма имеют гриф «секретно». Их адепты, приверженные идеологии тайного знания, полагают, что «внешним» (непосвященным, профанам) не положено знать тайны практики и теории их мистической жизни. Такие виды мистицизма можно классифицировать лишь по названиям, которые имеют их организации. Это разные *ордена, секты, братства, общества, союзы*.

Что касается *сект*, то их особенно много расплодилось в средневековой Европе после того, как католицизм отпал от Церкви (это произошло в 1054 году). Многие из них ставили перед собой благородные цели борьбы со злоупотреблениями внутри Католической церкви, а также за «чистоту веры». Только в пылу этой борьбы многие секты сами стали носителями ересей. В XII веке в условиях всеобщего упадка Католической церкви по

¹ Фролов И. Т. Введение в философию: учебное пособие для ВУЗов // Философский мистицизм // Интернет. Режим доступа: http://society.polbu.ru/frolov_intphilosophy/ch59_i.html.

всей Европе быстро стали распространяться секты *патерийцев, альбигойцев, катаров*.

Наиболее известными орденами, возникшими в Средние века, были *ассасины* (орден исмаилитов, действовавший в мусульманском мире) и *тамплиеры* (рыцарский орден, действовавший автономно в рамках католицизма). Одно из лучших описаний истории, принципов деятельности, а также идеологии и духовно-религиозной природы этих орденов можно найти в уже упоминавшемся труде Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории»¹.

Лев Александрович четко показал, что именно тайные монашеские и рыцарские ордена, родившиеся в недрах католицизма (тамплиеры, иезуиты, францисканцы, бенедиктинцы, мальтийцы, госпитальеры, кармелиты и др.), либо переродились в Новое время в масонские общества, либо передали эстафету созданным масонским структурам. Так, орден тамплиеров еще в начале XIV века был разгромлен и запрещен, но его программа, ритуалы и мистическая философия перекочевали в масонство (считается, что официально масонство появилось лишь в начале XVIII века, однако де-факто тайные «братства каменщиков» были уже в средневековой Европе).

Масонские ложи, равно как и появившиеся в начале Нового времени тайные *ордена розенкрейцеров* и *иллюминатов*, были уже не просто духовно-религиозными обществами. Они ставили перед собой задачи завоевания политической власти. Сначала в отдельных странах, а затем и во всем мире. Священник Николай Карасев пишет: «К концу XVIII века масонство приобрело политическую силу и поставило своей целью обретение мирового господства. Но на пути стояли монархия и

¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. – Отдел 8 «Тайные учения и общества».

Церковь, поэтому главной задачей масонства стало устранение монархии и Церкви любыми средствами. Первой такой попыткой стала Великая французская революция, которая впервые раскрыла человечеству истинное лицо масонства»¹.

В этой связи я в очередной раз вспомнил формулу Ф. Бэкона: «Знание – сила». Тайное знание на протяжении многих веков подтачивало Церковь и общество и в конце концов превратилось в силу. Но это сила политическая и разрушительная. Понятно, почему она разрушительная. Потому что источником этой силы является враг рода человеческого. Впрочем, подобно тому как Бог не создавал зла, Он также не давал врагу рода человеческого силы. Разрушение – результат утраты Церковью и человеком сил, которые Бог давал и готов давать христианам. Но они увлеклись разными философиями и тайными знаниями, легкомысленно и даже безумно изолируя себя от Источника силы. «Не враг силен, а мы слабы». Все просто. Враг умеет только разрушать и убивать, а христиане утрачивают связь с Богом, теряют способность созидать и даже сохранять то, что Бог им даровал (в том числе жизнь тела и души).

Философы, мистицизм и тайные общества

Тема мистицизма и тайных обществ, культивирующих мистицизм и разбрасывающих по всему миру его плоды в виде отравленного «знания», очень обширна. Хочу сконцентрироваться на *философии* и *философском мистицизме*. Роль философии в разложении и духовно-нравственном разложении общества трудно переоценить. Вот, например, Л. Тихомиров цитирует вы-

¹ Свящ. Николай Карасев. Путь оккультизма. Историко-богословские исследования. М.: Пренса, 2003. С. 219.

сказывание высокопоставленного французского масона МалAPERта, сделанное в 1874 году: «В XVIII веке масонство было столь распространено в мире, что можно сказать, что с этой эпохи ничего на свете не делается без его согласия. Нет надобности говорить о гигантской работе наших французских философов, которые все были масоны»¹. Тихомиров перечисляет наиболее видных философов-масонов: Гельвеций, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Дидро, Даламбер, Кондорсе, Кабанис, Гольбах, Гримм, Мореле, Лагранж и другие. Лев Александрович пишет: «Эти философические рыцари розенкрейцеры и кадоши (члены масонско-рыцарского ордена «Кадош». – В. К.) своей пропагандой подрывали старые устои Франции, прежде всего религию и ее учреждения»².

Хотя Тихомиров упоминает лишь два ордена (розенкрейцеров и кадошей), многие философы-масоны принадлежали также к ордену иллюминатов. Поэтому они любили себя называть «просветителями». Но имели в виду не Свет, излучаемый Богом, а свет, идущий от падшего ангела Денницы, или Люцифера. Именно его, Люцифера, «философические рыцари» ставили в центр мироздания, именно ему они поклонялись в своих ложах. А для «внешних» они выглядели атеистами, агностиками, рационалистами, позитивистами и т. п. Впрочем, в масонских ложах и рыцарских орденах были и иные кумиры и объекты поклонения: Каин, Нимрод, Иуда и прочие богоборцы, известные нам из Священного Писания. Для «философических рыцарей» XVIII века такие фигуры, как Сократ, Платон и Аристотель, уже были неинтересны ни как источники философской мудрости, ни тем более как кумиры для поклонения.

¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 455.

² Там же. С. 456.

Греческим мудрецам была нужна истина, а «философическим рыцарям» – власть.

Выше мы сказали, что почти все без исключения французские философы XVIII века оказались масонами. Следовательно, они были идеальными агентами влияния для тех, кто стоял на высших ступенях масонских лож (посвященных, владеющих тайным знанием мастеров). Кто-то из философов-масонов был причастен к тайному знанию, кто-то нет. Главное, что от философов требовалось: разделять убеждения и исполнять приказы мастеров высших градусов. В какой мере философы других стран (кроме Франции) были причастны к масонству, мы не знаем. Но по некоторым мыслителям информация есть. Так, уже упоминавшийся нами французский масон Малаперта в списке выдающихся масонов назвал немецкого философа Эммануила Канта¹.

Между прочим, упоминавшийся нами английский философ и автор формулы «Знание – сила» Фрэнсис Бэкон входил в ложу ордена розенкрейцеров и считается одним из отцов-основателей современного масонства. Бэкон был человеком № 1 в ордене розенкрейцеров, традиции и ритуалы которых вполне могли принадлежать еще рыцарям-тамплиерам времен крестовых походов. После смерти Бэкона его ученики основали «Королевское Лондонское общество для распространения натурфилософии», служившее прикрытием деятельности масонов².

¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 455.

² Собрания Королевского общества проходили в здании, которое называлось «Зал масонов» и располагалось на Масонской аллее в Лондоне. По словам Альберта Галлатина Макки, автора книги «История масонства», эта группа стала называться «Свободные и принятые масоны». Впоследствии это название сократили до франкмасонов. В первой четверти XVII века розенкрейцеры и масоны были практически одним и тем же, хотя сегодня орден франкмасонов и орден розенкрейцеров считаются двумя разными тайными обществами.

Масонские убеждения Бэкона описаны в двух книгах: «Новая Атлантида», где изображался рай, который можно построить на Земле, и «Древняя мудрость». Утопия, которую написал Бэкон, удивительно напоминает Североамериканские Штаты. Современные исследователи истории масонства и истории США полагают, что настоящим отцом-основателем Америки был именно английский философ Бэкон, а не Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон или Джордж Вашингтон. Почему-то в учебниках по истории философии об этих заслугах английского мыслителя не пишут.

Ипостаси мистицизма

Как мы уже сказали, любой вид мистицизма многогранен, имеет несколько ипостасей.

Одна его ипостась – идеология и теоретическое обоснование (может называться философией, религией, системой взглядов, доктриной, программой, учением и т. п.). В свою очередь, у идеологии и теории может быть внутренняя, тайная часть (тайное знание) и внешняя часть, предназначенная для всех желающих (непосвященных).

Иногда между внутренней и внешней частями может быть существенная разница. Они могут быть даже диаметрально противоположными. В этом нет ничего удивительного, поскольку для мистицизма (окультизма) характерен духовный расизм. Мир делится на избранных (они же – посвященные, получившие тайное знание), все остальные получают презрительные клички профанов, непосвященных, гоев, плебса и т. п. Вспомним Евангелие: законники и фарисеи в Евангелии называли простой народ невеждами в законе: «Но этот народ невежда в Законе: проклят он» (Ин. 7, 49). Они смотрели на народ свысока и считали естественным свое право управлять им.

Хорошо нам известная современная система двойных стандартов в международных отношениях произрастает из древнего оккультизма с его духовным расизмом.

Идеология и теория конкретного вида мистицизма может содержать самые разные слова-определения. Например, *христианский*. Мы встречаем словосочетания: христианский мистицизм, христианский оккультизм, христианская каббала, христианский гностицизм, христианский неоплатонизм и т. п. Подобного рода «вывески» призваны скрыть истинную идеологию мистицизма и оккультизма. Все они, в конечном счете, являются сатанизмом. Потому что «заказчиком» всех этих теорий, философий и доктрин является враг рода человеческого, он же сатана.

Другая ипостась – организация (может называться рыцарским орденом, философским обществом, масонской ложей, сектой, братством, церковью или просто тайным обществом). Свящ. Николай Карасев выделяет три группы организаций («оккультных объединений»): «Это оккультные политические ордена, целью которых является овладение политической властью; религиозные культы и секты, цель которых – насадить оккультную веру в обществе; и оккультные общественные организации, которые зачастую выступают в виде культурных ассоциаций, научных академий, фондов изучения культуры и т. п., цель которых – насадить и укоренить в сознании человека оккультные ценности. Однако все они подчинены одной силе, имеют один общий координационный центр и преследуют одну общую цель: взять политическую власть над всем мировым обществом в свои руки и с тем, чтобы было легче управлять им, дать ему одну общую религию»¹.

¹ Свящ. Николай Карасев. Путь оккультизма. Историко-богословские исследования. М.: Пренса, 2003. С. 36.

В организационной структуре оккультизма мы также видим две составляющие: одни организации являются закрытыми, секретными, а иногда и нелегальными; другие являются хорошо всем известными. Например, те же самые университеты, которые, казалось бы, предназначены исключительно для того, чтобы сеять вечное и разумное. Но уже на протяжении нескольких веков они сеют оккультные плевелы. Каким образом? Враг рода человеческого давно уже внедрил в университеты своих агентов влияния. В том числе (и в первую очередь) философов. Представители профессиональной корпорации философов, вполне уважаемые в обществе люди, на вполне законных основаниях имеют возможность заниматься разрушительной работой, насаждая среди молодежи нигилизм, атеизм и даже богоборчество под видом позитивного знания.

Третья грань – «духовная» практика. Поговорим об этом подробнее. На самом деле этот аспект – главный. Под духовной практикой в оккультизме понимается прорыв за пределы чувственного (видимого) мира в тот мир, который философы называют метафизическим, а мистики – духовным.

Практический мистицизм

Еще раз повторим, что любой вид мистицизма содержит практическую часть. Некоторые авторы обозначают ее термином *магия*. Другие считают, что кроме магии есть и другие виды практического мистицизма. Отличительной чертой магии является обращение человека к тайным силам. Магические практики, согласно Британской энциклопедии, включают: *гадание (прорицание), астрологию, заклинания, колдовство, алхимию, медиумизм и некромантию* (общение с душа-

ми умерших)¹. В других источниках мы дополнительно находим такие техники практического мистицизма, как *спиритизм, автоматическое письмо, шаманизм, практическая каббала, аутотренинг, телепатия, ясновидение, контактерство* и т. д.

Некоторые мистики утверждают, что соответствующие практики позволяют лишь увидеть иной мир. Для чего? Во-первых, чтобы расширить свои знания. Во-вторых, чтобы благодаря этим знаниям лучше понять, что происходит в нашем, физическом мире. Обладая минимумом тайного знания, можно беспредельно расширять их объем за счет проникновения за «железный занавес».

Другие мистики говорят, что видение иного мира – не главное. На первом плане – живое общение с иным миром. Они исходят из того, что иной мир населен некими духовными существами (в том числе душами умерших людей). Эти существа могут передавать посвященному дополнительные тайные знания. А также (это главное) – реально оказывать ему помощь в земной жизни. Помощь самого разного порядка – лечение болезней, укрепление здоровья, продление жизни, урегулирование межличностных отношений, наращивание богатства, получение признания и славы, получение и укрепление власти. Впрочем, посвященный может просить также о помощи обратного порядка: умертвить неугодного человека, разорить конкурента, лишить кого-то власти. Вместе с тем посвященный, осознанно или неосознанно, всегда имеет в виду одну высшую цель – стать сверхчеловеком или человекобогом. Быть таким, как Бог. А для этого как минимум надо: а) знать абсолютно все; б) иметь неограниченную власть; в) быть бессмертным.

¹ John F. M. Middleton, Robert Andrew Gilbert, Karen Louise Jolly. Magic // Encyclopedia Britannica // Интернет. Режим доступа: <https://global.britannica.com/topic/magic-supernatural-phenomenon>.

Впрочем, как показывает опыт знаменитых мистиков, многие из них начинали с малого.

Во-первых, не ставили сразу же цель стать сверхчеловеком, богом. Ограничивались скромными задачами. Например, превратить железо в золото (алхимия). Или получить какой-то совет от своего умершего родственника (некромантия). Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Тот же Фридрих Ницше в молодости обладал незаурядными умственными способностями, мечтал стать знаменитым филологом, и действительно в 24 года уже был профессором филологии. Вскоре, однако, Фридрих заболел. Со временем выяснилось, что он страдает психическими расстройствами. Причем во время психических обострений он получал тайные знания. Со временем родилась знаменитая идея сверхчеловека. Это была не просто абстрактная концепция больного философа, это была личная цель Ницше – стать богом вместо Истинного Бога, Которого он объявил умершим.

Во-вторых, многие начинали с банального эзотерического любопытства, пополняя кладовую своих знаний нестандартными, новаторскими теориями и идеями. Но постепенно от теории переходили к практике, к общению с духами потустороннего мира. Отсутствие у начинающего понимания источника тайного знания приводит к тому, что тот через некоторое время начинает пытаться самостоятельно добывать тайные знания, поскольку в эзотерических книгах даются ключи и пароли, позволяющие проходить незримую границу между двумя мирами.

Для того чтобы эзотерику перейти границу, необходимо войти в контакт с тем, кто находится на границе. С этим самым духом. Сообщив ему необходимые

пароли. Это уже есть первичное «духовное общение». Право на проход на другую территорию никогда не бывает бесплатным. Попав на чужую территорию, любитель тайного знания моментально попадает в окружение «духовных» сущностей. Они его вербуют. Возвращаясь на свою, земную территорию, такой эзотерик выступает уже в качестве агента влияния духов, выполняет самые разнообразные их задания. Это уже не эзотерик-любитель, это уже практикующий оккультист. Настоящего тайного знания без «духовного общения» быть не может. Это аксиома оккультизма.

Часть IV. Нечистая сила как «источник знания»

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

...

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

А. С. Пушкин. Бесы (1830)

Инфернальный мир и нечистая сила

Те «духовные существа», с которыми вступают в общение оккультисты, в Священном Писании называются бесами, демонами, падшими духами, падшими ангелами, духами злобы и т. д. В этом мире падших духов есть своя иерархия. «Высшие должности» принадлежат тем, кого Священное Писание называет дьявол и сата-

на¹. Слово *дьявол* в переводе с греческого означает клеветник, наветник, оболъститель. Слово *сатана* еврейского происхождения, означает противник, коварный, враждебный, оболъститель, губитель. Понятия дьявол и сатана очень многогранны. Их разные стороны раскрываются в Священном Писании через названия: *князь мира сего* (Ин. 12, 31); *Люцифер* (Мф. 9, 34; 25, 41; Ин. 8, 44; 1 Ин. 3, 8; Откр. 12, 9; 20, 2); *князь бесовский* (Мф. 9, 34; 12, 24); *Велиар* (2 Кор. 6, 15); *вельзевул* (Лк. 11, 15); *искуситель* (Мф. 4, 3); *обольститель* (Откр. 12, 9) и т. д. Сферу обитания перечисленных субъектов часто называют inferнальным миром – миром падших духов.

В народе довольно часто многообразную совокупность обитателей inferнального мира называют просто нечистой силой. Особенно это выражение распространено у славянских народов.

Святые отцы хорошо изучили свойства демонов. Так, по мнению святителя Игнатия (Брянчанинова), «духи в своих действиях гораздо свободнее, в способностях гораздо развитее, нежели люди»². Подытоживая высказывания святых отцов, священник Родион следующим образом описывает основные свойства и способности обитателей того мира, с которым общаются оккультисты: «Как мы видим из всего вышеприведенного, бесплотные духи, сотворенные из более тонкого вещества, чем человек, изначально наделены способностью оказывать сильное влияние на материальный мир, кроме того, они имеют несравненно большие знания об устройении и законах Вселенной, владеют средствами, позволяющими им преодолевать законы вещественного мира»³.

¹ См.: Свящ. Родион. Люди и демоны. Киев, 2003.

² Святитель Игнатий (Брянчанинов). Прибавление к слову о смерти. СПб., 1881. С. 182

³ Свящ. Родион. Люди и демоны. Киев, 2003, с. 16.

Взгляд на «тайное знание»: Иоганн Вольфганг Гете и Михаил Булгаков

В данном случае я опираюсь на святых отцов, хорошо понимающих природу тайного знания и духовного общения тех, кто находится вне Церкви. Впрочем, те, кто не привык к чтению святых отцов, могут освежить в памяти всемирно известное произведение немецкого писателя Иоганна Вольфганга Гете (1749–1832) «Фауст». В этой драме в художественной форме описаны отношения между Фаустом, занимающимся поиском тайного знания, и представителем мира «духовных» существ Мефистофелем. Для тех, кто не в курсе, сообщу: Фауст, по мнению исследователей, – реальное лицо, жившее в Германии в XVI веке. Он занимался черной магией, вступил в договор с дьяволом. Вокруг него стали складываться фантастические рассказы. В 1587 году во Франкфурте-на-Майне вышла народная книга о докторе Фаусте. Цель этой книги была назидательная. Через пять лет английский драматург Кристофер Марло написал пьесу «Трагическая история доктора Фауста».

Между прочим, пьесу Гете часто называют «философской трагедией». И не случайно. Ведь Фауст в пьесе изначально был ученым и философом, потратившим многие годы на поиски истины. И уже находясь в весьма зрелом возрасте, этот ученый разочаровывается в возможности найти истину с помощью традиционной науки. Он утратил веру и в науку, и в Бога. Вот тут-то, когда главный герой драмы оказался в состоянии уныния и отчаяния, к нему и подобрался дьявол в образе черного пуделя. Между дьяволом (Мефистофелем) и Фаустом заключается договор, согласно которому наш герой продает дьяволу душу в обмен на выполнение любых желаний. Как это похоже на ситуацию в науке

и философии, когда многие представители этой интеллектуальной сферы деятельности, разочаровавшись в позитивном знании, захотели метафизического, тайного знания и вступили на скользкий путь мистицизма. Желания у Фауста в дальнейшем были всякие, и плотские, и душевные. Но все-таки по-прежнему на первом месте была тяга к знанию.

Далее я не буду пересказывать трагедию Гете. Скажу лишь, что в конце драмы Бог спасает Фауста из лап Мефистофеля. Таков *happy end* (счастливый конец) пьесы. И все-таки она по духу ближе к драме или трагедии. Спасение Фауста никак не вытекает из всего повествования пьесы. Оно может быть объяснено лишь психологическими причинами: Гете, вероятно, считал Фауста своим прообразом. Соответственно, автору пьесы не хотелось гибели своего двойника.

Некоторые подробности из биографии самого писателя: Гете в молодости увлекался мистикой и оккультизмом. В 1780 году он был принят в масонскую ложу «Амалия». Гете был горячим сторонником масонства (иллюминатов) до последних дней жизни, сочиняя для своей ложи гимны и речи. Обладал высочайшими степенями посвящения в системе строгого масонства. В 1813 году у гроба покойного брата Виланда поэт произнес в масонском храме знаменитую речь «В память брата Виланда».

А каково было отношение Гете к христианству? Самое негативное. Вот фрагмент из биографии писателя, изложенный архимандритом Рафаилом (Карелиным): «Для Гете наиболее близким философом был Гегель, их связывало взаимное уважение, почти дружба. Однако Гете выразил свое неудовольствие тем, что Гегель был награжден гербом, изображающим сову (аллегория мудрости) и крест. Гете настаивал, чтобы знак креста был

уничтожен, как не соответствующий идее мудрости... Гете заслужил похвалу от Энгельса не за свои труды по естествознанию или художественные произведения, а за то, что слово “Бог” было для него непереносимо и вызывало нечто вроде психической аллергии... Свое отношение к христианству Гете выразил в поэме “Коринфский гость”; там он писал, что христианство уничтожило любовь и дружбу между людьми, что смерть Христа была началом потока крови. Язычество вызывало у него восторг, как истинная красота и человечность. Поэма “Коринфский гость” заканчивалась призывом – “к нашим древним полетим богам”»¹.

Автор пьесы по духу был мистиком. В своем произведении он попытался показать ограниченность позитивной науки (драма родилась на свет как раз в то время, когда в Европе благодаря философам воцарилась атмосфера безоглядной веры в науку). «Фауст» – уникальное произведение художественной литературы, поскольку оно одновременно претендует на то, чтобы быть серьезным философским трудом. Недаром «Фауста» называют «философской драмой». Гетевский «Фауст» подвиг многих именитых философов на написание работ по темам, поднятым в драме. Это немец Ф. Шеллинг («Философия искусств»), американец Р. У. Эмерсон («Гете как писатель»), немец О. Шпенглер («Закат Европы») и другие.

Кому сложно читать «Фауста», могут прочитать (или перечитать) нашего Михаила Булгакова. Михаил Афанасьевич в «Мастере и Маргарите» вернулся к теме, поднятой немецким писателем Гете². Судя по всему,

¹ Архимандрит Рафаил (Карелин). Векторы духовности. М., 2003 // Цит. по: Воробьевский Ю. Бумагия (М. Булгаков и другие неизвестные). М.: 2012. С. 155.

² Кстати скажу, что в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» есть сюжет разговора Ивана Карамазова с чертом. Судя по всему, он также навеян «Фаустом» Гете.

и Гете, и Булгаков сумели так ярко и детально раскрыть тему взаимоотношений человека, озабоченного поиском тайного знания и потусторонним миром, поскольку сами были вовлечены в общение с тем миром. Драма «Фауст» Гете и роман «Мастер и Маргарита» Булгакова – наглядные пособия по теме гностицизма, в первую очередь практического.

Однако в них много недосказанного. И даже посвоему привлекательного (оба произведения обладают определенным магизмом, способным воздействовать на неподготовленные души). Сами авторы с симпатией относятся к своим героям. Приведу фрагмент анализа романа «Мастер и Маргарита» христианским автором Валерием Карпуниным: «Булгаков своим романом, по существу, проповедует мысль, что между добром и злом нет резкого разграничения. Более того, Воланд предстанет перед читателями в виде хоть и сумрачного, но, в конечном счете, “положительного” героя – эдакого немного усталого от своей мудрости философа, наделенного сверхчеловеческими силами. А свита Сатаны-Воланда – адские силы – представляет собой вообще “компанию” обаятельнейших симпатяг. Достаточно вспомнить убийцу Азazelло, кота Бегемота, шукаря-регента, ведьму Геллу... Булгаков сам для себя мотивировал представление адских сил в виде, так сказать, “положительных героев”, “положительных величин”...»¹.

Уж если читать произведения Гете и Булгакова, то лучше вместе с трудами святых отцов, которые объясняли те опасности, которыми грозит увлечение тайным знанием. Эта угроза, впрочем, осознавалась еще до христианства. Ветхий Завет, в частности, содержит множе-

¹ Валерий Карпунин. Христианство и философия // «О романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» с христианской точки зрения» // Интернет. Режим доступа: <http://philosophica.ru/hrist/77.htm>.

ство предупреждений и запретов на занятия магией. В частности, во Второзаконии читаем: «...не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это...» (Втор. 18, 10).

Философия самоубийства

Выше я сказал, что Фаусту повезло: вопреки логике он был спасен Богом. А Мефистофель проиграл. Что же, хотя «Фауст» называют «философской драмой», все-таки это произведение художественное. Автор имеет право определять судьбу своих героев. В реальной жизни все по-другому. Ни писатели, ни философы не могут отменить или изменить приговор высшего Судьи – Бога. В реальной жизни договоры с мефистофелями исполняются. Дьявол забирает душу философа. Иногда дьявол добивается того, что приговор исполняет сам философ. Каким образом? – Совершая самоубийство. Более того, философы даже побеспокоились о том, чтобы подвести под это философское обоснование.

Это сделал известный французский писатель и философ XX века Альбер Камю. Он решил «вывести на чистую воду» своих коллег по цеху, заявив, что философы обходят стороной самые главные вопросы. В эссе «Миф о Сизифе» он говорит о том, что «есть лишь одна по-настоящему серьезная проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии». Чем-то такая постановка вопроса перекликается с шекспировским вопросом «Быть или не быть?». По Камю, самоубийство – один из способов борьбы с аб-

сурдом бытия, один из методов познания мира. «Дойдя до своих пределов, ум должен вынести приговор и выбрать последствия. Таковыми могут быть самоубийство и возрождение». Но просто самоубийство так же абсурдно, как и сама жизнь, не имеющая цели (смысла). А вот смерть-самопожертвование есть деяние с гармонизирующей основой. Самоубийство как бунт против непознаваемости мира бесплодно, ибо «самоубийство есть полная противоположность бунта, так как предполагает согласие... На свой лад самоубийство тоже разрешение абсурда, оно делает абсурдной даже саму смерть»¹. Философию Камю можно назвать суицидной.

Нам известны многочисленные случаи, когда философы суицидным способом пытались «постичь истину». Оказывается, в античной философии было множество самоубийц: Луций Анней Сенека, Тит Лукреций Кар, Диоген Синопский, Демокрит, Анаксагор, Эмпедокл. Но и в Новое время их хватает. Например, немецкий философ XIX века Филипп Майнлендер. В своей книге «Философия освобождения» («Die Philosophie der Erlösung») он формулирует мысль, что обыкновенный человек боится перспективы небытия, но «мудрец прямо и радостно смотрит в глаза абсолютному уничтожению», поскольку оно соответствует цели жизни каждого отдельного человека и логике свертывания бытия в целом. Майнлендер пишет заключительное слово к своей книге, в нем он полемизирует с немецким пессимистом Эдуардом фон Гартманом, которого он считал неудачливым эпигоном великого Шопенгауэра. Вот последние слова этого «Заключительного слова»: «Как костер в мерцании начинающегося утра, так и Ваша философия растворилась в учении Шопенгауэра, который впервые научно исследовал».

¹ «Альберт Камю о самоубийстве» // Интернет. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/encSuicid/6.htm>.

довал бессознательное. Поэтому Вашу философию путали со светом восходящего солнца. Но сейчас рассвело, и ошибка стала ясна. Философия, которая раньше освещала темную ночь человечества, как высоко горящий огонь – индийский и античный пантеизм – превратилась теперь в догорающий уголь: никакого света больше. Прощайте!» 1 апреля 1876 года 34-летний философ Филипп Майнлендер получил из типографии только что отпечатанные авторские экземпляры своей книги. И тут же решил опытно проверить идею своего кумира Шопенгауэра о «бессознательном». Через несколько минут философ болтался в петле под потолком.

Вот еще более резонансное самоубийство. Речь идет о Поле Лафарге (1842–1911) – известном французском политике, философе и экономисте. Это один из крупных теоретиков марксизма. Более того, он – зять самого Карла Маркса, муж его дочери Лауры. Поль Лафарг и его жена Лаура неоднократно заявляли, что, как только наступит старость, мешающая им полноценно заниматься политической и идейно-теоретической деятельностью, они закончат жизнь самоубийством. В 1911 году они сдержали свое слово, приняв цианистый калий. Лафарг оставил предсмертное политическое письмо, опубликованное 4 декабря 1911 года в газете L'Humanité. Вот имена еще некоторых философов-самоубийц XX века: немец Вальтер Беньямин (1892–1940); французы Ги-Эрнст Дебор (1931–1994) и Жиль Делез (1925–1995). На этих примерах видно, что занятия философией небезопасны.

Философия сумасшедшего дома

Один из немногих философов, который вошел в ограду Церкви и сумел по-новому взглянуть на философию, – Валерий Карпунин. Он опубликовал сборник

своих статей и выступлений под названием «Христианство и философия». В нем есть небольшое эссе «Философия как сумасшедший дом». Приведу выдержку: «Все разговоры, в том числе и философские споры и дискуссии, напоминают картинку из сумасшедшего дома. “Философское самозамыкание” теории на самой себе – очень напоминает замыкание на самом себе мелкого чиновника Поприщина – героя “Записок сумасшедшего” Н. В. Гоголя. Его самозамыкание, как мы помним, привело его к мнению, что он является королем испанским. Примерно такими же “королями испанскими” являются многие философы»¹.

Было бы еще полбеды, если бы философы сходили с ума тихо, подобно Диогену, который пребывал в своей бочке, максимально дистанцируясь от людей (бочка Диогена – образ отшельнического образа жизни философа). Но ведь многие «любители мудрости» вещают с высоких кафедр, выпускают книги миллионными тиражами, становятся кумирами телеэфира. Конечно, им в этом кто-то сильно помогает. Такая философская деятельность далеко не безобидна. Она инфицирует большими идеями большие массы людей. Ее разрушительный эффект сопоставим с эффектом от атомного оружия. Конечно, любой настоящий философ по определению должен своими взглядами отличаться от среднестатистического человека. Это могут быть отклонения интеллектуального, морально-нравственного и ценностного порядка. Они при всем этом могут не выходить за пределы норм медицины (психиатрии).

Но, как выясняется, некоторые интеллектуально-нравственные отклонения связаны тесным образом с от-

¹ Валерий Карпунин. Христианство и философия // «Философия как сумасшедший дом» // Интернет. Режим доступа: <http://philosophica.ru/hrist/77.htm>.

клонениями психиатрического порядка. Далеко не всегда можно понять, где в этой паре причина, а где – следствие.

Приведу два самых известных примера такой тесной взаимосвязи из истории философии и истории психиатрических заболеваний. Во всех списках «великих сумасшедших» мы обязательно найдем эти два имени – Жан-Жак Руссо и Фридрих Вильгельм Ницше.

Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) входит в список выдающихся французских философов эпохи Просвещения. Я этих «просветителей» упоминал уже не раз. Далеко не во всех философских учебниках можно найти интимные подробности жизни этого «великого» философа, связанные с его психическим состоянием. Когда он находился в расцвете своих творческих сил, ему был поставлен диагноз паранойя. Внешние проявления болезни – мания преследования. Были еще кое-какие проявления, о которых даже не очень удобно говорить¹.

Свои «великие» произведения «Об общественном договоре», «Эмиль, или О воспитании» философ писал, уже находясь в состоянии душевного заболевания. Мало ли что может наговорить или написать больной человек? Но дело в том, что указанные произведения изучаются студентами в курсах философии. Более того, идеи больного Руссо взяты на вооружение нашими государственными мужами. Уже четверть века нам твердят о правовом демократическом государстве как национальной идее. А ведь эта идея взята из работы Руссо «Об общественном договоре». А реформа системы образования в России проводится на основе идей Руссо, изложенных в «Эмиле, или О воспитании».

О немецком философе Фридрихе Ницше (1844–1900) мы упоминали уже не раз. Это очень серьезный

¹ Желаящих узнать подробности адресую к статье Анны Старобинец «10 сумасшедших, которые нас заразили» (Интернет. Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2008/08/top_10_sumasshedshih/).

пациент. Официальный диагноз – ядерная « мозаичная » шизофрения. В быту болезнь философа называли одержимостью. В биографиях Ницше мы можем найти описания таких проявлений болезни, как помрачение рассудка, провалы памяти, мания величия. Лишь один пример мании величия: Ницше писал и разбрасывал в больших количествах записки с текстом: «Через два месяца я стану первым человеком на земле». Не буду далее углубляться в медицину¹.

В состоянии психического нездоровья Ницше находился последние двадцать лет своей жизни, из них 11 лет он провел в психиатрических лечебницах. Именно в этот период жизни он написал большинство своих «гениальных» работ. В том числе «Так говорил Заратустра». Чем же заразил человечество «великий» Фридрих? – Идеей, что «Бог умер». А если умер, то все можно. Отсюда идея сверхчеловека, который становится на место Бога. Отсюда оправдание новой морали, оправдывающей любые средства для получения власти. Отсюда идея «падающего – подтолкни» (слабый должен погибнуть, сильнейший – победить). Как известно, философия Ницше была взята на вооружение Гитлером и Третьим Рейхом. Эта философия одержимого философа стала теоретическим обоснованием убийства миллионов и миллионов людей. Судя по всему, эта философия востребована и сегодня. Один небольшой штрих картины нашей недавней истории. Когда в СССР началась «перестройка», это отразилось на ассортименте книг, продававшихся в нашей стране. Я помню, что в конце 1980-х годов (уже и Тысячелетие Крещения Руси отметили) Библию можно было купить только из-под полы. А вот работа Ницше «Так

¹ Подробности см.: Анна Старобинец. 10 сумасшедших, которые нас заразили (Интернет. Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2008/08/top_10_sumasshedshih/).

говорил Заратустра» свободно лежала на прилавках книжных магазинов.

Таким образом, философы не только сами живут в сумасшедшем доме. Они активно участвуют в превращении всего мира в сумасшедший дом. Правда, у сумасшедших философов есть свои адвокаты. Например, Рудольф Штайнер много раз повторял, что настоящий эзотерик и мистик всегда сумасшедший. Видимо, себя он также относил к этой категории.

Что делать человеку, который попал в корпорацию профессиональных философов, которая стала сегодня большим сумасшедшим домом? Вот ответ Валерия Карпунина: «Как же быть? Как “вылечиться”? Существует ли психотерапия, которая поможет нам выйти из философского сумасшедшего дома, если мы – не дай Бог! – туда попадем? Несомненно такой выход есть! Этим выходом является решительный отказ от философского самозамыкания, решительный выход из пределов бесплодного и безблагодатного философского умствования, выход из границ самозамкнутости в рамках безумных философских теорий. И куда же мы должны выйти? Мы должны выйти в полноту реальности, обратиться к высшей Полноте Реальности, которой является, конечно же, Бог»¹.

Философы и прочие «мыслители» как агенты «нечистой силы»

Очевидно, что люди, духовно не подготовленные и не имеющие необходимой защиты со стороны Бога (то есть те, кто находится вне Церкви), могут оказаться

¹ Валерий Карпунин. Христианство и философия // «Философия как сумасшедший дом» // Интернет. Режим доступа: <http://philosophica.ru/hrist/77.htm>.

очарованными и загипнотизированными теми чудесами и способностями, которые демонстрируют падшие духи. Не очень часто они являются людям лицом к лицу. Преимущественно они действуют через своих агентов влияния, снабжая их всем необходимым. В том числе тайным знанием, продвижением по карьерной лестнице, славой, «нужными» людьми, деньгами и способностями производить эффекты.

Но прежде всего духи снабжают своих агентов новыми порциями тайных знаний. Способы передачи знаний – разные. Начиная от сновидений, озарений и откровений и кончая диктовкой текстов (подобно тому, как учитель диктует текст диктанта школьникам). Выше я уже говорил о том, что Ницше получал озарения во время приступов своей психической болезни. Написание текстов под диктовку голосов «сверху» называется автоматическим письмом. Известно, что Елена Блаватская создала свои произведения «Тайная доктрина», «Разоблаченная Изида» и другие работы методом автописма. Способностью к автоматическому письму обладал Владимир Соловьев, который, по свидетельству современников, был пассивным медиумом. Рудольф Штайнер имел дар ясновидения. И даже имел тайные встречи с... Христом. Прямо как Савл (будущий апостол Павел), который, как мы знаем из Деяний апостолов, на своем пути в Дамаск общался с Сыном Божиим. Ю. Воробьевский сравнивает эти встречи: «Но вот одно отличие. “Спасителя” Штайнер вызывал на контакт сам – с помощью медитации. Постигший “науку тайноведения”, он не понимал, что с ним происходит на самом деле. Этот “мудрец” писал, что на высшем уровне посвящения человек должен пережить “диссоциацию воли, чувств и мышления, физическим проявлением которой является сумасшествие”. Да, “вершиной” духовного развития не-

счастливого стало то, что через него начал говорить и действовать “архангел Михаэль”¹.

А вот знаменитый Карл Юнг (1875–1961) – философ и один из отцов-основателей аналитической психологии, продолжатель дела Зигмунда Фрейда. Из воспоминаний Юнга мы узнаем, что мертвые приходят к нему, звонят в колокольчик, и их присутствие ощущает вся его семья. Вот он задает своему «духовному руководителю» «крылатому Филимону» вопросы своим собственным голосом, а отвечает фальцетом своего женского существа – анимы, вот в его дом стучат мертвые крестonosцы... Психотерапевтическая техника «активного воображения» Юнга предусматривала общение с «духовным» миром и вхождение в транс².

Немалую роль в реализации планов «духов злобы поднебесной» играют философы как агенты влияния. Между прочим они не только агенты влияния, но также агенты-вербовщики. Им надо сделать все возможное для того, чтобы человек вышел за пределы ограды Церкви и таким образом оказался во власти демонов. Для этого философы бегают вокруг церковной ограды и показывают христианам разные фокусы и интеллектуальные игрушки, которые суть фетиши падшего разума. Некоторые наиболее смелые и наглые пытаются проникнуть

¹ Воробьевский Ю. Бумагия (М. Булгаков и другие неизвестные). М.: 2012. С. 155.

² См.: Фесенкова Л. В. Теория эволюции и ее отражение в культуре. М.: Институт философии РАН, 2003. – Гл. 2. Проблемы научного обоснования эзотеризма (юнгианство и современная эзотерика). Карл Юнг с детства находился в обстановке «соприкосновения с другими мирами». Его окружала соответствующая атмосфера дома Прейсверков – родителей его матери Эмили, где практиковалось общение с духами умерших. Мать Юнга Эмилия, дед Самуил, бабка Аугуста, кузина Хелен Прейсверк практиковали спиритизм и считались ясновидящими и духовидцами. Спиритические сеансы устраивал и сам Юнг. Даже его дочь Агата впоследствии стала медиумом.

на территорию Церкви и соблазнять христиан своими фокусами и игрушками, находясь в непосредственном с ними контакте. Это уже еретики. В начале христианства такие наглые и навязчивые агенты «духов злобы поднебесной» заполнили церковное пространство. Это были гностики. Христианство оказалось в смертельной опасности. С большим трудом, но их все же удалось выпроводить за пределы церковной ограды. Сегодня, судя по многим признакам, внутрь церковной ограды опять проникают агенты влияния со своими ересями, которыми они заражают и священников, и священноначалие, и монашество, и представителей богословской науки, и простых христиан. Причем многие ереси представляют различные модификации гностицизма. Ситуация крайне серьезная, как и в первые века христианства.

И тут мы вновь обратимся к формуле Бэкона: «Знание – сила». Еще раз повторим: Бэкон был не просто философом. В первую очередь он был оккультистом (главный розенкрейцер своего времени). Следовательно, он не мог не быть агентом влияния нечистой силы. И, действуя в интересах своих хозяев, продвигать те знания, которые нужны нечистой силе. То есть знания лжеименные. Знания, источником которых была и остается нечистая сила.

Часть V. О плодах с древа безбожного знания

Читаешь светский журнал или газету: легко и приятно читается, легко всему верится. Но возмись читать духовный журнал или книгу, особенно церковную, или начнешь читать молитвы иногда – станет тяжело на сердце, и сомнение тебя будет мучить, и неверие, и какое-то омрачение и отвращение. Многие в этом признаются.

Отчего это бывает? Не от свойства, конечно, самых книг, а от свойства читающих, от качества их сердец, и – главное – от дьявола, врага человеческого, врага всего священного: *он возьмет слово от сердца их* (Лк. 8, 12). Когда читаем светские сочинения, мы не трогаем его, и он нас не трогает. Как примемся за священные книги, начнем мыслить о своем исправлении и спасении, тогда мы идем против него, раздражаем его, мучим его злобу, и вот он нападает на нас и взаимно мучит нас, – что же делать? Не бросать же доброго дела, душеполезного чтения, молитвы, а надо терпеть и в терпении спастись свою душу. *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19), говорит Господь.

*Святой праведный
Иоанн Кронштадтский.
Моя жизнь во Христе.*

Может ли что быть чистое от нечистого?

Итак, источник философского знания за редким исключением в наш век имеет нечистую силу. А может ли что быть чистое от нечистого? Конечно, нет. Это о посвященных и избранных, поклонниках тайного знания сказал евангелист и апостол Иоанн: «Ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44). Философия и наука, «эмансипировавшиеся» от Бога, лишь ретранслируют и усиливают лжеименные знания, полученные от своих хозяев. Разрушительный потенциал лжеименного знания возрастает на порядки благодаря изобретенному усилителю. Со времен Бэкона эта сила, прикрываясь вы-

весками прогресса, просвещения и науки, непрерывно разрушала человека, общество и природу. Она свергала монархов, делала революции, осмеивала и преследовала Церковь, уничтожала государства, развращала молодежь, перемалывала природу, развязывала войны, калечила и убивала миллионы людей, превращала человека в животное. Наука, а вместе с тем и техника, рядясь в тогу благодетеля человечества, пытаются убедить нас, что научно-технический прогресс делает нас счастливее, приближает мир к светлому будущему. Ничуть не бывало! Прогресс, опирающийся на лжеименное знание, может сеять лишь смерть. Смерть духовную и физическую. Спаситель сказал, что «не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Мф. 7, 18). В контексте нашего разговора худое дерево – наука и философия, это дерево имеет в качестве корня лжеименное знание. Это такое же худое дерево, как то, которое стояло в центре Эдемского сада и называлось древом познания добра и зла. На том дереве висели зрелые и на вид очень красивые яблоки. Первые люди вкусили яблока с этого худого дерева, которое, как выяснилось, было отравленным. Это была первая вселенская катастрофа в истории человечества, которая, как известно, закончилась изгнанием первых людей из рая. С этого древа познания добра и зла человечество продолжает срывать опасные плоды, при этом каждый раз кончалось это вселенскими потрясениями – всемирным потопом, обрушением Вавилонской башни, мировыми войнами, извержениями вулканов и иными природными катастрофами. Сегодня человечество стоит на пороге последней в земной истории вселенской катастрофы. Если в раю человек был искушен красивыми яблоками, то сегодня эти плоды приняли форму достижений научно-технического прогресса.

Константин Леонтьев о прогрессе. Троянский конь из inferнального мира

О разрушающем эффекте научно-технического прогресса (НТП) еще в конце XIX века очень убедительно писал русский мыслитель Константин Леонтьев. Он писал о разрушающих эффектах как духовного порядка, так и социального и физического. Леонтьев обращает внимание на то, что слово *прогресс* вообще стало ключевым в лексиконе либералов, которые не только приветствовали этот самый прогресс, но и пытались его обосновать научно. В 40-е годы XIX века в Россию с Запада начали проникать различные социологические теории (своей социологии у нас тогда еще не было). Вместе с такими теориями в Россию попало и это малознакомое русскому человеку слово «прогресс». Прогресс – от латинского *progressus*. Оно, в свою очередь, происходит от глагола *progredi* – идти вперед. Так вот, Леонтьев обращает внимание на то, что либералы толком не могут объяснить, что значит движение вперед. А то, что им кажется движением вперед, есть движение к пропасти. Технический прогресс – мощный ускоритель движения человечества к концу своей земной истории. Технический прогресс – лишь одна из разновидностей этого движения вперед. Леонтьев тесно связывает его с прогрессом научным, социальным, экономическим, промышленным. В свое время в полемике с Марксом и его последователями социалист Эдуард Бернштейн (1850–1932) бросил такую фразу: «Движение все, цель – ничто». Представляется, что эта фраза очень хорошо описывает идеологию прогрессистов (сторонников прогресса).

Основным предметом критики Леонтьева является даже не сам прогресс (любой), а та философия, кото-

рую либералы создали для объяснения и обоснования этого феномена.

Во-первых, адепты прогресса рассматривают прогресс как процесс бесконечный. А это, по мнению Леонтьев, уже есть ересь, которая находится в непримиримом противоречии с догматикой христианства. Земная человеческая история конечна. Об этом говорит Священное Писание. Наиболее ярко эта идея выражена в Откровении от Иоанна (Апокалипсисе). Впрочем, Леонтьев создал свою оригинальную натуралистическую социологию. В рамках этой социологии он приходит, опираясь на рационалистические методы познания мира, к тому же самому выводу.

Во-вторых, апологеты прогресса уповают на то, что с помощью достижений в области науки и техники можно построить что-то наподобие рая на земле. Это не меньшая ересь, известная уже в христианстве первых веков под названием хилиазма (вера в тысячелетнее царство Божие на земле). Распространение подобных иллюзий способствует размыванию христианства, люди отходят от Христа и начинают поклоняться прогрессу. Преклонение перед прогрессом, упование на достижения науки и техники, а не на Бога – совсем не рационализм, как некоторые наивно полагают, а опасная форма религиозного сознания. В христианстве вектор человеческой жизни определяется такой понятной целью, как Бог. В либерализме с его абстрактным «прогрессом» ориентиры человеческой жизни сначала размываются, а потом и вовсе исчезают. Человечество начинает блуждать впотьмах. Отход человека от Бога ведет к ослаблению тех скреп, которые обеспечивали целостность общества. Религиозный суррогат под названием технический прогресс разрушает общество, возникает социальная энтропия, хаос, анархия, пугачевщина.

НТП – своеобразный иллюзион с конечным *эффектом разбитого корыта*, о котором писал еще гениальный А. С. Пушкин. Только в реальной жизни мы видим не сказочную старуху, а обычного человека, причем из самых разных классов и сословий (Леонтьев назвал такого человека, живущего на Западе, средним европейцем). А свои желания такой человек адресует не золотой рыбке, а техническому прогрессу, который не менее эфемерен и обманчив, чем эта самая рыбка.

Епископ Никанор о железных дорогах и о путях, ведущих в новый Вавилон

Одна из основных работ К. Леонтьева по проблеме технического прогресса – «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения в жизни». Епископ Никанор – современник Леонтьева и его единомышленник в оценке научно-технического прогресса. Епископ, в частности, отмечает: «Таким образом, железная дорога, в существе дела, нигде и не возвысила благосостояния, чувства довольства, покоя и счастья; напротив, породила всюду тревогу, потребность в средствах жизни, погоню за наживою»¹.

Да, отдельные технические новшества могут создавать потрясающие эффекты, демонстрировать большие скорости, высокую производительность, комфорт и прочие удобства и удовольствия. Епископ Никанор этого не отрицает. Но общий вывод его при этом оказывается несколько неожиданным: цена этих технических достижений непомерно высока. Цена даже чисто материальная, без учета цены нравственной, духовной, эстетической.

¹ Леонтьев К. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 275.

Вот рассуждение владыки: «Скажите, увеличила ли эта быстрота сообщения внешнее благосостояние людей? По-видимому, напр., железные дороги строятся для увеличения благосостояния. Я скажу, как и сказал, что они строятся для удовлетворения потребностей. И удовлетворяют им – это правда. Но удовлетворяют, пропорционально же увеличивая самые потребности, увеличивая тем, что усложняют жизнь более и более, так что жизнь становится дороже, затруднительнее и требовательнее. Этому доказательство в том печальном повсюдном опыте, что везде на Руси, где пока не было железных дорог, там жизнь была проще и дешевле»¹.

Жестокий век чистогана и корысти вообще не привык принимать в расчет эстетические ценности. Об этом почти в каждой своей работе пишет К. Леонтьев. Об этом же говорит и епископ, подчеркивая, что технический прогресс достигается ценой разрушения красоты Божьего мира: «Кроме того, где прошла по широте Русской земли безлесная пустынная гладь, там прощай поэзия старины, поэзия наших отцов и дедов, да еще и нашей собственной юности. Наши дети не поймут скоро поэтического выражения “не шуми ты, темный лес, зеленая дубровушка”, равно не поймут и всего неисчерпаемого запаса как мифологической, так и позднейшей поэзии, основанной на таинственной, то возвышающей, то грозной, то прелестной внушительности повсюдных, еще недавно непроходимых, лесных чащ. А это будет огромным истощением душевных сокровищ нашего поэтического народа. Куда девалась эта тысячеголосая восхитительная песнь хвалы Богу, песнь птичьих и всяких животных голосов, какую гремели еще так недавно неисходные зеленые цветущие чащи в прелестные майские утра? В могильное, глухое безмолвие погружается теперь оголяемая тупою

¹ Там же. С. 274-275.

корыстью пустынная Русская земля. Эта корысть скоро убьет самый вкус к прелестям природы, как убивает самую красоту природы»¹. Эстет Леонтьев постоянно подчеркивает, что красота земли постоянно напоминает человеку о Боге. Уничтожение этой красоты ослабляет и без того уж ослабшую связь человека с Творцом, приближая тем самым конец земной истории. Наконец, епископ Никанор затрагивает еще один аспект проблемы технического прогресса. Условно его можно назвать *геополитическим*. Впрочем, также *духовно-богословским*. Речь идет о том, что железные дороги, телеграф и многие другие технические достижения активизируют международное общение, способствуют интернационализации жизни. «Опасно, как бы земля не стала скоро походить на всемирный паутинник, который опутывает весь земной шар, в котором плавают только отошальный всеядный человек, как голодный паук, не имый кого и что поглотити, так как сам же он пожрал, побил, истерзал все живое на поверхности всей земли. Эти железнодорожные линии не похожи ль на нити всемирной паутины?..» Более чем за век до появления интернета, который сегодня многие называют всемирной паутиной, наш русский архиерей уже все это прозорливо предугадывал. И речь здесь идет не просто об экономической интернационализации (глобализации). Эта всемирная паутина, состоящая сегодня из транспортных коммуникаций, телефона, интернета, невидимых финансовых связей, крайне напоминает ту картину, которая описана в Откровении от Иоанна (Апокалипсисе) накануне прихода антихриста. Технический прогресс, находящийся преимущественно под контролем либералов, расчищает стези антихристу. Леонтьев особо обращает внимание на приведенный выше отрывок речи епископа, называя технический прогресс инструментом

¹ Там же, С. 275.

«вавилонского всесмешения». А делая общую оценку мыслей епископа, Константин Николаевич говорит: «Это луч божественного света в сатанинском хаосе индустриального космополитизма»¹.

Дальше в своей статье Леонтьев статью продолжает рассуждения о пагубности технического прогресса конкретно для России. Она все еще остается православной страной, ноне ищет своего самобытного пути, а некритично заимствует все подряд у католического и протестантского Запада. Заимствует технические новшества, научные идеи, культуру, социальные теории и т. п. Технический прогресс, как считает Леонтьев, – проявление космополитизма. Россия заимствует у Запада «машины, пар, телеграфы, эгалитарную свободу, демократические парламенты и т. д.», все это – «орудия всесмесительного разрушения»².

О заколдованном круге безбожного «прогресса» и о его невидимых «помощниках»

А вот размышления на тему НТП священномученика архиепископа Илариона (Троицкого). Более ста лет назад владыка в статье «Наука и жизнь» (1913) предсказывал, сколь кровавыми будут плоды технического прогресса для России и всего мира: «А несет ли с собою счастье прогресс человечества, оторванный от Бога и от Церкви? Большими, гигантскими прямо шагами идет человечество по пути прогресса. Может быть, уже близится та блестящая эпоха, когда откроются воздушные рейсы и акционерные компании станут перевозить на громадных воздушных кораблях кладь и пассажиров. Но станет ли оттого человек более счастливым? Смело

¹ Там же. С. 269.

² Там же. С. 276.

можно ответить: нет, счастливее он не будет. Залетают по воздуху корабли, и в чистой воздушной стихии откровенно такая же беспощадная война, какая ведется теперь на суше и на море. Появятся воздушные миноносцы и броненосцы. В непроглядной тьме грозowych туч и под голубыми сводами девственно чистого неба раздастся грохот орудий; стоны и проклятья и громкие крики победы нарушат священную тишину заоблачных стран, а на землю с высоты неба полетится алая кровь все того же страдающего и умирающего несчастного человека. Разве это не характерно для современного прогресса, что новая эпоха воздухоплавания сразу вступила в союз с военным ведомством? Еще не научились летать, а уже по новому Георгиевскому статуту и у нас на Руси положена награда тому, кто с аэроплана нанесет наибольший вред неприятелю. Летательные аппараты прямо приспособляются к военным целям, а завод Круппа искусно отливает грозные пушки для стрельбы по дирижаблям и аэропланам. Повторяется старая глубоко трагическая история: искали химики и алхимики жизненного эликсира для продления жизни, а открыли порох для уничтожения и без того краткой жизни. Кажется порой, что человечество со своим пресловутым прогрессом вертится в каком-то заколдованном кругу»¹.

Есть ли альтернатива этому бесовскому кругу? Тот же Иларион Троицкий заключает: «А тот прогресс, которым так кичится наш гордый век, большой цены в очах христианина не имеет, потому что христианин прежде всего задает вопрос: какая польза для вечности, для спасения души? При ответе на этот вопрос очень часто первые оказываются последними. Кто ближе к Богу и Царству Небесному: гордый ли завоеватель воздуха,

¹ Архиепископ Иларион (Троицкий). Без Церкви нет спасения. М.: Сретенский монастырь, издательство «Знамение», 1999. С. 300-301.

который несетя с головокружительной быстротой и устанавливает мировой рекорд, или смиренная убогая старушка, едва бредущая с котомкой за плечами по тропинке к Сергию Преподобному?»¹

К идее прогресса настроенно и негативно относились не только такие богословы, как Иларион Троицкий, но и многие представители русской религиозной философии конца XIX – начала XX века. Так, Семен Людвигович Франк (1877–1950) понимал историю и прогресс эсхатологически. Л. И. Василенко следующим образом описывает это понимание: «Прогресс не является восхождением по ступеням совершенства, он не ведет к победе духа над бездуховностью, это созревание мира для Суда»². Николай Александрович Бердяев (1874–1948) также понимал прогресс эсхатологически, как приближение истории к концу. Время он трактовал как развал, распад падшего мира, включая космос. Никакой консерватизм остановить этот роковой процесс, по мнению Бердяева, не способен. А технический прогресс распад мира только ускоряет. Вот позиция Бердяева в изложении Л. Василенко: «Техническая цивилизация разваливает цельность природного мира, производит обезчеловечивание природы вопреки заповеди Господней возделывать и хранить Эдемский сад. Как был распят безгрешный Христос, так в истории, писал Бердяев, распинается невинная природа, которая в грехопадении не участвовала. Человек виновен в грехе, а из-за него страдает невинный мир: человек своей цивилизацией, техникой, наукой распинает природу. “Тварь стнает и мучится донине (он ссылается на ап. Павла – см. Рим. 8, 22) вместо экологической гармонии”. Полный распад

¹ Там же. С. 299.

² Василенко Л. И. Введение в русскую религиозную философию. М., 2009. С. 207.

будет концом мира, за которым последует Воскресение и спасение»¹.

Впрочем, на ранних этапах творчества у таких философов, как Владимир Соловьев и Сергей Булгаков, присутствовал определенный оптимизм в отношении того, что человечество с помощью науки и техники сумеет овладеть силами природы и будет очеловечивать Землю и космос. В последней своей работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900) Владимир Соловьев окончательно расстался со своими надеждами на прогресс, его настроения приобрели ярко выраженный эсхатологический характер. Так, в «Трех разговорах» один из участников разговоров, господин Z, говорит: «...ускоренный прогресс всегда есть симптом конца». Безусловно, эти слова выражают точку зрения самого автора.

Сергей Булгаков также изживал постепенно свои надежды на спасительный характер науки и техники. Он стал называть идею прогресса своеобразной религией, приверженцы которой вынашивают мечту построения земного рая на земле (идея хилиазма – существования царства Божия на земле в течение тысячи лет – в христианстве была достаточно распространенной ересью). В этом смысле, как считает Булгаков (сам бывший марксист), идеология марксизма сильна не своим научным обоснованием, а фанатичной верой многих ее приверженцев в возможность построения коммунистического рая. Булгаков называл это коммунистическим хилиазмом. Зрелый Булгаков выступал против двух крайностей, которые существовали в философии первых десятилетий XX века, – идеи хилиазма и идеи конца мира (эсхатология). Конечно, С. Булгаков как православный философ (к тому же священник) понимает, что конец мира будет, так

¹ Там же. С. 300.

говорит Священное Писание. Но он также против апокалиптических настроений. Булгаков пишет: «В истории возможен “прогресс”, рост цивилизации, материального благополучия и, однако, внутренний итог истории есть все-таки обособление духовного добра и зла и в нем последнее обострение мировой трагедии»¹.

Пожалуй, единственным представителем русской философии того периода, кто уповал на науку и технику как средство решения социальных проблем, был Николай Федоров. Свои идеи он изложил в «Философии общего дела». В качестве «общего дела» Федоров называл задачу оживления умерших предков с помощью достижений науки и техники. Видимо, именно Федоров оказал в свое время влияние на Владимира Соловьева, Сергей Булгакова, других философов, которые в молодые годы были заморожены утопиями этого философа. Кстати, Николай Федоров в своих умственных построениях почти не считался с догматами христианства. По моему мнению, его причисление к группе мыслителей русской религиозной философии является некорректным².

В XX веке научно-технический прогресс стал настоящим фетишем, идолом. Все зачарованы теми гигантскими достижениями, которых достигло человечество в освоении космоса, медицине, биотехнологии, генетике, электронике, нанотехнологиях, коммуникациях, энергетике и т. д. Лично меня давно уже мучил вопрос: каким образом человечеству удастся делать такие гигантские шаги в науке и технике, при том что сам человек стреми-

¹ Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм // Булгаков С. Н. Сочинения в 2 томах. Том 2. М., 1993. С. 416.

² Подробнее о взглядах представителей русской религиозной философии на прогресс см.: Волгин О. С. Идея прогресса в русской религиозной философии Серебряного века: Диссертация на соискание ученой степени д-ра филос. наук. Специальность 09. 00. 11. М., 2004; Александров В. Б. Метафизика прогресса в русской религиозной философии // Управленческое консультирование. №4. 2016.

тельно мельчает? И речь идет не только о моральных качествах, общем уровне культуры, внешнем виде человека, но и о чисто интеллектуальном развитии. Я преподаю в высшей школе уже более сорока лет и вижу, как стремительно падает интеллектуальный уровень молодежи. Мои коллеги (в том числе из других стран, в том числе западных) также констатируют этот «медицинский факт». Ответ я нашел неожиданно у Паисия Святогорца, который не раз высказывался по поводу лукавого характера современного прогресса. Вот его слова: «Современные технические средства все развиваются и развиваются – без конца. Они развиваются быстрее, чем человеческий ум, потому что в их развитии помогает диавол»¹.

Западный прогресс и православное преображение

Весьма интересный взгляд на понимание прогресса можно найти в статье Илариона Троицкого «Прогресс и преображение» (1914). По мнению владыки, идея прогресса перекликается с общим принципом эволюции. А эволюция, в свою очередь, предполагает борьбу за существование (все это нашло свое научное обоснование в теории Дарвина). Именно возведение идеи прогресса в фетиш общественной жизни и послужило, в конечном счете, глубинной причиной начавшейся в 1914 году всемирной бойни: «Перенесите борьбу за существование во взаимные отношения целых народов, – вы получите войну и поймете смысл железного германского кулака»².

¹ Паисий Святогорец: С болью и любовью о современном человеке // Интернет. Режим доступа: <http://www.grekomania.ru/greek-articles/orthodox-greece/327-paisij-svyatogorec-s-bolyu-i-lyubovyu-o-sovremennom-cheloveke>.

² Архиепископ Иларион (Троицкий). Без Церкви нет спасения. М.: Сретенский монастырь, издательство «Знамение», 1999. С. 266.

Чуть ниже он дает чеканную формулу войны и прогресса: «Война – это самопроклятие прогресса»¹. Владыка конкретизирует, что европейцы понимают под прогрессом: «...высшие интересы европейской цивилизации, конечно, – торговля, мореплавание, рынки, фабрики – что может быть выше в глазах Европы?»² Таков идеал протестантской и католической Европы.

А в чем идеал православия? Иларион Троицкий отвечает: «Идеал православия есть не прогресс, а преобразование»³. И далее владыка раскрывает смысл этого православного идеала: «Процесс преобразования человеческого естества и твари земной будет развиваться неизменно и неуклонно, пока не скажет Сидящий на престоле: “Се, творю все новое! Совершилось! Я есмь Альфа и Омега” (Откр. 21, 5-6). Некогда все покорится Сыну, и тогда Сам Сын покорится покорившему все Ему, да будет Бог все во всем (1 Кор. 15, 28). Новый Завет не знает прогресса в европейском смысле этого слова, в смысле движения вперед в одной и той же плоскости. Новый Завет говорит о преобразении естества и о движении вследствие этого не вперед, а вверх, к небу, к Богу. В своем кратком итоге Новый Завет гласит: “будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Мф. 5, 48)»⁴.

Именно русский народ, по мнению многих русских писателей и мыслителей, наиболее привержен идее преобразования (владыка называет Пушкина, Гоголя, Достоевского, славянофилов, Владимира Соловьева). Иларион Троицкий пишет: «Веселые песни земли, восторженные гимны прогрессу не могут заменить для русской души прекрасных звуков небес; знает и понимает она, что не-

¹ Там же. С. 269. Курсив Илариона Троицкого. – В. К.

² Там же. С. 269–270.

³ Там же. С. 270. Курсив Илариона Троицкого. – В. К.

⁴ Там же. С. 271.

бесная песня не слагается из грохота машин и треска орудий и что ноты этой песни не в чертежах и сметах инженеров. Итак, если идеал Запада – прогресс, то русский народный идеал – преображение»¹.

Начавшаяся в 1914 году война между Германией и Россией, по мнению Илариона Троицкого не просто борьба за рынки и экономическое и политическое влияние в Европе и мире. Это борьба двух идей – прогресса и преображения. И русские богословы, философы и люди науки, находящиеся далеко от полей сражений, тем не менее могут и обязаны участвовать в этой войне. Каким образом? Он напоминает, что «русская философия – философия религиозная». Лишь в таком качестве она сможет увидеть принципиальные различия между идеалами прогресса и преображения. Он также добавляет: «... наука должна служить не прогрессу, но преображению; должна она показывать путь в праведную землю»².

О безбожной философии и гадаринских свиньях

Кончу тем, с кого начал. Я имею в виду «гениального» философа Ф. Бэкона. Он широко известен как отец-основатель философии позитивизма. Многие называют его виднейшим английским просветителем (по аналогии с французскими философами-просветителями). Может быть, с учетом изложенных соображений нам стоит поновому взглянуть на «гениального» Бэкона, а заодно и на всю философию (не только позитивную) с ее фетишем «знания»? Мы также отметили, что Ф. Бэкон – идейный отец-основатель США (это государство принципиально нового, масонского типа, было создано по проекту,

¹ Там же. С. 282.

² Там же. С. 278.

изложенному в «Новой Атлантиде»). Не это ли доказательство того, что идеи философов могут «овладевать массами»? Проще говоря, делать целые народы бесноватыми? Разве бесовские идеи Ф. Ницше, усиленные бесноватым фюрером Адольфом Гитлером, не сделали в 30-е и 40-е годы прошлого века бóльшую часть немцев бесноватыми? Да и материалистическо-атеистическую философию марксизма можно рассматривать как тяжелое и массовое психическое заболевание, которое охватило значительную часть русского народа и от которого мы еще до конца не излечились.

Все мы помним евангельскую историю об исцелении Христом бесноватого, который обитал в стране Гадаринской¹. Тот бедняга, который жил в горах и гробах, обладал нечеловеческой силой. Он «разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его». Лично мне этот обитатель пустынных мест близ палестинского города Гадары напоминает современное человечество, которое благодаря научно-техническому прогрессу обрело невероятную силу над природой.

Но каков источник этой силы и насколько она сделала человечество более счастливым? Читаем в Евангелии про гадаринского бесноватого: «Всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни». Разве это не есть образ современного человечества, которое также кричит и бьется о камни? Многие современные наблюдатели (даже осторожные в своих выражениях и оценках) не могут не признать, что современный мир напоминает сумасшедший дом, в котором люди, оснащенные силой науки и техники, бьются в приступах истерии, отчаяния, страха. Об этом много раз говорил наш современник Паисий Святогорец (1924–1994): «Да простит меня Бог, но мир превратился в самый настоящий сумасшедший дом.

¹ См.: Мк. 5, 1–17; Мф. 8, 28–34; Лк. 8, 26–38.

О жизни иной люди не думают – они лишь ищут себе все больше и больше материальных благ. И поэтому они не находят покоя и постоянно куда-то мчатся».

Вот еще одно его высказывание подобного рода: «Люди XX века – чего же они достигли своей культурой и цивилизацией! Они свели мир с ума, они загрязнили атмосферу, они испортили все на свете. Если колесо сойдет с оси, то продолжает вращаться без цели. Так и люди – сойдя с оси Божией гармонии, они мучаются. В старину люди страдали от войны, сегодня они страдают от цивилизации»¹.

Откуда все это безумие и отчаяние? – Бесы, та самая нечистая сила, о которой мы уже выше говорили. В контексте нашего разговора – бесовские идеи Бэкона и многих других «независимых» философов, которые вселились в нынешние народы. К этим идеям вполне применимы слова Евангелия: «Имя – им легион»².

Как мы знаем, Христос исцелил тогда гадаринского бесноватого, повелев бесам переселиться в стадо свиней. А затем это стадо сбросилось с обрыва в море: «И нечистые духи, вышедши, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море». Современное человечество можно сравнить с жителями страны Гадаринской, которые были свидетелями чуда исцеления, но тем не менее не захотели принять Христа: «И начали просить Его, чтобы отошел от пределов их». Свиньи тогда погибли, но бесплотные бесы остались целыми и невредимыми. И они

¹ Паисий Святогорец: С болью и любовью о современном человеке // Интернет. Режим доступа: <http://www.grekomania.ru/greek-articles/orthodox-greece/327-paisij-svyatogorec-s-bolyu-i-lyubovyu-o-sovremen-nom-cheloveke>.

² Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много (Мк. 5, 8–9).

опять стали искать, в кого бы им вселиться. Мы не знаем дальнейшего продолжения истории. Но можно предположить, что новыми объектами они могли выбрать самих жителей страны Гадаринской. Современное человечество можно также сравнить со стадом тех гадаринских свиней, которые мчались к обрыву Генисаретского (Тивериадского) озера. Только сегодня сотни миллионов (даже миллиарды) людей несутся к обрыву не озера или моря, а мировой истории.

В заключение приведу слова апостола Павла: «... сам сатана принимает вид ангела, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их» (2 Кор. 11, 14–15). Под определение служителей сатаны, которые «принимают вид служителей правды», сегодня без всякой натяжки попадают представители современной позитивной науки и философии, порвавшие с Богом. Им уготован такой же конец, как и гадаринским свиньям. С той только разницей, что свиньи погибли в водах озера, а интеллектуальные служители сатаны будут повержены в «озеро огненное» (Откр. 20, 14–20).

О философии, домостроительстве и антихристе

Сказал Господь: всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

Мф. 7, 24–27

Философия с большой буквы и философии с маленькой

Иногда в мой адрес раздаются обвинения, что я, мол, ретроград, выступающий против философии. Но это не совсем так или даже совсем не так. Я не могу выступать против философии, поскольку в переводе с греческого языка это *любовь к мудрости*.

Выступить против любви к мудрости – все равно что, например, выступать против любви между мужчиной и женщиной. Как первый, так и второй вид любви являются естественными проявлениями человеческой природы. Так все задумано Творцом. К сожалению, се-

годня естественная, данная Богом любовь между женщиной и мужчиной, являющаяся основой семьи и призванная давать начало жизни следующим поколениям, приобретает все более извращенные формы. Погружаться в описание этих извращений даже не хочется, читатель прекрасно понимает, о чем идет речь. Такие отношения между современными потомками Адама и Евы противоречат замыслу Бога и в конечном счете ведут к вырождению и гибели человека.

Увы, то же самое происходит с философией, или любовью к мудрости. Как известно, высшей мудростью обладает Бог. Истинная философия – тяга человека к Мудрости Божией (Софии). Истинная философия потому так называется, что она ориентирована на Бога как Истину с большой буквы. Еще в Ветхом Завете мы читаем: «Господь Бог есть истина» (Иер. 10, 10). А в Новом Завете подобная мысль встречается много раз. Например: «...слово Твое есть истина» (Ин. 17, 17). Также: «...истина в Иисусе...» (Еф. 4, 21); «Дух есть истина» (1 Ин. 5, 6).

Истинная философия – одно из проявлений любви человека к Богу. Истинная философия по своей сути есть религия. Напомню, что одна из основных трактовок слова религия – воссоединение. Речь идет о воссоединении связи человека с Богом, которая была разрушена в результате грехопадения первых людей в раю. Философия древних греков (Сократа, Платона, Аристотеля) являла собой пример такой неосознанной, интуитивной тяги людей к Творцу¹.

¹ Некоторые представители русской религиозной философии для описания такой тяги даже использовали термин *философский эрос*. Впрочем, слово *эрос* использовалось уже и в греческой философии, под ним понималась страстная любовь-увлечение, стремление к полному физическому обладанию объектом любви. Эрот (Эрос) – в древнегреческой мифологии бог любви.

Христос, придя на Землю, восстановил Своей искупительной жертвой разрушенную связь человека и Бога. Христианство сделало отношения между человеком и Богом осознанными. Христианство как учение было дано людям в виде Священного Откровения (зафиксированного в текстах Нового Завета) и Священного Предания. Это и есть путеводитель человека к Богу, это и есть Философия, позволяющая постигать Бога как Истину. Другого пути к Истине нет. Мы помним, что Христос сказал апостолу Фоме: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6).

Все другие мировоззрения – даже философские системы, возникшие на почве других (нехристианских) религий, – философии с маленькой буквы. В лучшем случае они могут раскрывать частичные истины. В худшем – уведут человека от Истины еще дальше. Философии с маленькой буквы долго не живут, поскольку появляются другие философии с маленькой буквы, которые опровергают более ранние.

О конструкции христианского мировоззрения

Философия (с большой буквы) – христианское мировоззрение и миропонимание, которое можно сравнить со зданием, состоящим из трех основных элементов: а) фундамент; б) стены; в) крыша. Начну расшифровку с конца.

Крыша – это конкретные науки (как естественные, так и социальные).

Стены – философия как система общих представлений о видимом (физическом) мире. Это философия в узком смысле слова, философия с маленькой буквы. В философской литературе эту часть иногда называют «натурфилософией».

Фундамент – богословие как система представлений о Боге и невидимом (духовном) мире.

Сравнение процесса формирования системы христианского мировоззрения с домостроительством вполне органично для нашей религии. Дело в том, что одной из ключевых тем православного богословия является божественное домостроительство. Домостроительство – слово греческого происхождения (экономия), означающее заведование домашним хозяйством. В «Православной энциклопедии» говорится, что это «христианский богословский термин, указывающий на предвечный Божественный план, в соответствии с которым Бог творит мир, промышляет о нем и ведет его к конечной благой цели»¹. Термин *Божественное домостроительство* получил широкое распространение уже в ранней христианской литературе и патристике. Святые отцы совершенно верно говорили, что очень важно понять замысел Бога о мире и человеке. Это необходимо для того, чтобы христиане могли учесть этот замысел в земном домостроительстве – как материальном, так и, особенно, в духовном². Такое понимание позволит правильно строить здание христианского мировоззрения и определить в нем место философии.

В течение последних нескольких веков человечество с увлечением занималось строительством здания светлого будущего, по сути – земного рая. Такое строительство опиралось и опирается на некие чертежи.

¹ Домостроительство // Православная энциклопедия // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/178901.html>.

² О Божественном домостроительстве см.: Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Книга 3. – Глава I. О Божественном домостроительстве и попечении в отношении к нам, и о нашем спасении; Лосский В. Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Глава VII. Домостроительство Сына; Глава VIII. Домостроительство Святого Духа.

А кто готовил и продолжает готовить эти чертежи? – Прежде всего философы. В их чертежах есть стены и крыша здания. Про фундамент большая часть строителей начисто забыла. Такая конструкция здания не только создает риск обрушения архитектурного сооружения, но также грозит тем, что обитатели здания погибнут под его обломками.

Притча о домостроителях: благоразумном и безрассудном

О том, что происходит со зданиями, у которых нет твердого, прочного основания, хорошо сказано в евангельской истории о двух домостроителях (благоразумном и безрассудном).

«Сказал Господь: всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7: 24–27).

Таким образом философы, «эмансипировавшиеся» от христианства, которые думают, что они могут что-то создать хорошее и прочное (даже вечное), уподобляются тому евангельскому безрассудному строителю, который возводил свой дом на песке. Случаются разливы рек, дожди, сильные ветры, и философские конструкции таких незадачливых «вольных каменщиков» падают. Однако они с упорством и фанатизмом на этом же песке начинают возводить следующий дом. И так без конца.

Справедливости ради следует признать, что часть безрассудных строителей понимают, что для дома все-таки нужен фундамент. Однако сооружают они этот фундамент не из камня веры, а из умозрительной метафизики. На первый взгляд, такая метафизика напоминает камень. Однако на самом деле это комья засохшей глины, которые рассыпаются на глазах, не выдерживая давления фактов, здравого смысла и человеческого опыта. Примером такой умозрительной метафизики может служить учение об абсолютном духе Гегеля. Безумный немец полагал, что сконструированный им абсолютный дух может заменить живого Бога. Безумие подобного рода философов заключается в том, что у них не Бог создает человека, а человек создает бога.

Благоразумный строитель сооружает свой дом на камне веры. Камень не должен ломаться и крошиться. Таким прочным камнем может быть только христианство (православие). Католическая или протестантская вера здесь не годятся. Например, пять веков назад, когда в результате реформации на свет появился протестантизм, казалось, что Европа обрела прочное мировоззренческое основание своей жизни. Однако это была иллюзия. Уже в самом начале протестантизм проявил себя в нескольких формах: лютеранство, кальвинизм, англиканство. Далее в рамках каждой из названных форм началось дробление и появление различных толков и сект. Камень протестантизма стал на глазах превращаться в песок.

Но вернемся к православному фундаменту жизни. Конечно, дом не состоит из одного фундамента. Фундамент – жизненно необходимая, но недостаточная часть дома. Как мы уже отметили, еще требуются стены и крыша. Но не всякие, а добротные, прочные, способные защищать обитателей дома от ветров, холода, жары, дождей. Здесь нужны серьезные знания, опыт, мудрость. Христи-

анские строители ни в коем случае не против философии и науки, главное – чтобы кирпичи стен и кровля не были кривыми, крошащимися и гнилыми и чтобы все части дома были грамотно увязаны в одной конструкции.

О науке в контексте христианского домостроительства

Несколько слов о крыше дома – науке. Некоторые мыслители соглашались с тем, что у дома должен быть фундамент в виде камня христианской веры. Соглашались и с тем, что стены должны быть сложены из кирпичей христианской философии. А вот крыша, мол, может быть сама по себе. Наука, по их мнению, не может быть ни христианской, ни антихристианской. Она, мол, является плодом свободного творчества и по своей природе нейтральна. Крышу могут мастерить агностики и атеисты, христиане и буддисты, идеалисты и материалисты, марксисты и сатанисты. Такая точка зрения – серьезнейшее заблуждение. Крышу христианского дома можно доверить только христианским ученым. Я понимаю, что мой тезис может вызвать бурную реакцию негодования со стороны прогрессивной общественности и эмансипировавшихся от христианства ученых. Тема науки и веры заслуживает отдельного разговора. Обычно разговоры в рамках этой темы сводятся к тому, противоречит ли наука вере или нет. Чаще сегодня соглашались с тем, что не противоречит. Однако на этом нельзя ставить точку в дискуссии. Ставить вопрос надо шире: как добиться симфонии науки и христианской веры? Сегодня, мягко говоря, ее нет.

Во-первых, христианская вера резко *расширяет горизонты научного познания*. Вот лишь один пример. В древнем мире философы (даже гениальные греки),

опираясь на мировоззренческий фундамент язычества, воспринимали мир как ограниченный и конечный. Христианство дало человеку представление о бесконечности. Такое представление, в свою очередь, послужило сильным толчком к развитию математики. Философы и богословы признают, что без понятия о бесконечности не могла бы появиться высшая математика с дифференциальным и интегральным исчислением. Другой пример относится к истории. Для многих событий ранней земной истории человечества единственным документальным источником является Священное Писание (особенно книги Ветхого Завета). Такие события, как всемирный потоп, уничтожение нечестивых жителей Содома и Гоморры, строительство и падение Вавилонской башни и другие, зафиксированы только в Священном Писании. Археологические исследования Нового времени (библейская археология) стали подтверждать то, что можно прочитать в Ветхом Завете.

Во-вторых, христианская вера страхует ученого от движения по *ложным путям*. Наиболее яркий пример такого ложного пути – дарвинизм, который зародился в XIX веке в недрах биологии. Дарвинизм стал дерзким вызовом христианскому представлению о появлении человека на земле в результате акта Божественного творения (идея креационизма). Сторонники дарвинизма выдвинули гипотезу об эволюционном происхождении человека (ближайшее предыдущее звено такой эволюции – обезьяна). Никакие эмпирические данные не подтверждают положения дарвинизма, однако он из гипотезы успел за полтора столетия трансформироваться в теорию, а кое-где и в единственно верное учение. Для верующего человека такое учение, несмотря на его мощную пропаганду во всем мире, остается безумием, плодом лжеименного разума.

В-третьих, христианская вера страхует ученого от движения по *опасным путям*. Еще в Эдемском саду Господь предупреждал первых людей, чтобы они не вкушали плодов с дерева познания добра и зла. Человек без помощи Бога, увы, не может самостоятельно определить, где добро, а где зло. Змей-искуситель уже в раю продемонстрировал свои способности обманывать людей с помощью разного рода льстивых обещаний и сладких речей. Увы, ученый, далекий от христианства, этой угрозы не ощущает. Ему кажется, что он рвет с дерева познания красивые и сладкие плоды. И количеством сорванных плодов измеряется прогресс. Увы, ученый часто не задумывается, что такое прогресс. Он довольствуется лукавым определением, что это движение вперед. А что там впереди, агенты змея-искусителя ему внятно не объяснили. В результате наука накапливает все больше ядовитых плодов в виде ядерного оружия, генетически модифицированных продуктов, сеющих обман и дезинформацию электронных коммуникаций, технологий управления человеческим сознанием и поведением, способов цивилизованной эвтаназии, методов изошренных пыток и т. д. Современный ученый, лишенный нравственных и духовных ориентиров, оказывается полезным идиотом, действующим в интересах дьявола. Все мы помним слова Спасителя из Евангелия от Иоанна: «Ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44).

Слова эти были две тысячи лет назад адресованы Спасителем фарисеям и книжникам. Но разве они не применимы к тем ученым, которые сегодня работают на отца лжи и главного человекоубийцу? Ученый, не одухотворенный светом христианской Истины, фактически

становится сообщником дьявола. Наука человечеству нужна, но не всякая, а лишь христианская. Вроде бы вещь очевидная, но сегодня об этом почему-то стесняются порой говорить даже православные богословы и ученые. Они наивно полагают, что наука – общечеловеческий феномен. Что она интернациональна, беспартийна, вне религии и морали. И что нам нельзя отставать от общемирового научного прогресса. В этой связи хотелось бы обратить внимание на мысль русского мыслителя Константина Леонтьева, что для православного человека не может быть науки вообще, она должна быть национальной, а не интернациональной¹.

Истинное христианство как симфония науки, философии и богословия

Господь дал нам принципиальную схему дома, она содержится в Священном Писании и Священном Предании. А разработку деталей проекта, доведение его до конкретных чертежей, должны осуществлять богословы, философы и ученые, благо что Господь дал им разум. Выражаясь современным языком, это должна быть одна команда, один слаженный творческий коллектив. А общим руководителем детального проектирования и строительства дома может быть только Бог. Только при таком руководстве можно говорить о симфонии науки, философии и богословия.

В противном случае будет по А. Райкину, который на советской эстраде шутливо описывал коллективный процесс шитья пиджака. Одни шьют рукава, другие – подкладку, третьи – воротник, четвертые пришивают

¹ См.: Катасонов В. Ю. Всемирность науки и техники – опасный догмат либерализма // Православное понимание общества. Социология Константина Леонтьева. Историсофия Льва Тихомирова. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 157–159.

пуговицы и т. д. А в результате получается перекошенный пиджак, который носить нельзя. В нашем случае будет иметь место какофония. Будет что-то наподобие того концерта, о котором мы читаем в басне А. Крылова «Квартет».

Возвращаясь к христианской философии, отметим, что это такая система представлений о мире, которая опирается на фундамент христианского мировоззрения и миропонимания. Философские стены в этом случае будут каменными (или кирпичными) и наравне с фундаментом смогут выдерживать натиск различных стихий.

Философские стены нехристианского происхождения чаще всего пытаются строить из крошащихся кирпичей. Из таких кирпичей бывает сложно возвести стену, а если ее и успевают сложить, она вскоре рассыпается (при малейших дуновениях ветра). Правда, иногда философские стены свободных строителей могут создавать впечатление непреступных и монолитных. Они напоминают крепость способную защитить обитателей дома от разных природных, социальных и политических катаклизмов. Но это обманчивая видимость. Далеко за примерами ходить не надо – марксистско-ленинская философия как единственно верное учение. Однако эти марксистско-ленинские стены советского дома просуществовали всего 70 лет и рухнули, обратившись в пыль. А обитатели дома (советский народ) в одночасье оказались под открытым небом.

Об источниках знания представителей «свободной» философии

Как я уже сказал, падший человек до неузнаваемости извратил заложенную в нем Богом половую любовь к

другому человеку. Вместо того чтобы реализовать свою любовь в семье, он может искать «любовь» в публичном доме. К сожалению, подобные метаморфозы претерпевает также данная Богом человеку любовь к мудрости. Источник мудрости современный философ может искать где угодно, но не в Боге. Как у нас принято говорить, «на стороне». Современный философ более всего чтит свою свободу, которую он понимает как эмансипацию от Бога и Церкви. Такая эмансипация началась на заре Нового времени. Святитель Григорий Палама в XIV веке фиксировал этот процесс уже во время так называемого Возрождения, то есть возвращения к дохристианскому язычеству. Возрождение захватило не только искусство и литературу, но также философию: «Так вот, ум внешних философов тоже дар Божий, и ему тоже врождена здравая мудрость, но, извращенный внушениями лукавого, он сделал свою мудрость, придумавшую подобные учения, вздорной, лукавой и поистине безумной»¹. Первым философом эпохи Возрождения, начавшим процесс эмансипации, был Франческо Петрарка. За ним последовали Леонардо да Винчи, Николай Кузанский, Эразм Роттердамский, Никколо Макиавелли, Томас Мор... В этот список можно также включить Мартина Лютера – «крестного отца» Реформации.

После начавшейся Реформации любители мудрости считали, что философия более не должна находиться на положении служанки богословия. Она заслуживает того, чтобы быть самой в роли госпожи. Более того, радикально-революционные философы того времени бросили лозунг полного разрыва отношений между философией и религией. Такими философами-радикалами были Барух Спиноза, Христиан Томазий, Джон Локк, Фрэнсис Бэкон и другие.

¹ Святитель Григорий Палама. Триады 1,1, 19.

В. Ф. Иванов в своей работе «Тайна масонства» пишет об этом революционном перевороте в европейской философии: «Рационалистическая философия достигает абсолютного развития в учении Спинозы (род. 1632). Для Спинозы Вселенная и есть тот Бог, в которого он верует и перед которым преклоняется в чувстве бескорыстной любви. Его вера является пантеизмом, совершенно не соответствует догматам положительных религий, по представлению которых Бог, как Творец мира, не сливается с последним, а обособляется, как Существо, создавшее Вселенную из ничего силою Своей свободной воли. *Спиноза стоял за отделение теологии от философии, государства от Церкви. Между богословием и философией нет никакой связи, никакого родства. Они отличаются друг от друга, как небо от земли...* Христиан Томазий (род. 1655), ярый рационалист, верит только в разум, и верит в него безусловно: только то имеет силу доказательства, что согласуется с разумом. Поэтому авторитеты не имеют цены в глазах Томазия, и он не без удовлетворения ниспровергает их. *Философия и государство должны быть очищены от религии. Между Церковью и государством не должно быть союза для защиты интересов*»¹.

Чаще всего таким источником мудрости философ полагает самого себя. Несметное число любителей мудрости страдало и страдает философским нарциссизмом, или манией величия. Это Сократ почти две с половиной тысячи лет назад мог сказать о себе: «Я знаю, что я ничего не знаю». Многие современные философы уверены, что они знают все. Или, по крайней мере, на порядок больше, чем окружающие. Видимо, многих современных философов вдохновляет пример немецкого

¹ Иванов В. Ф. Тайны масонства // Интернет. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/masonry/8.htm> (курсив мой. – В. К.).

любителя мудрости Гегеля, который был уверен, что создал законченную систему познания мира (природы и истории). Чем он не Бог, Который шесть дней творил мир, а на седьмой решил почивать с чувством глубокого удовлетворения («зело хорошо»)?!

Другая часть любителей мудрости подпадает под гипноз философских авторитетов разных времен и народов. Эти сами ничего не создают, а лишь ретранслируют, комментируют и комбинируют идеи авторитетов. Таких любителей мудрости всегда было подавляющее большинство, доля их непрерывно растет. Сегодня их численность условно составляет 99 % всего личного состава армии профессиональных философов. Публика эта крайне серая, интеллектуально ограниченная. Глядя на представителей этой группы любителей мудрости, у меня закрадывается подозрение, что в философы идут те, кто уже ни на что другое не способен. Но при этом философы данной группы представляют большую опасность для общества. Будучи сами под гипнозом авторитетов, они могут вводить в гипнотическое состояние простых неискушенных людей (например, студентов). Используется проверенный инструмент гипноза – птичий язык корпорации профессиональных философов. Автор этого выражения – профессор астрономии Московского университета Дмитрий Матвеевич Перевошиков (1788–1880), который охарактеризовал этим термином язык русских философских сочинений 1820–1840-х годов, перегруженных терминами и формулировками, понятными только посвященным.

Наконец, третья часть любителей мудрости относится к категории мистиков, которые пытаются налаживать (и иногда действительно налаживают) контакты с представителями инфернального мира (мира падших духов), которые и снабжают их тайными знаниями. В

момент получения знаний любитель мудрости находится в состоянии экстаза или транса, переживает озарения, откровения, творческое вдохновение. Это очень пестрая группа любителей мудрости. В нее входят представители оккультизма и спиритизма, теософы, антропософы, гностики, эзотерики и прочие агенты преисподней. Классический пример такого типа любителей мудрости – доктор Фауст, который был завербован Мефистофелем. Другой пример – Елена Блаватская, которая строчила свои теософские сочинения в режиме так называемого автоматического письма (рукой автора водит некий невидимый помощник). Мистики не очень любят распространяться о природе своего творчества. У неискушенного любителя философских книг подобного рода может возникать иллюзия, что они – плод кабинетных размышлений автора. Тот же, кто это понимает, нередко сам мечтает стать мистиком и ищет пароли, которые позволяют ему перейти границу между нашим и инфернальным миром.

За рамками своего обзора я оставляю тех, кого можно назвать философскими жуликами. Это те, кто заимствуют идеи из христианства и других религий и выдают их (после некоторой косметической обработки) за свои собственные интеллектуальные продукты. Правда, подобного рода фальсификации достаточно быстро выявляются.

Свободные философы как вольные каменщики

Философы, которые эмансипировались от христианства, кичатся своей свободой. Они с гордостью заявляют, что строят храм знания, не замечая, что у него нет крепкого фундамента. А также далеко не всегда понимая,

для кого и зачем они строят этот храм. Таких философов можно назвать вольными каменщиками.

Мы знаем, что вольными каменщиками принято называть франкмасонов. Кто такие франкмасоны? Да по сути все те же свободные эмансипировавшиеся философы. Справочник сообщает, что франкмасоны – «члены религиозно-философского общества, возникшего в первой четверти XVIII века в Англии и распространившегося оттуда по всему цивилизованному миру... В масонстве отсутствует какая-либо религиозная догматика, членами лож могут быть люди всех исповеданий и даже атеисты. Формально масонские ложи совершенно аполитичны...»¹. Итак, франкмасонские ложи позиционируют себя не как религиозные организации и не как политические центры. Они себя называют «философскими обществами». И члены масонских лож начальных градусов искренне (и одновременно наивно) могут думать, что они занимаются вопросами философско-нравственного порядка, ищут пути сделать человечество счастливым, участвуют в построении рая на земле.

А вот масоны высоких и высших градусов вполне отдают себе отчет, какой философией они занимаются. Масонские общества на самом деле решают две взаимосвязанные задачи: с одной стороны, отвлечь, оторвать людей (особенно принадлежащих к элите общества) от христианства и Церкви; с другой стороны, расчистить пути для прихода к мировой власти антихриста. Для внешних масоны делают заявления, что они строят храм светлого будущего, в котором будут жить следующие поколения. Символом такого храма выбран первый Иерусалимский храм, который был построен премудрым

¹ Франкмасоны // Исторический справочник русского марксиста // Интернет. Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/справочники/исторический-справочник-русского-марксиста/франк-масоны>.

царем Соломоном примерно три тысячи лет назад¹. Но на самом деле речь идет о планах восстановления разрушенного в 70 году по Р. Х. во время Иудейской войны второго Иерусалимского храма. В этом третьем храме должен воссесть ожидаемый еврейским народом машиах (мессия). Все мы, христиане, прекрасно знаем, что это будет ложный мессия, он же антихрист (все подробно описано в последней книге Священного Писания – Откровении от Иоанна, или Апокалипсисе)².

Многие философы Нового времени были откровенными масонами. Поголовно масонами были французские просветители-энциклопедисты (Вольтер, Дидро, Руссо, Аламбер, Монтескье и другие). Известный русский исследователь масонства В. Ф. Иванов писал: «Идея демократии, нашедшая свое определенное выражение в учении английского масона Локка, получила дальнейшую разработку у французских “просветителей” – идеологов революции 1789 года, которые, как известно, все принадлежали к масонам. Масоны Вольтер, Дидро, Монтескье и, наконец, Ж.-Ж. Руссо на опыте утверждали демократическую идею и своей работой создали демократическое движение во всем мире»³.

В разные масонские общества (ложи) входили также: английские философы Джон Локк и Френсис Бэ-

¹ Современные масоны считают, что первая масонская ложа возникла при царе Соломоне и состояла из вольных каменщиков, которые строили первый храм в Иерусалиме. Согласно сочинениям современных масонов, те первые вольные каменщики были не только строителями, но также философами-эзотериками. Если так можно выразиться, это были философы до философии. Храм строился примерно в X веке до Р. Х., а первые философские школы и учения появились не ранее VII века до Р. Х. (в Древней Греции).

² См.: Катасонов В. Ю. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: Кислород, 2014.

³ Иванов В. Ф. Тайны масонства // Интернет. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/masonry/8.htm>.

кон, немецкий философ Георг Фридрих Гегель, немецкий писатель, поэт и философ Иоганн Вольфганг Гете, философ-социалист граф Анри де Сен-Симон, марксистский философ и экономист Поль Лафарг (зять Карла Маркса), французский философ-позитивист Эмиль Литтре, руководительница теософского движения Анна Безант, еврейско-немецкий философ Мозес Мендельсон, французский философ-мистик и писатель Луи-Клод де Сен-Мартен, русский философ и публицист Петр Чаадаев, многие другие любители мудрости.

Согласно некоторым данным, масоном (с уклоном в сатанизм) был основоположник марксизма Карл Маркс (1818–1883). Вопрос этот до конца не прояснен. Но то, что основатель диалектического материализма и исторического материализма (марксистской философии) находился под сильным влиянием масонских идей и был их проводником, сомнений нет. Еще В. И. Ленин в работе «Три источника и три составные части марксизма» (1913) говорит, что такими частями и источниками были английская политическая экономия, немецкая классическая философия, французский утопический социализм. А наиболее яркие представители этих источников были масонами. В частности, немецкий философ Гегель и французский социалист Сен-Симон. Тем, кто сомневается в приверженности классика идеям масонства, рекомендую перечитать (только вдумчиво) принадлежащий перу классика «Манифест коммунистической партии» (1848). Современный автор И. Абрамов пишет: «В сущности, “Коммунистический манифест” к тому времени уже ходил по рукам много лет, задолго до того, как кто-то услышал имя Карла Маркса настолько хорошо, чтобы приписать ему авторские права на этот революционный учебник. Все, что Маркс действительно сделал, – это модернизация

и кодификация все тех же революционных планов и принципов, которые за семьдесят лет до него уже были описаны Адамом Вайсхауптом, основателем баварских иллюминатов в Баварии»¹.

Еще в молодости Карл Маркс подпал под влияние некоего Мозеса (Моисея) Гесса (1812–1875), который был глашатаем трех движений – коммунизма, сионизма и «богословия революции» (за последним скрывалось воинствующее богоборчество). Принадлежность Гесса к масонству не вызывает сомнения. Между прочим, этот масон был основателем I Интернационала и оставался тайным вдохновителем основоположника марксизма. Моисей Гесс в письме к своему коллеге, немецкоязычному писателю Бертольду Ауэрбаху, характеризует Маркса как человека, который «нанес окончательный удар средневековой религии и философии»². А ведь письмо относится к 1841 году, то есть еще до того, как появился «Манифест коммунистической партии» и другие важные работы классика, которые действительно потрясли христианские устои Европы и России.

Уже упоминавшийся нами исследователь масонства В. Ф. Иванов писал об антихристианской направленности творчества философов-масонов: «Все почти без исключения философы двух последних столетий, вышедшие из тайников внутреннего масонства, с неопишущим ожесточением и ненавистью писали против христианской религии. Эти писания “великих” философов, таких как Локк, Вольтер, Дидро и других, распро-

¹ Абрамов И. Л. Карл Маркс, Фридрих Энгельс // Интернет. Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2015/08/22/7410>. См. также: Николай Боголюбов. Тайные общества XX века. – Глава 6 Карл Маркс // Интернет. Режим доступа: <http://7lafa.com/book.php?id=2802&page=8>.

² Лурье С. Антисемитизм в древнем мире. Берлин, 1923. С. 207 // Цит. по: Боголюбов Н. Тайные общества XX века // Интернет. Режим доступа: <http://7lafa.com/book.php?id=2802&page=9>.

страняли в обществе рядовые масоны...»¹ Те философы, которые формально не были членами масонских лож, все равно работали на решение тех задач, которые ставились перед масонством. Такие «независимые» философы занимались продвижением идей их коллег-масонов, распространяли антихристианскую, богоборческую заразу по всему обществу.

Даже те философы, которые формально не состояли в масонских ложах, по сути выступали в роли франкмасонов. В начале XXI века масонство переживает серьезный кризис, ибо оно, с точки зрения тех, кто организовывал борьбу против христианства, уже выполнило свою миссию. И тем не менее сегодня свободные от Христа и Церкви любители мудрости де-факто продолжают выступать в качестве вольных каменщиков. Профессиональные философы продолжают воздвигать незримые стены антихристианского храма знания. Тем самым они приближают время воздвижения вполне зримых стен третьего Иерусалимского храма и прихода в мир антихриста. К сожалению, в силу духовной слепоты они этого не осознают.

¹ Иванов В. Ф. Тайны масонства // Интернет. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/masonry/8.htm>.

Заметки о русской религиозной философии

Соединение несоединимого

О русской религиозной философии написаны десятки книг и сотни статей. Чаще всего с положительной оценкой. Без лишней дипломатии сразу обозначаю свою позицию. С моей точки зрения, такая философия представляет собой попытку соединения несоединимого. А именно соединения христианства (как мировоззрения) и философии. Первое – результат Божественного Откровения, раскрывающегося в Священном Писании и Предании. Второе – сфера человеческого мышления, мудрования. Очередной проект синкретизма, коих уже было в истории немало¹.

Философия (любовь к мудрости) зародилась и развивалась в языческом мире, до которого не дошел свет первого Божественного Откровения, данного еврейскому народу через Моисея. Особенно в этом преуспела Греция, которая дала миру Платона, Сократа, Аристотеля, Гераклита и других философов, имена и произведения которых дошли до сегодняшнего времени.

Затем было пришествие Христа, через Которого человечеству было дано второе Божественное Откровение

¹ Синкретизм (др.-греч. συνκρητισμός; syngkrêtismos; объединение критян) – сочетание разнородных философских начал в одну систему без их объединения, чем отличается от эклектизма. Термин распространился на формы объединений разнородных начал в других областях – в религии, искусстве и лингвистике.

ние в виде Евангелия и Нового Завета. В христианском Откровении содержится Истина с большой буквы. Об этом прямо сказал Христос: «Аз есмь Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14, 16).

Античная философия померкла на фоне христианской истины, которая постигалась и раскрывалась человечеством в Церкви всем ее членам. В постижении и раскрытии истины большую роль играли наиболее духовно просветленные члены Церкви – святые отцы. Пока христианство сохраняло силу, философия была людям не нужна и даже вредна. Многие века живущее во Христе человечество не нуждалось в философских мудрованиях¹. В своей обыденной жизни рядовые христиане руководствовались Священным Писанием. А наиболее сложные вопросы христианского мировоззрения обдумывали и решали богословы. Центрами христианской мысли были монастыри. После отпадения от христианской Церкви в XI веке ее западной части образовалась так называемая Римо-католическая церковь. Там мы наблюдаем появление схоластики, которая стала опираться на философскую систему Аристотеля. Затем в христианской истории произошел серьезный надлом в виде Реформации. В Европе начинается так называемое Возрождение. Но не только в искусстве и литературе. Происходит возрождение порядком забытой философии. Особенно философии Платона и неоплатоников. В Новое время начинается бурное развитие вполне самостоятельных философских школ, связанных с именами Рене Декарта, Бенедикта Спинозы, Готфрида Лейбница, Николая Мальбранша, Джона Локка, Джорджа Беркли, Дэвида Юма

¹ Современному духовному писателю Никону Воробьеву (1894–1963), который в свое время получил хорошее философское образование, принадлежит афористичная фраза: «Философия представляет собой историю человеческих заблуждений».

и т. д. Если поначалу новоявленные мудрецы для приличия еще ссылались на Священное Писание, то уже в XVIII веке появилась плеяда философов-атеистов и даже философов с явно выраженными богоборческими настроениями. Яркий пример – французские энциклопедисты и «просветители» – Дидро, Вольтер, Жан-Жак Руссо, Монтескье и др.

Все мы помним слова прокуратора Понтия Пилата: «Что есть истина?» Это был риторический вопрос римского язычника, не понимавшего, что Стоящий перед ним и есть Истина. Подобного рода вопрос был простителен в дохристианские времена, когда люди разочаровывались в философской мудрости, исходили из относительности любых книжных истин и чаще всего стояли на позициях агностицизма¹.

Если в дохристианские времена существование философии имело оправдание, то возрождение философии в Новое время – признак кризиса христианства. Русская религиозная философия – явление того же порядка. Хотя внешне все выглядело благопристойно – в самом названии философской школы содержалось слово *религиозная*, а в работах ее основателей и последователей были постоянные упоминания Христа и ссылки на Священное Писание.

¹ Агностицизм (от др.-греч. ἀγνωστός – непознаваемый, непознанный) – философское учение, утверждающее принципиальную непознаваемость мира. Агностицизм можно обнаружить уже в античной философии, в частности у софиста Протагора, утверждавшего невозможность проверить реальность существования богов, а также в античном скептицизме. В широкий оборот термин был введен лишь в XIX веке. Вот одна из версий появления термина, принадлежащая Петру Кропоткину: «Слово “агностики” впервые было введено в употребление небольшой группой неверующих писателей, собиравшихся у издателя журнала “Девятнадцатый век” (“Nineteenth Century”) Джеймса Ноульса (James Knowles), которые предпочли название “агностиков”, то есть отрицающих гнозу, названию атеистов» (Этика. Т. 1. М., 1921).

Но уже некоторые первые плоды дерева под названием «русская религиозная философия» оказались ядовитыми. Это было видно уже по творчеству Владимира Соловьева, Сергея Булгакова, Николая Бердяева. Здесь и ересь софианства, и увлечение космизмом, и явные признаки пантеизма, и абсолютизация свободы как высшей ценности христианства, и экзистенциализм (философия существования).

Русская религиозная философия заблудилась в хитросплетениях «лжеименного разума» (1 Тим. 6, 20), потеряла Бога и вновь занялась его поиском. Среди русской интеллигенции конца XIX – начала XX века возникло философско-религиозное движение под названием *богоискательство*. Представителями этого движения были Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Минский, В. Розанов и другие. Они объединялись вокруг Религиозно-философского общества, издавали журналы «Новый путь», «Вопросы жизни», «Весь». Основной задачей этого движения было не поиск «нового Бога», а поиск «новых путей к Богу». Но зачастую это были не те пути, о которых говорили и учили святые отцы, а скользкие дорожки ложной мистики, оккультизма, теософии, масонства и даже марксизма.

Ересь богоискательства дала через некоторое время толчок к появлению в первом десятилетии XX века так называемого *богостроительства* – этико-философского течения в русском марксизме. Цель богоискательства – соединение идей марксизма и религии и основанное на предполагаемом сходстве социалистического и христианского мировоззрения. Богостроительство в среде русских социал-демократов представляли Анатолий Васильевич Луначарский и Владимир Александрович Базаров (Руднев); к движению также примыкали Максим Горький и Александр Александрович

Богданов. Одно время богоискательством были также увлечены С. Булгаков и Н. Бердяев.

Владимир Соловьев

Ни об одном русском философе, наверное, не написано столько книг и статей, как о Владимире Соловьеве (1853–1900). Он считается отцом-основателем русской религиозной философии. Вроде бы о нем и о его творчестве все уже известно¹. Известно, что Владимир Сергеевич – очень противоречивая и неоднозначная фигура. Оценки его творчества весьма различаются, иногда они оказываются диаметрально противоположными. Владимир Соловьев был ярким приверженцем целостного мировосприятия и миропонимания, всю свою жизнь искал пути органического соединения науки, философии и богословия².

Подобно таким русским мыслителям, как Константин Леонтьев или Лев Тихомиров, Владимир Соловьев был достаточно самобытной личностью, он никого не повторял, ни у кого ничего не заимствовал и был ярким одиночкой. Но если у того же Леонтьева и Тихомирова последователей было мало, то Владимиру Соловьеву многие старались подражать. Он оказал влияние на целую плеяду русских философов, которых сегодня принято относить к представителям так называемой русской религиозной философии. В статье «Русская

¹ См., например: Лосев А. Ф. Владимир Соловьев. М.: Молодая гвардия, 2009; Мочульский К. В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. Париж: YMCA-Press, 1936; Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001; Кравченко В. В. Владимир Соловьев и София. М.: Аграф, 2006; Козырев А. П. Соловьев и гностики. М.: Изд. Савин С. А., 2007.

² См.: Катасонов В. Н. Идеал целостного знания у В. С. Соловьева // Катасонов В. Н. Христианство, наука, культура. М.: ПСТГУ, 2012.

религиозная философия» в интернет-энциклопедии «Википедия» мы читаем: «Важнейшей предпосылкой появления русской религиозной философии стала православная полемическая литература XVI–XVII веков: в полемике с иезуитами русское православное духовенство создало богатое религиозно-философское наследие, заложившее основу для религиозной философии... Результатом... возрождения стал уникальный по своей природе синтез православной религиозности с западноевропейской мистической литературой XVI–XVII веков, в частности с трудами таких протестантских деятелей, как Якоб Беме, Иоганн Гихтель, Кристоф Этингер, Франц фон Баадер, Луи де Сен Мартен, Юнг Штиллинг и др. Наиболее яркие и интересные воплощения этот религиозно-философский синтез получил в трудах Григория Сковороды, Ивана Лопухина, Александра Радищева, Николая Новикова, Алексея Кутузова и Семена Гамалеи. Их труды и переводы заложили основу для зарождения “соборной философии” XIX–XX веков»¹.

Среди представителей русской религиозной философии и последователей Владимира Соловьева можно назвать С. Булгакова, Н. Бердяева, Л. Карсавина, С. Франка, П. Флоренского, Е. Трубецкого и других. Влияние Владимира Соловьева распространялось также на творчество русских писателей, поэтов и художников начала XX века. Отчасти чары Соловьева можно объяснить тем, что его идеи оказались созвучны духу того непростого времени, когда Россия находилась на пере-

¹ Подробнее см.: Левицкий С. А. Русская религиозно-философская мысль XX в. Питтсбург (США), 1975; Флоровский Г. В. Пути русского богословия /3-е изд. с пред. прот. И. Мейендорфа и указателем имен. Париж: YMCA-PRESS, 1983. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001; Лосский Н. О. История русской философии / Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991.

ломе эпох (разрушение традиционных устоев и переход к капитализму). Тогда на волне отрицания всего ортодоксального и архаичного приветствовалось все новое, а нового у Соловьева хоть отбавляй. Кроме того, большую роль сыграл талант Соловьева, виртуозно владевшего как пером, так и устным словом. Многие обращали внимание на его способность убеждать собеседников, которая граничила с гипнотизмом. Многих привлекала не философия Соловьева, а его мистицизм. Впрочем, по-настоящему сильная волна увлечения Соловьевым в среде российской интеллигенции (прежде всего столичных городов, Петербурга и Москвы) возникла уже после смерти Владимира Сергеевича.

Начало его поиску органического соединения науки, философии и богословия положила магистерская диссертация «Кризис в западной философии. Против позитивизма» (1881). В ней Соловьев опирался на критические обобщения И. В. Киреевского, яркого представителя первого поколения славянофилов (впрочем, Соловьев не разделял его мессианских представлений о России и противопоставления русского православия всей западной мысли). Примечательно, что собственная критика западноевропейского рационализма Владимира Сергеевича основывалась также на аргументации некоторых европейских мыслителей.

Поиск путей синтеза науки, философии и религии требовал от Владимира Соловьева большой эрудиции, которую он демонстрировал в своих трудах. Сфера его познавательных интересов очень широка, в нее входили следующие области знания: гносеология, антропология, этика, история и историософия, право, история Церкви, богословие (теология), социология и т. п. Соловьев был не только философом, но также известным поэтом эпохи символизма и Серебряного века. Он также выступал как

литературовед, написав целый ряд статей о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, А. К. Толстом, Лескове.

У Соловьева между тем было и остается много оппонентов, критиков. Нередки такие резкие оценки Соловьева: еретик, папист, оккультист, бунтовщик хуже Пугачева, юдофил, космополит и т. п. Главные обвинения в адрес Соловьева: ересь софианства, экуменизм (теория вселенской теократии), симпатии к католицизму и готовность пожертвовать Православием ради христианского единства (неортодоксального христианства). Порой Соловьев доходил до утверждения, что никакого раскола христианской Церкви в XI веке не было, имело место лишь одно из случившихся и до этого недоразумений в отношениях между Константинополем и Римом, со времен Христа Церковь остается единой, вселенской, а восточное Православие и западный католицизм – лишь ее модификации. По мнению Соловьева, просто надо признать этот очевидный факт, после чего мир станет вселенской теократией, богочеловечеством.

Критики Соловьева также отмечают его приверженность идее синтеза христианства и иудаизма (иудеохристианство)¹, неприязнь по отношению к византийской цивилизации, увлечение мистицизмом и даже оккультизмом, склонность к пантеизму, веру в светлое будущее человечества на земле (что граничило с ересью хилиазма), понимание истории как христианского прогресса и т. п. При этом, по мнению критиков, степень вины Соловьева возрастает в связи с тем, что он заразил своими ересями многих мыслителей и молодежь того времени.

Соловьев не был лишь мишенью критики, он сам активно нападал на некоторых современников. Напри-

¹ См. на эту тему статьи В. Соловьева «Еврейство и христианский вопрос» (1884); «Когда жили еврейские пророки» (1896) и его работу «Краткая повесть об антихристе» (1899).

мер, на славянофилов, идеи которых об уникальности России явно шли вразрез с его теорией вселенской теократии. Или на Н. Я. Данилевского, который в своей книге «Россия и Европа» показал, что никакого всечеловечества нет и быть не может, а мир представляет собой совокупность очень разных цивилизаций (культурно-исторических типов). Соловьев выступил с резкой критикой того строя, который существовал в Византии (прежде всего статья «Византизм и Россия», 1896). Соловьев фактически нанес удар по идеям своего друга К. Н. Леонтьева, который полагал, что заимствование опыта государственного строительства Византии (византизм) может спасти Россию от грядущей катастрофы. Соловьев не просто критиковал Византию, он категорически отрицал необходимость каких-либо заимствований опыта Второго Рима, предлагал идти по проторенной дороге Западной Европы. И в этом смысле для Соловьева Петр Первый был образцовым правителем. За подобного рода симпатии Соловьев получил титул стопроцентного западника. Дружеские и творческие отношения между двумя мыслителями прекратились.

Справедливости ради следует сказать, что от ряда своих заблуждений Соловьев в конце жизни отказался. Прежде всего, он разочаровался в своем проекте вселенской теократии, стал более трезво и критично относиться к католицизму и т. п. От мечты о светлом будущем и веры в христианский прогресс Соловьев перешел к эсхатологическим размышлениям о конце земной жизни (антихрист, Апокалипсис). Эти размышления нашли свое отражение в его последней крупной работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900). Кстати, многие современники (Е. Трубецкой, Н. Бердяев, К. Мочульский) сразу же заметили, насколько «Три разговора» отличаются от предыдущего творчества Со-

ловьева. Они оценили работу как своеобразное покаяние философа в своих предыдущих грехах и ересьях.

По мнению ряда современных исследователей, в актив Соловьева можно зачислить его идеи о том, что христианство представляет собой не только (и даже не столько) религию индивидуального спасения человека. Настоящее христианство, согласно Соловьеву, немыслимо без социального начала. Христиане могут спастись лишь через выстраивание правильных (основанных на евангельских принципах) отношений с другими людьми (как христианами, так и нехристианами). Крайне важным условием для спасения человека является правильно устроенное государство. Что касается Церкви, то она не должна замыкаться лишь на той жизни, которая велась и ведется в пределах церковной ограды. Она должна оказывать гораздо более активное влияние на все стороны жизни общества. По сути Соловьев сформулировал немало идей, которые в совокупности можно назвать «социальным христианством».

Исследователи творчества Соловьева особенно выделяют его вклад в философское осмысление и обоснование права и государства. Не умаляя первенствующей роли нравственных норм в жизни общества, Соловьев исходил из того, что право и государство могут и должны содействовать нравственному прогрессу общества. В этом пункте Соловьев расходился со славянофилами, которые считали главным и единственным условием нравственного прогресса общества христианскую Церковь. А развитие правовых институтов в России последние даже рассматривали как угрозу для самобытности русской цивилизации. А Леонтьев был одним из резких критиков того, что мы сегодня называем правовым государством. Константин Николаевич полагал, что русский человек должен бояться не закона, судьи или полицейского, а

Бога. А благодетельствованная конституцией Россия очень быстро скатится к революции.

Соловьев решительно дистанцировался от славянофильского идеализма, основанного, как он выразился, на «безобразной смеси фантастических совершенств с дурной реальностью». Равно как и от избыточного морализаторства Льва Толстого, которое, по мнению Соловьева, представляло собой «правовой нигилизм». Но оставим в стороне интересы Соловьева в сфере права и государства.

Исследователи творчества Владимира Соловьева крайне редко в список его интересов включают экономику. Это, по нашему мнению, несправедливо. Писал он и об экономике, хотя действительно немного и редко. Но, как говорится, «редко, но метко». Естественно, не как профессиональный экономист, а как философ. Об этой стороне его деятельности читатель может узнать из моей книги «Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков»¹.

Сергей Булгаков

Сергея Булгакова (1871–1944) можно назвать последователем В. Соловьева. Наиболее известные труды Сергея Николаевича – «Два града. Исследования о природе общественных идеалов», «Философия хозяйства», «Свет невечерний. Созерцания и умозрения», «Философия имени», «Икона, ее содержание и границы», «Апокалиптика и социализм», «Православие. Очерки учения Православной Церкви». Пожалуй, наиболее известное из них – «Философия хозяйства».

¹ Владимир Соловьев о нравственности и экономике (по страницам работы «Оправдание добра») // Катасонов В. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. М.: Родная страна, 2015. С. 276–390.

Подобно тому, как я нахожу много сходства у Л. Тихомирова и К. Леонтьева и мысленно объединяю их в один лагерь русской мысли, точно так же много сходного обнаруживаю у Владимира Соловьева и Сергея Булгакова, мысленно включая их в другой лагерь. Современный исследователь Н. В. Сомин, написавший серию статей о христианской социологии, полагает, что указанные два философа могут по праву считаться первыми русскими мыслителями, которые поставили задачу создания *христианской социологии*. Н. В. Сомин пишет: «Христианская социология – новая богословская дисциплина. Но попытки ее построения предпринимались неоднократно уже в XIX веке. Причем основной вклад в ее становление внесли русские религиозные философы. Прежде всего тут следует отметить В. С. Соловьева, всесторонне обосновавшего необходимость осмысления социума с христианских позиций, а также создавшего грандиозную религиозно-политическую систему (“всемирная теократия”), которая, правда, оказалась далека от истины, и Соловьев в конце жизни от нее отказался. В XX веке значительный вклад в развитие христианской социологии внес С. Н. Булгаков, впоследствии о. Сергей Булгаков. Его цикл лекций в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже так и назывался – “христианская социология”. Это была первая попытка систематически описать христианскую социологию»¹.

Кстати, во многих публикациях, посвященных вопросам христианской социологии, именно С. Булгаков признается автором, который первым ввел в оборот понятие «христианская социология». У Булгакова есть работа, которая так и называется – «Христианская социология».

¹ Сомин Н. Введение. Что такое христианская социология?// Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2015/05/23/vvedenie_chno_takoe_hristianskaya_sociologiya/.

логия» (издана в виде брошюры в Париже в 1927 году). В ней он пишет: «Христианская социология существует как отдел нравственного богословия»¹. Подробнее я здесь о Булгакове не говорю, поскольку ниже дается отдельный материал, посвященный творчеству этого философа.

Николай Бердяев

Пожалуй, наиболее полный набор ересей русской религиозной философии обнаруживается в работах Николая Бердяева, который полагал себя учеником Владимира Соловьева. Взять тот же космизм. Им увлекались и Владимир Соловьев, и Николай Федоров, и Сергей Булгаков, и Павел Флоренский, и Николай Бердяев. Возникло даже понятие *русский космизм*, суть которого проста: обожествление космоса, Вселенной и постановка задачи освоения космоса человеком как смысла его существования. У Бердяева космизм прошел красной нитью почти через все работы. Вот цитата из его работы «Философия неравенства» (считается одной из основных): «Перед человеком поставлена трудная задача победы над природой и овладения ее стихийными силами, регулирования их для высших космических целей»². В космизме Бердяева проглядывает откровенный *пантеизм*. Вот одно из типичных пантеистических высказываний Бердяева: «В евхаристическом питании человек соединяется с космосом во Христе и через Христа»³. Тварный космос у Бердяева оказывается одновременно богом – неужели в соединении с ним заключается смысл Евхаристии? В такой языческой евхаристии Христос становится лишним.

¹ Булгаков С. Н. Христианская социология // Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии. Т. 2. М.: Наука, 1997.

² Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 208.

³ Там же. С. 264.

Главная цель жизни христианина, по Бердяеву, – не спасение, а творчество. В книге «Смысл творчества» (1915) Бердяев писал, что «Бог ждет от человека откровения творчества», и цель жизни – «не спасение, а творческое восхождение»¹. Судя по всему, для Бердяева действительно творчество было высшим смыслом его философской деятельности. Здесь он себя ничем не ограничивал, догматы христианского учения для него не существовали. Если в творчестве Константина Леонтьева ощущается присутствие страха Божьего, то у Николая Бердяева мы видим полет неумной фантазии, отнюдь не безобидной. Применительно к творчеству Бердяева очень подходит определение «интеллектуальный либерализм». «Творчество» Бердяева подвергалось справедливой критике целого ряда богословов. Например, комментатор творчества Бердяева богослов русского зарубежья протоиерей В. В. Зеньковский критикует «оригинальные» взгляды Николая Александровича на рабство, изложенные последним в книге «О рабстве и свободе человека». В своем фундаментальном исследовании «История русской философии» Василий Зеньковский пишет: «Бердяев находит “рабство” уже в богословии, которое учит о Боге как “Господе” (это есть “рабство” перед Богом – потому недопустимое, что этим “унижается” человек)». «На отношения между Богом и человеком были перенесены отношения между господином и рабом, взятые из социальной жизни. В этом есть неверное понимание самой сути религии. Бердяев всюду видит “покушение” на человека, его свободный дух...»² В этой же работе прот. В. В. Зеньковского мы читаем следующую обобщенную оценку творчества Бердяева: «В области догматической Бердяев нисколько не считался с церковной традицией, без

¹ Там же. С. 13.

² Там же. С. 10.

колебаний отклонялся от нее, легко вбирал в себя чужие религиозные установки, – отсюда убеждение, что он защищает некое “универсальное” (или “вечное”) христианство. Когда Бердяев окончательно утвердился в мысли о “примате свободы над бытием”, то тогда ему стало совсем легко уходить в вольные построения. Быть может, все религиозно-философское обаяние произведений Бердяева определяется именно своеобразной амальгамой христианских идей и внехристианских начал: многим и в самом деле кажется, что перед нами начало “новых путей” в религиозном сознании...»¹

А вот оценка современного критика творчества Бердяева Михаила Назарова: «Книги Бердяева написаны очень увлекательным, “пророческим” языком. Люди, только начинающие знакомиться с православным учением, нередко поддаются под их обаяние. Однако с подлинно православной точки зрения в них много ложного: начиная с ограничения Божественного могущества понятием предсотворенности свободы и кончая непониманием сути еврейского вопроса как замены богоизбранности сатаноизбранностью. Потому недостаточно трезвыми были и надежды Бердяева “победить” антихриста религиозным творчеством»².

Но при всей справедливости критики мировоззренческих основ творчества Бердяева в его работах мы тем не менее можем найти интересные мысли и наблюдения, помогающие понять социальное устройство мира, особенно Нового и Новейшего времени. В той же работе Бердяева «Философия неравенства» я, например, с большим интересом прочитал раздел «О хозяйстве» (письмо двенадцатое). Там дается очень подробное описание и

¹ Василий Зеньковский. История русской философии // Интернет. Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/08_z/enk/ovsky_37.html.

² Интернет. Режим доступа: <http://www.rusidea.org/?a=25032408>.

критический разбор нового на начало XX века феномена русской жизни, называвшегося *экономическим материализмом*. В «Философии неравенства» мы находим очень тонкие наблюдения Бердяева, раскрывающие генетическое родство таких внешне противоположных явлений, как капитализм и социализм. Там же – мысли Бердяева о взаимосвязи социализма и христианства, о духовном сходстве буржуа и пролетария, о ветхозаветных корнях социализма и т. п. В работе Бердяева «Новое средневековье» (1924) дается очень жесткая и точная критика социально-экономических аспектов современного ему капитализма начала XX века. Примечательно, что если в начале своего творческого пути Бердяев находился в достаточно жесткой оппозиции по отношению к Константину Леонтьеву, то много позднее, уже находясь в эмиграции, Николай Александрович написал работу «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли». В ней он многое переосмыслил и стал высоко ценить Леонтьева.

Приводя в качестве примера Бердяева, я подвожу читателя к следующему выводу: представителей русской философской мысли начала XX века читать можно, но только при условии, что читатель сумеет отличить полезные плоды, произрастающие на дереве русской религиозной философии, от плодов ядовитых, которые на вид могут быть вполне привлекательными.

Сергий Булгаков: попытка осмысления мира и истории через «Философию хозяйства»

1. Введение

В годы перестройки и реформ творческое наследие С. Булгакова, замалчивавшееся на протяжении всего советского периода нашей истории, стало доступно широкой аудитории. Достаточно большими тиражами в последние два десятилетия издавались такие работы Булгакова, как «Два града. Исследования о природе общественных идеалов», «Философия хозяйства», «Свет невечерний. Созерцания и умозрения», «Философия имени», «Икона, ее содержание и границы», «Апокалиптика и социализм», «Православие. Очерки учения Православной Церкви» и ряд других.

Пожалуй, наиболее востребованной со стороны нашей интеллигенции оказалась работа «Философия хозяйства». Особый интерес к ней был вызван, видимо, названием. В годы перестройки и реформ вопросы экономики в нашей стране вышли на первый план. При всем обилии литературы по экономике, финансам, предпринимательству на полках книжных магазинов сохранялся голод в отношении литературы, которая не только раскрывала бы частности, но и давала метафизическое осмысление экономики и хозяйственной жизни.

«Философия хозяйства» Булгакова сразу же привлекла к себе внимание взыскательных читателей сво-

им многообещающим названием. Однако многим даже весьма подготовленным читателям книга оказалась «не по зубам». Из нее «выковыривались» отдельные цитаты и обсуждались периферийные вопросы. Выяснилось, что «Философия хозяйства» – совсем не легкое чтение, к какому многие стали привыкать в постсоветский период. Было также определенное разочарование: выяснилось, что она посвящена не столько экономике, сколько философии, и требует специальной философской подготовки. А философия, согласно «духу времени», – совершенно ненужный хлам, на копание в котором в наше динамичное время ни у кого времени нет.

Уж не знаю про современных философов, но экономистами Булгаков понят не был. От Булгакова ожидали ответа на вопрос: «Какой должна быть экономика?» А вместо четкого ответа в духе привычного рационализма его книга «грузила» читателя новыми вопросами и антиномиями, весьма далекими от прагматичных запросов нашего времени.

В учебниках по экономике про «Философию хозяйства» Булгакова вообще забывают упомянуть или пишут коротко и невнятно. Даже в учебниках по «Основам философии экономики» (в экономических вузах появилась и такая дисциплина) «Философии хозяйства» Булгакова уделяют не более одной страницы¹. В нескольких строках или абзацах изложить суть и своеобразие «Философии хозяйства» Булгакова, конечно же, невозможно. Попытаемся сделать это на двух-трех десятках страниц, но придерживаясь в то же время строгого формата тезисов.

Почти в любой серьезной публикации о Булгакове говорится о противоречивости творчества русского мыслителя. Действительно, трудно найти как абсолют-

¹ См., например: Самсин А. И. Основы философии экономики. Учебное пособие. М.: ЮНИТИ, 2003. С. 79–80.

ных поклонников, так и абсолютных отрицателей его интеллектуального наследия. То же самое можно сказать и о книге «Философия хозяйства». С учетом этого соображения построим нашу статью по следующему плану: а) очевидные достижения, конструктивные идеи «Философии хозяйства»; б) ее недостатки, ошибки, ереси; в) выводы и предложения.

2. «Философия хозяйства» как философский взгляд на мир через призму хозяйства

1. Булгаков дал метафизическое осмысление хозяйства, хозяйственной деятельности человека и общества, выйдя за узкие привычные рамки политической экономии (предметом которой, строго говоря, выступает не хозяйство, а экономические отношения в обществе по поводу этого самого хозяйства). Как экономист он попытался укрепить фундамент экономической науки (прежде всего политической экономии) за счет философского осмысления экономики.

Приведем несколько определений хозяйства, разбросанных по разным страницам «Философии хозяйства»¹.

(1) «Борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином и есть то, что в самом широком и предварительном смысле слова может быть названо хозяйством. Хозяйство в этом смысле свойственно всему живому, не только человеческому, но и животному миру...» (с. 79).

(2) «Итак, хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, пре-

¹ Номера страниц даются по изданию: Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

вращения ее в потенциальный человеческий организм. Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности – целесообразностью, как очеловечение природы» (с. 79–80).

(3) «...Хозяйство можно определить как трудовую борьбу за жизнь и ее расширение» (с. 82).

(4) «Признак хозяйства – трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человеческой жизни во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего снеси хлеб свой, и притом всякий хлеб, то есть не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом не только производятся хозяйственные продукты, но создается и вся культура» (с. 83).

(5) «Все хозяйство представляет собой такую объективную деятельность, которая предполагает под собой, очевидно, некоторую объективную деятельность. Оно есть постоянное воздействие хозяина, субъекта хозяйства (пока здесь безразлично, единичного или коллективного) на вещи (природу или материю, как бы она далее философски ни конструировалась), то есть на объект хозяйства. И всякий хозяйственный акт осуществляет собой некоторое слияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект, субъективирование объекта, или же выход субъекта из себя в мир вещей, в объект, то есть объективирование субъекта» (с. 87).

(6) «Хозяйственная жизнь сводится к обмену веществ, к некоторому круговороту или чередованию выдыханий и выдыханий. На языке политической экономии выдыханиям соответствует производство, а выдыханиям – потребление» (с. 111).

(7) «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, – он творит культуру, как гласит распространенная формула наших дней» (с. 173).

В работе «Философия хозяйства», равно как и в других произведениях С. Булгакова, можно найти еще немало длинных, развернутых и коротких, лаконичных, как формулы, определений хозяйства. Они не противоречат друг другу, а высвечивают разные грани сложного явления, называемого хозяйством. Некоторые определения изложены на сугубо научном (достаточно тяжеловесном) языке, другие не лишены поэтичности и демонстрируют полет творческой фантазии Булгакова. В синтезированном виде понимание Булгаковым хозяйства, хозяйственной деятельности можно свести к следующему: сознательно выстраиваемое человечеством взаимодействие с окружающим природным миром в целях сохранения, воспроизводства и расширения жизни.

2. Хозяйственная деятельность, по Булгакову, имеет своего субъекта и свой объект. Субъектом хозяйства выступает человечество. Именно человечество, а не отдельные люди. Общий хозяйственный процесс складывается из миллионов разрозненных действий отдельных хозяев. Но это лишь кажущаяся разрозненность. Даже если индивидуальные хозяева осуществляют свою деятельность в рамках натурального хозяйства и не связаны формально между собой нитями рыночных товарно-денежных или

иных экономических отношений, общий хозяйственный процесс имеет свою внутреннюю логику. Задача философии хозяйства – постичь эту логику и быть может обеспечить человечество необходимыми ориентирами планомерного, сознательного управления хозяйственной деятельностью. Человечество как субъект хозяйства – не только совокупность внешне разрозненных людей, живущих в данный момент на Земле, но также сумма всех поколений живших со времен Адама на Земле людей, которые создавали материальную и нематериальную культуру, являющуюся общим наследием человечества. На докторском диспуте при защите диссертации С. Булгаков отметил: «По вопросу о субъекте хозяйства или хозяине точка зрения, защищаемая в “Философии хозяйства”, сводится к признанию всеобщего (трансцендентального) субъекта хозяйства, носителя хозяйственной функции. Таковым субъектом может быть только человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» (с. 370).

Что касается объекта хозяйства, то это не только непосредственные предметы труда (согласно положениям политической экономии), но также весь мир, вся вселенная. В конечном счете в качестве объекта может выступать и выступает сам человек (его духовное, культурное, физическое преобразование). Грань между субъектом и объектом хозяйства достаточно условная, размытая. При этом в процессе производства и потребления (два основных хозяйственных акта) происходит взаимное проникновение субъекта и объекта.

3. Взявшись решать ряд вопросов политической экономии, Булгаков вышел на уровень вечных вопросов

бытия, смысла жизни и человеческой истории, свободы и необходимости, роли личности в истории и т. п.

Булгаков пришел к выводу, что философия хозяйства – не просто раздел (аспект) философии, а новая версия целостной философской системы со своей онтологией, гносеологией, антропологией, космологией. По мнению Булгакова, его философская система преодолевала некоторые недостатки и противоречия философской системы Канта и других немецких философов, идеи которых еще в XIX веке очаровали русскую интеллигенцию. Мыслители разных времен находили свои калитки, через которые они проникали в бесконечный и таинственный мир бытия. Для Булгакова такой калиткой оказалось хозяйство.

4. Человечество, по образному выражению Булгакова, – живой организм, функционирующий на основе свободных решений и поступков; окружающий мир – механизм, функционирующий по законам механического детерминизма. Вторжение человечества в окружающий природный мир приводит к тому, что последний постепенно из механизма превращается в организм. Оплотворенная человеческим трудом природа становится как бы продолжением живого организма человечества. Жизнь расширяет свои владения, смерть и мертвая материя отступают. Впрочем, между жизнью (организмом) и смертью (костной природой) идет непрерывная борьба за сферу влияния. Сфера жизни ослабленного организма может сужаться, как шагреневая кожа.

3. Критика экономизма и его марксистской разновидности

1. Булгаков дал критику экономизма, или экономического материализма, который в конце XIX – начале XX века стал господствующей парадигмой мыш-

ления и жизни человечества. Никакого рационального, научного (и тем более философского) осмысления этого феномена к тому времени еще не было. Булгаков не просто дал критику экононизма, он рассмотрел за этим мировосприятием правду жизни. А именно вечную (с момента грехопадения человека в раю) борьбу человека и человечества за жизнь. Экономизм, по мнению Булгакова, – постоянная черта падшего человечества. Он утверждал, что «экономизм» отличается от мамонизма – поклонения мамоне; мамонизм – массовое явление новейшей истории, связанное с капитализмом. Кстати, в то время, когда писалась «Философия хозяйства», термин *мамонизм* стал достаточно широко использоваться в немецкой социологической литературе, с которой Булгаков (судя по многочисленным ссылкам в «Философии хозяйства») был хорошо знаком.

2. Вместо религиозно-философского осмысления корней экононизма мыслители эпохи Реформации и Просвещения создали прикладную экономическую науку, которая, по сути, стала инструментом мамонистских устремлений нарождающейся буржуазии. Особое внимание в «Философии хозяйства» Булгаков уделяет разбору меркантилизма – предтечи английской политической экономии XVIII века (Адам Смит и Давид Риккардо): «Политическая экономия родилась под знаком меркантилизма, то есть из вполне практических мотивов, из потребности разобраться в сложности хозяйственного механизма. Она есть дитя капитализма и в свою очередь является наукой о капитализме, давая основы правильного хозяйственного поведения. В политической экономии открыто или замаскировано решаются те или иные практические задачи...» (с. 327).

Критерием оценки тех или иных экономических решений и проектов, согласно учению меркантили-

стов, является увеличение богатства, под которым в те времена понималось в первую очередь золото. Меркантилизм как экономическая политика государства (протекционизм, поощрение экспорта, добычи золота и др.) сыграл практическую роль в становлении капитализма в Европе. Меркантилизм как разновидность духа мамонизма сохранился и укрепился в политической экономии XVIII–XX века (хотя формально он был заменен другими теориями и учениями).

Серьезный вклад в формирование меркантильного духа политической экономии внес Иеремия Бентам с его учением утилитаризма. Булгаков считает, что дух Бенетама присутствует и в политической экономии начала XX века, в том числе в ее марксистской версии. Булгаков называет бентамизм моральной арифметикой, стремлением «применения числа к этике». В целом Булгаков констатирует, что этика в современной ему экономической науке замена числом. Можно сказать, что во многих экономических исследованиях нашего времени (XXI век) математические расчеты и формулы окончательно вытеснили проблемы этики, а заодно и создали видимость того, что это и есть «наука». Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Все, что содержит “факты”, особенно же в каббалистической форме статистической таблицы, теперь принимается за науку» (с. 329).

3. Автор «Философии хозяйства» показал противоречия и непоследовательность марксизма как наиболее популярной идеологии экономизма. Впрочем, ошибки и нестыковки в «Капитале» Маркса Булгаков стал замечать гораздо раньше, до написания «Философии хозяйства». Но в своих предыдущих работах Булгаков занимался критическим анализом марксизма в рамках политической экономии. В «Философии хозяйства» Булгаков показал несостоятельность марксизма как мировоззрения,

претендующего на решение любых вечных вопросов человеческой жизни. Например, марксизм претендовал на создание собственной социологии с «железными» законами (идея детерминизма). При этом марксизм был идеологией классовой борьбы, призывавшей пролетариат к свержению буржуазии. Но подобного рода призывы были адресованы не к атомам общества, а к людям и апеллировали к их чувствам и разуму. Предполагалось, что в классовой борьбе рабочие перестают быть атомами и превращаются в людей, имеющих свободу выбора.

Образно выражаясь, Булгаков показал, что марксизм – голый король, и попытался сделать все возможное, чтобы этот король перестал править умами интеллигенции (работа «Философия хозяйства» безусловно была адресована наиболее интеллектуальной части русской элиты, замороженной в начале XX века марксизмом).

4. Труд, творчество, культура

1. Ключевым признаком хозяйства является труд, трудовая деятельность человека. Труд – целенаправленное преобразование человеком окружающей его природы, а также познание ее тайн. Раскрытие тайн природы (ее законов, выявление новых объектов, раскрытие связей между отдельными элементами природы и т. п.), в свою очередь, представляет собой необходимое условие для последующего практического покорения природы. Таким образом, в концепции Булгакова труд рассматривается в гораздо более широком смысле, чем в традиционной политической экономии. В последней труд включает лишь такие затраты физического и умственного труда, которые приводят к созданию материальных продуктов: «... Политическая экономия хотя с самого своего возникновения не расставалась с принципом труда (под этим принципом

понимается, что труд – фактор производства, главный или единственный источник богатства. – В. К.), но вследствие низкой степени философской сознательности и ограниченности ее духовных горизонтов она не знала, как воспользоваться этим принципом, какое отвести ему место. И ему было предоставлено место, совершенно не соответствующее философскому значению этого принципа. Прежде всего политическая экономия в лице Ад. Смита (фактически же в лице большинства своих представителей) сузила понятие труда до “производительного” труда, выражающегося в материальных благах» (с. 135).

В концепции философии хозяйства С. Булгакова трудом являются даже размышления философа об устройстве мира, вселенной и бытии. По Булгакову, хозяйство – не только материальное производство. Это также наука, в том числе фундаментальная. В состав хозяйства Булгаков также включает творческую деятельность в сфере искусства и культуры. Булгаков подытоживает свое понимание труда: «Хозяйство по существу включает в себя человеческий труд во всех его применениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета» (с. 83).

2. Важным в учении Булгакова является деление труда на: а) принудительный, подневольный; б) свободный, творческий. Он рассуждает о том, как в истории человечества менялось соотношение принудительного и творческого труда. Приходит к выводу, что расширение границ жизни (сферы существования организма) в мире может происходить лишь в том случае, если хозяйственная жизнь будет осуществляться на основе свободного труда. Подневольный труд сужает сферу жизни. Более того, он разрушает созданный Творцом природный мир.

Даже в условиях самого непосильного хозяйственного плена (зависимость от природных и социальных условий) человек должен помнить, что он – сын Божий, и

сохранять внутреннюю свободу. Христиане должны делать все возможное для того, чтобы: а) труд человека был свободным, творческим (творческий труд уподобляет человека Богу как Творцу); б) строго относиться к своим трудовым обязанностям (независимо от присутствия или отсутствия творческого начала в труде).

3. Труд преобразует не только окружающий мир, но и самого человека. Об этой стороне труда, как отмечает Булгаков, философия до сих пор ничего не сказала, а политическая экономия этой стороны труда вообще не замечает: «...политическая экономия в силу своего “экономического материализма” знает труд только в его продуктах, в объекте, и просматривает его в субъекте» (с. 136).

Труд, по мысли Булгакова, имеет «незаменимое значение для человека, как средство воспитания воли, борьбы с дурными наклонностями, наконец, как возможность служения ближним». Он считает, что роль христианства в общественном и экономическом прогрессе трудно переоценить: оно изменило отношение человека к труду, сделало труд признаком доблести и достоинства, преодолело царившее в древнем мире высокомерное и презрительное отношение к труду, преобразило благодаря этому хозяйственную жизнь Европы.

Булгаков призывает христиан выбрать царский путь в своей жизни, имея в виду, что как уклонение от труда, так и чрезмерное (добровольное) обременение трудом в равной степени опасны для человека. Он писал: «Поскольку христианство велит каждому блюсти в себе свободу от хозяйства, не позволяя заботе до конца овладеть сердцем, повелевая оставаться духовно свободным от хозяйства при всяком хозяйственном строе, настолько же решительно оно никому не позволяет освобождать себя от труда под тем или иным предлогом»¹.

¹ Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 212.

4. Результатом хозяйственной деятельности является культура в самом широком смысле слова. Хозяйственное происхождение имеет не только материальная культура, но также культура духовная, включающая произведения искусства, литературы, науки, философии. Отпечатки хозяйственной деятельности несет не только материальный мир, непосредственно окружающий человека и человечество, но также космос. Космос, по выражению Булгакова, оживотворяется, согревается жизнью и трудом человечества. Булгаков постоянно подчеркивал, что, какой бы утонченной и духовной ни была человеческая культура, в своей основе она всегда имеет материально-природное начало: «Культура, то есть трудом или хозяйственно вызываемый или реализуемый рост жизни, предполагает природу... Природа есть поэтому естественная основа культуры, материал для хозяйственного воздействия, вне ее немислимо и невозможно хозяйство, как вне жизни невозможен конкретный опыт» (с. 84–85).

Подобного рода высказывания давали основания некоторым комментаторам «Философии хозяйства» называть эту работу С. Булгакова «религией материализма».

5. Наука. Критика механического детерминизма

1. Булгаков высветил истинную роль и место науки, научной деятельности в жизни человека. С одной стороны, Булгаков показал ограниченность науки как средства познания мира. Каждая наука находит свой объект исследования и далее начинает его внимательно изучать, используя наблюдение, эксперименты, расчеты, прибегая к осмыслению собранных фактов с помощью теорий и гипотез. Но у каждой науки есть своя ахиллесова пята. И даже не одна. Во-первых, каждая из них пользуется на-

бором аксиом, а аксиомы базируются на вере, а вера может ученого подвести. Во-вторых, каждая наука с ее конкретным объектом исследования смотрит на мир не через широкое окно, а через крохотную форточку. Исследователь может не видеть весь объект целиком и тем более не видеть связи объекта с другими частями окружающего мира. Результаты наблюдения могут быть неполными и даже искаженными. В эпоху Просвещения началось бурное развитие многочисленных наук, разные группы людей бросились изучать окружающий мир, предварительно расчленив его на части (объекты исследования). Фактически объектом исследования стал разрезанный на кусочки труп. А вот соединить эти части и воскресить труп ученые уже не могли. Итак, отсутствовал целостный, метафизический взгляд на мир. Скальпели таких частичных ученых наблюдаемый мир умерщвляли. Булгаков считал, что философия хозяйства может стать той метафизической базой, на основе которой человечество получит возможность изучать не расчлененный на куски мир с целью последующего его преобразования.

2. Булгаков считал, что научная деятельность – это не простое бездеятельное созерцание мира. Он рассматривал науку как важную часть хозяйственной деятельности человечества. В «Философии хозяйства» он доказал, что чистой (находящейся вне хозяйства) науки не бывает. Любая наука появляется лишь как реакция на какую-то потребность человечества. При этом потребности не обязательно должны быть грубо-материальными. Это могут быть потребности культурного и духовного порядка. Но удовлетворение таких нематериальных потребностей также необходимо для воспроизводства жизни. В конечном счете, усилия человека в сфере духовной и культурной жизни расширяют сферу его влияния во вселенной, оживляют мир.

3. Булгаков дал критику детерминизма в науке – идеи, которая безраздельно господствовала как в естествознании, так и обществоведении со времен Декарта и Лапласа. Если в естествознании механический детерминизм был еще терпим, то в области социальных наук он выглядел более чем странно. Детерминизм в социологии фактически означал, что единственной причиной любых поступков человека являются условия внешней среды, внешние факторы. Человек как существо, свободно принимающее решения, в социологии просто не существует. Есть лишь некий социальный атом. Булгаков рассматривает эту методологическую несуразность на примере марксизма (о чем мы сказали выше).

6. Критика политической экономии

1. Особое внимание Булгаков уделял рассмотрению детерминизма в политической экономии. Такой детерминизм базируется на концепции человека экономического, который ведет себя в экономическом пространстве подобно атому, траекторию которого можно рассчитать. Политическая экономия в качестве объектов своего исследования рассматривает большие совокупности таких атомов, которые называются социальными группами, классами, социумами. За человеком экономическим, классом, социальной группой не видно живого человека. Вернее, это уже и не живой человек, а автомат, лишенный какой-либо свободы. Но если автомат лишен свободы, он перестает быть творцом, а если он лишается творческого начала, то экономическое развитие останавливается. Хозяйство тем не менее развивается, появляются новые виды техники, происходит освоение земли и ее недр, человек рвется в космос и т. п. Если бы все люди были автоматами, то хозяйство

не только остановилось бы, но и пришло в упадок. Стало быть, посыл политической экономии о том, что все люди – автоматы и атомы не верен.

2. Говоря про политическую экономию (особенно ее марксистскую версию), Булгаков отмечает, что она дает «лишь геометрический чертеж человеческих отношений». Она изучает большие «социальные совокупности», за которыми вся индивидуальность человека пропадает. Для Маркса рабочий лишь отвлеченный совокупный представитель пролетариев всех стран, люто ненавидящий капиталистов-эксплуататоров. Этот рабочий – не реальный человек, противоречивый, многогранный, а, как пишет Булгаков, некий методологический призрак.

Политическая экономия базируется на статистике, причем особое значение имеют статистика больших совокупностей и средние величины. При этом неправильное пользование статистикой может приводить к ложным выводам («суеверие цифр») или реальная действительность может сильно огрубляться («классовые маски, социальные схемы и чертежи»).

«Интерес к совокупностям, к изучению массового, типического, среднего в политической экономии достаточно объясняет то преобладающее значение, которое имеют здесь статистические наблюдения. Статистика, не как самостоятельная наука, но как метод массового наблюдения и “категорического исчисления”, естественно, сделалась подсобной отраслью политической экономии, которая поэтому впадает нередко – впрочем, не она одна – в суеверие цифр, ища в них то, чего в них нельзя найти...

Методом совокупностей, статистическим или иным, конечно, погашается все индивидуальное, вместо него выступают классовые маски, социальные схемы и чертежи» (с. 320–321).

3. Политическая экономия представляет ход общественного развития как некий *perpetuum mobile* (вечный двигатель). Такая линейность социально-экономического движения общества совершенно не соответствует сложной, отнюдь не прямолинейной траектории исторического процесса. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Это основоположение политической экономии, что явления хозяйственной жизни обладают качеством повторяемости или типичности (курсив С. Б. – В. К.), есть общее методологическое предусловие экономических закономерностей. Вместе с тем очевидно, что этим положением наперед исключено не только индивидуальное, но и вообще новое, историческое: и в этом политико-экономическом мире, как и ранее в социологическом, ничего не происходит, не совершается никаких событий, вращается лишь какое-то экономическое *perpetuum mobile*» (с. 322).

Концепция *perpetuum mobile*, или «ничего нового», не только искажает реальную динамику социально-экономического развития, но часто просто оказывается в руках политэкономов инструментом откровенного шарлатанства. «Прогноз» Маркса о неизбежной смене капитализма социализмом на основе экстраполяции существовавших тенденций концентрации капитала – типичный пример такого шарлатанства. Булгаков пишет: «Типичен в этом отношении “прогноз” Маркса касательно развития капитализма к социализму: он целиком основан на предпосылке *ceteris paribus* (при прочих равных условиях. – В. К.) и представляет собой мысленное продолжение одной из “тенденций”, то есть обобщение некоторых сторон современной действительности. И по тому же типу строятся вообще “тенденции экономического развития”, устанавливаемые как статистикой, так и политической экономией. *Ничего нового* (кур-

сив. С. Б. – В. К.), или отрицание исторического и индивидуального, есть поэтому боевой лозунг и политической экономии, этой старшей дочери социологии, в такой же мере, как и ее матери» (с. 323).

7. История и социология

1. Любая *социологическая наука* (и политическая экономия в том числе) – большая абстракция, исходящая из того, что человек – атом, не обладающий свободной волей. Булгаков не доходит до вывода о том, что социологических наук, строго говоря, не может быть по определению. Но читатель сам неизбежно может додуматься до этого. Речь фактически идет не о науках с железными законами, а о неких моделях, теориях, гипотезах, сценариях общественного развития. Булгаков справедливо отмечал, что такие науки не могут ответить на вопрос: что будет завтра? Человеку и человечеству будущее закрыто непроницаемой завесой. Булгаков несколько раз говорит, что такие науки могут быть лишь ориентировкой, которая может и должна учитываться при разработке и реализации политики (в том числе в сфере экономики).

2. Что касается *истории*, то она тем более не может быть детерминистической картиной жизни человечества. История – прежде всего непрерывная череда проявлений свободной воли отдельных людей. Конечно, эта свобода реализуется в рамках необходимости (необходимости как природной, так и социальной). Марксисты (впрочем, не только они) пытались и пытаются втиснуть сложную последовательность исторических событий в прокрустово ложе неких научных схем. Марксистская схема истории – смена одной общественно-экономической формации другой. Двигателем истории выступает некое таинственное развитие производитель-

ных сил. Булгаков показал абсурдность марксистской методологии экономизма, с помощью которой последователи автора «Капитала» пытались и пытаются объяснить любое историческое событие, равно как и любое явление духовной и культурной жизни.

3. Методологической базой истории во времена бурного расцвета экономизма становится политическая экономия. Конечно, прежде всего она концентрирует свое внимание на настоящем и будущем (прогноз социально-экономического развития). Но тем не менее заставляет и по-новому трактовать события прошлого, подгоняя их под свои схемы. Как отмечает Булгаков в «Философии хозяйства», «прошлое освещается здесь рефлектором научных понятий настоящего, впрочем, мы и всегда рассматриваем прошлое через очки современности» (с. 324).

Такой подход приводит к огрублению, а нередко и к карикатурному искажению истории: «Но очевидно, что хотя такая стилизация истории во вкусе современной политической экономии и представляет немалые удобства в целях ориентировки и экономии мысли, достигаемые применением готовой уже символики понятий, однако эта схематизация и модернизация, в которой многие видят самую квинтэссенцию научности, иногда заслоняет от нас историческую действительность в ее красочной индивидуальности. Это причесывание греков и римлян, вавилонян и египтян под капиталистов и пролетариев нового времени, которое все больше входит в моду, имеет не только свои удобства, но и опасные отрицательные стороны, так что, быть может, придется когда-нибудь чистить историческую науку от этих плевел модернизации» (с. 324).

Между прочим, эти плевелы модернизации стали активно засорять отечественную историю после револю-

ции 1917 года, когда главный историк-большевик Н. Покровский переписал заново почти все страницы прошлого России на основе марксистского учения об общественно-экономических формациях и классовой борьбе как двигателе исторического процесса. Сейчас происходит мучительно болезненный процесс очищения русской истории от плевел исторической школы Н. Покровского, постепенно начинает проступать «историческая действительность в ее красочной индивидуальности». Правда, одновременно историческая наука в России начинает засоряться плевелами иного рода – схемами экономического либерализма (которые, как и марксизм, пришли к нам с Запада).

4. Хотя основной вопрос «Философии хозяйства» – отношения общества (человечества) и природы (космоса), однако Булгаков некоторое внимание уделил также вопросам отношений между людьми внутри общества. Он, в частности, достаточно четко определил свое негативное отношение к капитализму. Впрочем, не менее негативно он оценил и марксистскую модель социализма. Что касается достижимого для человечества социального идеала, то Булгаков назвал его социальным христианством. Понятие социального христианства в «Философии хозяйства» не получило достаточно глубокой проработки. Вместе с тем из его работы видно, что:

а) наиболее идеальное устройство жизни на Земле возможно лишь на основе христианской веры и христианских устоев;

б) жизнь христиан не должна замыкаться лишь на церковно-обрядовой стороне, они не должны отгораживаться от мира; христиане и Церковь должны проявлять активную социальную позицию в жизни, которая, как показал Булгаков, во всех ее проявлениях является хозяйственной деятельностью.

8. Капитализм, социализм, социальный идеал человечества

1. Один из периферийных вопросов «Философии хозяйства» – оценка Булгаковым конкретных типов общества, прежде всего капиталистического. Его отношение к капитализму – негативно-критическое. Он прекрасно видит противоречия, несправедливость, античеловечность капитализма. Например, в работе «Два града» Булгаков жестко обвиняет капитализм в «порабощении человека человеком»¹.

Можно заметить, что уже в «Философии хозяйства» (и тем более в последующих работах) Булгаков крайне редко использует слово *капитализм*. Он отходит от марксистских идеологических клише (капитализм, социализм, рабовладельческий строй и т. п.) и пытается описывать социально-политические и социально-экономические феномены человеческой жизни с помощью других терминов, которые ближе не к материальной, а к духовной стороне жизни. Так, в своей обширной лекции «Война и русское самосознание» (1915) он прекрасно выявляет социально-экономические причины Первой мировой войны, однако крайне редко использует слово «капитализм». Между прочим, примерно в это же время Ленин писал свою известную брошюру «Империализм, как высшая стадия капитализма» и почти на всех страницах своей работы говорил о капитализме и его высшей, монополистической стадии как главной и единственной причине войны. Булгаков использует понятия *новевропейская цивилизация*, *мещанская цивилизация*, *цивилизация меркантилизма* и т. п. По нашему мнению,

¹ См.: Булгаков С. Н. Христианство и социальный вопрос // С. Н. Булгаков. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РГХИ, 1997.

такой лексический подбор не случаен: Булгаков стремится показать, что корень всех зол не в социально-экономическом устройстве жизни, а в духовной сфере. Социально-экономическое устройство, которое тогда было принято называть капитализмом, – лишь следствие духовного устроения общественной жизни.

Кстати, в ряде своих работ Булгаков дает достаточно высокую духовную оценку раннего капитализма, полагая, что лишь духовное превосходство нового строя позволило ему победить феодализм. В работе «Христианская социология» Сергей Николаевич писал: «Без благочестия неосуществимо хозяйственное богатство. История современного хозяйства особенно связана с Англией, а в Англии появление нового типа капиталистов в недавнем прошлом было связано с особым видом религиозного благочестия... Если современная Англия достигла своего экономического господства, то это потому, что в ней с усиленным трудом соединяется аскетический дух и чистота семейной жизни»¹.

Данный отрывок показывает, что Булгаков находился под сильным влиянием немецкого социолога Макса Вебера², написавшего в начале XX века знаменитую книгу «Протестантская этика и дух капитализма»

¹ Булгаков С. Н. Христианская социология // Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии. М., 1997, Т. 2. С. 556–557.

² Максимилиан Карл Эмиль Вебер (1864–1920), известный как Макс Вебер (нем. Max Weber) – немецкий социолог, философ, историк, политэконом. Идеи Вебера оказали значительное влияние на развитие общественных наук, в особенности социологии. Считается одним из основоположников социологической науки. Помимо упомянутой книги «Протестантская этика и дух капитализма» наиболее фундаментальными трудами Вебера являются: «Хозяйство и общество», «Аграрная история древнего мира», «История хозяйства». Критический разбор социологии Макса Вебера содержится в моей книге «Религия денег» (Катасонов В. Ю. Религия денег. М.: Кислород, 2014. – Глава 3. Макс Вебер и «протестантский капитализм»).

(1905). Немецкий социолог пошел вразрез с царившей тогда идеологией материализма, смело заявив о примате духовной сферы жизни общества над экономической сферой. Но при этом он идеализировал духовное начало капитализма, которое нашло свое выражение в религии и этике протестантизма. Булгаков, вырвавшись из оков марксистского материализма (в молодости он увлекался марксизмом), попал в объятия протестантской «духовности».

2. У Булгакова вопросы оценки различных форм собственности, рабства, прибавочной стоимости, ростовщического процента оказываются на периферии его размышлений. По его мнению, это вопросы вторичные, чуть ли не технические. Взять, к примеру, отношение христианства к частной и общественной (общей) собственности. В «Философии хозяйства» Булгаков не стал рассматривать этот вопрос как совершенно второстепенный. Через четыре года в специальной работе «Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве», вошедшей в состав книги «История экономической мысли» (Пг., 1916), Булгаков объяснил свою позицию по вопросам собственности, рабства, проценте на капитал и другим жгучим на тот момент социально-экономическим проблемам. Вот, в частности, его рассуждения о собственности: «...поэтому вопрос о формах собственности для христианства превращается в вопрос чистой целесообразности, но не имеет в себе того принципиального острия, какое содержит он для социализма. Христианство столь же мало связано с хозяйственным индивидуализмом, как и с социализмом, и одинаково как к тому, так и к другому обращается с тем же призывом и предостережением: не погружаться в хозяйство до конца, не давать овладеть собою его инстинктам, но по возможности и живя в хозяйстве осуществлять свою свободу

от богатства, подчинять его религиозно-этическим нормам. Одним словом, христианству в вопросах хозяйства и социализма принадлежит лишь аскетический обертон, религиозно-этический мотив самообуздания и служения ближнему, а не то или иное суждение, касающееся хозяйственного факта, где царит необходимость со своею целесообразностью. И поэтому все разговоры о “христианском социализме” как единственно нормальной форме христианства в вопросах хозяйства основаны на недоразумении: утверждать общую собственность как именно христианскую форму собственности – значило бы овеществлять христианство, связывая его с частными формами экономической целесообразности: христианство проповедует свободу от собственности и попускает последнюю лишь при условии этического регулирования пользования ею. И между идеалом Франциска Ассизского и социализмом столь же мало общего, как между коммунистическими мечтаниями какого-нибудь Беллами и аскетическими заданиями, которые ставил себе в пору своего влияния Джироламо Савонарола, подобно Платону стремившийся сделать государство принудительным монастырем для воспитания нравов¹.

Вопрос о форме собственности, по мнению Булгакова, утрачивает свое первостепенное значение, подчиняясь общей цели достижения экономической и социальной свободы человека.

3. Аналогичную по сути позицию занял Булгаков в отношении вопроса о преимуществах капитализма и социализма. Он, в частности, писал, что «абстрактные категории социализма или капитализма, столь удобные для демагогии, оказываются совершенно неприменимы для углубленного рассмотрения вопроса в свете совести.

¹ Цит. по: О. Платонов. Русская экономика без глобализма. – М.: Алгоритм, 2006, с. 446-447.

Но есть высшая ценность, при свете которой и нужно давать сравнительную расценку разных хозяйственных форм. Это есть свобода личности, правовая и хозяйственная. И наилучшей из хозяйственных форм, как бы она ни называлась и какую бы комбинацию капитализма и социализма, частной и общественной собственности она ни представляла, является та, которая наиболее обеспечивает для данного состояния личную свободу как от природной бедности, так и от социальной неволи. Поэтому в своих суждениях о хозяйственных формах и отношении к ним православие исторично. Это есть область релятивизма средств при неизменности цели»¹.

4. Булгаков – реалист, он понимает, что требовать ниспровержения того строя, который он называл цивилизацией меркантилизма, до тех пор, пока для этого не созрели необходимые духовные предпосылки, – значит обрекать общество, людей на еще более серьезные испытания. Такую точку зрения Булгакова можно назвать позицией социально-политического реализма. Таковой, по мнению Булгакова, должна быть и позиция христианства в целом. По его мнению, христианство должно считаться «с пределами эластичности социальной ткани, чтобы не совершить ее разрыва или полома скелета во имя стремления придать социальному телу новую форму»².

Подобные высказывания Булгакова некоторые его политически наэлектризованные критики воспринимали как позицию недопустимой социальной толерантности и оппортунизма. Булгаков интуитивно чувствовал, какие жертвы и муки для русского народа может породить революционная борьба по ниспровержению «проклятого» капитализма, которая разворачивалась на его глазах.

¹ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви. М: Терра, 1991. С. 367.

² Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 96.

5. Булгаков постоянно подчеркивал, что христианин обязан быть социальной личностью, не имеет права замыкаться исключительно на вопросах личного спасения. Все вытекает из общего духа «Философии хозяйства», которая апеллирует прежде всего к совести и чувству человека, душа которого по своей природе – христианка (Булгаков часто вспоминает эту крылатую фразу Тертуллиана). Такая душа не может не переживать по поводу несправедливостей и притеснений как близких, так и дальних людей. Подробнее свою точку зрения на социальную сторону жизни христианина он излагает в работе «Христианский социализм». Он, в частности, отмечал в ней: «И если заповедь о всеобщей обязанности труда и помощи нуждающимся в материальной поддержке понималась раньше исключительно как *обязанность личного поведения*, то теперь, после того, что мы знаем из общественных наук, одна она не может успокоить совесть, для нас выясняются, кроме того, и *обязанности социального поведения* (курсив мой. – В. К.)»¹.

Напомним, что Булгаков не только теоретически обосновывал необходимость для христиан активно участвовать в социально-политической жизни, но и сам практически пробовал это делать. Пытался создать свою политическую партию, участвовал в выборах в Государственную думу, был депутатом Думы второго созыва. Впрочем, все это было еще до написания и опубликования «Философии хозяйства». После окончания первой «русской» революции (1905–1907) Булгаков испытал разочарование в политической деятельности. Его взгляды на формы и методы, содержание и смысл социальной деятельности христианина в условиях цивилизации меркантилизма были существенно скорректированы. Впрочем, почти все эти соображения оказались за рамками

¹ Там же.

«Философии хозяйства» и нашли свое отражение в других работах Булгакова.

9. Блуждания по лабиринтам философии. Софианство

1. «Философия хозяйства» – некая развилка творческого пути С. Булгакова. Этой работой он фактически поставил точку на своих изысканиях в области политической экономии. Он окончательно в ней разочаровался, что хорошо видно из той же «Философии хозяйства». Данная работа – апогей творческого увлечения Булгакова «чистой» философией (о чем, впрочем, можно догадаться даже по названию произведения). Но в то же время, как очень требовательный исследователь, Булгаков вынужден был в свою философскую схему ввести некоторые богословские аксиомы (догматы), которые стали краеугольными камнями «Философии хозяйства». Например, положение о падшей природе человека (в результате грехопадения первых людей в раю), о конце человеческой истории (Апокалипсис), о заповеди Бога изгнанному из рая человеку добывать хлеб в поте лица и т. д. Там и сям по работе Булгакова разбросаны ссылки на Ветхий и Новый Завет, на пророков, святых отцов. Было бы неправильно назвать работу Булгакова чисто философской (подобно, например, произведениям Платона, Канта, Гегеля). Это философия с примесью христианского богословия (то, что принято называть религиозной философией). Некоторые очевидные для христианского мыслителя вещи (вытекающие из Священного Писания или Священного Предания) Булгаков доказывает, используя сложные философские рассуждения. Мне лично это напоминает проведение операции умножения $2 \times 2 = 4$ на мощном компьютере.

В русском языке для обозначения этого есть меткое слово – *заумность*. Кстати, для отбора теорий, одинаково адекватно отражающих те или иные явления и процессы, ученые применяют предложенный австрийским философом Махом принцип экономии. Булгаков сам вспоминает про этот принцип. К сожалению (это мое субъективное мнение), философская схема Булгакова в некоторых своих частях не отвечает принципу экономии. Впрочем, многие представители интеллигенции, с их верой во всемогущество науки и философии, двигаются к Истине (Богу) именно такими длинными, окольными тропами. Об этом мы еще скажем ниже.

2. Было бы полбеды, если бы все ограничивалось заумностями. Есть попытки сделать открытия, которые противоречат догматам христианского богословия. Речь идет об идее Софии. «Философия хозяйства» – первая серьезная работа С. Булгакова, в которой он изложил свои мысли по поводу Софии (софиология). Сразу заметим, что тему Софии Булгаков продолжал обдумывать и в последующих своих работах, которые из философских произведений постепенно превращались в богословские. Фактически это была смелая (скорее дерзкая) попытка Булгакова внести свой вклад в богословское учение Православной Церкви. Идея Софии впервые была озвучена русским философом и поэтом Владимиром Соловьевым. У Соловьева это выглядело достаточно красиво и не воспринималось как ересь. Ведь Соловьев был не только философом, но также поэтом; многие усматривали в Софии Соловьева лишь поэтические рефлексии. Углублять и развивать идею Софии с философских и богословских позиций стал прот. Павел Флоренский, С. Булгаков продолжил эту тенденцию. Даже в пределах работы «Философия хозяйства» трудно найти однозначную трактовку понятия «София», в

переводе с греческого языка означающего «мудрость». Довольно часто автор называет Софию Премудростью Божией или просто Премудростью.

В рассматриваемой нами работе Софию автор трактует как:

- идеальную основу мира;
- мир идей;
- некое начало, стоящее между Абсолютным духом (Богом) и космосом;
- душу мира;
- «третье бытие»;
- демиурга;
- основу всеобщей связи;
- соединяющую все части мироздания скрепу;
- творящую душу природного мира;
- правящий человеческой историей центр (с сокрытыми в нем объективными законами исторического движения человечества);
- творящую душу природного мира (в том числе источник эволюции этого мира) и т. п.

Нетрудно заметить, что некоторые определения Софии, которые мы находим у Булгакова, дополняют и повторяют друг друга. Некоторые между собой не стыкуются. Выше мы давали данное Булгаковым определение субъекта хозяйства. Им является человечество, но при этом Булгаков уточняет: трансцендентальное человечество. Иначе говоря, какое-то потустороннее человечество. В некоторых фразах Булгакова чувствуется, что София и есть трансцендентальное человечество, а реально обитающее на земле человечество – лишь некая бледная, размытая тень потустороннего первоначала. При этом тень в разные периоды истории может больше или меньше соответствовать потустороннему первоначалу по имени София.

Из приведенных выше трактовок Софии, содержащихся в «Философии хозяйства», достаточно трудно понять, какое место по отношению к Богу занимает эта самая Премудрость. Если судить по контексту отдельных мест «Философии хозяйства», то в некоторых случаях София – результат творения Бога, часть тварного мира. В других случаях – ипостась Самого Бога (четвертая ипостась). Свое учение о Софии Булгаков продолжил и углубил в следующем своем крупном произведении – «Свет невечерний». Вдохновение при создании своего учения о Софии Булгаков черпал не только из произведений уже упоминавшегося В. Соловьева и П. Флоренского, но также из работ древних философов Платона и Плотина, средневекового мистика Якова Беме.

3. Абсолютно мертвого мира, по Булгакову, нет. Признаком живости природы выступают происходящие в ней изменения, за которыми следует видеть не хаос, а некую эволюцию с вектором, развернутым на некую таинственную конечную цель. Источником этой эволюции выступает София. Нетрудно заметить, что софиология Булгакова попахивает пантеизмом. Речь идет об учении, согласно которому Бог – в природе, а природа – в Боге; в пантеизме нет грани между Творцом и тварью. Скорее у Булгакова не классический пантеизм (как, например, в философии Спинозы), а софианская его разновидность: София – в природе, а природа – в Софии.

В первой главе «Философии хозяйства» Булгаков пишет: «На природе лежит мертвая маска вечности, чуждости, непроницаемости для человека, и лишь избранные тайновидцы знают, что в действительности» это не так (с. 77). А как? Отвечает он строками из Ф. Тютчева:

Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик,

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Но если в поэтическом творчестве допустимы (и даже необходимы) различные метафоры, аллегории и фантазии, то для ученого и философа ссылаться на поэтическое озарение (ниже он использует это выражение) недопустимо. Видимо, Булгаков относил себя к упомянутым избранным тайновидцам. Но обычные читатели «Философии хозяйства» (к коим я отношу и себя) не являются избранными тайновидцами и воспринимают подобные откровения с недоумением.

Упомянутые откровения русского философа не столь уж безобидны, как это кажется. В конце прошлого столетия, когда среди интеллигенции обострился интерес к экологии, космизму, теории большого взрыва, НЛЮ и т. п., пышным цветом стали расцветать еретические теории живой Земли, живого космоса, живой природы. Доморощенные авторы и пропагандисты таких «теорий» в поисках авторитетов уже тогда ссылались на имена ряда русских мыслителей, среди которых обязательно присутствовали В. И. Вернадский, Л. А. Чижевский, Н. Ф. Федоров и С. Н. Булгаков. Напитавшись идеями теорий живой Земли, наиболее поэтически озаренные представители нашей творческой и технической интеллигенции эволюционировали в сторону йоги и других восточных философий, теософии, оккультизма, каббалы.

4. Следует иметь в виду, что идеи софиологии – типичный признак Серебряного века с его рефлексиями, мистикой, эпатажами, богоискательствами и другими болезнями русской интеллигенции, которой наскучило ортодоксальное христианство с его слишком простыми истинами и законами. Тянуло в оккультные кружки, масонские ложи, на сеансы спиритизма. А наиболее кон-

сервативные представители просвещенной интеллигенции спешили не в храмы, а в религиозно-философские общества. Религия там была лишь внешним антуражем, а философские изыски Платона, Плотина, Беме, Шопенгауэра или на крайний случай, Шеллинга оказывались намного интересней, чем Нагорная проповедь Христа. Та же самая софиология стала повальной болезнью русской творческой интеллигенции. О ней говорили и писали Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, князь Евгений Трубецкой, Андрей Белый, Александр Блок и многие другие поэты, писатели, философы. Впрочем, у поэтов и художников понимание Софии было совершенно размытым (некая поэтическая рефлексия) и не встраивалось ни в какую философскую систему. У профессиональных философов София играла роль первоначала всего мира и заменяла им реального Бога как Творца и Промыслителя. Именно так они демонстрировали свою искреннюю любовь к Софии (напомним, что в переводе *философия* – это *любовь к Софии*, или *любовь к мудрости*). Можно сказать, что софиология – узкокастовая религия профессиональных философов.

5. Не секрет, что слово «София» нередко встречается в работах святых отцов и православных богословов, но имеет иной смысл, нежели у Соловьева, Флоренского и Булгакова. Оно берет свое начало в ветхозаветных писаниях в форме олицетворения Премудрости Бога. Там, особенно в местах, близких к новозаветному откровению о Христе, святые отцы единодушно видели прозревшие Ипостаси Сына Божия. Таково, например, общецерковное понимание слов о Премудрости, содержащихся в книге Притчей (9, 1–9).

О том, что наименование Премудрость Божия относилось всею Православною Церковью ко Второй Божественной Ипостаси, свидетельствуют деяния Перво-

го, Третьего, Шестого и Седьмого Вселенских Соборов. Так, Первый Вселенский Собор говорит о непостижимой Премудрости, «Которая создала... все сотворенное», – о Премудрости несозданной, безначальной, то есть о Христе, потому что Христос есть Божия Сила и Божия Премудрость (1 Кор. 1, 24). О наименовании Второй Божественной Ипостаси Премудростью Божией говорит и факт «посвящения храмов Господу Иисусу Христу именно как Премудрости Божией, с самых древних веков и до настоящего времени в разных православных странах... Таким образом, учение святых отцов Церкви об Иисусе Христе как Премудрости Божией и это наименование Второй Божественной Ипостаси было воспринято всею вселенскою Церковью в качестве ясной и бесспорной истины»¹.

Наиболее последовательно и полно критический разбор софиологии Булгакова был дан русским мыслителем В. Н. Лосским в работе «Спор о Софии», а также архиепископом Серафимом (Соболевым) в работе «Новое учение о Софии Премудрости Божией». Архиепископ Серафим, говоря о софийном учении Флоренского и Булгакова, называет его «настоящим еретическим учением с гностическим и языческим миросозерцанием», порождающим «догматический хаос»². Отметим, что строгий критический богословский анализ софианства архиепископом Серафимом стал основанием для его осуждения как лжеучения на архиерейском соборе Русской Православной Церкви Заграницей. Ересь была осуждена также Московской Патриархией.

Несмотря на объявление софианства ересью (еще при жизни Булгакова), после Второй мировой войны

¹ Архиепископ Серафим (Соболев). Новое учение о Софии Премудрости Божией. София, 1935. С. 121.

² Там же. С. 513.

его семена дали ядовитые всходы. В интересной книге Л. Перепелкиной «Экуменизм – путь, ведущий в погибель» (Джорданвилль, 1992) говорится о том, что ересь софианства способствовала развитию экуменизма, а также она стала использоваться церковными модернистами для того, чтобы феминизировать Бога и Церковь (введение женского священства), отредактировать заново Священное Писание и т. п. Там, в частности, говорится, что «ее создатели – свящ. Павел Флоренский и прот. Сергей Булгаков посредством хитросплетенного учения о Софии (своими корнями связанного с языческой философией Платона, каббалистическим учением, а также с осужденным Церковью гностицизмом, особенно с гностицизмом валентиниан и рядом других позднейших гностиков-теософов) вводят в Божественную Троицу четвертую, женскую ипостась».

6. В последнее время можно наблюдать некоторый ренессанс софиологии в России. Наиболее рельефно он обозначился в вышедшей недавно книге «Ренессанс философии хозяйства»¹. Впрочем, и в сегодняшней России продолжается критический разбор софиологии Булгакова и его последователей².

10. Религиозный материализм Булгакова

1. Сергей Булгаков в «Философии хозяйства» несколько раз упоминал имя русского мыслителя Н. Ф. Федорова (1829–1903). Последний прославился своей философией общего дела (основная его работа, «Философия общего дела», увидела свет почти одновременно

¹ Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю. М. Осипова и Е. С. Зотовой. М., 2011.

² В качестве примера можно привести вышедшую недавно статью: Назаров И. В. Софиология Сергея Булгакова: pro et contra // Философия хозяйства. – 2012, №3.

с «Философией хозяйства» Булгакова). В своей работе Булгаков упоминает Федорова с уважением и пиететом, не раскрывая, впрочем, причин преклонения перед этим автором. Главная идея Федорова: конечной целью человечества является постижение тайн, покорение энергий мира и воскрешение с их помощью всех умерших предков. У Федорова постоянно звучала мысль о человечестве как совокупности поколений от начала мира, об отношениях детей и отцов, он считал воскрешение предков (отцов) первейшим долгом детей. Сам Федоров, хотя и называл себя христианином, не вполне разделял все догматы православия, внося в них свои авторские коррективы. Впрочем, эти коррективы при жизни их автора рассматривались как частное мнение мыслителя; его фантазия о всеобщем воскрешении умерших самим человечеством даже не была квалифицирована как ересь. Справедливости ради следует отметить, что под очарование федоровских фантазий (очень талантливых) попадали многие известные современники Николая Федоровича (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев).

2. Полагаю, что Булгакова в учении Федорова очаровала не столько идея воскрешения на научной основе, сколько космизм этого оригинального мыслителя. Космизм – религиозно-философское и художественно-эстетическое течение, ставшее популярным среди российской интеллигенции в начале XX века. Основная идея космизма – вера в то, что человечество, опираясь на науку, сможет добиться целенаправленного регулирования природных процессов не только на Земле, но и за пределами нашей планеты, в долгосрочной перспективе выйдя даже за пределы Солнечной системы и покоряя бескрайние пространства космоса. Человек станет гражданином Вселенной. Н. Федоров считал, что в случае воскрешения наших предков нашей планеты для разме-

щения людей будет явно недостаточно, поэтому космос неизбежно должен стать домом постоянно растущего человечества. В общем, мы имеем дело с еще одной красивой научно-философской утопией, уводящей человека от живой веры в Бога в безусловное поклонение научному знанию. Федорова можно считать основателем русского космизма, другими яркими представителями которого стали К. Э. Циолковский (1857–1935), В. И. Вернадский (1863–1945), А. Л. Чижевский (1897–1964). Не чужды были космизму и В. С. Соловьев и о. Павел Флоренский. Наиболее полная (с позиций Православия) критика русского космизма содержится в работах наших известных философов Н. О. Лосского и Н. А. Бердяева¹.

Идеи космизма безусловно присутствуют в «Философии хозяйства» Булгакова, который хозяйство рассматривал как покорение человечеством не только и не столько природных сил нашей планеты, сколько бескрайних пространств космоса. Во всех публикациях по проблемам русского космизма в списке основных представителей этого направления религиозно-философской мысли имя Булгакова – на одном из первых мест.

3. Весьма сомнительны некоторые высказывания Булгакова в «Философии хозяйства» по поводу возможности установления Царства Божия на земле (идея так называемого хилиазма). Примечательно, что в «Философии хозяйства» и других своих работах Булгаков последовательно и убедительно борется с марксистской разновидностью хилиазма (коммунизм как аналог Царства Божия, земного рая без Бога). В разъяснение этого тезиса он пишет: «Социализм – это рационалистическое, переведенное с языка космологии и теологии на язык поли-

¹ Справедливости ради следует признать, что Бердяев сам подпал под влияние космизма, его критика космизма не была до конца последовательной.

тической экономии переложение иудейского хилиазма, и все его *dramatis personae* потому получили экономическое истолкование. Избранный народ, носитель мессианской идеи, или, как позднее в христианском сектантстве, народ “святых”, заменился “пролетариатом” с особой пролетарской душой и особой пролетарской миссией¹.

В то же время некоторые высказывания Булгакова, содержащиеся в «Философии хозяйства», можно трактовать следующим образом: Царство Божие на земле – один из вариантов возможного развития человечества. Такую позицию Булгакова некоторые исследователи справедливо называют религиозным материализмом². Здесь я позволю себе процитировать фрагмент из книги проф. А. И. Осипова: «Идея “Царствия Божия на земле”, то есть достижения в земной истории всеобщего духовного и нравственного благоденствия, энергично защищаемая почти до конца своей жизни В. С. Соловьевым и идейно близкими ему в этом мыслителями (прот. С. Булгаковым, С. Н. Трубецким, прот. П. Светловым, Н. Федоровым и другими), отсутствует в святоотеческих творениях и принципиально противоречит Откровению Нового Завета (см.: Мф. 24, 5–31; Апокалипсис и др.)»³.

Справедливости ради следует сказать, что в указанном списке последователей хилиазма Булгаков является, пожалуй, наименее последовательным его приверженцем. В работах Булгакова можно найти достаточно высказываний, в которых он соглашается с мнением св. отцов о принципиальной невозможности Царства Божия на земле в любых его вариантах и сам критикует

¹ Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм // Булгаков С. Н. Соч. в 2 т. М., 1993. Том 2. С. 424–425.

² См.: Религиозный материализм С. Булгакова // Философия истории / Под ред. проф. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999.

³ Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Сретенский монастырь, 2003. С. 206.

наиболее одиозные проявления хилиазма, воцарившиеся в среде русской интеллигенции (Дм. Мережковский, З. Гиппиус и др.). В своей эмигрантской работе «Апокалипсис Иоанна» Булгаков еще раз возвращается к теме хилиазма, давая осторожную и, на мой взгляд, взвешенную его оценку.

4. Автор данной статьи не богослов, поэтому, вероятно, целый ряд отклонений Булгакова от православной догматики им не был замечен. В одном энциклопедическом словаре православного направления, содержащем краткую статью о Булгакове, называется точное количество таких отклонений: «В его философских воззрениях, однако, усматривается несколько (а именно 16) личных мнений, не приемлемых Церковью»¹. Впрочем, отклонения бывают разного рода и «веса». Думаю, что отклонение в виде софианства – главное и корневое. Некоторые же отклонения можно отнести к предметам неоконченных богословских дискуссий. Среди них, например, особая трактовка Булгаковым геенских страданий и вечности ада².

Те перегибы и догматические искажения, которые Булгаков допускал в своих богословских и философских трудах, отчасти можно объяснить тем, что он как мыслитель относился к категории не столько созерцателей, сколько делателей и преобразователей. Булгаков воспринимает человека как существо действующее, активное, обладающее мощным творческим потенциалом. Недаром в своей речи на Съезде православной культуры в 1930 году он вновь вспомнил своего кумира Федорова, приведя его слова: «...Мир дан человеку не для погля-

¹ Букварь. Наука, философия, религия/ Под редакцией архимандрита Никона (Иванова) и протоиерея Николая Лихоманова. М., 2001. Т. I. С. 444.

² См.: Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Сретенский монастырь, 2003. С. 412–414.

дения, а для действия»¹. Вероятно, подобные высказывания дали основание русскому философу Н. Бердяеву говорить о «таинственном родстве булгаковского православия с материализмом». Впрочем, в век расцвета экономизма среди философов и иных мыслителей делатели и преобразователи стали явно преобладать над созерцателями. В этом отношении Булгаков не был уникальным мыслителем. Его своеобразие в том, что он попытался соединить посюстороннее (трудовая хозяйственная деятельность человечества) с потусторонним (Богом) – для чего ему и потребовалась София как связующее звено между Богом и тварным миром.

Своеобразие Булгакова (на фоне других русских мыслителей начала конца XIX – начала XX века) в том, что он представлял личность, обладающую многими творческим ипостасями ученого, философа, богослова, поэта. Именно это затрудняет использование традиционных подходов к оценке «Философии хозяйства» и других произведений Булгакова.

11. С. Булгаков: этапы движения к истине

Хотелось бы поделиться некоторыми мыслями, которые возникли после прочтения «Философии хозяйства» и знакомства с другими работами Булгакова. На примере этого мыслителя видно, каковы логика и алгоритм движения образованного человека к истине. На этом пути он преодолевает несколько этапов.

Испытав немалое разочарование политической экономией Маркса, Булгаков попытался осмыслить хозяйственную жизнь преимущественно через призму философии. До конца ему это не удалось. Слишком

¹ Булгаков С. Н. Догматическое обоснование культуры // Булгаков С. Н. Соч. в 2 т. Том 2. М., 1993. С. 290.

много противоречий, двусмысленностей, нестыковок и белых пятен. Впрочем, по моему личному мнению, это неизбежно сопровождает любую философскую конструкцию (теорию). Разница лишь в том, что созданные некоторыми авторами-философами конструкции поначалу могут выглядеть достаточно красиво, убедительно и казаться логичными. Однако по истечении некоторого времени их очарование блекнет, а иногда такие философские конструкции вообще уходят в небытие. В работе «Философия хозяйства» философия преобладает над богословием. Собственно, немногочисленные богословские вставки в работе «Философия хозяйства» играют чисто декоративную роль, напоминают то ли самому автору, то ли читателю, что автор исповедует Православие. Это уже позднее, особенно когда Булгаков оказался в эмиграции, в его работах богословие стало превалировать над философией.

Здесь я вынужден сделать некоторое отступление. Вопрос о соотношении науки, философии и богословия в деле постижения истин бытия крайне сложен. Неистребимое желание постичь истину заставляет ученого понимать ограниченность своего взгляда на мир с позиций той науки, которой он занимается. Пытливый исследователь рано или поздно приходит к выводу о необходимости взглянуть на объект своего исследования с высоты метафизики, то есть некоей системы, которая претендует на целостное восприятие мира. Это и есть философия.

Молодой Булгаков занимался политической экономией (особенно марксистской его разновидностью). Он преподавал политическую экономию, написал ряд работ по экономической тематике. Среди них статьи «О некоторых основных понятиях политической экономии» (1898), «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия» (1899). В 1900 году им была подготовлена двухтомная

диссертация «Капитализм и земледелие» (в которой он между прочим ставил под сомнение правильность общих выводов Маркса о тенденциях развития капитализма применительно к аграрному сектору экономики).

Булгаков вскоре понял условность, неточность, а иногда и ошибочность многих положений научной дисциплины, называвшейся политическая экономия. Из приверженца марксистской политической экономии он стал превращаться в ее критика (за что, кстати, сам подвергся резкой критике со стороны российских марксистов, среди которых был и В. И. Ленин-Ульянов). Итоги его критических размышлений и сомнений были изложены Булгаковым в изданном в 1903 году сборнике «От марксизма к идеализму». Он стал пытаться разглядеть ответы на мучившие его вопросы, относящиеся к сфере социальной и экономической жизни, с высоты птичьего полета философии. Особенно молодой человек увлекся немецкой классической философией (Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг). «Философия хозяйства» – результат таких настойчивых поисков экономиста Булгакова. Этому фундаментальному исследованию предшествовали такие работы в области философского осмысления социально-экономической проблематики, как «Церковь и социальный вопрос» (1906), «Загадочный мыслитель» (о Н. Ф. Федорове, 1908), «Народное хозяйство и религиозная личность» (1909) и другие.

Взойдя на высоты метафизики, он совершенно по-другому взглянул на многие вопросы экономики. Но, что примечательно, с этих высот ему открылись помимо экономической многие другие сферы бытия, которые были не менее интересными и актуальными, чем экономика. Вероятно, после написания «Философии хозяйства» интерес Булгакова к экономике как науке был в значительной степени утрачен. Философия вышла на

первое место. В центре внимания оказались такие вечные предметы, как онтология (учение о бытии), гносеология (учение о познании), антропология (учение о человеке), космология, проблема соотношения свободы и необходимости и многие другие. Сейчас мы не будем оценивать результаты философских поисков Булгакова, скажем об этом позднее.

Отметим, что и увлечение философией также было не слишком продолжительным. Условно его можно определить хронологическими рамками 1903–1913 годов. С каждым годом Булгаков все острее чувствовал ограниченность философских методов постижения истины. Ноты сомнения во вселили философского знания звучат в заключительной части речи Булгакова на докторском диспуте при защите диссертации «Философия хозяйства» (сентябрь 1912 года): «Различные философские системы не только смотрят на мир чрез разные окна, но предполагают и различные, хотя и необходимые для них, догматические базы, иногда сознательно, иногда бессознательно. Другими словами, они строятся из аксиом, интуитивных и недоказуемых. В основе всякой подлинной философской системы, то есть имеющей самостоятельный мотив (а не компилятивно строяемой), лежит некоторая внутренняя интуиция, особым образом окачествованное мироощущение. Нельзя спорить об аксиомах, и, однако, различие аксиом с необходимостью ведет и к различию выводов. Ибо по-своему одинаково последовательны и евклидова и неевклидова геометрия, различаются их аксиомы. И, исходя из такого интуитивизма в понимании философских систем, я наперед должен признать, что и системы философии хозяйства могут правомерно различествовать, если расходятся исходные их аксиомы. Здесь заложена возможность неистребимых, по крайней мере средства-

ми теории, разногласий, единство мыслей достигается только жизненным единением. И потому для меня ясно, что наряду с данною философией хозяйства может быть построена и совершенно иная» (с. 376).

Условно можно сказать, что 1913–1923 годы были переходным периодом, временем постепенного превращения Булгакова из философа в христианского богослова. Превалирование богословия над философией хорошо видно уже в работе «Свет невечерний», вышедшей в 1917 году. Впрочем, вкрапления социально-экономической проблематики присутствуют и в работах переходного периода. Например, в третьей части третьего отдела «Света невечернего» можно найти много интересных мыслей о хозяйстве и теургии, хозяйстве и искусстве, эсхатологии хозяйства. Достаточно насыщена социальной проблематикой крупная работа «Христианство и социализм» (1917). Примечательно, что в этой работе Булгаков начинает уходить от явно выраженного в «Философии хозяйства» крена в сторону «религии материализма».

От классической философии Булгаков почти полностью отошел после своего рукоположения в священники (1918) и вынужденной эмиграции из России (1923). Очевидно, что священническое служение помогало о. Сергию выходить за рамки чисто кабинетного богословия, опираться на личный практический опыт духовной жизни. А революция, Гражданская война и мытарства после прихода к власти большевиков наверняка заставили Булгакова по-новому взглянуть на многое из того, чтобы было им написано и продумано в «Философии хозяйства». После этого начинается богословский период жизни, который продолжался до кончины прот. Сергия Булгакова в 1944 году. В эмиграции выходят такие его работы, как «Купина неопалимая» (1927), «Друг жениха» (1927), «Лествица Иаковля» (1929), «Агнец Божий» (1933),

«Утешитель» (1936). Посмертно вышли: «Апокалипсис Иоанна» (1948), «Философия имени» (1953). В 1965 году в Париже на русском языке была издана книга о. Сергия Булгакова «Православие. Очерки учения Православной Церкви» – сборник работ разных лет, в том числе и не издававшихся ранее. Последняя из названных книг является наиболее концентрированным изложением богословских воззрений о. Сергия. Примечательно, что в этой книге есть небольшая глава «Православие и хозяйственная жизнь» (правда, ничего принципиально нового по сравнению с написанным ранее она не содержит; в том числе она повторяет целый ряд мыслей, изложенных в «Философии хозяйства»). Конечно, о. Сергия последних лет его жизни нельзя назвать чистым богословом, философская и социальная проблематика вкрапляется в его произведения. Поэтому биографы и исследователи творчества Булгакова чаще всего квалифицируют его как русского религиозного философа, и с таким определением можно согласиться.

Эволюция мыслителя от философии к богословию не является чем-то уникальным. Многие пытливые умы шли по такому пути. Например, наш известный подвижник благочестия игумен Никон (Воробьев, ум. 1963) также прошел этот путь исканий. Еще до революции он имел вкус к наукам, но потом, увидев их ограниченность, обратился к философии. Заметим, что при этом молодой человек был очень далек от Бога. Вот что говорил по поводу философии в конце своей жизни игумен Никон (Воробьев): «Изучение философии показало: каждый философ считал, что он нашел истину. Но сколько их, философов, было? А истина одна. И душа стремилась к другому. Философия – это все суррогат; все равно что вместо хлеба жевать резину. Питайся этой резиной, сыт будешь? Понял я, что, как наука ничего не

говорит о Боге, о будущей жизни, так не даст ничего и философия. И совершенно ясен стал вывод, что надо обратиться к религии»¹.

Мы уже упоминали имя русского религиозного философа Н. Бердяева, который достаточно критически оценивал целый ряд идей С. Булгакова (не только идею софианства, но также перекоc в сторону материализма, излишнюю толерантность в отношении капитализма и т. п.). Вместе с тем он признавал искренность и страстность Булгакова в поисках истины. А также обратил внимание на то, что Булгаков как мыслитель постоянно духовно и интеллектуально возрастал, проходя последовательно те этапы, о которых мы сказали. По мнению Бердяева, это типичный путь честного русского интеллигента (попавшего в трагические переплеты истории первых десятилетий XX века): «Искания Булгакова имеют большое значение и должны быть высоко оценены. В нем есть подкупающая серьезность и искренность. Он очень русский, и пережитый им религиозный кризис имеет значение для судьбы русского сознания. В лице Булгакова как бы русская интеллигенция порывает со своим атеистическим и материалистическим прошлым и переходит к религиозному созерцанию и христианству. Это процесс большого углубления»².

¹ Цит. по: Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Изд-во Сре-тенского монастыря, 2003. С. 182.

² Бердяев Н. А. Возрождение православия (о С. Булгаков) // Н. А. Бер-дяев о русской философии. Часть 2. Свердловск, 1991. С. 193–194.

Философствующая интеллигенция и русская катастрофа

Оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму.

Мф. 15, 14

Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи.

Ин. 8, 44

Зло придет к вам от образованных.

Святой Косма Этолийский¹

Часть I. Философствующая интеллигенция, изменяющая мир

Философия: созерцание мира или его преобразование?

В советское время в курсе марксистско-ленинской философии нам постоянно цитировали фразу Карла Маркса из его «Тезисов о Фейербахе» (1845): «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заклю-

¹ Цит. по: Зоитакис А. Житие и пророчества Космы Этолийского. М., 2007.

чается в том, чтобы изменить его»¹. Поклонники и последователи классика посчитали эту мысль сердцевиной его философии. В частности, ее на разные лады любил повторять Ленин, который также внес свою лепту в развитие диалектического и исторического материализма Маркса. Указанные выше слова стали крылатой фразой и высечены на пьедестале памятника Карлу Марксу на Хайгейтском кладбище в Лондоне.

Нас учили в советское время, что превращение философии из созерцательно-теоретического занятия в практически-преобразовательную деятельность произошло лишь после появления марксизма. Трудно не согласиться, что когда марксистско-ленинская философия стала официальной идеологией советского государства, она действительно стала мощной преобразующей силой. Диалектический и исторический материализм штудировали все без исключения студенты в СССР, а потом и в других странах победившего социализма. Догматы марксистско-ленинской философии зримо и не очень зримо пронизывали почти все произведения советской художественной литературы, гуманитарной науки и искусства. Философия из скромной теории познания и удела немногих чудаков – любителей мудрости превратилась в важнейшую форму общественного сознания. В советских учебниках так и писали: «Философия – форма общественного сознания...»

Вместе с тем трудно согласиться с тем, что превращение философии в мощную преобразующую силу произошло лишь в XX веке, когда появился Советский Союз и другие страны социализма. Вся мировая история показывает, что философия оказывала то или иное влияние на общественное развитие отдельных стран и народов.

¹ Собр. соч. К. Маркса и Ф. Энгельса / Изд. 2. Т. 3. Стр. 2.

О том, что философия не должна быть чисто умозрительным занятием, а ее следует рассматривать как инструмент преобразования мира, что философия должна быть практической, говорил еще Платон. По его мнению, один аспект практической философии – воспитание характера, другой – домоуправление, третий – государство и его благо. Первый называется этикой, второй – экономикой, третий – политикой¹. О практической философии также рассуждал Гегель (он использовал не раз этот термин)². Другое дело, что далеко не все философские идеи воплощались в жизнь. Влияние ряда философских идей на жизнь носило стихийный характер. Так, идеи сумасшедшего Фридриха Ницше стали распространяться по Европе подобно лесному пожару. Видимо, правы были те древние философы, которые говорили, что «подобное тянется к подобному».

В качестве примера влияния философии на общественную жизнь возьмем Западную Европу Средних веков. Там процветала схоластика (своеобразный сплав теологии и философии), которая формировала сознание всей Католической церкви; ее догматы были еще более императивны для европейцев, чем идеологические установки Центрального Комитета КПСС для советского народа. А средневековая схоластика католицизма базировалась не только на Священном Писании, но также классической греческой философии Аристотеля. Аристотель для западной церкви был примерно тем, кем для советских людей был Карл Маркс. Окончательный органический синтез католической версии христианства и философии Аристотеля (с вкраплениями некоторых других философов) осуществил в XIII веке Фома Аквин-

¹ См.: Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 626.

² См.: Балашов Л. Е. О практической философии (софологии)// Интернет. Режим доступа: <http://balashov44.narod.ru/BALASHOV-5.htm>.

ский, а папа одобрил продукт этого синтеза как «единственно верное учение»¹. Всякие сомнения в истинности учения указанного философа-схоласта пресекались, в том числе с помощью инквизиции.

В более поздние времена (после начавшейся Реформации) влияние философских идей на общественное мнение нисколько не упало. Просто появились новые идеи, и их распространение в обществе стало происходить по-другому. Создается впечатление, что некоторые философские идеи готовились под заказ – для подготовки буржуазных революций и обеспечения максимального эффекта для тех, кто стал бенефициаром этих революций (то есть буржуазия). Без понимания этого трудно понять, почему, например, в очень короткий отрезок времени (XVI–XVII века) в Европе появилось столько «великих» и «величайших» философов. Их имена – Фрэнсис Бэкон, Рене Декарт, Блез Паскаль, Бенедикт Спиноза, Томас Гоббс, Джон Локк, Готфрид Лейбниц и т. д.

Как это ни странно, но профессиональные философы очень мало внимания уделяют выяснению вопроса: какое влияние идеи любителей мудрости оказывают на широкие массы и исторический процесс? Им не до того. Они полностью погружены в споры по поводу того, чем *трансцендентность* отличается от *трансцендентальности*, *сущее* – от *сущности*, а *бытие* – от *бытийности*. Эти споры интересны только профессиональным философам и больше никому. Философия превращается в кантовскую вещь в себе.

¹ Это учение получило название *томизм* (или *фомизм*) – от лат. Thomas (по-русски – Фома). Томизм был на протяжении многих веков ведущим направлением в католической мысли. Более того, томизм, согласно энциклике Папы римского, с 1879 года получил статус официальной доктрины католицизма. В настоящее время трансформировался в *неотомизм*.

Сегодня в рамках философии появляются такие новые направления, как политическая философия, социальная философия, экономическая философия, философия права, философия государства и т. п. Но учебники по этим специальным видам философии написаны, как правило, в очень большом отрыве от реальной жизни и уходят от ответа на вопрос о реальном влиянии философии на человека и общество (как в прошлом, так и сегодня). Чистая схоластика! Данная тема оказалась также вне поля зрения тех, кто не принадлежит к корпорации профессиональных философов, политологов, историков, социологов.

Я не философ и не историк, но меня этот вопрос волнует. В первую очередь в той части, которая касается общественного развития России до того момента, когда появился СССР с его марксистско-ленинской философией. В учебниках по социальной и политической истории России, равно как и в учебниках по истории философии, интересующий меня аспект почти выпадает. Почему? Две версии: 1) либо влияния философии на общественное развитие России не было; 2) либо оно было, но тщательно скрывается.

Философствующая интеллигенция о роли философии в судьбе России

Ответ я в конце концов нашел. Верной оказалась версия № 2. Кто же помог мне разобраться в этом вопросе? Многие авторы. В том числе кое-какие представители корпорации профессиональных философов. Чаще всего они об этом говорили вскользь, отдельные их признания похожи на оговорки «по Фрейду» (сфера подсознательного). Впрочем, время от времени на корабле профессиональных философов возникали (и продолжают возникать)

кать) бунты. Они иногда сопровождаются интересными философскими откровениями.

Так, вначале XX века многие философские умствования российских интеллектуалов стали настолько идти вразрез с национальными интересами России, что это почувствовала наиболее чуткая часть интеллигенции. В 1909 году вышел сборник под названием «Вехи (сборник статей о русской интеллигенции)»¹. Он содержал непривычную для читателя критику интеллектуальной атмосферы философского нигилизма, царившей в России. Инициатором сборника выступил известный литературовед, публицист и философ М. О. Гершензон, который предложил российским мыслителям и философам высказаться по насущным проблемам современности.

Мысли авторов сборника были еще не очень продуманными, преобладали чувства и эмоции. Проявлялась явная неудовлетворенность тем, что делает философия, и подсознательное ощущение, что она куда-то не туда ведет народ и страну. Тот же Гершензон писал в «Вехах»: «Наша интеллигенция на девять десятых поражена неврастенией; между нами почти нет здоровых людей, – все желчные, угрюмые, беспокойные лица, искаженные какой-то тайной неудовлетворенностью; все недовольны, не то озлоблены, не то огорчены. То совпадение профессии с врожденными свойствами личности, которое делает работу плодотворной и дает удовлетворение человеку, для нас невозможно, потому что оно осуществляется только тогда, когда личность выражена в сознании; и стоят люди на самых святых

¹ Состав сборника: М. О. Гершензон. Предисловие; Н. А. Бердяев. Философская истина и интеллигентская правда; С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество; М. О. Гершензон. Творческое самосознание; А. С. Изгоев. Об интеллигентной молодежи; Б. А. Кистяковский. В защиту права; П. Б. Струве. Интеллигенция и революция; С. Л. Франк. Этика нигилизма.

местах, проклиная каждый свое постылое место, и работают нехотя, кое-как».

Некоторые мысли авторов «Вех» не были лишены остроумия, но в то же время они не были открытием для любого здравомыслящего человека начала XX века. Так, Николай Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» писал: «С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине». Вот еще цитата из этой же статьи: «Интеллигенция готова принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы, и без критики отвергнет всякую, самую глубокую и истинную философию, если она будет заподозрена в неблагоприятном или просто критическом отношении к этим традиционным настроениям и идеалам».

Русская революция 1905–1907 года особенно явно обнажила тот факт, что философия перестала быть любовью к мудрости, она превратилась в инструмент политической борьбы. Николай Бердяев лишь констатировал этот печальный и очевидный «медицинский факт».

Об истории создания и публикации сборника позже писал С. Л. Франк, один из участников «Вех»: «Весна 1909 года была ознаменована... большим литературно-общественным событием – опубликованием сборника “Вехи”, в котором семь писателей объединились в критике господствующего, материалистического или позитивистически обоснованного политического радикализма. Идея и инициатива “Вех” принадлежала московскому критику и историку литературы М. О. Гершензону. Гершензон, человек чрезвычайно талантливый и оригинальный, по своим идейным воззрениям был довольно далек

П. Б. (Струве. – В. К.) и мне, как и большинству остальных участников “Вех”. Он исповедовал что-то вроде толстовского народничества, мечтал о возвращении от отрешенной умственной культуры и отвлеченных политических интересов к некоей опрощенной органически целостной духовной жизни; в его довольно смутных воззрениях было нечто аналогичное немецкому романтическому прославлению “души”, как протесту против засилья иссушающего интеллекта. Но он нашел сообщников в своем замысле критики интеллигентского мирозерцания только в составе бывших соучастников сборника “Проблемы идеализма”: это были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве и я, к которым был присоединен еще близкий П. Б. и мне публицист А. С. Изгоев. Общая тенденция главного ядра сотрудников “Вех” была, в сущности, прямо противоположна тенденции Гершензона. Если Гершензону мирозерцание и интересы русской радикальной интеллигенции представлялись слишком сложными, утонченными, отравленными ненужной роскошью культуры, и он призывал к “опрощению”, то наша задача состояла, напротив, в обличении духовной узости и идейного убожества традиционных интеллигентских идей. Так и возник знаменитый сборник статей о русской интеллигенции. В этот сборник вошли статьи Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, тогда еще не священника, самого Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Четверо из этих авторов участвовали в тематически близких сборниках: “Проблемы идеализма” (1902) и “Из глубины” (1918)»¹.

Сборник оказался весьма противоречивым и «разношерстным», что можно понять даже из приведенного выше фрагмента воспоминаний Семена Франка, видного представителя русской религиозной философии. К тому же он

¹ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 81.

был встречен враждебно подавляющей частью тогдашнего «интеллектуального сообщества», всех его политических направлений – от кадетов до большевиков. Самой настоящей бомбой явилось заявление Михаила Гершензона после выхода сборника «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹. Главный идейный вдохновитель сборника публично произнес то, что никакой интеллигент не вымолвил бы и под дулом пистолета.

Сборник «Вехи» спровоцировал появление большого количества разных литературных и философских публикаций, которые оправдывали и защищали право интеллектуалов на свободу творчества, причем авторы таких апологетических публикаций не задумывались о духовных, политических и социальных последствиях такого «интеллектуального творчества»².

Позднее развитие вопросов, поднятых в «Вехах», нашло свое отражение в сборнике «Из глубины». Он появился в 1918 году, в нем была сделана попытка осмыслить трагедию Февраля и Октября 1917 года. Ядро нового сборника составляли авторы «Вех», но были и новые³.

¹ Цит. по: Гриффен Л. А. Общественный организм. Киев: Задруга, 2000. С. 101.

² См.: Сапов В. В. Вокруг «Вех» (Полемика 1909–1910 годов) // Интернет. Режим доступа: http://russidea.rchgi.spb.ru/libruss/index.php?ELEMENT_ID=1572.

³ Вот состав этого сборника: С. А. Аскольдов. Религиозный смысл русской революции; Н. А. Бердяев. Духи русской революции; С. Н. Булгаков. На пиру богов. Pro et Contra. Современные диалоги; Вяч. Иванов. Наш язык; А. С. Изгоев. Социализм, культура и большевизм; С. А. Котляревский. Оздоровление; В. Н. Муравьев. Рев племени; П. И. Новгородцев. О путях и задачах русской интеллигенции; И. А. Покровский. Перуново заклатье; П. Б. Струве. Исторический смысл русской революции и национальные задачи; С. Л. Франк. Deprofundis.

Среди них – П. И. Новгородцев, который выступил со статьей «О путях и задачах русской интеллигенции». Он признал, что русская интеллигенция оказалась не на высоте положения накануне и во время революции. Ее фундаментальную слабость он усматривал в эмансипации от религии и Церкви. Эту эмансипацию он назвал «безрелигиозным отщепенством»: «Если высшей основой и святыней является религия, то есть связь человека с Богом, связь личного сознания с объективным и всеобщим законом добра как с законом Божиим, то рационалистический утопизм есть отрицание этой связи, есть отпадение или *отщепенство человеческого разума от разума Божественного* (курсив мой. – В. К.). И в этом смысле кризис интеллигентского сознания есть не русское только, а всемирно-историческое явление. Поскольку разум человеческий, увлекаясь силою своего движения, приходит к самоуверенному сознанию того, что он может перестроить жизнь по-своему и силой человеческой мысли привести ее к безусловному совершенству, он впадает в утопизм, в *безрелигиозное отщепенство* (курсив мой. – В. К.) и самопревознесение»¹.

Осмысление роли интеллигенции в общественной жизни происходило также ее представителями в эмиграции. Из работ такого рода можно отметить статью Георгия Федотова «Трагедия интеллигенции» (1926). Интересно следующее признание этого философа, представителя русской религиозной философии: «Русская интеллигенция есть группа, движение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей»².

Можно также вспомнить статью русского философа Ивана Ильина «О русской интеллигенции», написан-

¹ Новгородцев П. И. О путях и задачах русской интеллигенции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 428–429.

² Федотов Г. Лицо России. Статьи 1918–1930 гг. Париж, 1967. С. 79.

ную в эмиграции в 1928 году¹. Ильин прямо признает, что именно русская интеллигенция создала условия для захвата власти в стране большевиками: «Так случилось, что русская интеллигенция инстинктом и разумением своим отделилась от русского простого народа и сознательно противопоставила себя ему. Она перестала чувствовать его своим народом, а себя – его интеллигенцией. Она перестала ощущать свое единое с ним национальное “мы”; она разучилась видеть в себе национально-волевой орган единого русского народа, призванный воспитывать и обязанный вести; она сама себя измерила и оценила плоским мериллом социалистической морали и, измерив, осудила; она уверовала в физический труд и потеряла веру в святыню духовного творчества, и, почувствовав свою мнимую “вину” перед простым народом, пошла “вещать” ему трупную “мудрость” безбожия и социализма. Она понесла ему начала духовного тлена и разложения, религию раздора и мести, химеру равенства и социализма. И весь этот бред и блуд ждал только сильной воли для того, чтобы большевицкая революция завладела страной...»

Увы, таких признаний со стороны философов-эмигрантов было немного. Вину за трагический переворот 1917 года бóльшая часть эмигрантов-интеллигентов пыталась возлагать на царя, масонов, большевиков, германский генеральный штаб, который финансировал подрывную деятельность большевиков, или даже на сам русский народ. Роль российской интеллигенции и пропагандируемых ею философских идей оставалась в тени.

В целом подавляющая часть российской интеллигенции даже после революции, оказавшись на чужбине, не сумела достойным образом решить задачу самопознания и самооценки. Если простому человеку нужно

¹ Ильин И. О русской интеллигенции // Русский Миръ. №1, 2000.

победить в себе обычные страсти, что крайне непросто, то человеку образованному предстоит сделать не только это, но и еще многое сверх этого. Как справедливо признавал один из видных представителей русской религиозной философии протоиерей Сергей Булгаков, образованному человеку работа «предстоит гораздо более тяжелая и сложная. Ему, точно так же как и простому человеку, нужно бороться со всеми этими перечисленными чувствами, страстями и привычками, но, сверх того, ему нужно еще и гордость собственного ума сломить и подчинить его сознательно учению Церкви, нужно и стольких великих мыслителей, ученых и поэтов, которых мнения и сочувствия так знакомы и даже нередко близки, тоже повергнуть к стопам Спасителя, апостолов, св. отцов»¹. Отец Сергей Булгаков писал эти строки, вспоминая русского мыслителя К. Леонтьева. Константин Николаевич являет собой редкий случай русского интеллигента, который сумел преодолеть многие страсти и привычки интеллигентского высокоумия, прийти к покаянию и обрести чувство страха Божия, которое оберегает от многих интеллектуальных искушений и ошибок². Но таких примеров покаяния в среде российской интеллигенции, даже пережившей трагедию революции, было немного.

Взгляд на философствующую интеллигенцию со стороны «непросвещенных»

Наиболее исчерпывающую информацию по теме «философия и общественное развитие России» я по-

¹ Булгаков С. Н. Победитель – побежденный (Судьба К. Н. Леонтьева) // Булгаков С. Н. Тихие думы. – М., 1996, с. 83.

² См.: В. Ю. Катасонов. Социология Константина Леонтьева // Катасонов В. Ю. Православное понимание общества. – М.: Институт русской цивилизации, 2015.

лучил от тех, кто находился вне корпорации профессиональных философов. Непрофессионалы не повязаны корпоративными интересами и круговой порукой, могут называть все своими словами, имеют свежий взгляд на вещи, поэтому доверия у меня к ним больше.

Кто они, непрофессионалы? Прежде всего писатели и поэты. Например, Федор Достоевский, Николай Лесков и Федор Тютчев. Далее, это русские мыслители (которых по ошибке некоторые называют философами). Такие, как славянофилы Иван Киреевский, Алексей Хомяков и Константин Аксаков, Николай Данилевский, Константин Леонтьев и Лев Тихомиров. Наконец, это публицисты и журналисты. В частности, Василий Розанов, Михаил Меньшиков и Иван Солоневич. Особое место в группе тех, кто оставил нам свои оценки о роли философии в русской истории, занимают представители церковной мысли. Например, святитель Феофан Затворник и новомученик Иларион Троицкий.

Ниже я постараюсь обрисовать феномен интеллигенции, базируясь на работах двух из названных выше непрофессионалов – Ивана Солоневича и архиепископа Илариона Троицкого. А здесь в порядке предварительного введения в тему приведу цитаты об интеллигенции из работ некоторых других авторов.

Выдающийся русский мыслитель, биолог, автор знаменитой книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский: «Без... народной основы так называемая интеллигенция не что иное, как более или менее многочисленное собрание довольно пустых личностей, получивших извне почерпнутое образование, не переваривших и не усвоивших его, а только перемалывающих в голове, перебалтывающих языком ходячие мысли, находящиеся в ходу в данное время под пошлою этикеткою современных».

Русский историк В. О. Ключевский: «Классификация интеллигенции: 1) Люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных. 2) Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению: <...>, толстовцы etc. 3) Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные, и без верований, и без мыслей, с одними словами и аппетитами».

Русский писатель А. П. Чехов: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лживую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» (из письма И. И. Орлову 22 февраля 1899). А вот едкий портрет интеллигентов из рассказа Антона Павловича «Маска»: «Было 12 часов ночи. Не танцующие интеллигенты без масок – их было пять душ – сидели в читальне за большим столом и, уткнув носы и бороды в газеты, читали, дремали и, по выражению местного корреспондента столичных газет, очень либерального господина, – “мыслили”». Все мы помним слова Чехова о «выдавливании из себя по капле раба». Жаль, что Антон Павлович не дал еще одной формулы: о «выдавливании из себя по капле интеллигента».

Министр внутренних дел в царском правительстве и шеф жандармов В. К. Плеве: «Та часть нашей ответственности, в общежитии именуемая русской интеллигенцией, имеет одну, преимущественно ей присущую особенность: она принципиально, и притом восторженно, воспринимает всякую идею, всякий факт, даже слух, направленные к дискредитации государственной, а также духовно православной власти, ко всему же остальному в жизни страны она индифферентна». Между прочим, 15 (28) июля 1904 года Плеве был убит эсером, студентом Егором Созоновым, бросившим бомбу в его карету. Ор-

ганизаторами покушения были те самые люди, которых министр называл русской интеллигенцией. Сам Егор Сазонов родился в старообрядческой семье, однако в годы обучения в Московском университете оказался под сильным влиянием интеллигентов и пропитался их идеями.

Русский историк Л. Н. Гумилев: «Нынешняя интеллигенция – это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всем судят и совершенно не приемлют инакомыслия». Кстати, ему же приписывают ставшую популярной фразу: «Я не интеллигент, у меня профессия есть».

Цитирование продолжу таким, казалось бы, несерьезным произведением, как роман Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Все мы помним героя романа Васисуалия Лоханкина, который был о себе высокого мнения и считал себя интеллигентом: «Сам Васисуалий никогда и нигде не служил. Служба помешала бы ему думать о значении русской интеллигенции, к каковой социальной прослойке он причислял и себя. Таким образом, продолжительные думы Лоханкина сводились к приятной и близкой теме: “Васисуалий Лоханкин и его значение”, “Лоханкин и трагедия русского либерализма”, “Лоханкин и его роль в русской революции”. Обо всем этом было легко и покойно думать, разгуливая по комнате в фетровых сапожках, купленных на Варварины деньги, и поглядывая на...»

Наверное, в советской России таких «Лоханкиных» в конце 20-х – начале 30-х годов уже почти не было. Авторы «Золотого теленка» тут малость присочинили. Но вот в эмиграции в это время таких интеллигентов, размышлявших о своей роли в русской революции, было предостаточно. О них писал Иван Солоневич, ниже мы приведем его высказывания об эмигрантской интеллигенции.

Если мы уже заговорили об образе интеллигента в советской литературе, то, наверное, нельзя обойти стороной роман «пролетарского» писателя Максима Горького «Жизнь Клима Самгина»¹. Ему нельзя отказать в наблюдательности при раскрытии ряда черт типичного российского интеллигента начала XX века. В 1931 году пролетарский писатель рассказывал о том, каков был его авторский замысел²: «Эта книга затеяна мною давно, после первой революции пятого-шестого года, когда интеллигенция, считавшая себя революционной, – она и действительно принимала кое-какое фактическое участие в организации первой революции, – в седьмом-восьмом годах начала круто уходить направо. Тогда появился кадетский сборник “Вехи” и целый ряд других произведений, которые указывали и доказывали, что интеллигенции с рабочим классом и вообще с революцией не по дороге. У меня явилось желание дать фигуру такого, по моему мнению, типичного интеллигента. Я их знал лично и в довольно большом количестве, но, кроме того, я знал этого интеллигента исторически, литературно, знал его как тип не только нашей страны, но и Франции и Англии. Этот тип индивидуалиста, человека непременно средних интеллектуальных способностей, лишенного каких-либо

¹ «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» – роман-эпопея, самое крупное, итоговое произведение Максима Горького. Один из первоначальных вариантов названия – «История пустой души». Состоит из четырех частей (четвертая часть не окончена и не отредактирована автором). Роман писался с 1925 года до смерти Горького в 1936 году (первая часть – 1925–1926 гг., вторая – 1926–1928 гг., третья – 1928–1930, четвертая – 1931–1936). Роман представляет собой панораму русской истории от 1880-х до 1918 года. Роман сразу же приобрел большую популярность за рубежом, и в 1928 году Максим Горький даже был номинирован за него на Нобелевскую премию за этот роман.

² Выступление Максима Горького на заседании редакционного совета издательства ВЦСПС, 1931 год // Интернет. Режим доступа: <http://yarodom.livejournal.com/1839710.html>.

ярких качеств, проходит в литературе на протяжении всего XIX века. Этот тип был и у нас. Человек – член революционного кружка, затем вошел в буржуазную государственность в качестве ее защитника. Вам, вероятно, не нужно напоминать о том, что та интеллигенция, которая живет в эмиграции за границей, клеветает на Союз Советов, организует заговоры и вообще занимается подлостями, эта интеллигенция в большинстве состоит из Самгиных. Многие из людей, которые сейчас клеветают на нас самым циничным образом, были людьми, которых не я один считал весьма почтенными... Мало ли было людей, которые круто повернулись и для которых социальная революция органически неприемлема. Они себя считали надклассовой группой. Это оказалось неверным, потому что как только случилось то, что случилось, они немедленно обернулись спиной к одному классу, лицом – к другому. Что же еще сказать? Мне хотелось изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне».

Часть II. Иван Солоневич: портрет «русской» интеллигенции

Иван Солоневич как свидетель русской катастрофы

Обозначенная мною тема обширнейшая. Впору книгу писать. Как я сказал выше, более подробный обзор взглядов на русскую интеллигенцию сделаю по двум из перечисленных выше авторов. Это Иван Солоневич и архиепископ Иларион Троицкий.

Сначала об Иване Солоневиче. Из всех названных выше авторов он ближе всех к нам по времени. К тому же Солоневич лично пережил многие события, происходившие на изломе русской истории XX века. Язык его предельно простой, понятный даже не искушенному в тонкостях философской мудрости человеку. Кратко по его биографии: Иван Лукьянович родился в 1891 году в Гродненской губернии, а умер в эмиграции в 1953 году в Монтевидео (Уругвай). Получил широкую известность как автор книг об СССР («Россия в концлагере» и другие) и теоретик монархизма. Участвовал в Белом движении и антисоветском подполье. Бежал из исправительного лагеря, жил в эмиграции в Финляндии, Болгарии, Германии, Аргентине и Уругвае. Издавал газету «Голос России» в Болгарии и «Наша страна» в Аргентине. Организовал «народно-монархическое» движение, пропагандировал идею самобытной русской самодержавной монархии, критикуя не только социализм, но и вообще любые попытки устройства государственной жизни России путем внедрения заимствованных извне идеологий. Изложил свои идеи в концептуальном труде «Народная монархия»¹.

Список больших и малых работ Ивана Лукьяновича Солоневича весьма обширен. Во многих из них он не только описывает жизнь в тогдашнем Советском Союзе, но также рассуждает на тему того, каковы причины трагических событий Февраля и Октября 1917 года. Надо отдать должное Солоневичу: в отличие от многих представителей русской эмиграции, он не возлагал вину за

¹ Об Иване Лукьяновиче Солоневиче и его идеях см.: Никандров Н. Иван Солоневич: народный монархист / Под ред. В. Г. Манягина. М.: Алгоритм, 2007; Воронин И. П. Гражданин империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича / Под ред. М. Б. Смолина. М.: ФИВ, 2013; Сапожников К. Н. Солоневич / Под ред. Е. С. Писаревой. [Жизнь замечательных людей]. М.: Молодая гвардия, 2014.

«русские» революции на государя Николая II. Он ищет причины этих переворотов в тех событиях и процессах, которые начались еще задолго до рождения последнего царя. В своей работе «Миф о Николае II» И. Л. Солоневич писал: «История возложила на Николая II задачу сверхчеловеческой трудности: нужно было бороться и с остатками дворянских привилегий, и со всей или почти со всей интеллигенцией. Имея в тылу интендантов и интеллигентов, нужно было бороться с Японией и с Германией. И между “царем и народом” существовала только одна – одна единственная связь, чисто моральная».

Красной нитью через работы Солоневича проходит мысль о том, что на протяжении многих десятилетий государственные устои Российской империи подтачивала та часть российского общества, которую Иван Лукьянович называет интеллигенцией. Этот социальный слой был носителем чуждых русскому народу идей. Большую часть этих идей он квалифицирует как философию. А интеллигенцию – носительницу философских идей – гуманитарной, или философской. Вот этой теме творчества Солоневича мы и уделим внимание. Заметим, что Иван Лукьянович не имел философского образования, но был блестящим журналистом, публицистом, наблюдателем. Он умел заметить, выхватить главное и изложить это главное простым, ярким, запоминающимся языком. Заметки Солоневича о гуманитарной, философской интеллигенции встречаются в каждой второй работе Ивана Лукьяновича.

Определение интеллигенции по Солоневичу

Пожалуй, в наиболее концентрированном виде мысли Солоневича о природе интеллигенции, ее происхождении, философских воззрениях и влиянии на

русскую жизнь присутствуют в работе «Наши интеллигенции», которая была написана в конце жизни Ивана Лукьяновича¹.

Рабочее определение интеллигенции. Иван Лукьянович в этой работе в очередной раз пытается определить, что такое интеллигенция вообще и российская интеллигенция в частности. Сначала он дает рабочее (предварительное) определение: «Та формулировка, которую я давал в своих прежних работах, звучит так: *интеллигенция – это профессионалы умственного труда*» (курсив мой. – В. К.). Далее автор его уточняет.

Неувязки рабочего определения. В России многие виды деятельности (трудовой, военной, коммерческой) требовали недюжинного ума, но многих из тех людей, которые тратили для выполнения своих трудовых и служебных обязанностей «серое вещество», никогда не относили к интеллигентам: «Это будет точно с социально-экономической точки зрения, но тоже не очень уж точно. Почтовый чиновник, отслюнивающий марки, считает себя интеллигентом и ходит при воротничке и галстучке – по крайней мере ходил. Сталевар ходил в блузе и к интеллигенции себя никак не причислял. Однако очевидно, что умственных усилий сталевар затрачивает больше почтовика. Это одна неувязка моего определения. Есть и другие. Трудно назвать биржевого спекулянта представителем интеллигенции – хотя работа спекулянта есть чисто умственная работа. И его умственные усилия и значительнее, и честнее, например, бердяевских. Спекулянт оценивает положение биржевого рынка или – что то же – экономики страны и на этом учете строит свои расчеты. Врать он не может – по крайней

¹ Солоневич И. Наши интеллигенции // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. М.: ФИВ, 2013. С. 253–289). Далее, если нет указания на источник, цитаты приводятся из указанной работы Солоневича.

мере, для самого себя. Просчет означает разорение. Для Бердяевых просчет означает только очередную “переоценку ценностей”».

«Интеллигенция» как российский феномен. Солоневич пишет: «Само существование русской интеллигенции, да еще в своем большинстве и марксистской, является какой-то грандиозной – “беспримерной в мировой истории”, как теперь любят говорить, – сплошной и нелепой неувязкой. Самый термин возник из латинского глагола “интеллегере” – понимать. Интеллигенция наша, как теперь это выяснилось с предельной и фактической очевидностью, не понимала решительно ничего. Для обозначения этого нелепого слоя не нашлось слова в русском языке. Для существования этого слоя не нашлось места нигде больше в мире».

Французский аналог российской интеллигенции. Правда, чуть ниже Солоневич пишет, что некий аналог российской интеллигенции можно найти еще в одной стране – Франции. Там часть интеллектуальной элиты заражена философскими идеями «просвещения». Хотя Дидро, Вольтер и Руссо были французами, однако их философские теории не имели корней в истории и культуре Франции. Французские философы XVIII века посеяли семена «просвещения», которые стали причиной того, что Францию стали периодически сотрясать революции. Иван Лукьянович пишет: «Интеллигенция есть чисто русское явление. На констатации этого факта сходились и шестидесятники, и семидесятники, и восьмидесятники, и прочие десятские и сотские истории русской общественности. Нигде больше в мире не было ни такого слоя людей, ни такого термина. Единственная группа, которая более или менее похожа на русскую революционную интеллигенцию, – это “буржуа леттре” старого режима Франции. Вот те самые,

которые свергали реакционных Бурбонов и попали на революционный эшафот. Французские книжники, как и наши, воспитывались на философии и на политической экономии, предавались утопическим мечтаниям и социалистическим прожектам, были охвачены и верой и еще более изуверством, погубили Бурбонов, погубили самих себя и никак не спасли Францию. Со времени “просветительной философии” и посеянных ею семян “разумного, доброго, вечного” Франция уже полтора столетия катится со ступеньки на ступеньку. Где она остановится – еще неизвестно». Все-таки, по мнению Солоневича, французская интеллигенция не может полностью сравниться с российской интеллигенцией. Хотя бы потому, что российская интеллигенция питалась идеями, исключительно импортируемыми из-за рубежа. А французская интеллигенция была возвращена на идеи своих, французских, философов- «просветителей»¹.

Комментарий к тезису Солоневича об интеллигенции как исключительно российском феномене. Чтобы не возвращаться более к обсуждению общепринятого тезиса «интеллигенция – исключительно российский феномен», отмечу, что некоторые авторы ставят его под сомнение. Они согласны с тем, что в большинстве стран мира действительно трудно найти что-то похожее на российскую интеллигенцию. Но все-таки встретить такое можно. Прежде всего на ум приходит работа известного русского мыслителя Льва Тихомирова «Религиозно-философские основы истории». Он утверждает, что после пребывания древнееврейского народа в вавилонском плену (VI–V века до Р. Х.) в

¹ Тут также требуются некоторые оговорки. Дело в том, что отцом-основателем Просвещения является не француз, а английский философ Джон Локк (1632–1704). Между прочим, он же – основатель доктрины европейского либерализма, которая была так любима российскими интеллигентами в дореволюционной России.

еврейском обществе стала формироваться интеллигенция. В Священном Писании Нового Завета она называется фарисеи, книжники, законники. Это была интеллектуальная элита Иудеи, которая имела большое влияние на простой народ. Тихомиров писал: «Задача религиозных консерваторов, которые были прежде всего национальными патриотами, состояла в том, чтобы крепко организовать еврейский народ и сплотить его под руководством *тогдашней интеллигенции – фарисеев*. Это была партия не священническая и даже находилась во вражде с саддукеями – партией священнической. *Фарисеи составляли интеллигенцию, которая, раздувая культ закона, получила в этом средство держать в руках весь народ* (курсив мой. – В. К.)»¹. Получается, что интеллигенция как особый социальный феномен возникла за два с лишним тысячелетия до ее появления в России.

А вот уточнение по вопросу о российской исключительности интеллигенции, принадлежащее современному автору А. Буровскому: «Собственно говоря, есть только две страны, в которых известно само слово “интеллигенция”, – это Россия и Польша. Нигде, кроме России и Польши, интеллигенции не было, и образованные специалисты становились не младшими братиками дворян, а частью бюргерства. Выражаясь по-польски – мещанства»². Уточнение Буровского фактически не опровергает тезис Солоневича о российском происхождении интеллигенции, поскольку Польша входила в состав Российской империи (частично вошла в ее состав после пер-

¹ Тихомиров Л. А. *Религиозно-философские основы истории*. М.: Москва, 1997. С. 141.

² Андрей Буровский. Евреи, которых не было. Книга 2. – Глава 5. Евреи и русская интеллигенция // Интернет. Режим доступа: http://allconspirology.org/books/Andrey-Burovskiy_Evrei--kotorykh-ne-bylo--Kniga-2/8.

вого раздела в 1772 году, а окончательно и полностью – в 1815 году; оставалась частью России до 1917 года).

Интеллигенция и истинные труженики умственного труда. Иван Лукьянович подчеркивает, что в России интеллигентами также называли людей, которые занимаются полезной, созидательной деятельностью, требующей мозгов. Это врачи, инженеры, учителя, агрономы, естествоиспытатели, военные. Это истинная, созидательная интеллигенция, труженики умственного труда, которые кардинально отличаются от тех, кого Солоневич называл иронично властителями дум: «Русская интеллигенция, попавшая в положение исторического ублюдка, питала и воспитывала ненависть, свойственную каждому ублюдку в мире. Быть ни павой ни вороной, ни рыбой ни мясом – тяжело всякому. Но нормально скроенные люди находили все-таки выход в нормальной жизни и нормальной работе – как нашли Боткин и Менделеев, Сеченов и Павлов, как нашли сотни тысяч врачей и инженеров, агрономов и военных. На верхах революционной интеллигенции, на постах властителей дум собрались ученые дураки и книжные “кастраты”».

Окончательное определение интеллигенции. С учетом выявленных особенностей социальной группы российских интеллектуалов Солоневич вносит коррективы в рабочее определение и формулирует окончательное: «Мое старое определение: “интеллигенция – это профессионалы умственного труда” будет приблизительно правильным как общее, родовое определение. Но та интеллигенция, о которой идет речь, та, которая своей деятельностью определила нынешние революционные судьбы России, в это определение не укладывается. Не претендуя ни на какую научную точность, я сказал бы так: русская революционная интеллигенция есть слой второсортных работников книжного (то есть не умствен-

ного вообще) труда, оторванных от всякой реальной деятельности и от всяких реальных познаний, слой, посвятивший все свои силы ниспровержению самодержавия и строительству социализма – **разного социализма в разные десятилетия**, – слой, который больше чем что бы то ни было, привел нас к катастрофе – и погиб в ней сам».

Итак, согласно окончательному определению, можно выделить *пять определяющих признаков интеллигенции по Солоневичу*:

- 1) люди, занимающиеся не столько умственным трудом, сколько «книжной ученостью»;
- 2) их книжная ученость оторвана от реальных потребностей жизни и реального познания жизни;
- 3) они нацелены на низвержение «режима» и построение «светлого будущего» (социализма);
- 4) эти люди привели Россию в 1917 году к катастрофе;
- 5) они сами погибли в этой катастрофе.

В своих работах обозначенную выше социальную группу Солоневич называет по-разному: *философствующая, гуманитарная, книжная, революционная, компрадорская, либеральная интеллигенция*. Также: *властители дум, нигилисты, западники, второсортные работники книжного труда, книжные кастраты, демократы, либералы* и т. п.

Некоторые важнейшие признаки интеллигенции

Переоценка взглядов и ценностей. Иван Лукьянович обращает внимание, что для той части профессионалов умственного труда, к которым относятся Бердяевы и прочие философы, характерна регулярная переоценка взглядов и ценностей. Солоневич иронично

и с чувством юмора пишет об этой особенности интеллигенции: «“Переоценка ценностей, – грустно пишет М. Алданов, – была испокон веков любимым занятием нашей интеллигенции”. Она, впрочем, имела и свой экономический смысл, как развод для кинодивы. Чем больше разводов, тем прочнее гарантирована “хорошая пресса”. А для всякой прессы всякий развод – с мужем или с идеей – является истинным построчным Эльдорадо. Саша Черный в свое время писал:

Зимою жизнь в Житомире
Сонлива, как сурок...
Чем в следующем номере
Заполнить сотню строк?

Всякий же развод гарантирует новые тысячи строк. Репортеры получают свои гонорары, а Бердяевы ходят в искателях истины: “Сложная натура, исполненная трагических противоречий бытия”; “Неутомимый борец с пошлостью окружающего мещанского мирозерцания”; “Бесстрашные мысли, не останавливающиеся перед отрицанием глубочайших бытийственных основ мироздания”. И вообще:

Поиски истины. Старая история:
И я сжег все, чему поклонялся, –
Поклонился всему, что сжигал.

Тайна этих всеожжений объясняется слегка марксистски. Талдычил какой-нибудь Бердяев десять лет все об одном и том же – и начинал надоедать. И забываться. Операция омоложения идей становилась настоятельной потребностью. Ваш интеллигентный знакомый ловил вас на улице за пуговицу: “Вы слы-

шали новость – Иван Иванович перековался, сжег все, чему... и т. д. Еще не читали? Ну как же так: интеллигентный человек!..” Вы шли в книжный магазин и покупали соответствующую “Перековку”. Так создается слава мира. И не в одном Холливуде».

Далее Солоневич выделяет ряд типических особенностей той части русского общества, которая у него олицетворяется фигурой сочинителя философских книг Бердяева.

Первая особенность. Революционность. Тягу русской интеллигенции к свержениям, революциям, освобождению Солоневич называет главной ее особенностью: «Однако есть признаки, постоянно присущие русской интеллигенции в ее основном, решающем слое. Это прежде всего революционность, которая с ходом десятилетий принимала разные формы, выискивала разные формулировки и опиралась на самые разнообразные философские системы, но всегда и во всем стремилась к свержению. Те представители интеллигенции, которые не разделяли столь радикальных взглядов, автоматически лишались звания интеллигент: «Все, кто стоял вне революции, – автоматически ставил себя и вне интеллигенции».

Вторая особенность. Книжность. Об этой особенности Солоневич пишет: «Вторым характерным признаком интеллигенции является ее книжная ученость – “эрудиция”. Это книжная ученость – то есть не знания и навыки настоящего ученого, представителя “точных наук” – вроде Менделеева и Павлова, не есть практическое знание государственности, как у С. Ю. Витте или П. А. Столыпина, не живое знание хозяйства, как у Стахеева или Рябушинского, и не интуитивное познание жизни, как у Блока или Белого. Это есть знание книг, и только книг».

Благо, если эта интеллигентская публика читала бы книги, написанные в России. Читает они исключительно книги иностранного происхождения: «И, кроме того, в подавляющем большинстве случаев книг, написанных не в России и по поводам, никакого отношения к русской действительности не имеющих».

Дополнение ко второй особенности. Ум, базирующийся на цитатах. Мало того, что интеллигенция имела ум «книжный», она книгами пользовалась своеобразно. Выковыривая из них нужные для данного момента времени цитаты подобно тому, как дети выковыривают изюм из булки. Солоневич пишет: «Революционная, книжная, философская, “гуманитарная” интеллигенция – ее типичным выразителем был “литератор”, человек, объевшийся чужими цитатами и разрушающий во имя их свою собственную жизнь, а также и жизнь своей Родины. Его, этого литератора, съели цитаты».

В статье «Совсем всерьез» Иван Лукьянович пишет: «Профессиональный профессор (я здесь говорю только о гуманитарных профессорах) вырастает из юного студента, который, попав в университет, “увлекается” то ли Шеллингом, то ли Гегелем, то ли Марксом – в зависимости от красноречия его преподавателя. Потом он попадает в семинар к тому же преподавателю. *Вместо явлений и фактов он изучает теории и цитаты – причем цитаты уже заранее подобраны в полном соответствии с заранее данной теорией* (курсив мой. – В. К.). В результате получается полное искажение реальной жизненной перспективы. Почти неизбежная “смена вех” и совершенно неизбежные провалы»¹.

Третья особенность. Осведомленность в «экономических науках». На третье место в списке осо-

¹ Солоневич И. Совсем всерьез // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. М.: ФИВ, 2013. С. 364.

бенностей русской интеллигенции Солоневич ставит особый интерес к экономическим знаниям, естественно иностранного происхождения. У многих представителей интеллигенции тяга к зарубежным экономическим теориям даже выше, чем к европейской философии. Экономические знания эти нужны для того, чтобы в «отсталой» России построить такое же, как на Западе, «цивилизованное» (читай: капиталистическое) общество. Читаем у Солоневича: «Наука о хозяйстве – политическая экономия – считалась совершенно обязательной составной частью интеллигентской учености. И все властители дум русской интеллигенции были в первую очередь философами и политикоэкономами. Самый середняцкий из них мог занять профессорскую кафедру в любом европейском университете. Политикоэкономом был и древнейший литературный родоначальник нашей интеллигенции – товарищ Евгений Онегин:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом.
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И как живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.

Практические результаты онегинской экономической учености с предельной ясностью и краткостью изложены уже и Пушкиным:

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Онегинские попытки “себе присвоить ум чужой” – с полной потерей своего собственного – привели к окончательной распродаже всей онегинской и его потомков земли. Экономическая база Онегиных держалась не столько на “Адаме Смите”, как на плетях крепостной конюшни... “Себе присвоить ум чужой” не удалось никому – начиная от Онегина и кончая Сталиным... Но можно похоронить собственный. Наша интеллигенция свой собственный и похоронила.

Онегин потом, через несколько поколений, Чернышевский потом, еще через несколько поколений, Ленин – все они были “глубокими экономами”, и все они в экономике не понимали ни уха ни рыла. Понимали в свое время Строгановы, потом Губонины, Гучковы, Мальцевы, Стахеевы, Рябушинские – вот все те, кто строил русское хозяйство “не дубьем, а рублем”, или, как это несколько иначе формулировал горьковский Яков Маякин, “не палкой и дубьем, а пальцем и умом”. Эти реальные строители не имели никакой надобности “земли отдавать в залог” и о политической экономии не имели ни малейшего понятия. Как не имеют ни малейшего понятия и нынешние капитаны гигантской промышленности. “Наука о хозяйстве” – это, к сожалению, одно, а само хозяйство – это совершенно другое».

Дополнение к описанию третьей особенности. К сожалению, Солоневич не объяснил, откуда возник такой гипертрофированный интерес российской интеллигенции к познанию тайн «экономической науки». Сами интеллигенты ответа на данный вопрос не дают. Объяснение следует искать в сфере подсознательного или бессознательного этой категории людей. Ответ я нахожу у западного социолога Эриха Фромма. По его мнению, интеллигент либерального толка – это человек, которого «не заботит ни его жизнь, ни его счастье, а лишь то,

насколько он годится для продажи»¹. Интеллигентом руководит шкурный интерес. Только «властитель человеческих дум» очень тщательно его маскирует, прикрывает разными высокими идеями и идеалами.

Вернемся к Солоневичу. Кроме перечисленных трех особенностей российской интеллигенции Иван Лукьянович в других частях работы называет дополнительно еще некоторые.

Идея равенства, ведущая в концлагерь. Интеллигенция была одержима идеей равенства, она делала все возможное для того, что претворить ее в жизнь. На первом месте стоял *принцип равенства экономического*, как наиболее очевидный и понятный любому человеку. Актуальность этого принципа в России с ее имущественной и социальной поляризацией не вызывала ни у кого сомнения. Кстати, именно поэтому увлечение политической экономией было характерной чертой русской интеллигенции. Иван Лукьянович пишет: «Основная идея, которой были посвящены столетние усилия наших сеятелей, была идея равенства – прежде всего экономического, как наиболее близкого и понятного. Этот факт, я думаю, даже и не требует доказательств. Коммунистические идеи Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Прудона, Бакунина, Лаврова, Чернышевского, Маркса по очереди владели русскими интеллигентскими мозгами. Тысячи и десятки тысяч томов были написаны именно на эти темы. Все попытки шли именно в этом направлении. Уже Пестель пытался организовывать первые “фаланстеры” – колхозы, по современной терминологии, а кружок Петрашевского, и Достоевский в том числе, попали под суд за попытки организации первой русской комячейки – сен-симонистской, по терминологии тех дней. Колхозы в более или менее современном смысле были впервые спроектированы Чер-

¹ Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. С. 153.

нышевским (Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 76. С. 635). Общину русская интеллигенция защищала именно как хотя и первобытную, но все же коммунистическую форму землепользования. Маркс считал Чернышевского своим предшественником по теории “экономического материализма”, а первый перевод “Капитала” был сделан на русский язык. Здесь историческая линия развития выступает с полной и бесспорной очевидностью».

Иван Лукьянович обращает внимание на то, чего порой не замечают многие критики социалистических идей: «Но для русской интеллигенции экономическое равенство было только средством. Цель была во всеобщем и универсальном равенстве, равенстве во всем. Достоевский в “Бесах” и в “Легенде о Великом инквизиторе” смотрит на эту идею, как кролик в глаза удава. Русский изувер социалист Шигалев и европейский изувер – Инквизитор проповедуют одно и то же. Шигалев: “Каждый принадлежит всем и все каждому. Все рабы и в рабстве все равны”; “Масса должна потерять личность и обратиться вроде как бы в стадо и при безграничном повинении достигнуть... как бы первобытного рая”. Инквизитор: “Мы дадим им тихое смиренное счастье, счастье слабосильных существ... Они станут робки и станут прижиматься к нам в страхе... Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором и плясками”. И действительно устроили». Все очень просто: идеи социально-экономического равенства, прикрываемые лозунгом социализма, нужны в качестве приманки, с помощью которой интеллигенция заманивает народ в гигантский концлагерь¹.

Восприятие России через призму чуждых философий. Солоневич пишет: «Моя основная работа посвя-

¹ Более подробно эту мысль Иван Солоневич раскрывает в своей работе «Россия в концлагере».

щена русской истории, два тома “Нашей империи”¹. Эта работа рассматривает наше прошлое с совершенно необычной точки зрения: с русской. Напомню о том, что все наши историки рассматривали наше прошлое с вольтеровской, шеллингианской, гегельянской, марксистской и прочих точек зрения. Русская – как-то никому и в голову не приходила».

Чересполосица в мозгах. Мало того, что российская интеллигенция питалась чуждыми философиями. Менялись моды и менялись философские увлечения, о чем выше сказано (Вольтер – Шеллинг – Гегель – Маркс). Иногда все эти философские взгляды таинственным образом сосуществовали, совмещались в сознании интеллигента. Солоневич называл это чересполосицей в мозгах: «Чересполосица этих точек зрения – а на них обучались целые поколения интеллигенции – автоматически привела к чересполосице в русских мозгах».

Подкидыш двух культур. Чересполосица в мозгах – следствие того, что интеллигент в России – человек, далекий от русской культуры. Он имеет лишь некоторые внешние признаки принадлежности к этой культуре (например, использование русского языка). Он постоянно тянется к культуре Европы, он западник, он даже старается читать и говорить по-французски, по-немецки, по-английски. Но он так и не в состоянии стать органической частью европейской культуры. Он повисает между двумя культурами, проявляя свою полную беспомощность. Солоневич называет его подкидышем двух культур: «Исторический беспризорник русской истории, “исторический межеумок” – по Ключевскому, плод незаконной и не очень уж искренней любви России и Европы,

¹ Солоневич упоминает двухтомник «Наша империя». Вероятно, речь идет о его двух фундаментальных работах по истории России: «Белая империя» и «Монархическая государственность».

подкидыш обеих культур, русский интеллигент являет собою поистине трагическую фигуру: ему никогда не было где преклонить свою набитую цитатами голову. Он родился подкидышем, – так подкидышем и умер. Отсюда и хроническая “переоценка ценностей”, и традиционный обряд сожжения богов и церковки. От этой заблудшей между тремя соснами души иногда веет истинной жутью. Впрочем – истинной жутью все это и кончилось...»

Идеологические компрадоры. Солоневич сравнивает русскую интеллигенцию с компрадорами – теми, кто связывает свою жизнь с интересами зарубежных стран и продвигает их внутри своих стран. Чаще всего под компрадорами понимают местную буржуазию, продвигающую иностранные товары на внутреннем рынке. Российская интеллигенция продвигает внутри страны исключительно идеи европейских политэкономов, социологов и философов: «Русская книжная интеллигенция действовала в этом случае, как действуют китайские компрадоры. Компрадор – это есть китайский купец, который монополизировал сбыт иностранных товаров в Китае. Он категорически против создания китайской промышленности, ибо китайская промышленность означает гибель его монополии. Он монополизировал сбыт американских автомобилей. Но если появятся китайские, то что он будет сбывать? Русская интеллигенция монополизировала сбыт иностранной идеологии в Россию и категорически срывала все попытки оформить наше собственное мировоззрение. Ибо если будет собственное, то куда она станет сбывать своих Вольтеров, Гегелей и Марксов? А ведь больше ничего у нее за душой и нет».

Подстрекательство к убийствам и революции: «Именно интеллигенция возвела убийство в систему политической борьбы. И никогда не забывайте того обстоятельства, о котором все наши историки, все наши публици-

сты, все наши философы молчат, как воды в рот набравши: систематическая вооруженная охота за носителями и слугами проклятого царского режима началась только после освобождения крестьян. Только после того, как политика монархии грозила вырвать из-под ног властителей дум всю их почву ненависти, злобы, изуверства и партийности. Пока существовало крепостное право и пока ставка на ненависть была реальной ставкой, ни на царей, ни на городских наша интеллигенция не охотилась».

Нетерпимость к оппонентам. Она вытекает из предыдущей особенности. Интеллектуальных дуэлей между интеллигентами и их оппонентами почти не было. Если у оппонентов интеллигенции основным оружием была сила аргументов, то у интеллигенции – аргумент силы. На стороне интеллигенции были средства массовой информации – газеты и журналы, которые обливали грязью оппонентов, называя их реакционерами, врагами прогресса, пещерными людьми и т. п. Впрочем, применяли силу и в буквальном смысле. Солоневич пишет: «Убивали вовсе не реакционеров – убивали тех, кто грозил интеллигенции эволюцией».

Часть III. Дополнения к Солоневичу.

Интеллигенты как западники и либералы. «Еврейский фактор»

Интеллигенты как западники

Среди важнейших особенностей интеллигенции Иван Солоневич, как мы показали выше, выделял игнорирование и даже презрительное отношение к русской культуре, истории, народу. Порой она даже смаковала наши неудачи и наши язвы. В то же время интеллиген-

цию отличало преклонение перед Европой (вообще перед Западом). Европа в их сознании ассоциировалась с цивилизацией, прогрессом, культурой, наукой, демократией. Восхищение интеллигентов Европой было слепым, они не хотели видеть в жизни Запада того, что, например, описывал в своем знаменитом произведении «Россия и Европа» русский мыслитель Николай Яковлевич Данилевский. Или Константин Николаевич Леонтьев в своей работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». На эту особенность некоторых отечественных деятелей книжного труда обращали внимание многие русские мыслители. Они порой не использовали слова *интеллигенция* при описании этой социальной группы. Но нет сомнения, что они рисовали портрет именно той интеллигенции, о которой говорил Иван Лукьянович Солоневич. Они акцентировали внимание на такой важнейшей особенности интеллигенции, которая позволяет в ее отношении использовать синоним *западники*.

Многие западники в России поначалу были стихийными, их ориентация на Европу была неосознанной. Первым осознанным западником принято считать Петра Чаадаева (1796–1854), который называл себя «христианским философом». В 1828–1830 годах он написал серию своих знаменитых «Философических писем» (всего восемь). В них он попытался обосновать преимущества Европы перед Россией и призывал отечественных читателей ориентироваться на «европейские маяки». Особенно убийственным было первое письмо, в котором автор доказывал, что в российской истории не было ничего хорошего, что страна выпала из христианского мира. Россия в представлении Чаадаева являла всему миру трагический урок, показывала другим странам, как не надо жить.

Следует сказать, что Чаадаев был первым сознательным западником не только по порядку, но и по качеству.

Чаадаев неплохо знал историю и философию. А главное, он постепенно стал отходить от своих жестких оценок России. Чаадаев, будучи по духу ближе к католикам, чем к православию (хотя формально он был в лоне Православной Церкви), позднее стал продвигать идею духовного взаимного дополнения православного Востока и католического Запада. А отставание России он стал трактовать как возможность для нее исполнить свою историческую миссию, избегая ряда ошибок Запада. Философские обоснования западничества после Чаадаева, время от времени появлявшиеся в России, выглядели крайне блекло на фоне его «Философических писем».

К первому поколению «идейных» западников кроме П. Чаадаева можно отнести В. С. Печерина и И. А. Ггарина, которых часто называют религиозными западниками, поскольку они тяготели к католицизму. Оппонентами этих и западников были ранние славянофилы (И. Киреевский, А. Хомяков, К. Аксаков).

Приведу ниже ряд цитат и фрагментов, раскрывающих западничество как важную особенность интеллигенции.

Я бы начал с нашего гениального поэта А. С. Пушкина (между прочим, товарища П. Я. Чаадаева). Он писал незадолго до своей гибели (октябрь 1836 года) Петру Яковлевичу по поводу пессимистических взглядов последнего на Россию: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться... ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»

А вот стихотворное описание Пушкиным типичного западника того времени¹:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,

¹ Точный адресат стихотворения неизвестен.

И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда полки бежали вскачь
И гибло знамя нашей чести.

Русский поэт и дипломат Ф. И. Тютчев. У Федора Ивановича много стихов, имеющих отношение к теме западничества. Но я бы особо выделил следующие строки:

Напрасный труд!
Нет, их не вразумишь:
Чем либеральней, тем они пошлее;
Цивилизация для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда,
Не слуги просвещения, а холопы.

А уж про его публицистику и переписку я и не говорю¹. Она переполнена наблюдениями, касающимися российских западников. Приведу как пример выдержку из письма Федора Ивановича дочери Анне (Аксаковой) от 26 сентября 1867 года: «...Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей... Раньше они говорили нам, и они действительно так считали, что в России им ненавист-

¹ См.: Федор Тютчев. Россия и Запад. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

но бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., что именно бесспорным наличием в ней всего этого им и нравится Европа... А теперь что мы видим? По мере того, как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. Они никогда так сильно не ненавидели прежние установления, как ненавидят современные направления общественной мысли в России. Что же касается Европы, то, как мы видим, никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации нисколько не уменьшили их расположения к ней... Словом, в явлении, о котором я говорю, о принципах как таковых не может быть и речи, действуют только инстинкты...»

О западниках писал также Федор Михайлович Достоевский – в своих романах и в «Дневнике писателя». Так, в романе «Братья Карамазовы» писателем выведен образ Смердякова – внебрачного сына Федора Павловича Карамазова, его лакея. Смердякову принадлежат слова: «Я всю Россию ненавижу... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки».

Федор Михайлович через образ Смердякова попытался показать еще одну особенность интеллигентов и западников – их лакейский дух. Смердяковщина – неотъемлемая черта наших интеллигентов. Не могу удержаться от того, чтобы не сравнить слова лакея Смердяков с высказыванием «интеллигентки» нашего времени Валерии Новодворской: «Если бы США напали на Россию, для нас это было бы хорошо. Для России лучше быть штатом США».

Интеллигенты как либералы

Одной из важнейших ипостасей феномена «интеллигенция» является либерализм. У многих русских мыслителей под интеллигентом понимался человек либеральных взглядов, или просто либерал. Либеральные взгляды – джентльменский набор идей, которые заимствованы на Западе. Идей прогресса, свободы, прав человека, цивилизации, демократии, науки, парламентаризма, рынка, толерантности, свободы совести, атеизма.

Ключевой здесь выступает идея свободы. Отсюда и название либерализма (*лат.* *liberalis* – свободный). Либералы акцентируют внимание на вопросе: свобода от чего? – Конечно, от христианства, религии, Бога. Свобода даже от каких-либо моральных обязательств. Либералы согласны оставить лишь обязательства юридического характера, прежде всего те, которые возникают на рынке. Но есть еще один вопрос: свобода ради чего? На него они внятно не отвечают, бормоча что-то насчет прогресса, прав человека, демократии и цивилизации.

Либерализм витал в воздухе в Европе еще во времена Ренессанса и уж тем более в эпоху Реформации. Но на научную и философскую основу либерализм был поставлен английским философом Джоном Локком¹ в XVII веке. В

¹ Джон Локк (1632–1704) – английский педагог и философ, представитель эмпиризма и выдающийся теоретик либерализма. Способствовал распространению сенсуализма. Его идеи оказали огромное влияние на развитие эпистемологии (теории научного познания) и политической философии. Он широко признан как один из самых влиятельных мыслителей Просвещения. Оказал большое влияние на Вольтера и Руссо, многих шотландских мыслителей Просвещения и американских революционеров. Его идеи нашли отражение в американской Декларации независимости. Теоретические построения Локка отметили и более поздние философы, такие как Давид Юм и Эммануил Кант. Локк постулировал, что ум является «чистой доской», то есть, вопреки декартовской философии, Локк утверждал, что люди рождаются без врожденных идей и что знание вместо этого определено только опытом, полученным чувственным восприятием.

своем сочинении «Два трактата о правлении» (1690) он сформулировал фундаментальные принципы либерализма. Своей работой Локк фактически закрепил успех только что свершившейся буржуазной революции. Он провозгласил принцип экономической свободы как право на личное владение и пользование собственностью. Не менее важным был принцип интеллектуальной свободы, включающей свободу совести. Ключевым в теории Локка является понятие естественного права: на жизнь, на личную свободу и на частную собственность. В наше время это понятие заменено на термин *права человека*. Основой стабильного общества, по Локку, является общественный договор. Его заключают граждане, делегируя часть своих полномочий государству и поручая ему защищать их естественные права. Многие рассматривают теорию и модель общества Локка как идеальную и отвечающую принципам справедливости, свободы и прав человека. Однако его сочинение «Два трактата о правлении» не является наукой (как это некоторые пытаются представить). Это идеологическое обоснование программы совершившей революцию английской буржуазии¹.

Локковские идеи либерализма подхватили отцы-основатели Соединенных Штатов и заложили их в конституцию Нового Света. Их стали развивать французские философы- «просветители», особенно Руссо, Вольтер, Монтескье. В частности, Руссо продолжил тему общественного договора, написав в 1762 году одноименное сочинение. Если Локк обосновывал и закреплял успех английской буржуазной революции, то «просветители» подготавливали почву для буржуазной революции во Франции. Свои философско-либеральные

¹ В своих взглядах Локк отстаивал интересы английской буржуазии, в частности, он не распространял свободу совести на католиков, а права человека – на крестьян и слуг. Локк также не одобрял демократию.

идеи они сумели выразить в виде лаконичной формулы «Свобода, равенство и братство». Она стала лозунгом на флаге французских революционеров. Под этим флагом и лозунгом революционеры совершали массовые убийства, проводили экспроприации имущества аристократии и прочих врагов революции, осуществляли гонения на несогласных, разрушали храмы. Как известно, наша императрица Екатерина II увлекалась либерально-философскими идеями французских «просветителей» и одумалась только после событий 1789 года. Но вирус либерализма из Франции попал в Россию, и он привел в конечном счете, к восстанию декабристов в 1825 году. Николай I осознал губительное действие вируса либерализма и боролся с ним как мог. Так продолжалось до восшествия на престол Александра II, когда джинн либерализма вновь вырвался на свободу.

Либерализм – явление не только российское, вирус его захватил в XIX веке всю Европу. Но либерализм в России конечно же имел свои особенности. Об этом мы можем узнать из работ русских писателей и иных мыслителей того времени. Приведем некоторые выдержки и цитаты.

Русский писатель Михаил Федорович Достоевский в романе «Идиот» довольно часто затрагивает тему либерализма и русских либералов. Свои мысли по поводу либерализма писатель вкладывает в уста одного из героев романа, которого звали Евгений Павлович Радомский¹. Вот три фрагмента из романа:

«...По моим многочисленным наблюдениям, никогда наш либерал не в состоянии позволить иметь кому-нибудь

¹ Автор романа так представляет своего героя: «Это был некто Евгений Павлович Р., человек еще молодой, лет двадцати восьми, флигель-адъютант, писанный красавец собой, “знатного рода”, человек остроумный, блестящий, “новый”, “чрезмерного образования” и – какого-то уж слишком неслыханного богатства».

свое особое убеждение и не ответить тотчас же своему оппоненту ругательством или даже чем-нибудь хуже...»

«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонаправленный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно, и нападаю на него, что русский либерал не есть русский либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую...»

«...В факте этом выражается вся сущность русского либерализма того рода, о котором я говорю. Во-первых, что же и есть либерализм, если говорить вообще, как не нападение (разумное или ошибочное, это другой вопрос) на существующие порядки вещей? Ведь так? Ну так факт мой состоит в том, что русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все. Если есть для него оправдание, так разве в том, что он не понимает, что делает, и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм...»

В этих высказываниях героя романа Достоевского звучат следующие три ключевые мысли: 1) в буквальном смысле русского либерализма нет, он весь пришел в Россию «оттуда»; 2) либералы нетерпимы к мнениям, отличным от их собственных взглядов; 3) либералы ненавидят Россию.

Русский философ и правовед Борис Николаевич Чичерин в 1862 году писал¹: «Русский либерал теоретически не признает никакой власти. Он хочет повиноваться только тому закону, который ему нравится. Самая необходимая деятельность государства кажется ему притеснением. Он... завидит на улице полицейского чиновника или солдата, и в нем кипит негодование. Русский либерал выезжает на нескольких громких словах: свобода, гласность, общественное мнение... слияние с народом и т. п., которым он не знает границ и которые поэтому остаются общими местами, лишены всякого существенного содержания. Оттого самые элементарные понятия – повиновение закону, потребность полиции, необходимость чиновников – кажутся ему порождением возмутительного деспотизма...» Чичерин вопрошает: «Откуда же все это происходит? Отчего против вас поднимается вопль в известном разряде журналистики? Оттого, что вы имели неосторожность или дерзость произнести некоторые слова, которые возбуждают колер в либеральных детях: государство, закон, чиновник, централизация. Мало того, вы даже не произносили слова “централизация”, но подозревают, что вы могли его произнести. Этого довольно: либеральные дети больше ничего не видят; зажмурив глаза и закусив удила, они стремглав кидаются вперед и победоносно ниспровергают ветряные мельницы».

А вот оценка либерализма, которая содержалась в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 1861 года: «Учиться или не учиться? Смешно и грустно, но мы должны задать этот вопрос. Россия нуждается в образованных людях, а студенты, вместо того чтобы слушать лекции, шатаются по улицам, без пользы растрачивая

¹ Чичерин Б. Н. Мера и границы // Наше время. 1862. № 11.

дорогое время. Как это досадно. Что это за демонстрации! Зачем наши либералы сбивают с толку молодых людей? Кто от этого выиграет? Конечно, не студенты, не общество, не наука. Не знаем, выиграют ли от этого те бонапартики, которые в настоящее время так шумят... “Если ты не с нами, так ты подлец” – вот их лозунг. “Если мы что признали истиной, признавайте и вы! А если не хотите, то вы дрянные пошляки, и мы с трудом удерживаемся от...” Нет, это не либерализм, это... настоящий тамерлановский деспотизм, а наши либералы – хуже турецких пашей; за их цветистыми речами, за их “свободой” – будущий зажим народа...».

Обратим внимание на то, что именно в 60-е годы позапрошлого века русские писатели, добросовестные ученые, иные представители русской элиты очень активно вскрывали разлагающую сущность либерализма. Это не случайно, поскольку в это время начинались реформы Александра II, которые сопровождались ослаблением государственных скреп. Либералы немедленно вышли из подполья, где они находились во времена Николая I (недаром они позднее злобствовали, называя его «Палкиным»). Либералы, естественно, не могли довольствоваться теми уступками, на которые пошел царь, и стали требовать новых послаблений. Они, в частности, выдвинули требование о введении в России конституции. А некоторые наиболее радикальные либералы уже ставили под сомнение целесообразность самой монархии. Появились лозунги республики и парламентаризма. Либералов 1860-х годов в нашей литературе принято называть шестидесятниками. Яркий образ такого шестидесятника – Базаров из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». В спорах с Павлом Петровичем Кирсановым он полностью отрицает «принципы», на которых стоит старшее поколение. Острой

критике и неприятию Базарова подвергается все: искусство, красота, общественное устройство, любовь, семья. На испуганный вопрос Кирсанова, неужели Евгений отрицает все абсолютно, тот спокойно отвечает: «Да». Шестидесятники в своей массе были нигилистами, похожими на Базарова, появившимися в обществе на волне реформ Александра II.

На смену шестидесятникам пришли семидесятники, потом восьмидесятники и т. д. Каждое новое поколение либералов захватывало новые плацдармы. Либералы начала XX века уже требовали свержения царя, парламентской республики и даже социализма. А голоса русских патриотов, противников либерализма, с каждым десятилетием звучали все слабее.

Идеи либерализма захватывали не только ту часть общества, которую Солоневич называл второстепенными работниками книжного труда (они, по определению, изначально были либералами и лишь время от времени меняли свои либеральные «убеждения» сообразно моде). Либерализм заражал также учащуюся молодежь, людей науки и искусства и даже некоторую часть священства. Что касается искусства, то творческая интеллигенция стала активно эмансипироваться от русской культуры, русских традиций и даже от реального мира. Появились новые революционные формы в виде символизма, так называемого русского авангарда и модернизма. Все это окрестили Серебряным веком или русским Ренессансом.

Лишь события Первой мировой войны и трех так называемых «русских» революций привели в чувство некоторую часть нашей элиты, которая осознала разрушительную роль либеральных идей.

Так, поэт Александр Блок (1880–1921), находившийся в молодости под влиянием некоторых модных либе-

ральных идей, в мае 1918 года заявил: «Я – художник, следовательно, не либерал»¹.

Случались преобразования и с философствующими либералами. К таковым, без сомнения, можно отнести уже упоминавшегося нами Петра Яковлевича Чаадаева. Однако во второй половине своей сознательной жизни он отошел от своего радикального западничества и либерализма. Вот к какой жесткой оценке либерализма он в конце концов пришел: «Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце Запада».

Увы, такие прозрения либералов были единичными.

В заключение темы «интеллигентны как либералы» приведу выдержку из статьи современного белорусского автора Льва Криштаповича «Народная интеллигенция и “либеральная интеллигенция”»². В данной работе под народной интеллигенцией автор понимает практически ту же социальную группу, которая у Солоневича относится к созидательной (творческой) интеллигенции. А либеральная интеллигенция соответствует тем, кого Иван Лукьянович называет второстепенными работниками книжного труда. Лев Криштапович дает портрет современного либерального интеллигента, обитающего как в России, так и в Белоруссии (особых различий нет): «Сущностная черта всех “либеральных интеллигентов” – претензия поверхностную эрудицию выдавать за серьезное исследование. Говоря словами видного американского психолога Эверетта Шострома, они не изучают жизнь, а собирают коллекцию умных вещей, слов, изречений, чтобы с ее помощью пускать читателям пыль

¹ Блок А. Что сейчас делать? (13 мая 1918 г.).

² Криштапович Л. Народная интеллигенция и «либеральная интеллигенция» // Интернет. Режим доступа: <http://politobzor.net/show-101356-narodnaya-intelligenciya-i-liberalnaya-intelligenciya.html>.

в глаза. Все эти якобы талантливые люди талантливы в одном – в неумемном желании выглядеть остроумными. А поэтому они всегда выглядят глупыми...». Указанная черта современного интеллигента – та же, которую заметил и выделил Иван Солоневич у дореволюционного интеллигента, – коллекционирование цитат.

Продолжу далее цитату из статьи Криштаповича¹: «Еще одна черта “либеральной интеллигенции”. Она считает себя европейской и цивилизованной. Но парадокс в том, что эти “европейцы” и “цивилизаторы” абсолютно не знают азов подлинной европейской демократии. Чтобы быть действительно демократом, мало повторять фарисейские фразы западноевропейских политиков о демократии. Нужно уметь нечто большее – трудиться. “Труд, – по мысли настоящего европейского демократа Руссо, – есть неизбежная обязанность для человека, живущего в обществе. Всякий праздный гражданин – богатый или бедный, сильный или слабый – есть плут”. А вот трудиться “либеральная интеллигенция” как раз не хочет. Она предпочитает положение праздного пустослова, занимающегося оправданием плутократов и сугубо антирусских персонажей типа чубайсов, фридманов, абрамовичей, потаниных и им подобных. Отсюда не случайно раболепие “либеральной интеллигенции” перед западными ценностями, которые, в сущности, являются ценностями насильников и дармоедов». Замечу, что современная либеральная интеллигенция, в отличие от той, дореволюционной, которую описывал Солоневич, не стесняется выступать в качестве обслуги разных плутократов. Даже гордится этим.

Напомню, когда выше мы давали обзор основных особенностей интеллигенции по Солоневичу, то одной

¹ Там же.

из них Иван Лукьянович назвал повышенный интерес к тайнам экономической науки. Это был портрет интеллигента начала XX века. Сегодняшний интеллигент в неизмеримо большей степени озабочен проблемами рыночной экономики. Они его волнуют несравненно больше, чем любые философские теории, даже самые модные. Вот что по поводу экономических увлечений современного интеллигента (как российского, так и белорусского) пишет Лев Криштапович¹: «Нетрудно убедиться, что именно эта “либеральная интеллигенция” является инициатором проведения рыночных реформ в России и Белоруссии. “Личности с рыночным характером, – отмечал крупный мыслитель XX века Эрих Фромм, – не имеют даже своего собственного “я”, на которое они могли бы опереться, ибо их “я” постоянно меняется в соответствии с принципом – “я такой, какой я вам нужен”...»

Для народного интеллигента рынок – это место, с которым приходится иметь дело по необходимости, точно так же как по необходимости человек отправляет свои естественные потребности. Для “либерального интеллигента” рынок ассоциируется со всем миром, где нет людей, а есть только продавцы и покупатели, и где он сваливает в одну кучу мелкие страстишки своей умственной деятельности и охраняет их в качестве своей священной частной собственности.

Народный интеллигент имеет трезвую голову на плечах и доброе сердце в груди. Он не признает идеала золотой лихорадки, его принцип: “Кто не в Бога богатеет, тот недостоин звания человека”. “Либеральный интеллигент” мыслит и чувствует как шекспировский Шейлок. Сколько стоит жизнь человека? Столько же, сколько фунт мяса на рынке. Вот его понимание прав и свобод человека...

¹ Там же.

Для народного интеллигента деньги – средство, а не цель жизни. “Либерал” же – это вечно озабоченный манипулятор, запрограммированный лишь на одну функцию – добывание денег. Его жизненный интерес – это денежный интерес, то есть интерес, направленный на скорейшее обезличивание и превращение себя в денежный знак. Вот почему “либеральный интеллигент” – это не личность, а своеобразный товар, цель которого – поскорее избавиться от индивидуальных различий и раствориться во всеобщем эквиваленте. “Либеральный интеллигент” с его апологией частного, акцидентального, мамонистского неизбежно культивирует в личности презрение к общественному, государственному, человеческому. Какие могут быть высшие ценности? Какой может быть великий русский народ? – недовольно вопрошает “либерал”. И отвечает: все это утопия, совковость, есть только одна ценность – доллар. “Либерал” рассматривает себя исключительно как некую безличную силу, предназначенную для наживы. Не случайно Эверетт Шостром вынужден был признать, что бизнес и личность – вещи несовместимые, ведь в бизнесе личность – это уже не столько личность, сколько машина для делания денег».

Одной из наиболее ярких и глубоких публикаций по теме «интеллигенция и либерализм» последнего времени является статья Вадима Нифонтова «“Русский либерал” как религиозный тип». Приведу выдержку из этой работы: «“Русский либерал” – это в 99 % случаев вовсе не либерал в нормальном понимании, то есть сторонник некоей осмысленной политико-экономической программы. Нет, “русский либерал” – это тип тоталитарной личности, это религиозный фундаменталист, попросту пользующийся либеральной риторикой, потому что это ему сейчас “как бы” выгодно. Если завтра ему выгодны будут коммунизм, фашизм, некрозоопедофилия или идеи чучхэ, то все вче-

рашние “либералы” толпой прибегут в эту веру и немедленно займут там все лучшие места»¹. Окончательный вывод автора таков: русский либерализм – тоталитарная секта интеллигенции, секта религиозных фанатиков. Справедливости ради следует отметить, что автор не относит всех либералов к разряду сектантов и религиозных фанатиков. По его мнению, существуют просто либералы, или настоящие либералы. Но это уже вымирающий тип либералов, которых можно заносить в красную книгу. Автор как профессиональный специалист по сектам описывает основные признаки секты либеральной интеллигенции: закрытость, тоталитарность, фанатизм, иерархичность и т. д. Вот, что он, например, пишет об иерархичности: «Как всякая тоталитарная религиозная секта, “русский либерализм” обладает иерархией, хотя она выражена и не очень ярко. Наверху стоят “властители дум” (своего рода “волхвы” или “шаманы”), от которых часто зависят даже политические решения государства. Средний уровень представлен прагматичными либеральными функционерами от идеологии, которым их деятельность на ниве “псевдолиберализм” часто приносит прямой доход. Нижний уровень – бескорыстные приверженцы учения, создающие “массовку” и демонстрирующие “укорененность” учения в обществе»². По многим признакам сообщество либеральных интеллигентов в современной России, как считает Нифонтов, напоминает *гностическую секту манихеев*³.

¹ Нифонтов В. «Русский либерал» как религиозный тип // Интернет. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article9735.htm>.

² Там же.

³ Манихейство – синкретическое религиозное учение, возникшее в III веке в государстве сасанидов (на территории современного Ирака). Названо по имени своего основателя – Мани с добавлением эпитета «живой». Учение Мани было составлено в основном из христианско-гностических представлений, опиравшихся на специфическое понимание Библии, однако со временем впитало большое число заимствований из других религий – зороастризма и буддизма – по мере

«Еврейский фактор»

Понять западничество и либерализм российской интеллигенции достаточно сложно без учета так называемого «еврейского фактора». Прежде всего следует обратить внимание на такую тенденцию, как бурный рост еврейского населения в Российской империи во второй половине XIX века. В 1864 году, не считая Польши, в России жили 1, 5 миллиона евреев. С Польшей же в 1850 году – 2, 3 миллиона, в 1880 году – около четырех миллионов. К концу XIX века еврейское население в России за столетие выросло больше, чем в пять раз, и составляло около 51 % от мирового еврейства¹.

Евреи, в отличие от русских и большинства других народов, проживавших на территории Российской империи, еще в XIX веке были поголовно грамотными. Правда, грамотность эта сильно отличалась от грамотности русских и других народов России. А. Буровский по этому поводу пишет: «Слово “образованный” применительно к еврею следует разьяснить – ведь этот народ был грамотен поголовно. Но ведь можно быть “образованным по-еврейски”, то есть знать сочинения еврейских философов и богословов, но совершенно не читать Пушкина, Толстого и Фета, не знать ни таблицы умножения, ни истории, ни анатомии, ни географии...»². Еще

проповеди в странах их распространения. Манихейство претендовало на то, чтобы вытеснить все религии и стать мировой религией. Однако, по определению Е. Б. Смагиной, манихейство стало не мировой религией, а «мировой ересью» (Смагина Е. Б. Манихейство: по ранним источникам. М.: Вост. лит., 2011). Остатки манихейства сохранились в некоторых странах в виде сект.

¹ Аксючиц В. Исход еврейской молодежи // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/5248.html>.

² Буровский А. Евреи, которых не было: В двух книгах. Книга 2. М.: ООО «Издательство АСТ»; Красноярск: ООО КИ «Издательские проекты», 2004. С. 141.

в середине XIX века почти все еврейские дети получали образование в специальных еврейских школах – хедерах, где говорили и писали на своем языке (идиш), а русский язык для них был, по сути, иностранным. Однако уже в начале XX века 36 % всех еврейских детей учились в светских школах, умели читать и писать по-русски¹. Были ослаблены ограничения для обучения еврейской молодежи в высших учебных заведениях. Более того, в силу умения евреев обходить ограничения доля еврейской молодежи в общей численности студентов в конце XIX века значительно превышала долю евреев в общей численности населения Российской империи. Система российского образования стала источником пополнения российской интеллигенции за счет евреев.

Уже не приходится говорить о том, что многие даже внешне ассимилированные евреи сохраняли свою культурную специфику и обладали повышенной социальной и политической активностью. Они стали мощным фактором, определяющим настроения всей российской интеллигенции. В XIX веке начала складываться еврейская интеллигенция, которая находила общий язык с интеллигенцией русского происхождения, происходило их сближение. Фактически, по мнению некоторых авторов, происходило формирование единой *русско-еврейской интеллигенции*.

Об этом феномене русско-еврейской интеллигенции написано немало книг как еврейскими, так и русскими авторами. Среди еврейских авторов можно выделить Ю. И. Гессена («История еврейского народа в России» в двух томах); Д. С. Пасманика («Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм)»); М. А. Кроля («Страницы моей жизни»); Б. Г. Слиозберга («Дела минувших дней. Записки русского еврея» в трех томах); И. М. Би-

¹ Там же. С. 143.

кермана («Россия и русское еврейство»); Д. Маркиша («О еврейской ненависти к России») и других.

Из русских авторов можно назвать Ф. М. Достоевского («Дневник писателя»); Н. С. Лескова («Евреи в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу»); В. В. Шульгина («Что “нам” в “них” не нравится»); А. Дикого («Русско-еврейский диалог»); А. С. Солженицына («Образованщина», «Двести лет вместе»); И. Р. Шафаревича («Русофобия»); Андрея Буровского («Евреи, которых не было») и многих других.

Остановимся на работе последнего из названных авторов – «Евреи, которых не было». В ней Андрей Буровский пытается непредвзято понять, что такое еврейская интеллигенция в России. Пытается сделать это максимально объективно, находясь, образно выражаясь, поверх барьеров. Обозначим некоторые тезисы указанной работы¹. При необходимости будем подкреплять тезисы цитатами других авторов.

Первое. Подавляющая часть евреев, проживавших на территории Российской империи, находились в весьма бедственном социально-экономическом положении. Буровский описывает удручающе неприглядную жизнь «местечковых» евреев. Даже их хваленая поголовная грамотность была очень односторонней, она предполагала знание лишь еврейских авторов, а также основ религии талмудического иудаизма. Наиболее активные и способные члены еврейского сообщества пытались повысить свой статус, вырвавшись за пределы черты оседлости и душной атмосферы кагала. Даже ценой ассимиляции в среде коренного русского народа. Ассимиляции даже не столько кровной, сколько культурной.

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из книги: Буровский А. Евреи, которых не было: В двух книгах. Книга 2. М.: ООО «Издательство АСТ»; Красноярск: ООО КИ «Издательские проекты», 2004.

«В этой обстановке в еврейской среде появились ярко выраженные ассимиляционные тенденции. Соблазн более высокой культуры не в первый раз вел иудеев в этом направлении. Уже две тысячи лет назад он делал их ассимилянтами эллинизма и Римской империи. Сейчас в Российской империи евреи двинулись “по тому направлению, которое при аналогичных условиях привело интеллигентных евреев Западной Европы к односторонней ассимиляции с господствующим народом”»¹.

Второе. Вместе с тем культурная ассимиляция в среде коренного русского народа была для евреев делом крайне сложным. Истинная русская культура была для них малопонятной. А иногда вызывала даже неприятие. Одновременно и большинство сословий русского народа достаточно настороженно относились к евреям, которых воспринимали как чужеродное тело в теле русского народа и русской культуры.

Третье. Лишь одно сословие коренного народа было понятно евреям. Это была русская (российская) интеллигенция. Данная социальная группа русского общества была пропитана духом космополитизма и либерализма, который оказался близким той части еврейства, которая осознанно стремилась к ассимиляции. Российская интеллигенция (в отличие от других слоев коренного народа) не имела никаких предрассудков и подозрений в отношении той части еврейского сообщества, которая хотела ассимиляции. Она даже выступала ходатаем евреев, требуя от правительства предоставления «малому народу» всех прав и снятия всех ограничений.

Четвертое. Для еврея ассимиляция в социальной группе интеллигенции была делом сравнительно не-

¹ Здесь Буровский цитирует фрагмент книги А. И. Солженицына «Двести лет вместе (1795–1995)» (часть 1).

сложным, поскольку ее представители – работники книжного труда (по определению Ивана Солоневича). А еврей еще две тысячи лет назад прекрасно понимал, что такое книжный труд. В Иудее это было изучение книг, содержащих закон и пророков. Интеллигенты были уже в древнем еврейском обществе. Назывались они фари-сеями, законниками, книжниками. Так что еврей даже лучше русского понимал, что настоящий интеллигент – это книжник. Буровский пишет: «...отношение к книге как священному предмету, к знанию, как к священной ценности, к учению, как процессу восхождения к свя-тости очень типично для иудаизма. Это отношение лег-ко может переноситься со священных книг иудаизма на любые другие книги, с обучения Талмуду на любое дру-гое учение... Что и происходит у части евреев в середи-не – конце XIX века в России».

Пятое. Сказанное выше стало причиной бурного процесса пополнения социальной группы российской интеллигенции за счет евреев. Доля евреев в общем ко-личестве членов «ордена интеллигенции» быстро рос-ла (в немалой степени благодаря ослаблению режима черты оседлости евреев). Российская интеллигенция с 70–80-х годов XIX века стала превращаться в русско-еврейскую интеллигенцию¹.

Шестое. Подобно тому как русская интеллигенция была далека от русского народа, так и новоявленные ев-рейские интеллигенты оказались бесконечно далекими от основной массы еврейского народа, проживавшего в Российской империи. Буровский оценивает числен-ность «еврейских “европейцев”» в России в 200 тысяч человек, а количество местечковых евреев – в 5 миллио-

¹ В российской интеллигенции кроме русских и евреев были также сравнительно незначительное число немцев, татар и некоторых дру-гих народов, населявших Российскую империю.

нов. Изначально единый еврейский мир в конце XIX – начале XX века окончательно разделился на два мира. Буровский пишет: «Первой частью еврейской России была еврейская интеллигенция, еврейские европейцы России. Второй был еврейский народ. У этих двух частей ашкенази был разный образ жизни, разное поведение, разные взгляды на жизнь и разная историческая судьба... У них были даже разные языки, чего все-таки не было даже у русских». Итак, за некоторыми исключениями у еврейского народа произошел почти такой же раскол, как у русского.

Седьмое. Никаких особых противоречий и конфликтов между русской и еврейской частями российской интеллигенции замечено не было. Вместе с тем различия между ними все-таки были. Буровский пишет: «Впрочем, помимо колоссальной общности взглядов и вкусов были и некоторые различия. Например, в отличие от русской интеллигенции, крайне разнообразной по своим политическим взглядам, еврейская интеллигенция практически вся была левой, устойчиво придерживалась “прогрессивных” убеждений». Здесь следует несколько уточнить тезис Буровского. В среде русской интеллигенции проявление правых взглядов было анахронизмом. Такие взгляды, как справедливо писал Иван Солоневич, приводили к исключению человека из «ордена интеллигентов», он получал уничижительные звания ретрограда, врага прогресса, консерватора и т. п. Речь идет скорее о другом. В среде русской интеллигенции был очень высокий процент так называемого балласта. То есть тех второсортных работников книжного труда (определение Ивана Солоневича), которые предпочитали отсиживаться, отмалчиваться и боялись, как бы чего не вышло. По своим убеждениям (если у них были вообще какие-то убеждения) они были

«либералами», «левыми», «демократами», но большой активности (умственной и социальной) не проявляли. Кстати, Буровский сам приводит в своей книге факты, подтверждающие такую бесхребетность и инертность значительной части русской интеллигенции. Представители еврейской интеллигенции были социально и политически гораздо более активными.

Восьмое. Буровский выявляет еще одно отличие двух ветвей российской интеллигенции: «И еще одно исключительно важное различие: русская интеллигенция никогда не относилась к самой себе так восторженно, как еврейская и к самой себе, и к русской». Буровский иронично пишет, что представители еврейской интеллигенции отныне избранным народом стали называть российскую интеллигенцию, а вождями этого избранного народа – самих себя.

Девятое. Евреи-интеллигенты вновь обрели давно утраченное ощущение избранности. Буровский добавляет: «Мало сказать, что образованные евреи ценили или любили русскую интеллигенцию. Нет, этого мало сказать! Евреи хотели принадлежать к интеллигенции, войти в интеллигенцию, считали самих себя природными интеллигентами. Были даже евреи, которые не в шутку обижались, когда весь еврейский народ отказывались поголовно признавать интеллигенцией!» Итак, евреи-интеллигенты вновь предлагают сделать всех евреев избранным народом (себя при этом они видят вождями этого будущего избранного народа). Однако эта избранность определяется не религиозной принадлежностью к учению Моисея или талмудическому иудаизму. Новая еврейская элита выступает за то, чтобы все евреи поголовно эмансипировались от своего культурного и религиозного наследия и стали классом интеллигенции. Для них (евреев-интеллигентов) идеи

французских философов- «просветителей» или учение Карла Маркса намного ближе и понятнее, чем мифология Торы и древнееврейских пророков. Иудаизм для «еврейских европейцев» из религии превратился в историю, культуру, традицию. А настоящей религией стали философские теории материализма, рационализма, атеизма. С учетом своего нового мировоззрения еврей-интеллигенты постоянно выдвигали политические лозунги полной отмены черты оседлости, получения евреями всех прав коренного народа, пресечения любых форм антисемитизма, поголовного светского образования для евреев и т. д. и т. п.

Десятое. При позитивном и даже восторженном отношении к русской интеллигенции представители еврейской ветви «ордена интеллигентов» демонстрируют пренебрежительное и высокомерное отношение к русскому народу, противостоящему русской интеллигенции. В первую очередь речь идет о крестьянстве. В этом еврейские интеллигенты существенно отличаются от русской интеллектуальной элиты. Хотя последняя страшно далека от народа, однако она постоянно на словах радеет за простого человека и обличает власти за то, что они угнетают русский народ. Очевидно, что в этом радении много фарисейства, но откровенного презрения к русскому народу русская интеллигенция почти никогда не демонстрировала. Буровский пишет: «Опыт свидетельствует, что большинство евреев вообще-то невысокого мнения о русском народе. Мы до них, что называется, недотягиваем: слишком уж неумны, недостаточно активны, и к тому же слишком уж любим всякие глупости: березки там разные, равнины, над которыми несется ветер от Черного моря до Балтики, красные стены Кремля, серо-черные скалы Босфора и прочую патриотическую дребедень. Слишком интеле-

ресуемся своими предками и своими царями, придаем слишком уж большое значение всяким вооруженным дуракам, которые (нет бы сидеть тихо и читать Талмуд!) зачем-то брали то Измаил, то Берлин, то Париж, а евреям от этого одни неприятности. Для евреев мы недостаточно интеллигентны... Поразительно, сколько хороших слов может сказать еврейский интеллигент об интеллигенции и сколько гадостей тут же наговорить о “народе”, в первую очередь о крестьянстве». А вот оценка русского народа, данная еврейским интеллигентом Померанцем: «Народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая. Окунать в народ – значит окунать в пустоту. Это испытание, которое может выдержать разве святой, а не спасение для слабого»¹.

Одиннадцатое. Русский интеллигент бесконечно далек от народа, но он этого либо не понимает, либо не хочет эту удаленность афишировать. Он везде повторяет одну и ту же мантру: мол, надо идти в народ, быть с народом и даже быть частью народа. Если же заглянуть внутрь русского интеллигента, то картина другая: «Интеллигенция осознает себя не народом, а чем-то находящимся вне народа». Но вот евреи не испытывают какого-то комплекса по поводу того, что они стремятся быть над народом: «Классическая формула “интеллигенция и народ” очень понятна евреям и находится у них полное сочувствие». Они ведь современные книжники, а еще в древней Иудее книжники были духовными вождями народа.

Двенадцатое. Отчасти различия между еврейской и русской частями российской интеллигенции Буровский

¹ Померанц Г. С. Неопубликованное. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972. С. 102.

объясняет тем, что большинство евреев были интеллигентами лишь в первом поколении, процесс их культурной ассимиляции не был завершен, он только начинался. Он, в частности, пишет: «Во всех странах Европы евреи – недавние граждане. В Российской империи даже такие интеллектуалы, как С. Дубнов или Л. Пастернак, имели всего лишь дедов, крайне далеких не только от образа жизни европейского интеллектуала, но и вообще от любых областей русской жизни. Да, предки Дубнова, Маршака, Мандельштама, Пастернака, Гаркави жили в России века, быть может, и тысячелетия. Очень может быть, их предки жили в России еще до того, как она стала Россией, – например, если их отдаленные предки жили в колониях античных евреев в Крыму или на Черноморском побережье. Но, живя на территории России еще до русских, они не имеют никакого отношения к большей части истории России...».

Тринадцатое. Еврейская часть интеллигенции гораздо более решительна в деле социального преобразования России. Эта особенность (радикализм, склонность к революции) проистекает из культуры, менталитета и истории евреев. Она отпечаталась в генетическом коде новоявленных еврейских интеллигентов, даже светское образование не повредило этого кода. Буровский пишет: «...У евреев есть и более глубинные, если хотите – ментальные, духовные причины для поддержки идей демократии, секуляризма, прав человека». Он раскрывает происхождение этих идеалов еврея-интеллигента¹. Особое место в ряду этих идеалов занимает принцип социального равенства: «Торжество общинной демократии, уравнивание всех в правах, создание единообразного социалистического общества есть религиозная ценность иудаизма. Даже уплата налога на содержание Ие-

¹ См.: Буровский А. Указ. соч. С. 148.

русалимского храма здесь очень характерна: независимо от богатства еврея он должен давать одну сумму – полшекеля. Больше давать и брать нельзя! Так утверждает ценность экономического равенства, одинаковости перед лицом Бога». Удивительно, но революционные принципы, провозглашаемые еврейскими интеллигентами, вполне вписываются в религиозное мировоззрение еврея: «...он может быть социалистом и коммунистом, вовсе не порывая с национальными традициями евреев ашкенази и с иудаизмом. Более того: становясь либералом, демократом, революционером, он всего лишь исповедует одну из ценностей своей веры, и только». А вот русскому интеллигенту, предки которого исповедовали Православие, стать революционером намного сложнее. Ведь революционная идеология вступает в прямое противоречие с учением христианства. Русскому интеллигенту надо, выражаясь словами А. П. Чехова, по капле выдавливать из себя остатки христианства. Ведь русского интеллигента ждут «великие дела» – свержение монархии, уничтожение традиционных сословий России, отмена религии и построение, вопреки христианскому учению, земного рая.

Четырнадцатое. Уверенность в необходимости радикальных преобразований не останавливает еврея-реформатора от социальных преобразований, какой бы ни была их цена: «Когда еврей вполне серьезно предлагает провести какой-нибудь жуткий социальный эксперимент или пытается организовать нам какое-нибудь прегнусное “революционное преобразование общества”, он, как правило, действует вполне искренне. Он честно считает, что так будет намного лучше и что сопротивляться этим идеям может только или негодяй, или дурак».

Из этого и вытекает хорошо известный всем факт очень высокого процента участия в «русских» револю-

циях начала XX века и большевистских преобразованиях первых лет после Октября 1917 года евреев (притом в подавляющем большинстве – светски образованных, причисляющих себя к интеллигенции). Коммунист Лурье-Ларин свидетельствовал: «В царских тюрьмах и ссылке евреи обычно составляли около четверти всех арестованных и сосланных». Марксистский историк М. Н. Покровский утверждал, что «евреи составляли от 1/4 до 1/3 организаторского слоя всех революционных партий». Даже либерал С. Ю. Витте признавал, что евреи, составляя 5 % населения России, поставляли 50 % революционеров¹. Особых революционных заслуг еврейской интеллигенции не отрицают и многие еврейские политики и писатели. Так, член Государственной думы Мейер Бомаш в 1916 году заявил: «Мы не раскаиваемся, что евреи участвовали в освободительной борьбе... Они боролись за вашу свободу»². В марте 1917 года известный еврейский юрист О. О. Грузенберг обратился к руководителям Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов со следующими словами: «Мы щедро отдали революции огромный процент нашего народа – почти весь его цвет, почти всю его молодежь...»³

Мало того, что еврейская интеллигенция выступала ударным отрядом так называемых «русских» революций. Она своим революционным энтузиазмом заражала и ту часть интеллигенции, которая формально была русской. Как писал в эмиграции русский философ Георгий Федотов (1886–1951), для еврейского интеллигента «русская революция есть дело всеобщего осво-

¹ См.: Аксютин В. Исход еврейской молодежи // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/5248.html>.

² Цит. по: Буровский А. Указ. соч. С. 156.

³ Цит. по: Буровский А. Указ. соч. С. 156.

бождения. Его ненависть к царской и православной России не смягчается никакими бытовыми традициями. Еврейство сразу же занимает в русской революции руководящее место. Идеино оно не вносит в нее ничего, хотя естественно тяготеет к интернационально-еврейскому марксизму... но на моральный облик русского революционера оно наложило резкий и темный отпечаток»¹.

Слой русско-еврейской интеллигенции на рубеже XIX–XX веков стремительно превращался в мощный тротильный заряд русско-еврейских революционеров. Уничтожив монархию и объявив о диктатуре пролетариата, русская и еврейская революционная интеллигенция продолжали оставаться единым идейным и политическим блоком и продолжали свой эксперимент по радикальному преобразованию России (фактически ее полному уничтожению). Более того, интеллигенция попыталась использовать советскую Россию в качестве плацдарма для революционного преобразования всего мира (идея перманентной мировой революции, озвученная «интеллигентом» Львом Троцким). Сталину удалось поставить заслон этому эксперименту. Для этого ему пришлось нанести мощный удар по русско-еврейской интеллигенции. В современной либеральной литературе этот удар обычно называют сталинскими репрессиями. Русско-еврейская интеллигенция в привычном смысле слова исчезла. А что такое советская интеллигенция, которая участвовала в строительстве СССР? «Теперь это только категория работников умственного труда или верхушка образованного класса», – заключает Г. Федотов².

¹ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Интернет. Режим доступа: http://gondolier.ru/154/154fedotov_1.html.

² Там же.

«Малый народ»

После смерти Сталина началось восстановление исчезнувшего на некоторое время слоя русско-еврейской интеллигенции. Конечно, в этом слое были не только представители русского и еврейского народов, были там и грузине, и армяне, и украинцы, и прочие народы нашей многонациональной страны. Современный русский мыслитель академик Игорь Ростиславович Шафаревич назвал это сообщество *малым народом* (работа «Русофобия»).

Строго говоря, термин *малый народ* был придуман не Шафаревичем. Концепция малого народа была выдвинута французским историком Огюстеном Кошеном (1876–1916) в его работе «Малый народ и революция»¹. Он изучал Великую французскую революцию и обратил внимание на ее наиболее активный движущий слой, идейно подготовивший революцию, который и назвал малым народом. Французская революция была, согласно теории Кошена, следствием определенных процессов, происходивших в общественном сознании. Экономические причины революции были производны от причин, связанных с изменениями в сфере духовно-нравственной и интеллектуальной жизни общества. В состав малого народа, по Кошену, входила интеллектуальная элита, в первую очередь философы. Это были не чудачки и отшельники, созерцавшие социальный мир Франции или даже обличавшие его недостатки. С середины XVIII века началась их консолидация в ядро, которое представляло собой систему обществ, включая масонские ложи. Ядро это оторвалось от органической жизни французского *большого народа*, но при этом стало настойчиво навязывать ему свои идеи и ценности. Продолжением этой системы после 1789 года стала сеть революционных клу-

¹ Кошен О. Малый народ и революция. М.: Айрис-Пресс, 2003.

бов, которая фактически и осуществляла власть в эпоху революции от имени большого народа. Форма власти малого народа – демократия, а средство захвата и удержания власти – террор¹.

Малый народ проявлялся и в других революциях и социальных катаклизмах, но наиболее ярко – в России. И. Р. Шафаревич изучал этот феномен, в первую очередь применительно к России советского периода. Малый народ фактически правил советской Россией в первое десятилетие после переворота 1917 года. Вторая его жизнь в СССР, как мы отметили выше, началась после смерти Сталина; полностью власть в Советском Союзе он захватил в 80-е годы прошлого века. Указанный народ – прослойка дегенеративная, предательская, компрадорская, не способная на созидание, порождающая стагнацию и деструкцию. Малый народ – носитель революционного духа, ему нужны великие потрясения, эволюция ему претит. Почему? – Потому что эволюционные преобразования требуют терпения, постоянной работы, творчества, а он на это не способен. И у Кошена, и у Шафаревича мы можем найти еще некоторые особенности малого народа. Например, двойную мораль. Одну – для своих, то есть для внутреннего употребления. Другую – для внешнего мира, то есть для общения с большим народом. Среди многих свойств малого народа в СССР академик особо выделил *руссофобию*. Руссофобия, согласно словарям, – предвзятое, подозрительное, неприязненное, враждебное отношение к России и/или к русским². Впервые этот термин использовал рус-

¹ См.: Чудинов А. В. Огюстен Кошен и его вклад в историографию Великой Французской революции // Французский ежегодник 1987. М., 1989. С. 220–239.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. Примечательно, что в словарях русского языка термин *руссофобия* стал появляться с середины 1930-х годов. А с середины 1950-х он стал исчезать.

ский поэт Ф. Тютчев в своем незавершенном трактате «Россия и Запад» (1848–1849)¹.

Чаще всего русофобию определяют как частный случай ксенофобии, специфическое направление в этнофобии. Вместе с тем, по мнению некоторых авторов, русофобия, в отличие от большинства других национальных фобий, часто выступает как цельная идеология, то есть как особый комплекс идей и концепций, имеющий свою структуру, систему понятий, историю генезиса и развития, а также свои типичные проявления². Кстати, примерно на таких же позициях стоит академик Шафаревич.

Некоторые толкователи Шафаревича полагали, что под малым народом академик имел в виду исключительно евреев. Нет, он имел в виду особый слой второсортных работников книжного труда, в который вливались представители разных этносов, но там происходила их окончательная денационализация.

Вот что пишет по поводу малого народа Андрей Фефелов: «Тысячу раз прав был академик Игорь Шафаревич, создавший теорию “малого народа”. В своей знаменитой книге “Русофобия” Игорь Ростиславович подчеркивал, что открытый им феномен “малого народа” не имеет ярко выраженного этнического окраса. В “малый народ”, по Шафаревичу, может войти кто

¹ Тютчев акцентировал внимание на внешнеполитическом аспекте русофобии. Сергей Лобанов пишет: «... Само это понятие возникло у Тютчева не случайно. В это время на Западе усилились настроения, направленные против имперской политики России и русских. Тютчев исследовал причины такого положения. Они виделись ему в стремлении европейских стран вытеснить Россию из Европы если не силой оружия, то презрением» (Сергей Лобанов. Федор Тютчев: Русофобия против империи // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/analit/rusideo/tutchev.htm>).

² Олег Неменский. Русофобия как идеология // Вопросы национализма № 13, 2013.

угодно: и еврей, и грузин, и азербайджанец, и русский. В формировании этой общности важны не кровь, не происхождение, не корни, но особая социальная психология, завязанная на желании не только противопоставить себя большинству, но и на глубинной претензии подчинить это большинство своим семейным, клановым, групповым интересам. Принцип “этих людей” – доминировать любой ценой. Как правило, такой ценой является деградация и упадок окружающего социума, ибо только так можно выдержать нарастающую конкуренцию со стороны большинства. Для “этих людей” развитие нашей страны, укрепление ее государственных институтов, наращивание ее суверенитета, рост народонаселения, рост общественного благосостояния – равносильны социальной смерти. Ведь в этом случае “проклятое большинство” настолько усилится, что лишит “особый слой” всех плюшек. Избранность, элитарность, привилегированность исчезнут, растворятся в широком потоке общественной жизни народа. После свержения с пьедестала уйдут и деньги, и влияние. Представители “малого народа” станут существовать на общих основаниях наравне с большинством, что для них просто невыносимо»¹.

Часть IV. Интеллигенция в истории России

Петр I – отец российской интеллигенции

Вернемся к Солоневичу. Хотя Иван Лукьянович основное внимание уделяет тому поколению россий-

¹ Фефелов А. Особый слой воюет со страной // Интернет. Режим доступа: http://национальный-медиа-союз.рф/_osobyj-sloj_-vojuet-so-stranoj0020.html#crumbs.

ской интеллигенции, которое непосредственно причастно к революции 1917 года, он понимает, что корни трагедии уходят гораздо глубже в историю России. Он общими мазками дает историю рождения и развития интеллигенции, этих второсортных работников книжного ума.

Рождение интеллигенции. Солоневич в своих рассуждениях очень конкретен, он называет точное время зачатия и рождения интеллигенции и называет ее родителей: «Положение очень облегчается тем обстоятельством, что день рождения русской интеллигенции можно установить с очень большой степенью точности. И, вычтя из него исторические девять месяцев, с такой же точностью установить и день ее зачатия. Этим днем была Петровская эпоха. Этим днем и объясняется двухвековое преклонение российской интеллигенции перед ее папой и мамой – Петром и Екатеринами». Солоневич в своих работах особенно много внимания уделяет «папе» – *Петру I*.

Генетическая «несовместимость». Больной «ребенок». О Петре как родителе российской интеллигенции помимо Солоневича писали и другие. Например, современный автор Георгий Лодочник пишет о том, что само зачатие, предшествовавшее появлению на свет интеллигенции, происходило за пределами России, в Европе: «Когда Петр I начал брить бороды боярам и рядить их в камзолы, а боярских детей повелел отправлять на обучение в Европу, он заложил первое и важнейшее основание для зарождения в России этого единственного в своем роде исторического явления – российской интеллигенции. С молодых лет, живя в Голландии или Германии вдали от родных, русские аристократы невольно впитывали в себя не только науки, но и уклад, манеры, жизненную философию

и сам образ мышления европейцев, по преимуществу голландцев и немцев»¹.

Зачатие было противоестественным, произошло соединение несоединимого – генетического кода русской цивилизации и генетического кода цивилизации западной. Георгий Лодочник, в частности, пишет об одном из аспектов такой несовместимости: «А между тем немецкий образ мышления диаметрально противоположен исконно русскому: немцам более, чем кому-либо в Европе, свойственно аналитическое мышление. Русское же мировосприятие – напротив, в высшей степени синтетично». Игнорирование элементарных норм культурной генетики привело к тому, что на свет появился больной ребенок. Он дал начало целому ряду поколений таких же больных, получивших название «русский интеллигент»².

Петр I – первый нигилист, интеллигент и революционер. Петр I, как считает Солоневич, – родоначальник российской интеллигенции, самый яркий пример нигилиста и интеллигента, следовательно – первый революционер. «В родословии русской интеллигенции Петр I играет исключительную роль. Он был первым официально засвидетельствованным русским нигилистом. Это он первый стал исправлять русскую историю по Лейбницу, плевать в бороду старой Москве и даже выдирать эту бороду “с кровью”, похабно издеваться над Церковью, сокрушать все и всяческие устои крепкого и разумного московского быта».

Петр I как первый рационалист, материалист и диктатор. Солоневич писал: «Он был первым официально заверенным русским рационалистом и даже

¹ Георгий Лодочник. Чужие. Продолжение разговора о русской интеллигенции // Интернет. Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/chuzhie%C2%A0prodolzhenie-razgovora-o-russkoy-intelligencii/>

² Там же.

материалистом: “деньги суть артерию войны” – о том, что для войны нужно и еще кое-что, кроме денег, Петр не догадывался. В уродов он был так же влюблен, как Базаров – в лягушек. Он также был и первым русским редактором. Петр, я бы сказал, был первым русским “шестидесятником” писаревско-базаровского толка. С той только разницей, что у Писаревых палки не было, а у Петра она была. Но когда Писаревы овладели палкой, они стали действовать точно так же, как действовал Петр: тот дубиной загонял русских людей в голландский рай, эти – в социалистический».

Петр I как эталон бессовестного, бездарного и трусливого интеллигента. Антипатия Солоневича к Петру столь велика, что он его считал бессовестным, бездарным и трусливым: «Нельзя, конечно, слишком уж далеко заходить со сравнениями. Русская интеллигенция в общем была все-таки совестливой. Петр был бессовестен абсолютно. Русская интеллигенция, как и русский народ, все-таки не была бесталанной – Петр был удручающе бездарен. Русская интеллигенция, как и русский народ, никогда не была трусливой – Петр был труслив до истеричности».

Петербургская интеллигенция в сравнении с допетровской элитой

Отличие петербургской интеллигенции от московской элиты. Иван Лукьянович часто называет российскую интеллигенцию «петербургской» (имея в виду, что местом ее рождения стал город, основанный «папой» интеллигенции Петром I). Он использует термин *петербургская интеллигенция* для того, чтобы противопоставить ее той элите русского государства, которая существовала до Петра I. Ее Солоневич называет *мо-*

сковской элитой, или интеллигенцией старой Москвы. Солоневич пишет: «Попробуем вспомнить тех людей, которые в Московской Руси сидели на местах нынешней интеллигенции. Это мало известные нам люди. Наши историки о них или молчали вовсе, или писали мельком. Говоря суммарно, это Ордины-Нащокины, Ртищевы, Голицыны, Сильвестры, Аввакумы, Нилы Сорские и прочие – властители дум Московской Руси и выразители ее идеологии. Самого поверхностного взгляда на этих людей и на их деятельность будет достаточно, чтобы установить основную, коренную и решающую разницу между интеллигенцией старой Москвы и нового Санкт-Петербурга: у москвичей не было никакой беспочвенности. На своей родной русской земле они сидели крепко. Они выросли из нее всеми своими корнями, и всеми своими корнями они впитывали в себя ее нужды и интересы, чаяния и верования – даже и ее суеверия. Сейчас, триста лет спустя, очень легко посмеиваться над их суевериями и не замечать собственных. Не то что через триста лет, а через тридцать люди будут смеяться над суевериями и “теории науки”, и марксизма»¹.

Солоневич заключает свое сравнение двух видов элит: «Вопроса “беспочвенности”, “отрыва от масс”, “пропасти между народом и интеллигенцией” в старой Москве не существовало вовсе. И никак не потому, что петербургская интеллигенция была умнее московской, а потому и только потому, что петербургская оказалась глупее и русской Москвы, и русского народа. Знание же Гегеля, даже и наизусть, ни о каком уме не свидетельствует».

Образец для подражания – допетровская московская элита, а не философствующая интеллигенция.

¹ По поводу последних слов Солоневича о марксизме заметим, что он оказался прав – правда, несколько ошибся в сроках.

Иван Лукьянович полагает, что именно московская элита допетровской эпохи может и должна стать образцом для русских, живущих в XX веке. Потому что даже самые умные и способные русские люди XX века на протяжении длительного времени отравлялись ядом беспочвенности, ненависти и глупости, который исходил от российской интеллигенции: «Но именно сейчас, триста лет после Москвы и лет тридцать после Октября, нужно снять перед этими людьми и наши современные головные уборы. И нужно признаться честно: до их ясности мысли, цельности мировоззрения, до их демократичности в политике и до их терпимости в убеждениях мы если и доживем, то очень не скоро. Мы все – все мы – слишком наполнены беспочвенностью, ненавистью и глупостью, которую наша интеллигенция воспитывала по меньшей мере сто лет подряд».

Рождение интеллигенции и перерождение России

Раскол нации. Появление петербургской интеллигенции немедленно привело ее к отрыву от народа. Трагедия заключалась в том, что эта интеллигенция была наделена властью или оказывала сильное влияние на власть. Раскол, по Солоневичу, происходил в два этапа. Первый, подготовительный, начался еще до Петра I, Иван Лукьянович связывает его с именем патриарха Никона, который стал поощрять проникновение идей Западной, Католической церкви в Россию: «Первый, так сказать, предварительный клин между верхами и массой был вбит патриархом Никоном, начавшим пересадку киево-могилянских полонизированных идей на московскую почву. Царь Алексей Михайлович спохватился слишком поздно и умер слишком рано. Он

успел ликвидировать Никона, но не успел ликвидировать его наследства»¹.

Второй надлом связан с Петром: «Никоновский прорыв был закреплён и расширен всей эпохой Петра. В течение четверти века были ликвидированы Москва как столица и все её население как политическая сила. Была разгромлена московская традиция, разрушено дотла самоуправление, разгромлена администрация, унижена Церковь, разорено купечество и порабощено крестьянство. Самая бестолковая война русской истории затянулась на 21 год. Самый позорный в истории России военный поход кончился прутской капитуляцией».

Монархия приобретает номинальный характер. Мало того, что в XVIII веке образовалась пропасть между народом и элитой, монархия в России приобрела чисто номинальный характер: «Монархия ушла из России и осела на чужом болоте. После Петра и до Николая I она и вообще перестала существовать: императрицы были только куклами на престоле, и их ставила и свержала дворянская гвардия. Дворянство реализовало наконец свою вековую “похоть власти”».

Строй «дворянской диктатуры». Иван Солоневич очень подробно описывает в разных своих работах (прежде всего в двухтомном сочинении «Наша империя»), какой строй установился в России в XVIII веке. Он назвал его «дворянской диктатурой»: «В течение пятидесяти лет после Петра русское крестьянство – государственно тяглое, но лично свободное – было сведено до положения двуногой скотины. Русское дворянство – раньше служилый, но не собственнический слой, получило в собственность землю – государственную

¹ Точка зрения Солоневича на роль патриарха Никона более чем спорна. Ниже мы приведем мнение архиепископа Илариона Трицкого, который, наоборот, считал, что патриарх Никон противодействовал проникновению католических влияний в Русскую Церковь.

юридически и крестьянскую фактически, а крестьян – в качестве рабов на ней. Нация сразу распалась на две части: рабовладельцев и рабов. Промежуточные слои – духовенство, мещанство, купечество – были согнуты в бараний рог. Над поработенной страной возник новый вариант татарщины: дворянская диктатура. Так лет на полтора у нас утвердился период диктатуры дворянства – неограниченной до Николая I и в корень подорванной Александром II. Так на верхах русской жизни утвердился слой, который сам себя оторвал от почвы, сам вырыл “пропасть” между собой и народом, сам себя поставил в положение общенационального отщепенца... В России возник принципиально новый слой и принципиально новый строй. Недавно единая страна была четко, резко и непреходимо поделена на белую кость и на черную кость – на плантаторов и на рабов».

Демонтаж институтов русского общества. Иван Солоневич не скрывает своего резко негативного отношения к Петру I. Мало того, что его реформы раскололи русское общество, он разгромил многие институты, которые существовали в России со времен Ивана Грозного и даже Ивана Калиты: «При Петре были разгромлены и прорваны все внутренние оборонительные линии русского народа: монархия, самоуправление, Церковь, суд присяжных и Москва как географический центр всего этого. Военный аппарат страны – ее служилое дворянство – сел на место разгромленных Батыев. Петр помимо всего прочего разгромил и династию. Обозная девка – Марта Скаврнская, неграмотная и хронически пьяная, стала первою матушкой-царицей и открыла собою столетнюю эпоху режима потаскух. Прикрываясь их царственными юбками, в течение пятидесяти лет дворянство юридически закрепило все свои кастовые права и привилегии, и дворянские вольности, и крепостные конюшни».

Дворянская интеллигенция: преклонение перед чужеземной культурой и философией. Солоневич: «Дворянское поколение, пришедшее на смену пышной эпохе первых побед, – вот той эпохе, о которой так сладко и так лицемерно рассказал нам Толстой в “Войне и мире”, попало в уже сложившуюся социальную обстановку и в уже сложившуюся культурную традицию. Дворянин кающийся и дворянин секущий, разночинец бунтующий – все они воспитывались на одних и тех же Дидеротах, Вольтерах и Гегелях. “Вооружаясь культурой”, они ничего другого найти не могли, ничего другого не было. И самые реакционные круги правящего слоя, и самые революционные из разночинцев – все они в одинаковой степени впитывали в себя чужую и ненужную культуру. Или точнее – обрывки чужих и ненужных культур. Восторгались перед сахаринными Мадоннами и отворачивались от суровых рублевских “ликов”. Падали ниц перед “странною святых чудес” и презирали святые подвиги нашего прошлого. Подбирали малейшие осколки европейских развалин и не замечали Спаса на Нередице. Изучали Плутарха или Аристотеля, но не имели понятия о Степенной книге или о Ниле Сорском. Россия была захолустьем. Глубоким, азиатским захолустьем просвещенного Запада. Нутряная, инстинктивная любовь к Родине переплеталась и с презрением, и с негодованием: неужели же нельзя эту русскую дубину обтесать под Лейбница, Вольтера, Канта, Гегеля, Маркса? Неужели нельзя сделать из нее человека?»

В приведенном фрагменте Иван Солоневич подчеркивает, что дворянство само воспитывалось на идеях французского просвещения и немецкой философии, и народ пыталось воспитывать народ в духе европейской философии рационализма (Лейбниц), французского

просвещения (Вольтер), немецкой классической философии (Кант, Гегель), марксизма (Маркс). А кроме того, дворянство расширяло свою эрудицию, читая древних мыслителей – Плутарха и Аристотеля.

Времена меняются, у российской интеллигенции появляются новые философские кумиры, но все они по-прежнему иноземного происхождения. А это означает, что раскол общества сохраняется. В статье «К новой эмиграции, а также и к старой» (начало 1950-х) Иван Солоневич писал: «И “народ” и “интеллигенция” продолжают стоять по обе стороны пресловутой пропасти, и никаких мостов через нее не построено. Это и есть *основной факт* нашей истории за последние лет двести пятьдесят. В этом факте ничего не меняет то обстоятельство, что двести пятьдесят лет назад наш образованный слой цеплялся за Лейбница, а теперь цепляется за Сартра».

Часть V. Интеллигенция и Церковь

Дополнения архимандрита Илариона к истории Ивана Солоневича

Несмотря на то, что Иван Лукьянович оставил нам достаточно объемное и красочное описание истории рождения и развития российской интеллигенции, эта картина все-таки неполная. В частности, лишь мельком Солоневич говорит о том, какие удары наносились по Русской Церкви, как она подрывалась извне и изнутри. Православие на Руси было своеобразной иммунной системой, которая защищала русское общество от ересей, разных ложных философий и иных чужеродных идей. Сохранение неповрежденного Православия было гарантией прочности монархического государства, целост-

ности и единства русского общества, экономического могущества России.

Эффективное внедрение западных философий и иных чуждых идей в Россию было возможно лишь при ослаблении Церкви. К сожалению, такое ослабление действительно происходило, без учета этого процесса трудно понять феномен русской интеллигенции. О нем достаточно подробно написал в начале прошлого века архимандрит Иларион Троицкий, бывший в то время профессором Московской духовной академии. Впоследствии он стал архиепископом, в годы революции и после нее твердо стоял на позициях Православия, подверглся гонениям со стороны большевиков. В наше время Иларион Троицкий канонизирован как священномученик.

За основу возьмем работу Илариона, которая называется «Богословие и свобода Церкви (О задачах освободительной войны в области русского богословия)». Она была написана и опубликована в 1915 году¹. Это было время Первой мировой войны. Иларион обращает внимание на то, что впервые за долгие десятилетия в стране возникла атмосфера оживления русского национального сознания, когда русский человек начал отходить от преклонения перед мертвыми и бездушными кумирами Европы. Русский человек очнулся и задумался: каким образом он так долго находился под долгим гипнозом западной культуры и западных идей?

Иларион говорит о том, что идет война с немцем на полях военной брани. Идет война с немцем в области промышленности и торговли. И он, Иларион, надеется, что начнется освободительная война в области русского

¹ Профессор Императорской московской духовной академии архимандрит Иларион. Богословие и свобода Церкви (О задачах освободительной войны в области русского богословия). Богословский вестник. Сентябрь 1915. Том третий. Сергиев Посад. Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры. 1915.

православного богословия. А потери на этом поле брани поистине громадны. Речь идет о длительном влиянии западной теологии на наше богословие. Если чуждые философские идеи приходили в России из Англии, Франции и Германии, то чуждые теологические влияния имели своим источником в первую очередь Рим. Итак, проникавшая в Россию с Запада философия была либо протестантская, либо откровенно атеистическая, а теология – преимущественно католической. Но проникновение теологии шло из Рима или католической Европы не напрямую, а через Западную Русь.

Изначально Западная Русь придерживалась Православия. Но на рубеже Средних веков и Нового времени, как пишет Иларион, Православие там стало подвергаться серьезным испытаниям: «Еще в то время, когда Московская Русь жила своей самобытной жизнью, когда в ней на всех случайно приезжавших “басурман” еще смотрели с суеверным ужасом, еще тогда Западная Русь не только вошла в соприкосновение с Западом, но и попала под западное влияние. Западная Русь была ведь под польской католической державой. Она уже давно встретила с католичеством и с трудом в постоянной борьбе отстаивала свою веру и народность. Католичество кладет вскоре свою печать и на народное образование»¹.

На Западную Русь из Европы надвигается Реформация. И вот Рим спешит сюда, чтобы предотвратить протестантское нашествие, устраивая иезуитские коллегии, своеобразные крепости католицизма. Иларион продолжает: «И вот в течение XVI века Западная Русь покрывается целой сетью иезуитских коллегий во главе

¹ Архиепископ Иларион Троицкий. Богословие и свобода Церкви (О задачах освободительной войны в области русского богословия). С. 302–350//Здесь и далее цитирование работы по следующему источнику: Архиепископ Иларион Троицкий. Без Церкви нет спасения. М.-СПб.: Сретенский монастырь, изд-во «Знамение», 1999.

с Виленской академией. Во всех этих школах обучались и православные, иезуитская педагогика была поставлена так, что большинство воспитанников сворачивали в католичество. На их глазах католичество торжествовало победу повсюду: и в богослужении, и в догматике, и в полемике, и на примерных диспутах, где вооруженные блестящей диалектикой иезуиты победоносно опровергали все не католическое. Но даже и тогда, когда воспитанник иезуитской школы оставался верен Православию, он выходил из школы пропитанный католическим духом, особенно в области богословия». И как могло быть иначе, если богословие преподавалось по Фоме Аквинскому с его «Суммой теологии», дополняемой его же «Суммой философии».

Иларион пишет, что в русские православные школы в Западной Руси проникали латинский и польский языки, а вместе с ними и дух католицизма. Этот дух проник даже в Киево-Печерскую Лавру. Все это вызвало протесты местного православного населения. Иларион пишет: «...Когда архимандрит Петр Могила завел в Киево-Печерской Лавре коллегию на иезуитский манер, то “от неученых попов и казаков велие было негодование: на што латинское и польское училище заводите, чего у нас дотуду не бывало и спасались. Было хотели самого Петра Могилу и учителей до смерти побити: едва их уговорили”. Казацкая расправа грозила быть серьезной. Вспомните из Гоголя картину казацкой расправы с жидами в Запорожской Сечи. “Перетопить их в Днепре! В Днепр их, панове!” Нечто подобное было и в отношении латинской школы».

Но время брало свое, и Западная Русь постепенно окатоличивалась. Как отмечает Иларион, утвердившись в Западной Руси, католическое влияние проникло в XVII веке и в Русь Московскую. В области научно-

богословской Московская Русь очень скоро подпала под малорусское влияние. Он констатирует: «В течение двух веков было у нас на Москве какое-то малороссийское нашествие... Московское просвещение в XVII веке подпадает под особенное влияние олатинившихся малороссов». Шла подготовка почвы для тех радикальных реформ, которые проводил Петр I и которые породили российскую интеллигенцию.

Православные архиереи и священники Московской Руси противостояли как могли натиску католицизма. Их поддерживали восточные патриархи, так как понимали, что Москва – единственное место на земле, где православие пользуется поддержкой государства. В качестве примера можно привести иерусалимского патриарха Досифея, великого ревнителя Православия в XVII веке. Вот что, в частности, об участии патриарха Досифея в жизни Русской Церкви пишет Иларион: «Вполне понятно, что патриарх Досифей рекомендовал московскому правительству самые решительные меры для пресечения католического влияния. Патриарх знал, что в Москве органами католического влияния были малороссы, – так не пускать их в пределы Московского царства, особенно не давать им иерархических должностей!».

В Москве в XVII веке установилось своеобразное духовное и богословское двоевластие. Одной богословской партией была греческая, отражавшая позицию Восточной Церкви. Другая партия была латинской, отражавшей позицию Рима. Наиболее видным представителем первой был киевский богослов Епифаний Славинецкий, который жил в Чудовом монастыре. Между прочим, грекофилами, по мнению Илариона, были также патриархи Никон (1652–1666) и особенно Иоаким (1674–1690).

Вторая партия была представлена Симеоном Полоцким, которого Иларион называет придворным мо-

нахом. Он пишет о нем: «Но именно Симеон-то Полоцкий и был наиболее влиятельным в Москве ученым. Он был учителем царских детей – впоследствии русских правителей Феодора Алексеевича и Софьи Алексеевны. Под его руководством во дворце московского царя “в сласть читали ляцкия книги”, латинско-польское образование становится модным во дворце и на европейский лад отчасти перестраивается дворцовая жизнь». Вот в какой атмосфере проходила молодость будущего царя Петра Алексеевича! Так что объяснять реформы Петра только его сумасбродством никак нельзя. Подготовка велась давно и незаметно. Разрушительное действие латинской партии на церковную жизнь также продолжалось: «Через Симеона Полоцкого и его ревностного ученика и последователя Сильвестра Медведева и через других им подобных киевских ученых латинское влияние проникает в интересующую нас область московской церковной жизни, в область богословия». Патриарх Иоаким не смог преодолеть в полной мере влияние Симеона Полоцкого, у которого в царском дворе были покровители. Московская Русь была наводнена богословскими и философскими книгами из Западной Руси, но патриарх не мог остановить их поток. Но были у партии грекофилов и победы. Иларион пишет: «Но если патриарху Иоакиму не удалось очистить Московскую Русь от “новотворенных киевских книг”, то он одержал победу над латинской партией в деле учреждения в Москве высшего училища». В 1685–1687 годах была учреждена Академия (Греко-славянская школа) с уставом, который выражал интересы партии грекофилов.

Восхождение Петра I на царский трон и последующие его реформы архимандрит Иларион оценил так же, как и Иван Солоневич: это была страшнейшая трагедия

русского народа. Основное внимание Иларион уделяет последствиям петровских реформ для Церкви.

Во-первых, в целях получения дополнительной поддержки своим реформам со стороны Церкви Петр начинает усиливать церковную иерархию малороссами, которые были пропитаны духом католицизма. Особенно негативно Иларион оценил такие новые фигуры в церковной иерархии, как Феодосий Яновский и Феофан Прокопович. Иларион: «И вот Петр начинает менять или, лучше сказать, подменивать иерархию. В великороссийские епархии он назначает иерархов-малороссов, которые сочувствовали бы его реформам, защищали бы их с церковного амвона, – пусть даже они будут и невысокого нравственного уровня и весьма сомнительного православия. Таковы были, например, Феодосий Яновский и Феофан Прокопович, много зла принесший и отдельным людям и всей Русской Церкви. Наряду с чужим правительством создавалась и чужая иерархия. Засилье малороссов в церковном управлении достигло в XVIII веке высшего напряжения». Подобно тому, как Екатерина II продолжила реформы Петра в сфере государственного строительства, она также проводила линию Петра в сфере церковного строительства: «Уже Екатерина II по политическим соображениям издала указ, по которому, так сказать, давалось великороссам равноправие с малороссами в великороссийских епархиях». «Малороссийская иерархия, насажденная Петром, – как отмечал Иларион, – была крайне непопулярна. К ней относились презрительно и враждебно и народ, и духовенство».

Во-вторых, Петр принимает решение об упразднении патриаршества в Русской поместной Церкви. Иларион полагает, что сделано это было не без подсказки Феофана Прокоповича. Именно Феофан разработал

«Регламент» нового управления Церковью, доказывающий преимущества коллегиального управления и предусматривающий создание Синода под контролем государства. «Петр, – как пишет Иларион, – наполнил Синод при его открытии малороссами». Об этой стороне реформ Петра хорошо всем известно, Иван Солоневич оценивает этот шаг (подчинение Церкви петербургским чиновникам) как серьезный фактор усиления позиций рожденной Петром интеллигенции в российском обществе. У Церкви не хватало сил противостоять экспансии этих новоявленных «властителей дум».

В-третьих, серьезный удар Петр нанес по Московской академии, созданной патриархом Иоакимом и сразу же взявшей курс на развитие богословской науки в традициях Восточной Церкви. Иларион пишет: «Коснулся, наконец, весьма решительно Петр и специально церковной школы, молодой Московской академии, где, как мы видели, в конце XVII века по настоянию патриарха утвердилось греческое направление. С Петра начался новый период в истории Академии. “Когда же по смерти патриарха Адриана, в 1701 году, Преосвященному Митрополиту Рязанскому, Стефану Яворскому поручена в правление патриаршая епархия, и повелено указом завезть в том же монастыре и Академии латинския учения; тогда он призвал из Киева учителей духовных”... С 1704 года до времен митрополита Платона Академия большею частью имела наставников из Киева, которые в преподавании следовали учебным руководствам киевским и ввели в жизнь Академии порядки, исстари заведенные в Киеве, словом, сообщили ей свой дух, свое направление».

В-четвертых, реформы Петра затронули всю систему духовно-светского образования, программы обучения были пересмотрены с учетом западной науки:

«Петр наложил свою тяжелую руку и на русское просвещение. Мы видели, как московское правительство XVII века заботилось о научном просвещении именно в духе греческого православия. Петру этот религиозный интерес был совершенно чужд. Он не только начал отправлять русских людей для обучения к самим западным еретикам, но и в Москве на Покровке устроил немецкую гимназию протестантского пастора Глюка...»

Петровские реформы создали атмосферу самого настоящего духовного террора: «...В XVIII веке бывали времена, когда всякое слово в защиту Православия и в обличение западных ересей считалось политическим преступлением, оскорблением господствующей при дворе немецко-курляндской партии. Некоторые епископы теряли кафедры и попадали в тюрьму за то только, что издавали и распространяли “Камень веры” Стефана Яворского, это обширное полемическое сочинение, направленное против протестантов. Распространение “Камня веры” Феофан Прокопович, сочувствовавший протестантству, считал личным оскорблением, а оскорблять Феофана было опасно, потому что это был друг Бирона и Остермана».

Что касается духовных учебных заведений, то там сложилась атмосфера удушающего засилья католической схоластики и протестантской теологии: «При полном господстве малороссов в Академии в XVIII веке утвердилось западное схоластическое богословие. В качестве авторитета ссылались между прочим на Фому Аквината, у которого в системе “при тени пороков и грехов яснее сияет свет добродетелей и благодати”. Схоластическое богословие утвердилось во всех духовных школах, которые получили начало в XVIII веке. Все будущие пастыри русского народа, все будущие богословы заговорили на латинском языке. Здесь нужно видеть

начало отчуждения духовенства от народа. Латинский язык и латинское богословие господствовали в духовной школе и в XIX веке».

Часть священства и иерархов Церкви пытались противостоять засилью западной теологии. Но в условиях полного подчинения Церкви государству, в котором, между прочим, стали набирать влияние новоявленные «интеллигенты», возможности церковных властей были крайне ограничены. Иларион пишет в этой связи: «Это грех не столько церковной иерархии, сколько гражданского правительства, созданного Петром и духом чуждого русскому народу. Порабощенная Церковь не могла свергнуть со своего богословия твердой рукой налажавшегося на него латинско-немецкого ига, удобного государственной власти XVIII века. Западные ереси были правительству русскому ближе и понятнее, нежели точное Православие».

Процессы, которые происходили в государстве и Церкви государства Российского на протяжении двух веков, не могли не отразиться негативно на состоянии отечественного православного богословия. Архимандрит Иларион, как профессор Московской духовной академии, говорит об этом с болью в сердце: «Латинское влияние затронуло у нас решение самых живых богословских вопросов, затронуло самую душу богословия. Полемика с латинством, касаясь указанных догматических разностей, имела в виду далеко не самое важное и существенное. Православные полемисты издревле в своей полемике с латинством оживляли комаров и без внимания оставляли верблюдов». Я не буду подробно воспроизводить описание того печального положения нашего богословия, которое содержится в работе архимандрита Илариона «Богословие и свобода Церкви».

Несмотря на это, Иларион достаточно оптимистично смотрит на будущее Церкви и православного богословия.

Во-первых, потому, что, кроме сильно поврежденного школьного богословия, в Церкви остаются богослужебные книги, несущие истинное Православие и на протяжении веков не претерпевшие повреждения: «Нет, Церковь не изменила и не могла изменить своему Православию; только школа перестала мыслить вполне по-церковному, произошел некоторый разрыв между Церковью и школой. Церковь и теперь живет и дышит все той же идеей спасения, которой жила и дышала она полторы тысячи лет назад. У Церкви и теперь есть своя сокровищница богословия, существенно отличного от богословия школьного. Это сокровище – в богослужебных книгах. Ведь большая часть наших богослужебных книг составлена тогда, когда даже не было никакого латинства и не было никакой схоластики. Многие из богослужебных песнопений, стихир, канонов – писаны великими богословами древней Церкви. В богослужении мы слышим чистый и неиспорченный отголосок богословия святоотеческого, древнецерковного».

Во-вторых, и внутри Церкви, внутри духовных школ, по мнению Илариона, уже началась борьба с застоем католической схоластики и протестантской теологии, намечается возрождение отечественного православного богословия: «Борьба уже началась. За последние двадцать пять лет уже немало написано богословских трудов, по содержанию существенно отличных от трудов недалекого прошлого. У нас, благодарение Богу, уже зародилось новое богословское направление, свергающее с себя мертвящие узы прежней схоластики. К этому-то направлению и нужно примыкать со всем жаром юности и без всякого сомнения. Нужно достигать

того, чтобы это новое направление получило самое широкое распространение и полное господство».

В-третьих, Иларион полагает, что настроения в пользу восстановления патриаршества в церковном народе России усиливаются. А если будет восстановлено патриаршество, то Церковь сможет выйти из-под засилья тех государственных чиновников, для которых Запад с его католицизмом и протестантизмом ближе, чем Россия с ее православием: «И еще одно пожелание и надежда. Я говорил вам, почему в XVII веке борьба с латинством была у нас даже успешна, а в XVIII – эта борьба прекратилась. Мой ответ на этот вопрос не может ли нам объединиться в общем пожелании, чтобы возвращено нам было то, что потеряно при Петре двести лет назад: патриаршество и свобода Церкви!»

Подведу итог рассмотрению работы священномученика Илариона «Богословие и свобода Церкви». Я уделил ей столько внимания по той причине, что Иларион раскрыл глубинную причину того, что интеллигенция в России получила столь большое влияние. Русская Православная Церковь с XVII века находилась уже в тяжелом состоянии. Петр I, Екатерина II, другие монархи XVIII века наносили все новые и новые удары по Церкви, ослабляя тем самым духовный иммунитет русского народа. Все это и стало благоприятной почвой для взращивания разных нигилистов, революционеров, «реформаторов», которых принято называть русской интеллигенцией.

Интеллигенция против Церкви

Есть еще одна работа священномученика Илариона, которая весьма близка к рассматриваемой нами теме русской интеллигенции. Она называется «Грех против

Церкви. Думы о русской интеллигенции»¹. Работа написана ровно 100 лет назад, в 1916 году. Здесь Иларион ставит уже иную задачу: показать отношение российской интеллигенции к Церкви.

За основу своих рассуждений Иларион берет статью известного русского славянофила Константина Аксакова (1817–1860) «Публика и народ». Иларион цитирует большой фрагмент этой статьи. Воспроизвожу его ниже: «Было время, когда у нас не было публики... Возможно ли это? – скажут мне. Очень возможно и совершенно верно: у нас не было публики, а был народ. Это было еще до построения Петербурга. Публика – явление чисто западное и была заведена у нас вместе с разными нововведениями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась от русской жизни, языка и одежды и составила публику, которая и всплыла над поверхностью. Она-то, публика, и составляет нашу постоянную связь с Западом; выписывает оттуда всякие, и материальные и духовные, наряды, преклоняется перед ним, как пред учителем, занимает у него мысли и чувства, платя за это огромною ценою: временем, связью с народом и самую истинною мысли. Публика является пред народом как будто его привилегированное выражение, в самом же деле публика есть искажение идеи народа.

Разница между публикою и народом у нас очевидна. Публика подражает и не имеет самостоятельности: все, что она принимает чужое, принимает она наружно, становясь всякий раз сама чужою. Народ не подражает и совершенно самостоятелен; а если что примет чужое, то сделает это своим, усвоит. У публики свое обращается в чужое. У народа чужое обращается в свое. Часто, когда

¹ Проф. архим. Иларион. Грех против Церкви: думы о русской интеллигенции. Вступительные чтения в Московской духовной академии 26 авг. 1916 г. Петроград: тип. Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, 1916.

публика едет на бал, народ идет ко всенощной; когда публика танцует, народ молится. Средоточие публики в Москве – Кузнецкий Мост. Средоточие народа – Кремль.

Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки, народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ – по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. У публики – парижские моды. У народа – свои русские обычаи. Публика ест скоромное; народ ест постное. Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большею частью ногами по паркету); народ спит или уже встает опять работать. Публика презирает народ, народ прощает публике. Публике всего полтора года лет, а народу годов не сочтешь. Публика преходяща; народ вечен. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте; в народе – золото в грязи. У публики – свет (monde, балы и пр.); у народа – мир (сходка). Публика и народ имеют эпитеты: публика у нас – почтеннейшая, а народ – православный...»

Иларион безусловно соглашается с тезисом К. Аксакова, что русский народ, некогда единый, разделился на две части – собственно народ и публику. Несложно заметить, что определение публики, данное славянофилом, весьма близко к определению интеллигенции, данное Иваном Солоневичем. Народ своими корнями уходит в русскую историю, традицию, Православие. А публика пуповиной связана с Западом, его внешним лоском, материализмом, прогрессом и разлагающимся христианством. В России произошел не только раскол общества на две части. Этот раскол повлиял на состояние души русского человека. Не только того, кто оказался частью публики, но и человека из народа. Публика своим духом постоянно смущает и заражает народ. У последнего воз-

никает нездоровая раздвоенность души. Иларион пишет об этом болезненном состоянии русского человека: «Болезненная раздвоенность русской души очевидна всякому мыслящему наблюдателю жизни. Когда эта болезнь началась, как она развивалась, в чем ее сущность, как от нее избавиться? – на все эти вопросы нельзя не пытаться дать себе ответ всякому, кто хочет послужить родной земле». Для описания раздвоенности души Иларион даже приводит строки из «Фауста» Гете:

Ах, две души живут в моей груди.
Одна все отделиться хочет от другой!

Если авторы типа Солоневича обращают внимание прежде всего на социальный раскол, то Иларион – на болезнь души и раскол духовный (идейный). Суть этой болезни он определяет как отпадение русского человека от Церкви: сущность русской народной болезни можно усматривать и в том, что часть русского народа тяжело согрешила против Церкви, отошла от Церкви, вышла из-под ее руководства, потеряла связь с жизнью церковной. История русского идейного раскола может подтвердить много раз это общее положение.

Отсчет бед русской нации (идейный и социальный раскол народа) Иларион ведет так же, как и Солоневич, от Петра: «До Петра русский народ от верху до низу был одинаково православным и церковным. Это было – одно церковное общество, церковное тело. Церковь была для него верховным авторитетом и самой высшей ценностью. “Освященный собор” высших иерархов был ближайшим советником московских царей даже и в делах государственных. Вся преобразовательная деятельность Петра направлена была к унижению Церкви и к подрыву ее силы и авторитета». Русская Церковь подвергалась гонениям

со стороны немецких протестантов, обосновавшихся в новой столице – Петербурге, а также незаметному, но не менее опасному разрушающему воздействию со стороны тех иерархов, которые были носителями духа католицизма: «Среди немцев гонителей Церкви, наряду с Бироном, Остерманом и Минихом следует назвать и Феофана Прокоповича, этого ставленника и “сподвижника” Петрова».

Петр положил начало разрушению Церкви, его преемники в XVIII веке продолжили начатое дело: «Восемнадцатый век был временем страдания всей Русской земли от чужих ей иноземцев, поставленных, однако, ею управлять и ею руководить. Понятно, что особенно тяжело в течение этого века было положение Церкви. Когда у кого иссякает любовь к Церкви, ослабевает ревность о деле и служении церковном, тогда полезно изучать русскую церковную историю за XVIII век. Бедствия и гонения, пережитые Церковью в России за этот век, могут растрогать даже и равнодушное к славе церковной сердце! Первая половина XVIII века была наполнена положительным гонением на Церковь, а вторая половина – высокомерным презрением к Церкви».

Мы уже выше отмечали, ссылаясь на Солоневича, что особенностью интеллигенции было высокомерное отношение к простому народу. Так вот, это высокомерие, как пишет Иларион, распространилось во второй половине XVIII века и на Церковь. Причем чем больше интеллигенция дистанцировалась от Церкви, тем больше было это высокомерие. Российскую интеллигенцию Иларион сравнивает с немцами, окружавшими Петра, и находит между ними большое сходство. Главным общим признаком он полагает презрительное, а часто и открыто враждебное отношение к Церкви. Впрочем, во второй половине XVIII века немецкое влияние сменяется французской заразой. Немцы были хотя бы протестантами. А фран-

цузские философы-просветители – атеистами и даже воинствующими безбожниками. Иларион иронично пишет о влиянии французов на российскую элиту: «Древние русские люди мечтали о благочестивых путешествиях на священный Восток ко Гробу Господню и на святой Афон; теперь у русских людей нашлась новая святыня на Западе – Фернейский замок, где жил безбожный Вольтер». Екатерина под влиянием «Духа законов» Монтескье, ставшего катехизисом для многих европейских монархов, посчитала себя главой Церкви, а «епископы были для нее особами государственными». Обер-прокуроры Синода были при ней или протестантами (вроде Меллисино), или явными атеистами (Чебышев). Екатерина заложила в воспитание своего внука Александра (будущего императора Александра I) семена французской философии: «В основу его воспитания положены были философские идеи энциклопедистов, а религиозное образование, то есть знакомство с душой русского народа, было отставлено на задний план».

После Отечественной войны 1812 года увлечение русской публики (интеллигенции) французской философией существенно ослабло. Но на смену ему пришло увлечение религиозной мистикой, что было злом не меньшим. Мистицизм отчасти заразил и простой народ (хлыстовство и разные прочие сектантские «радения»).

Ту часть русского общества, которая в XVIII веке развернулась в сторону Запада, Константин Аксаков и Иларион называли публикой, но к ней они не применяли термина «интеллигенция». Та публика отходила от русских культурных традиций и корней, но еще сохраняла формальную связь с религией и Церковью. Интеллигенция в буквальном смысле слова у Аксакова и Илариона появляется лишь в XIX веке. Это следующая стадия духовно-культурной эмансипации публики от всего

русского. Теперь уже публика окончательно порывает с Церковью, становится на позиции атеизма и социализма. Иларион пишет: «Наконец в XIX веке между народом и высшим обществом появился класс, в тесном смысле интеллигентный. В отрицании Церкви и в преклонении пред Западом этот класс, пожалуй, пошел дальше всех... Интеллигенция русская стала и нерелигиозна, и ненациональна. Западничество и религиозное отрицание вступили в тесную между собой дружбу в мирозерцании и убеждениях русского интеллигента... Интеллигенция воспитывалась во вражде к Церкви. Церкви она не знала; религию заменяла для себя “антропологией”; росла она поэтому чужой и народу, и народной жизни».

Иларион считает наиболее ярким представителем интеллигенции XIX века В. Белинского: «Белинский научил русских интеллигентов атеистическому социализму». Между прочим, Иван Солоневич также считал, что Белинскому принадлежит самое первое место в пантеоне «канонизированных» интеллигентов (об этом мы скажем ниже). Ряды интеллигенции, как отмечает Иларион, стали пополнять даже те, кто учился в духовных школах (семинариях): «Грешили и духовные школы, поставляя в русскую литературу и в русскую общественность нигилистов, “разночинцев”, вроде Добролюбова и Чернышевского. Эти ренегаты духовного звания становились на время руководителями и вождями интеллигенции, а известно, что ренегат особенно враждует с тем, от чего он отрекся».

Вред от интеллигенции был неизмеримо бóльшим. Мало того, что публика сама духовно и интеллектуально деградировала, превращаясь во «второстепенных работников книжного труда». Она рвалась просвещать «темный» народ: «...интеллигенция желала непременно учить народ. Эта интеллигентская наука немедленно

переходила в пропаганду социальную и революционную, пропаганду, развращающую и от Церкви отвращающую. Своих кумиров интеллигенция меняла каждое десятилетие и каждый раз, еще ничему толком не научившись сама, желала переучивать народ, перекрещивать его в свою веру безбожную. Но смена идолов всегда сопровождалась борьбой и разделением в недрах самой интеллигенции. “Шестидесятники”, “семидесятники”, “восемьдесятники”, “девяностоники” – все это разные типы, поклоняющиеся каждый своим богам». Примечательно, что Иларион говорит о том, что интеллигенция каждое десятилетие меняла свои взгляды. Ровно об этом же писал Иван Солоневич, называя это «чересполосицей» сознания как отличительной особенностью интеллигенции.

Иларион в конце своей статьи «Грех против Церкви. Думы о русской интеллигенции» выражает свою постоянную надежду, что эти тяжелые для России времена закончатся с возвращением Русской Церкви к институту патриаршества. Собственно смысл обеих двух статей Илариона сводится к тому, что сначала просто публика, а затем интеллигенция в России выросли только потому, что Церковь в предыдущие два века подверглась серьезнейшим разрушениям. И главное из них – ликвидация патриаршества и перевод Церкви под жесткий контроль государства. Вторая статья писалась ровно за год до начала Поместного собора Русской Православной Церкви в Москве. На нем уже в октябре 1917 года было принято решение о восстановлении патриаршества. Но собор и решение о возвращении Церкви к патриаршеству запоздали. Те самые интеллигенты, о которых писали Иван Солоневич и архимандрит Иларион, уже готовили свои революции – сначала Февральскую, а затем и Октябрьскую.

Интеллигентский «синтез» философии и религии

Размышления Илариона Троицкого на тему «Интеллигенция и Церковь» можно дополнить мыслями других авторов. Взять того же Солоневича. Иван Лукьянович довольно часто использует термин «бердяевщина». Он нигде не дает точного его определения, но по смыслу можно догадаться, что речь идет о так называемой *русской религиозной философии* как духовно-культурном феномене русской жизни конца XIX – первой половины XX века. Отцом-основателем этого течения философской мысли считается Владимир Соловьев. Наиболее яркими его последователями были: Сергей Булгаков (позднее – отец Сергей Булгаков), братья Сергей и Евгений Трубецкие, Семен Франк, Лев Карсавин, Иван Ильин, Георгий Флоровский, священник Павел Флоренский, протоиерей Георгий Флоровский и некоторые другие. Конечно же, в этом списке на одном из первых мест стоит Николай Бердяев.

Как можно понять из работ Солоневича, деятели русской религиозной философии – часть (причем важнейшая) той социальной группы, которую он называет интеллигенцией (зачастую добавляя «философствующая») Конечно, Ивана Лукьяновича нельзя назвать знатоком философии, в том числе русской религиозной. Но вот интуитивно он чувствует, что вклад ее в расшатывание основ российской государственности весьма существен. Хотя эта философствующая интеллигенция называется религиозной, но отношение ее к Церкви весьма своеобразное. Взять того же Бердяева, от которого родилось понятие «бердяевщина». Он не хотел иметь дела с Церковью, обличал порядки, царившие внутри церковной ограды, но сам, по сути, находился с внешней стороны этой ограды. Он для себя придумал особое положение в

христианстве. Он себя называл «церковным христианином во вселенском смысле этого слова»¹.

Солоневич обращает внимание на такую особенность бердяевых, как пересмотр своих взглядов и ценностей. Взять конкретно того же Бердяева. Он начинал как легальный марксист. Затем стал увлекаться модным на Западе философским учением экзистенциализма. Наконец объявил себя христианским философом. Постоянная переоценка. Можно ли доверять таким религиозным философам? Некоторые из них в порыве творческих экстазов насочиняли разных ересей. Например, ересь софианства². Так что интеллигенция подтачивала устои не только государства, но и Церкви.

В статье «Пророчества реакции» (вошедшей в сборник «Диктатура импотентов») Солоневич пишет: «Нам всем трудно примириться с тем фактом, что перед всеми нами стоит выбор: или философия или религия, с тем фактом, что вся сумма гуманитарных наук есть заведомо организованная ложь и что самая научная книга, когда бы то ни было написанная о человеческом духе и о человеческом общежитии, есть просто Священное Писание. И что реакционна не Библия – реакционна революция. Что “опиум для народа” поставлял не Христос – этот опиум поставляла вся философия, начиная от Платона и кончая пока что Гегелем и Марксом». Особенно сложным, судя по всему, был выбор для той части российской интеллигенции, которая считала себя профессиональными философами. Их очень хотелось совместить Христа

¹ Василенко Л. И. Введение в русскую религиозную философию: Учеб. пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 267–268.

² Отцом данной ереси считается основатель русской религиозной философии Владимир Соловьев. В ее дальнейшее развитие особый вклад внес священник и философ Сергей Булгаков. В 30-е годы прошлого года еретическое учение С. Булгакова о Софии было официально осуждено нашей Церковью.

с Платоном, Гегелем и Марксом. В этом и весь секрет русской религиозной философии.

Часть VI. О «сеятелях»

Что посеешь, то и пожнешь. Философствующие «сеятели» и 1917 год

Легенда об интеллигенции-«сеятеле». Иван Лукьянович, излагая историю возникновения и развития петербургской интеллигенции, уже отчасти обрисовал ее влияние на все российское общество. Но он особо останавливается на событиях 1917 года и показывает, что плевелы революции (Гражданская война, большевистский террор, развал экономики, гонения на Церковь и прочее) явились закономерным следствием той деятельности, которую систематически и упорно проводила российская интеллигенция. В XIX веке интеллигенция занималась саморекламой, убеждая общество, что она «сеет разумное, доброе, вечное». Ей в этом помогал русский поэт Н. А. Некрасов (1821–1877), который и родил крылатую фразу. В стихотворении «Сеятелям» (1877) поэт обращается к «сеятелям знания на ниву народную»:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Выражение «сеятель» – устойчивый образ в творчестве Некрасова. «Честным сеятелем добра» он называет классического революционного интеллигента В. Г. Белинского (стихотворение «Белинский»), «сеятелем прав-

ды» – не менее выдающегося интеллигента Н. Г. Чернышевского (стихотворение «Притча»). В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Николай Алексеевич призывает прийти всех «сеятелей» (надо понимать, – тех самых интеллигентов, о которых пишет И. Солоневич):

Такая почва добрая –
Душа народа русского...
О, сеятель, приди!

Интеллигенты и их поэтические покровители убеждали всех: пройдет некоторое время, семена дадут всходы, а потом будут благотворные плоды. На смену «отсталой» и «дикой» «азиатской» стране придет «цивилизованное» и «процветающее» «европейское» государство.

Сеяли пшеницу, а вырос чертополох. «Или, иначе. Нас сто лет подряд учили: все, что вело к революции, было и умным и честным. Все, что боролось против революции, было и глупым и бесчестным. Сеяли сеятели добрую пшеницу, а вырос чертополох. Словно кто-то, аки тать в нощи, прокрался на русские поля, выцарапал все пшеничные зерна и засеял эти поля терниями и волчцами. В русском общественном сознании получается полный разрыв: следствие оказывается без причин, а причины виснут в воздухе исторического и философического вранья. Так как я не историк и уж, Боже сохрани, не философ, то профессиональное самолюбие и профессиональные интересы этих двух отрядов сеятелей мне совершенно безразличны. И я, с точки зрения нормального общечеловеческого здравого смысла, считал, что, ежели вырос чертополох, значит, именно он, а никак не пшеница, и был посеян сеятелями».

Интеллигенция ищет «нечистого». Сама интеллигенция настолько уверовала в пшеницу, что для нее

чертополох 1917 года стал настоящим шоком. И в этой ситуации российская интеллигенция, привыкшая мыслить по-европейски, то есть рационально, вынуждена была впервые прибегнуть к понятию чуда. Только чуда наоборот. Мол, источником такого чуда стал враг рода человеческого: «Те из сеятелей, которым удалось унести святые свои ноги за границу и которые поэтому имеют возможность издавать какие-то звуки, с совершенно научным выражением лица утверждают, что – как это ни странно – все это действительно с неба свалилось. Хотя и не божественное, но все-таки чудо. Были посеяны только идеалы. И только – самые святые. И только семенами, научно очищенными от всякого “Ваала”. А взошла действительно чрезвычайка. Хотя и диавольское, но все-таки чудо: нечистый попутал...»

Российская интеллигенция, уже оказавшаяся в эмиграции, в своей массе не ставила даже под сомнение, что она могла сеять что-то иное, кроме «пшеницы»: «Сейчас, более или менее благополучно сбежав за границу, марфонские беженцы нашей великой и бескровной делают вид, что все это свалилось как снег на голову. Ведь все они знают, знают точно и наверняка, почище, конечно, чем знаю я. Почему сейчас завирально и блудливо, как непоправимо нагадившая кошка, они поджимают свои ученые хвосты и делают вид, что уж они-то здесь совершенно ни при чем: с неба свалилось. Нечистый попутал. Русский народ оказался азиатом»¹.

¹ Кстати, много позднее А. И. Солженицын в своем публицистическом эссе «Образованщина» (1974) писал об этом же: «Интеллигенция сумела раскатать Россию до космического взрыва, но не сумела управлять ее обломками. Потом, озираясь из эмиграции, сформулировала интеллигенция оправдание себе: оказался “народ – не такой”, народ обманул ожидания интеллигенции». Не исключаю, что Солженицын к моменту написания своего эссе мог уже быть знаком с произведениями Ивана Солоневича. Налицо полное смысловое совпадение.

Пшеница и плевелы. Солоневич разоблачает заврашующую эмиграцию и объясняет, что нечистый тут ни причем. Все предельно просто: интеллигенция сеяла не пшеницу, а плевелы. Эмиграция борется за то, чтобы сохранить созданный до революции ореол святости интеллигенции: «Я никогда не утверждал и сейчас не утверждаю, что на истории русской общественной мысли я собаку съел: не ел и не собираюсь. Но, оказывается, самого поверхностного взгляда на эту историю достаточно, чтобы обнаружить там вещи, которые наши историки не хотели замечать – так же, как и в истории Петра. Нужно было рисовать икону Св. Интеллигенции, и поэтому нельзя было считаться с фактами, которые резали эту святость под корень. Нужно было рисовать фигуру полубога, гения, Преобразователя – поэтому нельзя было замечать сифилиса, пьянства, зверства, бездарности и трусости. Так, из почти сплошной грязи, таинственным научным способом возникает ослепительный ореол. Почти так же, как из сивушных масел – парфюмерные ароматы».

Фальсификация русской истории интеллигенцией. «Сто лет подряд нам подсовывали революционно обработанные факты и революционно сконструированные идеи. Те факты, которые говорили против революции, замолчаны совсем. Те идеи, которые боролись против революции, вымазаны столетним слоем дегтя и грязи. Все люди, которые стояли поперек дороги нынешней чрезвычайке, объявлены палачами. И я очень хорошо знаю – уже и по личному опыту: всякая попытка отскрести эти идеи и этих людей от дегтя, грязи и вранья ощущается публикой как некая отталкивающая ересь. Сто лет подряд публика воспитывалась под влиянием совершенно определенных идей, информации и даже терминов. Как же скинуть со своих счетов и со

своих плеч эту столетнюю традицию? И – чем ее заменить? И как быть с тем «умственным багажом», который был накоплен поколениями? Неужели же он так никуда и не годится?»

Русские контрреволюционеры против интеллигенции. «Однако: если сто лет “революционной идеи” привели нас к чрезвычайкам, то очень может быть, что “контрреволюционные идеи” были именно теми, которые пытались нас от чрезвычайок предупредить. Может быть, что те люди, которые боролись с революционными идеями и которые – как охранка, Достоевский или Розанов – эти чрезвычайки предсказывали с потрясающей степенью точности, – были не так уж плохи и не так уж глупы, как нам раньше казалось и как нас раньше учили». Однако в XIX веке в России царила такая атмосфера: «Все, что боролось против революции, было и глупым и бесчестным». Поэтому ни Федор Достоевский, ни Константин Леонтьев, ни Константин Победоносцев, ни Василий Розанов, ни Лев Тихомиров, ни другие русские консерваторы и монархисты не удостоились звания члена ордена русской интеллигенции. Защищать консерваторов (и даже сочувствовать им) было делом небезопасным.

Белинский – «канонизированный святой» ордена интеллигентов. В ряду «канонизированных святых», принадлежащих к ордену интеллигентов, Иван Лукьянович на первое место ставит Белинского. Он обладал всеми признаками философствующего интеллигента: был последователем Гегеля; при этом социальные, политические и философские взгляды его являли классическую чересполосицу; дух кипел революционным энтузиазмом. Этот отец русской демократии, по мнению Солоневича, представляет собой предтечу тех, кто организовал большевистский террор после революции 1917 года:

«Из всех наших сеятелей особенного ореола удостоился Белинский, первый официально канонизированный святой интеллигентского ордена и один из первых русских гегельянцев. Я не буду перечислять изломов его “генеральной линии” и “переоценок ценностей” – переоценки были хроническим явлением у всей интеллигенции... прозвище “неистового Виссарiona” было получено им недаром: с одинаковой нетерпимостью он сегодня защищал то, что ругал вчера, и ругал то, что вчера защищал. На фоне неустойчивой психики нетерпимость была постоянным явлением. И в письме к Боткину от 28 июля 1841 года свое общее мироощущение он формулировал так: “Личность человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума. Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать справедливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную”. Это, конечно, и есть изуверство... Белинский первый – мельком и скороговоркой – сформулировал то основное, что легло в основу интеллигентской психики: нетерпимость и изуверство».

Родословная интеллигентов: от Белинского до вождей большевизма. «Белинский роди Чернышевского, Чернышевский роди Добролюбова, Добролюбов роди Писарева» – так Михаил Погодин в свое время иронично обозначил цепь преемственности ордена российских интеллигентов шестидесятых годов. Иван Солоневич дополняет Погодина и доводит родословную интеллигентов-революционеров до вождей большевизма: «Но теперь видно несколько дальше: Белинский роди ВКП(б), во всяком случае, в части ее “маратовской любви” к человечеству».

Насилие под прикрытием «философских полемик». Солоневич определяет три важнейшие особенности ордена российских интеллигентов: «Русская челове-

колюбивая и идейная интеллигенция сделала схоластику основным методом научного познания, иезуитизм – основным методом организации и убийство – основным методом борьбы». Вот что пишет Солоневич об убийстве как привычном средстве политической борьбы интеллигенции: «Именно интеллигенция возвела убийство в систему политической борьбы... систематическая вооруженная охота за носителями и слугами проклятого царского режима началась только после освобождения крестьян... Убивали вовсе не реакционеров – убивали тех, кто грозил интеллигенции эволюцией... Убивали не только “государевых слуг”, но также друг друга и просто неповинных людей: грабежи и убийства, провокация и измены, лютая ненависть друг к другу... Ткачевщина и нечаевщина, дегаевщина и азефовщина, убийства из-за политической мести и убийства из-за простого грабежа – все это сплеталось в один кровавый ком».

К сожалению, мало кто подозревал о царившем до революции разгуле насилия, потому что он прикрывался «пышными вывесками философской полемики»: «О святых мыслях и святых качествах Белинских, Чернышевских, Лавровых, Плехановых и прочих написаны сотни и тысячи томов. Почти ничего не написано о той прозе жизни, которая скрывалась за пышными вывесками философской полемики. А за вывесками уже давно – почти сто лет подряд – шла та же абсолютно бессовестная, совершенно беспощадная борьба, какая нам сегодня достаточно хорошо известна по примеру лучших ленинских апостолов, дорвавшихся до власти».

О профессорском вранье и глупости. Многие еще до революции не особенно доверяли тому, что говорили «властители дум» и что о них писали покровители интеллигенции. Врали и те, и другие. Но такие скептики недооценили разрушительный эффект такого вранья.

Солоневич в порядке самокритики также признает, что недооценивал эту опасность: «Мы все стали жертвами интеллигентского вранья: ученого, профессорского, философского, но все-таки вранья. Наше поколение, захватившее еще клочок нормальной предреволюционной жизни, принимало это вранье: одни слишком серьезно, другие слишком несерьезно. Одни думали: вот это и есть настоящая наука, и вот она приведет нас в рай. Другие – как я, считали все это совершеннейшей ерундой, которая вообще ни к чему привести не может: ну болтают люди – пусть болтают. В дураках оказались оба: и мой сверстник, и я: “Теория науки” оказалась не только болтовней, безвредной болтовней ученых глупцов и книжных “кастратов”, она нас действительно привела – но только не на свободу, а на каторжные работы, и не в рай, а в чрезвычайку».

Кстати, в своем очерке «Жизнь без домкома» (вошедший в книгу «Диктатура импотентов») Солоневич приводит интересное воспоминание из собственной жизни. Оно касается того, как известный российский профессор политэкономии Туган-Барановский¹ накануне революции учил его, Ивана Лукьяновича, уму-разуму²: «Курс политической экономии я проходил под руководством профессора Туган-Барановского, крупнейшего политэконома России, – конечно, марксиста. По тем временам – 1912–1916 годы – я возлагал некоторую надежду на науку политической экономии. Наука в лице профессора Туган-Барановского возлагала некоторые надежды и на меня. Кажется, разочаровались обе сто-

¹ Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919) – русский и украинский экономист, историк, видный представитель «легального марксизма»; после 1917 года – политик и государственный деятель Украинской народной республики (министр финансов).

² Солоневич И. Жизнь без домкома // Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Буэнос-Айрес, 1949.

роны. И обе очутились в эмиграции. Если бы это было юридически возможно, в эмиграции я предъявил бы профессору Туган-Барановскому иск за нанесение увечий моим мозгам: сейчас мне совершенно ясно, что после курса у профессора Туган-Барановского я во всем, что касается народного и вообще человеческого хозяйства, вышел еще бóльшим дураком, чем был до курса. Можно было бы предъявить и иск об изувеченной жизни... профессор Туган-Барановский и прочие иже с ним были подстрекателями к политическим убийствам. Это абсолютно ясно. Несколько менее ясен вопрос о смягчающих вину обстоятельствах: теперь я так же ясно вижу, что профессор Туган-Барановский и прочие иже с ним были просто глупы. И очень сильно содействовали также и моему собственному поглупению. Во всяком случае, все мои научные познания в области политики и политической экономии, истории вообще и истории Французской революции в частности, в той форме, как все эти познания мне втемяшились в университете – марксистском и императорском университете, – на практике оказались совершеннейшей чепухой».

«Профессиональные профессора» внесли очень значимый вклад в оглушение элиты и всего русского народа, причем посеянные ими глупости прочно въелись в сознание людей. Солоневич писал в статье «Неожиданность» (вошла в сборник «Власть импотентов»): «...Представления, созданные профессорами и философами, въелись в нашу психику, как татуировка в кожу или как рак в печень. И все, что идет вразрез с этими представлениями, вызывает бессознательный внутренний протест».

Солоневич в целом ряде своих работ признает, что порой трудно понять: где профессора откровенно врут, а где они просто ошибаются в силу своей глупо-

сти. В любом случае их словам и книгам доверять не стоит. В статье «Совсем всерьез» Иван Лукьянович, в частности, пишет: «...в “Диктатуре импотентов” я уже имел неосторожность писать о том, что прогноз любого трамвайного вагоновожатого будет, как правило, точнее профессорских прогнозов...»

Кровожадность эмигрантской интеллигенции. Иван Солоневич крайне возмущен тем, что эмигрантская интеллигенция весь пафос своей критики направляет на большевиков и молодежь Советского государства, которую он называет «комсомольцами». Они, по его мнению, не виноваты, они – жертвы 1917 года. А вот эмигранты-интеллигенты, которые загнали эту молодежь в яму большевистского террора, каяться не собираются: «Отчего все они молчат о том, как ВКП(б), колхозы, террор и чрезвычайки планировали сто лет подряд? И отчего Зинаида Гиппиус, жена Мережковского и тоже одна из сеятелей, поэтически мечтая о том, как “мы”

Веревку уготовав,
Повесим их в молчаньи,

– ничего не говорит о тяжелой своей подготовительной работе к чрезвычайкам? Веревка для комсомольца, которого они сами всунули в историческую петлю, а теперь мечтают всунуть в веревочную, – может быть, одна из самых отвратительных черт русской революционной интеллигенции. Вырыли для всей России чекистскую яму – и плюют в людей, которые уже в этой яме родились».

Конец российской интеллигенции?

Все мы знаем слова из Евангелия: «Оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет сле-

пого, то оба упадут в яму» (Мф. 15, 14). Русский народ, ведомый слепыми поводырями-интеллигентами, угодил в яму. Но вместе с народом там оказались и поводыри. Физически часть из них еще была жива и находилась в эмиграции. Но духовно и интеллектуально она уже была почти мертва. Выше я уже привел фрагмент из Солоневича, где он говорит о кровожадности эмигрантской интеллигенции по отношению к советскому комсомольцу. Иван Лукьянович продолжает свою мысль: «Не следует, конечно, принимать всерьез эмигрантской кровожадности: у старичков нет уже не только мозгов – но и зубов. И их отходная песня пропета уже давно».

Итак, Солоневич ставит смертельный диагноз русской интеллигенции. Иван Лукьянович выражает надежду, что философская, «гуманитарная» разновидность русской интеллигенции погибла раз и навсегда: «Революционная, книжная, философская, “гуманитарная” интеллигенция погибла, даст Бог, навсегда. Ее типичным выразителем были не писатель, не ученый, не изобретатель, не инженер, не промышленник, – ее типичным выразителем был “литератор”, человек, объевшийся чужими цитатами и разрушающий во имя их свою собственную жизнь, а также и жизнь своей Родины. Его, этого литератора, съели цитаты. И над его никому не нужной могилой можно было бы начертать эпитафию такого стиля: “Здесь покоится безмозглый прах жертвы собственного словоблудия”». Также выше приводилось окончательное определение интеллигенции, данное Солоневичем, в котором говорилось: «слой, который больше, чем что бы то ни было, привел нас к катастрофе – и погиб в ней сам» (курсив мой. – В. К.).

Солоневич ничего определенного не пишет по поводу того, есть ли интеллигенция в Советской России. Вот его размышления на эту тему: «Что думает сейчас

русская революционная интеллигенция в СССР, ежели таковая там еще и осталась, я, по совести, не знаю. С приходом к власти товарища Ленина “история русской общественной мысли” прекратила бытие свое. На смену “обществу” пришел подвал, а на смену “мысли” пришла подвальная “директива партии”. И вообще сказано: не рассуждать».

Если отталкиваться от окончательного определения интеллигенции, которое дал Солоневич, то в СССР такой буквально интеллигенции не было. Сами большевики не только не отрицали наличия в советском обществе интеллигенции, но, наоборот, «научно» обосновывали ее присутствие как «социальной прослойки», находящейся между рабочим классом и колхозным крестьянством. Разве не относилась, например, к категории советской интеллигенции профессура, которая занималась цитированием классиков марксизма? Конечно, некоторое сходство двух видов интеллигенции – дореволюционной и советской – бросалось в глаза. В первую очередь книжность. Первые опирались на Лейбница, Дидро, Вольтера и Гегеля. Вторые – на Маркса, Энгельса и Ленина.

Впрочем, советская интеллигенция имеет одно кардинальное отличие от дореволюционной интеллигенции. Если вторая всячески раскачивала устои самодержавия, то первая – ревнивый слуга большевистской власти. В самом начале статьи «Наши интеллигенции» Иван Лукьянович рассуждает о судьбе советского профессора диамата (диалектического материализма). Этот профессор будет насмерть стоять за советскую власть, потому что больше ни на что не годится: «Если завтра Сталин уйдет – что будет делать этот профессор? “Если папа женится – куда мама денется?” Профессору диамата придется подметать улицы. Подметание улиц никакому

профессору никакого удовольствия доставить не может. Еще худшие перспективы возникают перед уполномоченным НКВД или председателем колхоза. Если не будет ни НКВД, ни колхоза, то мир для этих людей приобретет действительно совсем уже неуютные очертания. Пожалуй, даже и улиц подметать не удастся?»

Впрочем, как показала новейшая история России, советская интеллигенция не оказалась столь «железобетонной» в плане своих марксистских убеждений. Когда четверть века назад рухнул Советский Союз, а на его обломках появилось государство с непривычной аббревиатурой «РФ» и с еще более непривычной идеологией так называемого либерализма, наша «гуманитарная» интеллигенция моментально сориентировалась. Вчерашние преподаватели марксистско-ленинской политэкономии за несколько месяцев сумели переключиться на преподавание и пропаганду самого «эффективного» и «прогрессивного» способа производства – капитализма (прикрываемого стыдливо названием «рыночная экономика»). А ведь до этого они этот способ производства рьяно ругали и на этой критике защищали свои кандидатские и докторские диссертации. Вчерашние преподаватели научного коммунизма на столь же «научной» основе бросились доказывать преимущества все того же капитализма. Курсы научного капитализма получили названия политологии, социологии, культурологи. Наконец, вчерашние преподаватели диамата и истмата немедленно переключились на пропаганду малопонятных и старому и новому поколению россиян экзистенциализма, персонализма, неофрейдизма, эмпириокритицизма и всяких прочих «измов». А старые «измы» в виде диалектического материализма и исторического материализма стали подвергаться ими нещадной критике как реакционные и антинаучные. Получается та самая чере-

сполосица в мозгах, которую Иван Лукьянович считал важным признаком «гуманитарной» интеллигенции до-революционной России. Примечательно, что некоторые представители книжного труда в СССР имели хорошее политическое чутье. За год-два до развала Советского Союза они неожиданно стали оппозиционерами, а за несколько месяцев до так называемого путча в августе 1991 года – даже революционерами. А это – важнейший признак настоящего интеллигента по Солоневичу. Взять того же Егора Гайдара, канонизированного нашими либералами. В 1980-е годы он занимал должность руководителя отдела экономики главного партийного журнала «Коммунист». По тем временам – очень номенклатурная должность. В конце 80-х годов Егор Тимурович стал оппозиционером (стал публиковать разоблачительные статьи в том же «Коммунисте»), а в августе 1991 года решительно влился в ряды революционных борцов с режимом. Егор Гайдар – стопроцентный, рафинированный интеллигент. Его бронзовый бюст следовало бы поместить в пантеон российских интеллигентов в ряду бюстов других «святых» «властителей душ». Как ни крути, преподаватели диамата и прочие советские «гуманитарии» в полной мере заслуживают звания интеллигенции. Зря Иван Лукьянович в этом сомневался.

В статье «Пророчества реакции» Иван Солоневич писал: «Русское интеллигентское общество было целиком захвачено “Бесами” (речь идет о романе Ф. М. Достоевского «Бесы». – В. К.), но никакие предупреждения автора этих “Бесов” не помогли ничему. Это стадо так и покончило свою бездарную и безмозглую жизнь: бросилось в омут революции. Но “Бесы” пока что остались живы»¹. В этой фразе присутствует простая

¹ Солоневич И. Пророчества реакции // Интернет. Режим доступа: http://www.lib.ru/politolog/solonevich/diktatura.txt_with-big-pictures.html.

мысль: 1917 год привел к гибели того стада «книжных интеллигентов», которые осознанно или неосознанно готовили революцию, но сами бесы, вселившиеся в свиней того стада, никуда не исчезли. Они стали искать новые объекты для своего в них проживания. Та советская интеллигенция, которая готовила в России революционные события 1991 и 1993 годов, была обиталищем все тех же бесов. Четверть века назад погибло еще одно стадо забесовленных «интеллектуалов». Но сами бесы никуда не делись. Многие из них уже нашли себе новые места прописки.

Нарождается новое стадо «интеллигенции». Прежде чем погибнуть, это стадо может произвести невероятные разрушения в нашей многострадальной России. Приведу выдержку из статьи Андрея Фефелова «“Особый слой” воюет со страной»: «Раскрою вам одну страшную тайну: 0, 7 % населения России страстно желает, чтобы “эта страна” – развалилась, погибла, канула в лету, трансформировалась в свою противоположность, рассыпалась на множество осколков, сдалась в плен, вывернулась наизнанку, покаялась и заплатила всем кому надо максимальные контрибуции. 0, 7 – это не смешно, это очень-очень много. Явный перебор. Это миллион человек, многие из которых проживают в Москве и Питере. Это целый слой, активный, образованный, аффилированный с властью, интегрированный в СМИ, занимающий сильные позиции в образовании и культуре, сидящий на информационных и финансовых потоках. Это семьи, поколениями воспитанные в определенном ключе, имеющие свои предания, живущие отдельными от большинства мечтами и смыслами»¹.

¹ Фефелов А. «Особый слой» воюет со страной // Интернет. Режим доступа: http://национальный-медиа-союз.рф/_osobyj-sloj_-vojuet-so-stranoj0020.html#crumbs.

Читая эти строки об «особом слое» в нашем обществе, его не хочется называть даже словом «интеллигенция». И уже тем более «философствующая интеллигенция». Этот слой давно уже не интересуется никакой философией – ни марксистской, ни либеральной. Публика с весьма ограниченным кругозором, их даже нельзя назвать второсортными работниками книжного труда. Хотя бы потому, что книги они перестали читать уже давно (некоторые даже не начинали). Читают лишь в интернете и пишут в твиттерах. Используют «птичий язык» интернета и «болотных» лозунгов. Применительно к сегодняшнему моменту нашей истории этот «особый слой» правильнее всего назвать «пятой колонной».

Нам надо жить своим умом и помнить свои интересы

Рассуждая о причинах трагедии 1917 года, Солоневич пришел к однозначному выводу: «...На все эти вопросы никакого ответа у русской интеллигенции нет. А также и не было». И неожиданно пришел к гениально простому открытию: «Мне пришлось искать самому. Поиски привели к открытию совершенно потрясающей Америки – потрясающей именно потому, что она, как оказалось, лежала под самым носом. Открытие это сводится к тому, что русское прошлое и русское настоящее, русские способы и русские цели надо рассматривать исключительно с русской точки зрения – и ни с какой другой. Как английские – с английской, а патагонские – с патагонской». Это из его работы «Русские интеллигенции».

И чуть ниже он пишет: «Мое “всемирно-историческое открытие” заключается в том, что нам надо жить

своим умом, заниматься своими делами и защищать свои интересы. Пусть всякая заграница спасает самое себя, как уж ей Бог на душу положит. Нам надо спасти самих себя, своих детей и свою страну. У нас есть собственная личность, собственное прошлое и собственные задачи. Пусть англичане или патагонцы устраиваются так, как им будет удобнее, – удобства у них будут, конечно, разные. Нам совсем ни к чему играть роль топора, которым кто-то – то ли бывший Бакунин, то ли нынешний Сталин, то ли будущие... я уж не знаю кто – станут то ли строить чужие пролетарские дворцы, то ли проламывать чужие буржуйские черепа».

Россия в своей внешней политике бесчисленное число раз занималась именно тем, что «проламывала чужие черепа» в чужих же интересах. При этом безусловно, страдали и русские черепа, и русские интересы. Об этом, кстати, говорили и многие русские консерваторы в Царской России. Например, Федор Достоевский и Константин Леонтьев. Что касается намека на то, что русские могут строить чужие пролетарские дворцы, то здесь Иван Солоневич имеет в виду Сталина. С этим трудно согласиться. Вероятно, этот упрек следовало бы адресовать не Сталину, а Льву Троцкому. Именно он был сторонником «перманентной пролетарской революции». Естественно, революции в мировых масштабах и, естественно, ценой проломленных русских черепов. Как раз Сталин положил конец политике «перманентной революции» Троцкого. Правда, если продолжать тему черепов, то на совести Сталина – проломленный череп Троцкого. Впрочем, этот поступок может быть вполне оправдан национальными интересами, о которых справедливо говорил Солоневич.

Но Иван Лукьянович мечтал о новой России, где не будет большевиков с их Марксом, истматом и диа-

матом, чрезвычайками и колхозами. И он полагал, что в новой России останется лишь интеллигенция творческая, а философствующая («гуманитарная») навсегда уйдет в прошлое: «Это, я повторяю, был основной слой (речь идет о философской, «гуманитарной» интеллигенции. – В. К.). Рядом с ним существовали и другие: техническая интеллигенция, научная интеллигенция, даже и “военная интеллигенция” – но в общих судьбах страны они оказались бессильны, но они будут силою в будущих судьбах страны, они будут ее правящим слоем». Итак, философствующей, «гуманитарной» интеллигенции противостоит иная интеллигенция – созидательная, творческая. Заметим: Солоневич в новой России не опускал интеллигенцию до положения «социальной прослойки» (как это было в Советском Союзе). В будущей России творческая интеллигенция, по его мнению, должна стать правящим слоем.

Творческая интеллигенция получит привилегию быть правящим слоем не только и не столько потому, что она будет что-то создавать, даже гениальное и очень передовое (произведения искусства, научные открытия, новые технологии). Она лишь тогда станет истинно правящим слоем, когда по-настоящему станет «властителем дум» народа.

В прошлом она никогда не становилась настоящим «властителем дум». Скорее, российская интеллигенция сама оказывалась во власти чужих дум. Точнее, чуждых русскому православному человеку языческих философий. Эти философии до того уже разложили и подчинили себе некогда христианскую Европу. Отцом-основателем этих европейских философий был тот, кого Христос назвал «отцом лжи»: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем

истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44).

Ровно об этом пишет в статье «Пророчества реакции» (из сборника «Власть импотентов») Иван Солоневич: «Великие жрецы философии, подчинившей Европу, были лжецами, и отец их был отцом лжи. Вся сумма современных “гуманитарных наук”, в течение тысяч лет звавших нас к невыразимо прекрасному будущему материалистического утопизма, была основана на лжи. Сейчас, когда обещания выполнены и утопии реализованы, когда вся Европа захлебывается в голоде, грязи и крови, когда та вавилонская башня безбожного социализма, которую предсказывал Достоевский, почти достроилась и уже начинает рушиться, нам, всем нам, окаянно трудно примириться с тем фактом, что в основу философии и в фундамент башни была заложена ложь. Карл Маркс был по-своему прав, когда он сказал: “Философия – это душа пролетариата”. В душе пролетариата, да и не только его одного, философия заменила религию и гегели заменили Бога. Мы все, прямо или косвенно, сознательно или бессознательно, воспитаны на гегелях».

В истории России можно видеть два больших периода, которые можно обозначить словом *иго*. Первое из них – татаро-монгольское иго, которое продолжалось без малого два с половиной века. Оно было тяжелым для русского народа и русской государственности. Но оно не затронуло душу народа, который до начала ига был христианским и по окончании его также продолжал верить во Христа. И это обусловило быстрое восстановление Руси, ее быстрое превращение в великую державу. Второе иго началось три с лишним столетия назад, и его можно назвать духовно-философским. Оно затрагивало не столько тело, сколько душу русского человека. Оно не сразу поработило русский народ. В сети этого ига снача-

ла попала часть российской элиты, которая постепенно преобразовалась в «интеллигенцию». А интеллигенция, в свою очередь, стала заражать чуждыми идеями широкие массы народа. Происходило незаметное, но очень опасное замещение целостного христианского мировоззрения и сознания на материалистическое, рационалистическое и атеистическое. А это, в свою очередь, потянуло за собой политическое и экономическое разложение общества, породило революции и другие катаклизмы.

Мы должны извлечь горькие уроки из нашей истории, в том числе с помощью работ публициста-патриота Ивана Солоневича, священномученика Илариона Троицкого, писателя Федора Достоевского и многих других выдающихся мыслителей и общественных деятелей нашего Отечества. Мы должны избавиться от трехвекового гипноза западной европейской философии, вернуться к своей единственно верной философии, которая называется христианством.

Ветхозаветные книжники и философствующая интеллигенция

Действительно ли интеллигенция возникла в России?

Иван Солоневич, наш известный публицист первой половины прошлого века, многие свои работы посвятил исследованию феномена под названием «российская (русская) интеллигенция». В большой статье «Русские интеллигенции» Иван Лукьянович дает определение этой части нашего общества: «...русская революционная интеллигенция есть слой второсортных работников книжного (то есть не умственного вообще) труда, оторванных от всякой реальной деятельности и от всяких реальных познаний, слой, посвятивший все свои силы ниспровержению самодержавия и строительству социализма – разного социализма в разные десятилетия, – слой, который больше, чем что бы то ни было, привел нас к катастрофе – и погиб в ней сам»¹.

Автор указанной статьи раскрыл особенности интеллигенции как феномена почти исключительно российской жизни².

¹ Солоневич И. Наши интеллигенции // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. М.: ФИВ, 2013. С. 268.

² Правда, Солоневич признал, что какое-то подобие интеллигенции было во Франции, где данная социальная группа возникла во второй половине XVIII века под влиянием философских идей Просвещения (Дидро, Вольтер, Даламбер, Руссо, Монтескье и другие «мыслители»). Она постоянно «мутила воду» во Франции, организовав сна-

Солоневич, конечно, внес громадный вклад в изучение феномена интеллигенции и роли ее в российской трагедии 1917 года. И все-таки в одном моменте я с ним согласиться не могу. Феномен интеллигенции не является исключительно российским и относящимся лишь к последним двум-трем векам истории (по Солоневичу, интеллигенция родилась в результате реформ, которые начал Петр I).

Философствующая интеллигенция как феномен древних евреев

К сомнению в тезисе об уникальности российской интеллигенции я пришел, перелистывая работу другого русского мыслителя. Речь идет о Льве Александровиче Тихомирове (1852–1923) и его фундаментальном труде «Религиозно-философские основы истории». Описывая историю древних евреев, древних государств Израиля и Иудеи, Тихомиров особое внимание уделил такой социальной группе еврейского народа, которая в Новом Завете называется фарисеи. Любой грамотный человек имеет некоторое представление о том, кто такие фарисеи, потому что они – действующие лица очень многих евангельских историй и постоянно упоминаются Спасителем. Так вот, Лев Александрович многократно называет их интеллигенцией – еврейской или народной. Как отмечает Тихомиров, «народная интеллигенция» в Иудее – «ученые, знающие закон»¹. Примечательно, что фарисеи – не просто знатоки закона и пророков. Они люди творческие – умеют толковать книги Ветхого Завета,

чала революцию 1789 года, а затем серию социальных волнений и политических переворотов. Но все-таки французские «интеллектуалы» не полностью подходят под определение интеллигенции, данное Солоневичем.

¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. С. 204.

а также защищают веру еврейского народа от влияний язычества, в том числе различных философских учений, проникающих в еврейский народ извне. Кроме того, они творчески развивают и дополняют закон и пророков своими собственными идеями. Поэтому многие авторы (не только Тихомиров) называют фарисеев философами. Так, известный еврейский историк и писатель Иосиф Флавий (37–100 годы по Р. Х.) в своих трудах «Иудейская война» и «Иудейские древности» называет фарисеев *философской школой*¹. Не будет натяжкой, если мы, опираясь на Льва Тихомирова и Иосифа Флавия, назовем фарисеев *философствующей интеллигенцией* иудейского народа. Термин *философствующая интеллигенция* мы встречаем в работах Ивана Солоневича, он его использует при описании наших «второсортных работников книжного труда». В нем просматривается ирония Ивана Лукьяновича: российские интеллигенты не были настоящими философами, они были умничающей публикой, играющей в философию. Они были слепыми и порой фанатичными почитателями заимствованных на Западе философских теорий. Пожалуй, наибольшего градуса фанатизм нашей интеллигенции достиг во второй половине XIX века, когда началось повальное увлечение марксизмом.

Попробуем сравнить философствующую интеллигенцию древнего еврейского народа, являющуюся важным действующим лицом евангельской истории, и российскую интеллигенцию, существующую у нас на протяжении примерно трех столетий. Такое сравнение может оказаться полезным для более глубокого понимания того, какое влияние наша интеллигенция оказывала и еще может оказать на наше российское общество.

¹ Справедливости ради следует сказать, что Иосиф Флавий называл философскими школами также секты (партии) саддукеев и ессеев. Но, согласно тому же Флавию, философская школа фарисеев была самой влиятельной среди еврейского народа.

Вавилонский плен: время рождения еврейской интеллигенции

Напомним, что в учебниках и словарях фарисеев обычно определяют как религиозно-общественное течение в Иудее в эпоху Второго храма. Возникло оно после возвращения евреев из Вавилонского плена, где они находились на протяжении нескольких десятков лет (VI–V века до Р. Х.)¹. Этот плен привел к серьезной духовно-религиозной мутации еврейского народа. Хлесткую оценку дал немецкий историк XIX века Ю. Вельгаузен: «Из плена вернулась не нация, а лишь религиозная секта»². Это признают и авторы «Электронной еврейской энциклопедии»: «Период пленения Вавилонского наложил отпечаток на культурную, духовную и религиозную жизнь еврейских изгнанников. Так библейская литература восприняла арамейский язык, который в VIII–VII веках до нашей эры получил распространение в Ассирии, Вавилонии, а с VI века до н. э. превратился в *lingua franca* Персидской империи; арамейский шрифт сменил древний еврейский шрифт».

Возникла угроза растворения евреев среди других народов по причине того, что стал уходить в прошлое древний еврейский язык, замещавшийся арамейским. Кроме того, сильно было влияние языческих религий и философских школ других народов. Особым вниманием со стороны части евреев пользовалась греческая фило-

¹ Жители Иудеи были отправлены на поселение в Вавилон после того, как Иудея была захвачена вавилонским царем Навуходоносором II. Впрочем, часть евреев оказалась в Вавилонском царстве еще ранее – после того, как они были изгнаны ассирийцами из Израиля (северного еврейского царства) в VIII веке до Р. Х.

² См.: Катасонов В. Ю. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: Кислород, 2014.

софия, а также зороастризм¹. Еще до вавилонского пленения между священничеством и пророками еврейского народа уже возникло сильное напряжение. Священники уже склонялись к тому, что на первом месте в иудаизме должны быть обряды. Пророки призывали к духовному совершенству человека. Более того, они полагали, что не только еврейский народ, но и все остальные могут быть угодны Богу и получать от Него благодать, если будут совершенствоваться в нравственно-духовном плане. А еврейский народ должен нести правду о Боге всем народам. Пророков гнали. В том числе (и в первую очередь) – представители духовной и светской власти еврейского народа. Такие проповеди пророков подрывали монопольную их власть над еврейским народом. После вавилонского плена голоса пророков замолкли².

¹ Основателем зороастризма был древнеиранский пророк Зороастр (Заратустра), который жил примерно в VIII–VI вв. до Р. Х. По имени этого пророка созданное им учение и получило свое название. Основы зороастризма изложены в древнейшей священной книге – «Авесте». По своему характеру зороастризм существенно отличался от современных ему религиозных систем Месопотамии и Египта, и прежде всего своей этической направленностью. В зороастризме отчетливо проявляется идея о Едином Боге и противопоставляются друг другу два вечных начала – добро и зло, борьба между которыми составляет основу мирового развития. Идеи зороастризма были созвучны ветхозаветной религии евреев и были привлекательны для образованной части еврейского народа.

² По пророческим книгам в Священном Писании пророки делятся на больших и малых. Большими называются четыре пророка: Исаия, Иеремиа, Иезекииль и Даниил по обширности оставленных ими после себя пророческих книг. Меньших пророков двенадцать: Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария и Малахия. Они называются меньшими, потому что оставили после себя книги меньшего объема сравнительно с книгами больших пророков. Первые пророки, упоминаемые в Священном Писании: Енох, Ной, Авраам и другие патриархи, Моисей, Аарон. Последний ветхозаветный пророк – Иоанн Креститель. Особенный предмет предсказаний ветхозаветных пророков составлял Мессия – Христос и судьбы веры и Церкви Христовой и всего мира.

Отношения между собой стали выяснять появившиеся на арене общественной жизни еврейского народа партии саддукеев и фарисеев. Саддукеи – родовая и денежная аристократия, из их среды выходили первосвященники, под их контролем находился Иерусалимский храм. Выражаясь современным языком, им принадлежал административный ресурс. Саддукеи были людьми прагматичными, материалистами, в бессмертие души не верили. Считали божественный закон неизменяемым и настаивали на исполнении его во всей строгости; для облегчения его тягости они требовали лишь отмены всех тех дополнений и наслоений, которые он получил в народной практике. Вместе с тем популярностью в народе не пользовались.

Уже упоминавшиеся нами фарисеи были людьми, вышедшими из глубины народной массы и поднявшимися на ее поверхность благодаря своему умственному развитию. Фарисейское движение сформировалось в борьбе против контролировавших храмовый ритуал саддукеев. Возникновение в этот период синагогальной литургии было, по-видимому, выражением стремления фарисеев подорвать религиозную монополию саддукеев: религиозный ритуал и молитва, которые исконно были частью храмового культа, стали отправлять в домах, получивших названия *синагоги* (ниже мы еще об этом скажем). Знатоки закона Моисеева и пророков, не принадлежавшие к священническому сословию, стали просвещать народ и играть важную роль в религиозной жизни простых евреев. Отношение фарисеев к народу было противоречивым. На словах они радели за его интересы, отстаивали их от посягательств господствующего класса, то есть саддукеев. В то же время они считали народ необразованным, смотрели на него свысока, но старались сильно не афишировать своего

презрения к простым людям. Якобы из любви к народу и из уважения к древним традициям они признали обязательность всех постановлений законоучителей и всех народных обычаев, совокупность которых получила название устного закона – в противоположность писаному Моисееву. Особенно большое влияние в обществе фарисеи получили в эпоху Маккавеев (II век до Р. Х.). Тогда фарисеи уже окончательно сложились как политическая партия.

После вавилонского плена сложилась еще одна партия – ессеев. Но они явно в общественной жизни еврейского народа не участвовали. Считали закон неизменяемым, но так как условия жизни в стране перестали отвечать древнему закону, то ессеи предпочитали удалиться от этой жизни и уходили в пустыню и в деревню, где ничто не мешало им с крайней щепетильностью соблюдать Моисеев закон.

Ветхозаветные книжники

Примечательно, что почти одновременно с фарисеями появились так называемые книжники. Понятия *книжники* и *фарисеи* тесно переплетаются, но синонимами их считать нельзя. Книжники не раз упоминаются в книгах Ветхого Завета. Были так называемые ранние книжники (еще до вавилонского плена). Большинство из них происходили из колена Левина, занимавшегося проведением служб в Иерусалимском храме. Очевидно, что служба обязывала их к глубокому знанию книг Священного Писания. Те ранние книжники не только проповедовали и объясняли закон, но и распространяли свое учение посредством писанных свитков или книг.

Знатоки Священной (библейской) истории полагают, что книжники как особый класс или сословие в истории

еврейского народа появились во времена Ездры. Ездра – иудейский первосвященник, живший в VI веке до Р. Х. Возвратился в Иерусалим после вавилонского плена, восстановил еврейскую государственность на основе закона Торы, начал восстановление разрушенного Иерусалимского храма. Предполагаемый автор и персонаж Книги Ездры, вошедшей в состав Ветхого Завета. В Талмуде выступает под именем Эзра и называется одним из величайших деятелей еврейской истории и основоположником ряда новых институтов – книжники, раввины, синагога и другие. При нем началась подготовка к созданию Талмуда. Иосиф Флавий описывает Ездру как личного друга персидского царя Ксеркса. В еврейских источниках, посвященных теме фарисеев и книжников, Ездра в списках самых знаменитых ветхозаветных книжников обычно ставится на первое место.

После вавилонского плена (VI век до Р. Х.) еврейский народ в значительной степени потерял не только знание закона Моисеева, но и самого языка, на котором он был написан. Нужно было не только поучать народ в законе, но и переводить закон на народный язык и истолковывать его смысл. С этой целью Ездра учредил особый класс книжников, или законников, которые образовали ученую комиссию или корпорацию, известную под названием *великой синагоги*, а впоследствии – *синедриона*. Число членов этой корпорации было неопределенным; впоследствии оно приблизительно определялось в 70 человек. Кроме членов этой официальной корпорации было много и других книжников, преследовавших те же цели.

После вавилонского плена в жизни древних евреев появляются такие институты, как *синагога* и *раввин*. Синагоги появились около двадцати пяти веков назад в Вавилоне, после разрушения первого Иерусалимского

храма и начала вавилонского пленения. Евреи, изгнанные в Вавилон, стали собираться в домах друг у друга, чтобы вместе молиться и учить Тору. Позднее были построены специальные здания для молитвы – первые синагоги. В начале периода Второго храма еврейские законоучители постановили, что молиться следует в общине. Каждая община должна построить «дом собрания» (бейт-кнессет или, по-гречески, синагога), где бы евреи собирались на молитву в субботу, праздники и будни. Синагога также стала местом, где знатоки закона и пророков учили простой народ. Если до этого народ учили уму-разуму только священники (левиты) в Иерусалимском храме, то позднее возможность учить появилась и у раввинов (учителей)¹. Это тоже разновидность книжников.

Институт книжников получил особенное развитие во времена земного служения Иисуса Христа. Это было время окончательной утраты политической самостоятельности еврейского народа, весь его интерес сосредоточился на вопросах внутренней жизни². Почти синонимом слова *книжник* является *законник*, то есть знаток Закона Моисеева. Оно также часто встречается в Священном Писании³. Новые книжники выполняли три основные функции⁴.

Во-первых, они следили за соблюдением Моисеева законодательства и неписаных правил, касающихся исполнения законов. В их задачу входило не допустить

¹ Раввин в современном иудаизме – ученое звание, обозначающее квалификацию в толковании Торы и Талмуда.

² См.: Книжники // Интернет. Режим доступа: <http://www.wikiznanie.ru/wikipedia/index.php/Книжники>.

³ Слово *законник* встречается в: Мф. 22, 35; Лк. 7, 30; 10, 25; 11, 45–46, 52; 14, 3.

⁴ См.: Книжник, законник // Интернет. Режим доступа: <http://www.fondslovo.ru/resources/KBT/21kbt.html>.

внесения в текст закона каких-либо изменений, и в то же время им предписывалось следить за тем, чтобы законодательство переписывалось, изучалось и соблюдалось.

Во-вторых, они обучали Закону учеников, знакомили их с преданиями иудейских мудрецов и делились с некоторыми из учеников тайными знаниями. Кроме того, левиты-книжники занимались наставлением в законе иудеев, посещавших Иерусалимский храм.

В-третьих, в Верховном суде иудеев – синедрионе – они присутствовали в качестве советников и давали консультации относительно применения Моисеева закона в повседневной жизни, а также выступали в роли судей, когда приходилось разбирать случаи нарушения законодательства.

Книжники продолжали существовать и после Христа. Это было уже новое поколение книжников, которое отличалось от ветхозаветных тем, что они помимо всего прочего стали заниматься борьбой с учением Христа и христианской Церковью. А также продолжали работу по толкованию Торы (Пятикнижия Моисеева) и других книг Ветхого Завета. Результатом их многовековой деятельности явились огромные фолианты Талмуда.

В Новом Завете книжники упоминаются неоднократно, в разных сочетаниях: «первосвященники и книжники», «книжники и фарисеи», «старейшины и книжники», «начальники, старейшины и книжники» и т. п. В некоторых случаях используется просто слово *иудеи*, но из контекста видно, что речь идет о профессиональных знатоках закона, то есть книжниках, или законниках. Книжники были близки к духовным и политическим вождям еврейского народа. Большая часть книжников тяготела к фарисеям – ревнителям внешнего религиозного благочестия, буквальным толкователям Торы (Пятикнижия Моисеева), мелочным собирателям народных

преданий, забывшим притом духовную суть Закона Моисеева и преданий (учений) ветхозаветных пророков. О близости книжников и фарисеев свидетельствует часто встречающееся в Новом Завете словосочетание «книжники и фарисеи»¹. В Новом Завете имеется немало мест, где говорится о фарисеях, но из контекста понятно, что это одновременно и книжники.

Впрочем, как утверждают знатоки Священной истории, некоторые книжники смыкались с партией саддукеев – иудейскими вождями, которые не верили в бессмертие души, были прагматиками и циничными материалистами, поклонялись мамоне. Это, если так можно выразиться, были придворные книжники. Они не пользовались почти никаким влиянием в народе в отличие от книжников-фарисеев².

Еврейская интеллигенция и народ: высокомерие и страх

Первосвященники, фарисеи, саддукеи, книжники, законники мнили себя начальниками простого народа Иудеи и даже тех евреев, которые находились за пределами Иудеи в Палестине, Сирии, Александрии, Риме и ином близком и дальнем зарубежье (еврейская диаспора). Превосходство над народом первосвященников и саддукеев зиждилось на административном ресурсе (они контролировали Синедрион, под их управлением находился Иерусалимский храм, им римские власти доверяли сбор налогов и т. п.). В то же время власть фарисеев, книжников и законников основывалась, как мы уже сказали, на глубоком знании текстов Торы (Пятикнижия Моисеева)

¹ Мф. 5, 20; 12, 38; 15, 1; 23, 2, 13, 29; Мк. 7, 5; Лк. 5, 21; 6, 7; 11, (44), 53; 15, 2; Ин. 8, 3.

² См.: Лопухин А. П. Библиейская история при свете новейших исследований и открытий: В 3 т. Т. 1–3. СПб.: Изд-во И. Л. Тузова, 1889-1895.

и книг пророков, а также – разных устных преданий, передававшихся из поколения в поколение¹. Они были монопольными держателями этого знания, которое еще не было тайным, но простым людям доступным быть уже перестало. В отличие от саддукеев, которые были далеки от народа, фарисеи в синагогах и других местах каждодневно общались с народом. Они следили за тем, чтобы простые иудеи правильно понимали писания и предания и исполняли содержащиеся в них предписания.

Знание писаний и преданий (вернее, право на монопольное владение «правильным» знанием) стало источником высокомерия и надменности для книжников. Их отношение к простому народу точно выражено в следующих словах Евангелия: «Но этот народ невежда в законе, проклят он» (Ин. 7, 49).

У простых иудеев сложился самый настоящий комплекс неполноценности на фоне профессиональных знатоков закона, пророков и устного предания. Простой еврей понимал: куда ни ступи, сразу же нарушишь какое-нибудь предписание. А их число измерялось сотнями. Только в Торе (Пятикнижии Моисеевом) имеется 613 предписаний, из них 365 запрещающих и 248 обязывающих². Количество предписаний, содержащихся в Талмуде (толкование на Тору), измеряется тысячами. Простой народ иудейских интеллектуалов – знатоков ветхозаветных книг и устных преданий – откровенно боялся. Ведь они были не только знатоками, но выполняли и судебные функции.

Вот, например, фрагмент из Евангелия от Иоанна, в котором говорится об иудейском народе, толковавшем

¹ В отличие от фарисеев саддукеи не признавали устных преданий.

² Такой подсчет провел еврейский философ и богослов Моше бен Маймон (1135–1204). Составленный им список предписаний (мицва) с тех пор считается общепринятым в иудаизме.

об Иисусе Христе: «И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр; а другие говорили: нет, но обольщает народ. Впрочем никто не говорил о Нем явно, боясь иудеев» (Ин. 7, 12–13). Впрочем, вождей боялись не только простые граждане, но даже некоторые высокопоставленные иудеи, взгляды которых отличались от официальных установок. В Евангелии от Иоанна рассказывается об Иосифе Аримафейском, который из страха перед иудеями скрывал, что он ученик Иисуса. Русский перевод этого фрагмента: «После сего Иосиф из Аримафеи, ученик Иисуса, но тайный – из страха от иудеев, просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса» (Ин. 19, 38). В церковнославянском тексте слова «из страха от иудеев» звучат так: «страха ради иудейска», что сегодня стало крылатой фразой.

Обличение Христом еврейской интеллигенции

Книжники вместе с фарисеями и саддукеями настороженно и враждебно отнеслись к появлению Христа, опасаясь утраты своего влияния на еврейский народ из-за проповедей и чудес, творимых Спасителем. В свою очередь Христос обличал вождей иудейских, особенно книжников и фарисеев, показывая, что они не те, за кого себя выдают. Например: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23, 27).

Разберемся более конкретно в следующем вопросе: за что Иисус Христос критиковал (обличал) книжников и других вождей иудейских?

Первое. Главным учителем иудейского народа был Моисей, через которого Бог (Иегова) дал древним евреям закон. Книжники и фарисеи, призванные быть лишь скромными помощниками этого учителя, заняли его место, фактически заместили Моисея: «на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи» (Мф. 23, 2). Речь идет не только о том, что книжники и фарисеи пытались «приватизировать» авторитет и славу Моисея. Главное, что они Закон Моисея начали замещать своими измышлениями и устными преданиями.

Второе. Книжники и фарисеи не исполняли основные заповеди Писания, касающиеся духовно-нравственного состояния человека. Основное внимание они обращали на тщательное соблюдение обрядовых порядков и тех норм, которые были на виду, а не касались внутренней, духовной жизни: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять» (Мф. 23, 23). Как же быть простому народу в этой ситуации? Христос отвечает: «Итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают» (Мф. 23, 3).

Третье. Книжники и фарисеи учили неверно народ, что служило погибели людей. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете... Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» (Мф. 23, 13, 15)

Четвертое. Книжники и фарисеи любили возвышать себя над народом. Мы уже приводили пример высокомерного отношения самих вождей к своей пастве:

«Но этот народ невежда в законе, проклят он» (Ин. 7, 49). А вот слова Иисуса Христа об этих учителях: «также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!» (Мф. 23, 6, 7). Вожди иудейские возвышали себя над народом даже с помощью особых одеяний, о которых не было специальных предписаний в законе Моисея (для левитов и других служителей Иерусалимского храма). Только первосвященник и священники, входя в святилище, одевали более праздничную одежду из виссона. А что делали книжники и фарисеи? – Христос сказал, что они «...увеличивают воскрилия одежд своих» (Мф. 23, 5).

Пятое. Книжники и фарисеи прибавили к закону Моисея много человеческих преданий и возвели их в ранг закона, обязательного для всех. В Евангелии от Матфея мы читаем слова Христа о них: «...связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям» (Мф. 23, 4). В этом же Евангелии говорится о возмущенных книжниках и фарисеях, задающих вопрос Христу: «Зачем ученики Твои преступают предание старцев? Ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб» (Мф. 15, 2). Христос далее дает этим лжеучителям гневную отповедь. Вот часть ее: «Зачем... вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего... таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим» (Мф. 15, 2, 6). У других евангелистов также много подобных обличений. Например, в Евангелии от Марка: «...Тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим. Ибо вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное... хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание?» (Мк. 7, 7–9).

Шестое. Захватив власть над народом, книжники и фарисеи стали ее использовать для того, чтобы жить за счет народа: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь» (Мф. 23, 14). Об этой стороне жизни вождей иудейских я уже писал¹.

Любой человек, мало-мальски знающий Новый Завет, прекрасно понимает, что вожди народа иудейского кипели от гнева, слыша подобные обличения Спасителя.

В первую очередь эти обличения били по самолюбию начальников еврейского народа, которые создали такую атмосферу «страха иудейска», что никто не мог сметь слова сказать против них. Выражаясь современным языком, в Иудее после вавилонского плена стал складываться культ личности. Только это была не одна личность, а совокупность личностей, составлявших социальный слой вождей еврейского народа. Власть вождей основывалась на трех столпах: административном ресурсе, деньгах и монополии на «правильное» знание закона². Последний столп был самым главным. Вожди были в первую очередь «властителями дум». И вот совершенно неожиданно для них появляется никому не известный проповедник по имени Иисус Христос, который наносит страшные удары по авторитету этих «властителей дум».

Более того, обличения Иисуса Христа поставили под угрозу политическую власть иудейских вождей. «Властители дум» собрали свой совет и решили, что единственным эффективным средством противостояния Христу будет убийство: «С этого дня положили убить Его» (Ин. 11, 53). Председательствовавший на том

¹ См.: Катасонов В. Ю. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: Кислород, 2014.

² Там же.

собрании первосвященник Каифа лицемерно заявил: «... Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11, 49). На самом деле Каифу мало волновала судьба простого народа Иудеи, он боролся за удержание своей политической власти.

Если непредвзято охватить общим взором Евангелие, то можно сказать, что по крайней мере половина его текстов прямо или косвенно посвящена обличению Христом вождей иудейских, и в первую очередь книжников и их ближайших духовных союзников фарисеев.

Философствующая интеллигенция и катастрофа ветхозаветного еврейского народа

Каков итог деятельности философствующей интеллигенции (в лице фарисеев и книжников) в Иудее?

Во-первых, размывание учения Моисеева и его подмена философскими мудрованиями. Уже после краха Иудеи и разрушения Второго храма философствующая интеллигенция подменила закон и пророков увесистым Талмудом и Каббалой. Каббала лишь чисто символически сохранила связь со Священным Писанием Ветхого Завета. По сути это философская доктрина.

Во-вторых, окончательная утрата еврейским народом своей государственности. Роль философствующей интеллигенции в этом трудно переоценить. Немногочисленные ортодоксальные иудеи, сохранившиеся до наших времен, прямо связывают трагедию разрушения Иерусалима и утраты евреями земли обетованной исключительно с тем, что Израиль изменил учению Моисея. Эту мысль еще две тысячи лет выразил Иосиф Флавий в своем фундаментальном произведении «Иудейская война». Эту измену подготовила и обосновала тогдашняя философствующая интеллигенция в лице фарисеев и книж-

ников. Примечательно, что признание этого факта можно найти даже в Талмуде.

В-третьих, убийство Христа. Многие современные еврейские апологеты пытаются нас убедить в том, что убийство Христа – дело рук римских воинов. Причем убийство, якобы осуществленное по приказу римского чиновника Понтия Пилата. Однако добросовестный анализ текстов Нового Завета показывает, что римский прокуратор Пилат был лишь игрушкой в руках иудейских вождей. Реальное решение принималось именно ими, на ночном заседании Синедриона. Формально в Синедрионе верховенствовали саддукеи. Но решение Синедриона было бы невозможно без его подготовки фарисеями и книжниками. Во-первых, потому, что именно они следили за каждым шагом Христа и именно они приложили руку к организации лжесвидетельских показаний. Во-вторых, потому что именно они, будучи в непосредственном контакте с простым народом, подготовили его к принятию этого решения. Итак, главную роль в убийстве Христа сыграли философствующие интеллигенты еврейского народа. Хотя при этом они оставались в тени¹.

Философствующая интеллигенция ветхозаветного народа после катастрофы

Партия фарисеев выжила после трагических событий первого века новой эры. В отличие от партии саддукеев, существование которой было привязано к государственности еврейского народа. Ессеи тоже быстро сошли с исторической сцены (как считают некоторые

¹ См.: Катасонов В. Ю. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: Кислород, 2014. – Раздел «Суд над Христом, или Модель отношений иудейских вождей и римской власти», с. 104–112.

авторы, часть ессеев приняла учение Христа, они стали первыми христианами).

Фарисеи и книжники продолжили свое черное дело. Раньше еврейская интеллигенция размывала и подрывала учение Моисеево. Теперь она начала работу по подрыву христианства и продолжала это дело на протяжении двух тысяч лет. Важной вехой в этом было завершение работы над Талмудом¹. Электронная еврейская энциклопедия дает следующее определение: «Талмуд – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, охватывающий Мишну и Гемару в их единстве. Талмуд – уникальное произведение, включающее дискуссии, которые велись на протяжении около восьми столетий законоучителями Эрец-Исраэль и Вавилонии и привели к фиксации Устного Закона»². На сегодняшний день существует два основных вида (варианта) Талмуда – Вавилонский и Иерусалимский. В учебниках и справочниках указывается, что первый создавался в период III–VII веков, второй – в период с начала III до конца IV веков. Но здесь указывается время уже окончательной работы по сведению текстов, часть из которых была создана еще до Рождества Христова.

Параллельно с работой над Талмудом и после нее создавалась каббала. Каббала, согласно еврейским источникам, – религиозно-мистическое и эзотерическое течение в иудаизме, появившееся в XII веке и полу-

¹ Работа над Талмудом, по мнению современных еврейских источников, была начата во II веке до Р. Х. Между тем некоторые авторы полагают, что датировать начало работы следует временем, когда евреи находились в вавилонском плену.

² Упомянутая в определении Талмуда Мишна – свод устных Законов. Гемара – свод дискуссий и анализа Мишны. В этом своде содержатся также постановления и уточнения закона. В обиходе термином *Гемара* часто обозначают Талмуд в целом, а также каждый из составляющих его трактатов в отдельности.

чившее распространение в XVI веке. Эзотерическая каббала представляет собой традицию и претендует на тайное знание содержащегося в Торе божественного откровения. Фактически это уже не религиозное, а философское учение. Кое в чем Талмуд и каббала дополняют друг друга, кое в чем вступают в противоречие. Зафиксировать все совпадения и противоречия достаточно сложно, учитывая, что каббала имеет много школ, модификаций, оттенков.

Но нас в данном случае интересуют не тонкости Талмуда и каббалы, а более широкий контекст.

Во-первых, работу по созданию Талмуда и каббалы проводили продолжатели дела ветхозаветных фарисеев и книжников. То есть все та же философствующая интеллигенция.

Во-вторых, с точки зрения современных ортодоксальных иудеев¹, Талмуд и каббала окончательно размыли и подменили религиозное учение Моисея и ветхозаветных пророков.

В-третьих, Талмуд и каббала несут мощный антихристианский заряд. Окончательные версии Талмуда создавались в то время, когда борьба между христианством и иудаизмом приобрела особую остроту. Талмуд стал инструментом этой борьбы. Каббала как философское учение постоянно развивается. В новых идеях философствующей интеллигенции, участвующей в раз-

¹ В понимании того, что такое ортодоксальный иудаизм, существует некоторая путаница. Приверженцы Талмуда себя тоже называют представителями ортодоксального иудаизма. Но в строгом смысле слова ортодоксальными иудеями следует считать тех, кто придерживается Священного Писания Ветхого Завета в том виде, в каком он существовал во времена древнего Израиля. С этой точки зрения наиболее ортодоксальными следует признать караимов. До сегодняшнего дня они признают только Тору (Пятикнижие Моисеево) в ее начальном письменном виде. Именно поэтому приверженцы Талмуда не признают караимов.

витии каббалы, появляются новые выпады против христианства (впрочем, тонкие и хорошо замаскированные). Главная задача каббалы (в вариантах, предназначенных для «внешних» пользователей) – увлечь христиан философскими мудрованиями и таким образом оторвать от христианства и Церкви. Появилась даже так называемая «христианская» каббала. Основателем ее считается Пико делла Мирандола (XV век). Наиболее известными последователями были Иоганн Рейхлин (ученик Пико), Яков Беме (начало XVII века). И в России были философы, неравнодушные к философской каббале. Например, отец-основатель так называемой русской религиозной философии Владимир Соловьев¹. Весьма толерантное отношение к так называемой христианской каббале Якова Беме демонстрировал другой представитель русской религиозной философии – Николай Бердяев. Вот лишь одно его высказывание на эту тему: «Влияние каббалы освобождает от отвлеченной мистики типа неоплатонического и экхартовского и прививает начала конкретной космологии и антропологии»².

Среди нееврейской интеллигенции появляется все больше приверженцев и даже фанатиков каббалы. Но это не более чем слепые последователи, идущие за теми, для кого высшей целью является не истина, а власть. Высшая каббала со своим эзотерическим знанием предназначена для избранных. Тайна высшей каббалы – не только и не столько познать мир, сколько его изменять. А высшая цель этих изменений – мировое господство избранных. Даже далеко отошедшие от корней ветхозаветной

¹ См.: Константин Бурмистров. Владимир Соловьев и каббала. К постановке проблемы // Интернет. Режим доступа: <http://www.thelema.ru/library/konstantin-burmistrov-vladimir-solovyov-i-kabbala-k-postanovke-problemy>.

² Бердяев Н. Новые книги о Якове Беме // Путь. Октябрь-ноябрь 1926. №5. С. 119.

религии Моисея еврейские «властители умов» на генетическом уровне сохранили представление о себе как о представителях избранного народа. Более того, они – не только избранный народ, они в силу своего безумия и гордыни полагают себя вождями, стоящими над избранным народом. Хотя он и избранный, но, по их высокомерному мнению, все равно глупый и невежественный¹. «Но этот народ невежда в законе, проклят он» (Ин. 7, 49).

Ветхозаветная и российская интеллигенция

Российская интеллигенция, зародившаяся при Петре, – продолжатели дела философствующей интеллигенции, которую обличал Спаситель. Если бы Спаситель вновь пришел на Землю, конкретно в Россию, он, наверное, не стал бы даже обличать современных интеллигентов, потому что это было бы делом еще более безнадежным, чем обличение фарисеев и книжников, обитавших в древней Иудее.

Возникает простой вопрос: зачем Христос обличал фарисеев и книжников? Ведь Он как Сердцеведец заранее знал, что Его проповеди не смягчат сердца жестокосердых «властителей дум» того времени. Он ведь заранее знал, что за Его обличения эта публика будет ненавидеть Его еще больше, что она сделает все возможное для того, чтобы Он был распят на Голгофе. Думаю, что Он делал этого ради того, чтобы будущие христиане понимали ту угрозу, которая исходит от «философствующей интеллигенции».

К сожалению, в России не до конца были поняты уроки того переломного момента истории, который пришелся на время земного служения Христа. В России

¹ См.: Катасонов В. Ю. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: Кислород, 2014.

появились свои фарисеи и книжники, которых стали называть интеллигенцией. Сходство российской интеллигенции с теми книжниками, которых обличал Христос, просто поразительно.

Первое. Ветхозаветные книжники призваны были нести в народ слово Божие, которое нашло свое воплощение в Пятикнижии Моисеевом (Торе) и книгах ветхозаветных пророков. Ранние представители интеллигенции, которые еще не были атеистами, также претендовали на роль просветителей народа, имея в виду, что они являются носителями истинного христианства. Ранние представители интеллигенции уже с самого начала своей «просветительской» деятельности истинное христианство, основанное на Священном Писании и Священном Предании (святых отцах), подменили своими псевдохристианскими мудрованиями протестантского толка. Это была причудливая смесь деизма, пантеизма, рационализма и других «измов», присущих людям, которые оказались за пределами ограды Церкви. Более поздняя интеллигенция уже полностью эмансипировалась от христианства, полагая его предрассудком, пережитком и опиумом для народа. Она заменила христианство наукой и начала ей поклоняться, проповедуя религию науки среди простого народа. Книжники от науки пошли намного дальше книжников ветхозаветных. Вторые хотя бы на словах чтити закон и пророков. Первые встали на позиции атеизма, богоборчества, беспощадной критики Священного Писания и Священного Предания.

Второе. Как мы уже сказали, ветхозаветные книжники были пропитаны чувством своего превосходства над простым народом. Превосходства, которое перерастало в чувство презрения к простому, невежественному народу. То же самое можно сказать в отношении интелли-

генции. Конечно, российская интеллигенция старалась не демонстрировать свое превосходство слишком уж откровенно. Но уже само по себе неистребимое желание поучать и просвещать русский народ свидетельствовало о ее подлинном к нему отношении. Нация распалась на две части: интеллигенцию и простой народ, «невежд» – но только не в законе, а в философии. Иван Солоневич в статье «К новой эмиграции, а также и к старой» писал: «И “народ” и “интеллигенция” продолжают стоять по обе стороны пресловутой пропасти, и никаких мостов через нее не построено. Это и есть *основной факт* нашей истории за последние лет двести пятьдесят. В этом факте ничего не меняет то обстоятельство, что двести пятьдесят лет назад наш образованный слой цеплялся за Лейбница, а теперь цепляется за Сартра»¹.

Третье. Ветхозаветные книжники обладали реальной властью в Иудее. Наша интеллигенция также очень скоро получила большие политические возможности. Если ее представители не были непосредственно во власти, то, по крайней мере, они находились рядом со властью. А власть к ним прислушивалась. Люди же, которых Солоневич относил к научной или литературной интеллигенции и которые «книжную» интеллигенцию не поддерживали, в лучшем случае замалчивались, а в худшем – преследовались. Иван Лукьянович писал: «История русской общественной мысли делится на две очень неравные части. В первой части работали люди первого сорта. Их читали все, но их не слушал никто. Вторую частью безраздельно заведовали литераторы второго сорта. Их читали мало, но им повиновались все. Достоевский и Толстой, Пушкин и Блок, Тургенев и Лесков были, конечно, людьми первого сорта. Но политически они были – или считались – реак-

¹ Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. М.: ФИВ, 2013. С. 389.

ционерами. Еще в большей степени это же относится к представителям русской науки. Периодическая система элементов Менделеева кое-что говорила и уму, и сердцу каждого русского интеллигента. Но политические убеждения Менделеева не интересовали никого: они были «реакционерами»¹.

Часть российской интеллигенции была в высшей степени революционной. И ради своих революционных идеалов готова была использовать любые средства, вплоть до убийства. Некоторые представители нашей интеллигенции мне напоминают зелотов – партию в древней Иудее, которая представляла собой радикальных фарисеев. Зелот в переводе означает *непримиримый*. Зелоты времен Иисуса Христа прибегали к организации восстаний и убийствам. Российские зелоты делали в начале XX века то же самое.

Впрочем, кроме поразительного сходства «интеллигентов» ветхозаветных и наших, российских, можно найти между двумя этими типами и различия. Фарисеи и книжники боролись за освобождение Иудеи от иноземной оккупации (владычества Рима). Наши интеллигенты делали все возможное для того, чтобы Россия стала страной зависимой. Мы помним, как столичная элита в ходе русско-японской войны желала поражения России. Мы помним, как те же самые интеллигенты во время Первой мировой войны желали поражения России (самым ярким пораженцем был «властитель дум» по имени Владимир Ленин). Мы знаем, что и сегодня интеллигенция «демократической» России мечтает о том, чтобы ее завоевал Запад. В качестве примера приведу высказывание 2007 года подлинной «интеллигентки» нашего смутного времени Валерии Новодворской:

¹ Солоневич И. Л. Пророчества реакции // Интернет. Режим доступа: http://www.lib.ru/POLITOLOG/SOLONEVICH/diktatura.txt_with-big-pictures.html.

«Если бы США напали на Россию, для нас это было бы хорошо. Для России лучше быть штатом США»¹.

По-своему фарисеи и книжники были патриотами. Они желали сохранения еврейского народа как нации, боролись против культурных влияний других народов на еврейский народ. А влияния, как мы сказали, были сильные (греческая философия, зороастризм). Пусть и по-своему, своеобразно, но фарисеи и книжники пытались сохранить свою религию. Российские «интеллигенты» фанатично боролись с «пережитками» христианства, проповедовали религию науки и научный атеизм.

Если революционная интеллигенция времен Христа в лице zelотов убивала римских оккупантов (и иногда местных пособников этих оккупантов), то российские zelоты убивали своих. Если во второй половине XIX века народовольцы практиковали редкие точечные удары, то во время так называемой «русской» революции 1905–1907 годов имел место уже массовый терроризм. Было убито около 9 тысяч российских граждан, причем половину из них составили государственные служащие.

И наконец, многие ветхозаветные книжники и фарисеи были действительно высокообразованными для своего времени людьми. Они долго учились, изучая книги закона и пророков. Кроме того, по крайней мере некоторые из них были знакомы с другими религиозными учениями, интересовались греческой философией (видимо, для того, чтобы бороться с ее влиянием на еврейский народ)². Известными книжниками времен Христа были Гиллель и Шамаи, которые возглавляли две различные школы. Учеником (и внуком, как гла-

¹ Интернет. Режим доступа: <https://rg.ru/2007/02/13/prensa-myunhen.html>.

² Подробнее см.: Постнов М. Книжники // Богословская энциклопедия / Под ред. проф. Н. Н. Глубоковского. Том 12. СПб., 1911. С. 189–204.

сит предание) Гиллеля был Гамалиил, наставник Савла (впоследствии – апостола Павла). Многие еврейские авторы (например, Иосиф Флавий) описывают этих и других книжников как людей мудрых и обладающих энциклопедическими знаниями.

А что наша российская интеллигенция? Я об этом уже немало писал в разных своих публикациях. Повторю лишь слова Ивана Солоневича: «...Русская революционная интеллигенция есть слой второсортных работников книжного (то есть не умственного вообще) труда, оторванных от всякой реальной деятельности и от всяких реальных познаний...»

Мавр не умер, он в засаде

Иван Солоневич, писавший в первой половине прошлого века и раскрывший роль российской интеллигенции, современных книжников, в разрушении России, кое в чем был не совсем прав. У Ивана Лукьяновича российская интеллигенция подавалась как ключевой герой из драмы Фридриха Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (1783). В пьесе есть слова, которые стали крылатой фразой: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти (уходить)» (нем. – *Der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen*). Слова произносит мавр, оказавшийся ненужным после того, как он помог графу Фиеско организовать восстание республиканцев против тирана Генуи дожа Дориа. В нашей истории таким «восстанием республиканцев» стали так называемые «русские» революции в феврале и октябре 1917 года. «Тираном Генуи дожем Дориа» оказался последний российский император Николай II (Романов). А в роли мавра выступили российские «властители дум», которые большевикам оказались не очень нужны (особенно после разгрома

разных оппозиций и высылки из страны Льва Троцкого, носившегося с маниакальной идеей перманентной революции). Большевикам, взявшим курс на индустриализацию и строительство социализма в «отдельно взятой стране», уже потребовались инженеры, учителя, ученые, врачи. Потребность в революционных интеллигентах резко упала. Иван Солоневич в конце своей жизни был уверен, что мавр ушел со сцены российской истории. Он действительно исчез, но ушел всего лишь за кулисы, ожидая своего следующего выхода в новом акте пьесы. Иван Солоневич ушел из жизни в том же самом году, что и Сталин, – в 1953-м. Поэтому он не застал те времена, когда сквозь асфальт советского режима вновь стали пробиваться симпатичные цветочки, называемые «интеллигенцией». Те же самые цветочки, что буйно произрастали на российской почве до 1917 года. То есть «интеллектуалы» не созидающие, а разрушающие. Впрочем, разрушающая публика предпочитала называть себя «свободно мыслящими» интеллигентами. Были официальные, легальные, созданные властью для публичной демонстрации всему миру, а были и полуофициальные, и вовсе нелегальные, которых называли диссидентами. Стал складываться свой автономный мирок «альтернативной интеллигенции» (альтернативной по отношению к прочим образованным гражданам СССР). На первый взгляд, забавный, симпатичный, безобидный и где-то даже притягательный для всех внешних¹.

Новый акт российской драмы – развал СССР в августе 1991 года (первая фаза новой «русской» революции) и события вокруг Белого дома в Москве в октябре

¹ «Как заметил кто-то из историков, у советской интеллигенции была своя религия – братья Стругацкие, своя идеология – А. Сахаров, любимые книжки – И. Бабель, И. Ильф и Е. Петров, А. Рыбаков, любимый театр – Таганка» (Щипков А. В. Смерть интеллигенции // Сборник статей о справедливости традиции. М., 2013. С. 156).

1993 года (вторая фаза)¹. Роль нашей демократической интеллигенции, в очередной раз оказавшейся на сцене нашей истории, в событиях того времени трудно переоценить. Сегодня многие считают, что интеллигенция как особая социальная группа в России уже находится при смерти. Позволю себе процитировать современную публикацию, которая так и называется: «Смерть интеллигенции». Ее автор пишет: «В начале “нулевых” в Москве был открыт памятник интеллигенции. Выглядит он так: Пегас парит над абстрактной композицией из стальных шипов. Обычно памятники ставят либо по-смертно, либо за особый статус при жизни. Этот памятник “самой себе” – то, строительством чего российская интеллигенция занималась на протяжении всей своей истории. Сегодня в этом памятнике явлены оба качества российской интеллигенции. Во-первых, она потерпела историческое поражение и умерла. Во-вторых, комплекс избранности, мессианизм интеллигенции и есть ее памятник самой себе. Смерть интеллигенции закономерна. Она не выдержала экзамен ни на интеллектуальную пригодность, ни на нравственную зрелость, ни даже на верность самой себе»².

Сегодня действительно много признаков того, что прежние интеллигенты в «демократической» России никому не нужны. Мол, мавр не просто уходит – мавр умирает, скоро услышим последний вздох. А я полагаю, что конец истории еще не наступил. И мавр ушел, но не умер,

¹ «Властители дум» из числа творческой интеллигенции в 1993 году дружно встали на защиту «демократии», поставив свои подписи под пресловутым «Письмом сорока двух». Там содержался такой призыв к Ельцину: «Господин президент, раздавите гадину!» Кто же эти 42? Б. Ахмадулина, Д. Гранин, А. Дементьев, В. Астафьев, Д. Лихачев, Б. Окуджава, Р. Рождественский и другие представители «совести нации».

² Щипков А. В. Смерть интеллигенции // Сборник статей о справедливости традиции. М., 2013. С. 160.

он снова находится в засаде. Нас ожидают бурные события, а катализатором таких событий призвана выступить все та же интеллигенция. С моей точки зрения, интеллигенция будет дискретно (время от времени) выходить на сцену, включая и последний акт драмы, изложенный в Откровении от Иоанна (Апокалипсисе).

Чтобы минимизировать ее разрушительное действие, мы должны понимать духовную и социально-политическую сущность нынешних книжников. Такому пониманию очень способствует сравнение современных «работников книжного труда» с теми фарисеями и книжниками, которых обличал Спаситель. Мне кажется, что тема «философствующей интеллигенции» – одна из ключевых в Священном Писании Нового Завета.

Христианская философия: фантом или реальность?

Три возражения против христианской философии

В среде философов и богословов довольно часто обсуждается вопрос: нужна ли христианская философия? Часть из них полагает, что христианской философии нет и она вообще не нужна. Странников подобной точки зрения можно разделить на несколько групп.

Первая считает, что, мол, философия должна быть универсальной. Не христианской, не мусульманской, не буддийской, а всемирной. Ведь нет китайской или африканской математики или индийской и немецкой физики. И математика и физика во всем мире одни и те же, и на языке этих наук могут общаться и понимать друг друга китайцы, индусы, немцы и русские. Человечеству нужна единая, универсальная философия. Именно такая вселенская философия может дать объективную картину мира, к тому же она будет способствовать объединению человечества. Странники культурной, политической и экономической глобализации любят говорить о необходимости синтеза всего многообразия философских школ и теорий в единую вселенскую философию. Эту позицию можно назвать *философским экуменизмом*.

На позициях отрицания необходимости христианской философии стоят и некоторые христиане (вто-

рая группа). По их мнению, есть Священное Писание (Ветхий и Новый Заветы), есть Священное Предание (труды святых отцов), есть христианское богословие, и этого вполне достаточно. А философия, понимаемая как любовь к мудрости и существовавшая в древнем мире до Рождества Христова, служившая неким интеллектуальным (а отчасти и нравственным) ориентиром для человека, уже более не нужна. Христианство стало ярким, вечным, незыблемым маяком, заменившим языческую философию древних греков. Необходимо лишь систематизировать христианское учение и обеспечить правильное толкование текстов Священного Писания. Этим должно заниматься богословие. А философия — это что-то вроде пятого колеса в телеге. Она не только излишня, но может даже стать источником разных ересей. Эту точку зрения еще в начальные века христианства выразили такие мыслители Церкви, как Татиан и Тертуллиан. Вот как второй из них сформулировал свое отношение к философии: «Еретическое учение есть человеческое и бесовское. Философия, предпринимая дерзновенно исследовать природу Божества и судьбы Его, послужила орудием этой мирской мудрости. Она произвела все ереси... Он (апостол Павел) был в Афинах, где лично узнал эту мирскую философию, тщеславящуюся тем, что учит истине, повреждая ее, и разделяющуюся на многие секты, которые, подобно ересям, суть заклятые враги между собою. Но что общего между Афинами и Иерусалимом, между академией и Церковью, между еретиками и христианами?»¹ Что касается Татиана, ученика Иустина Философа, то в апологетической «Речи против эллинов» он заявил, что христианское мировоззрение и античная философия

¹ Цит. по: Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие (Конспекты лекций). Вильнюс, 1992. С. 54.

непримиримы¹ Последователи Татиана и Тертуллиана были во все века, их мнение: ничему хорошему научиться у философов нельзя и философия есть причина всех бед и ересей. Церковные соборы в Византии не раз выносили решения, осуждавшие увлечение греческой философией и неоплатонизмом.

Некоторые профессиональные философы рационалистического толка (третья группа) считают, что религия (в первую очередь христианство) и философия в принципе несовместимы. Например, французский философ и историк философии Эмиль Брейе (1876–1952) в своем первом томе «Истории философии», вышедшей в 1926 году, заявил, что христианство не оказало никакого влияния на историю философии. Два года позднее, выступая в Брюсселе с лекциями на тему «Существует ли христианская философия?», Брейе озвучил тезис, согласно которому христианство и философия являются несовместимыми, «поскольку первое является мистическим, а вторая – рациональной»². Итак, философы типа Брейе воздвигают между религией и философией непреодолимую стену, из чего выводят абсурдность самого словосочетания «христианская философия».

И все-таки христианская философия нужна

Я уже излагал свою точку зрения по вопросу о христианской философии: она безусловно нужна. Хотя мне

¹ Примечательна мысль Татиана о том, что античные философы ничего своего не придумали, а заимствовали все у Моисея, который жил за много веков до появления первых философских школ и теорий в Греции. При этом они не только заимствовали идеи Ветхого Завета, но и извратили их. А посему, заключает Татиан, лучше обращаться к первоисточнику – Моисею, через которого говорил Бог, нежели к философским извращениям эллинов (Речи против эллинов. 31, 36–41).

² Kerr F. *After Aquinas. Blackwell Publishing, 2002. P. 80 // Цит. по: Кирьянов Д. Христианская философия Этьена Жильсона / XIX ежегодная богословская конференция. М.: ПСТГУ. С. 129.*

очень понятна точка зрения Тертуллиана и Татиана, но буквальное следование их рекомендациям грозит тем, что вместе с водой можно выплеснуть и младенца. Под водой я разумею языческую философию, а под младенцем – философию христианскую. Во времена Тертуллиана и Татиана, вероятно, потребность в такой философии еще не созрела.

Самое простое, незамысловатое объяснение таково: христианская философия должна стать альтернативой тому морю различных философских мудрований, которые накопились за многие века. Эти мудрования продолжают множиться (чуть ли не в геометрической прогрессии) по сей день. В Новое время философия вышла из подчинения богословию, перестала быть его служанкой. Со времен Возрождения и Реформации стало появляться большое количество новых философских направлений, школ, теорий. С каждым веком они приобретали все более откровенную антихристианскую направленность. Еще святитель Григорий Палама, византийский богослов XIV века, **сравнивал тогдашнюю философию с напитком, состоящим из меда и цикуты (яд растительного происхождения)**. За семь веков со времен Паламы концентрация цикуты в философских напитках неимоверно возросла. Яд такой философии проникает в сознание, души людей через образование, литературу, культуру, средства массовой информации. Отравлению подвергаются все, включая христиан. Христианская философия может и должна стать напитком, состоящим исключительно из меда Божественной Мудрости, без каких-либо примесей цикуты. Христианская Церковь должна предложить его как своим членам, так и всем людям, проявляющим любовь к мудрости. Такой альтернативный напиток мог бы стать средством христианизации общества или,

по крайней мере, позволил бы затормозить нынешний кризис христианства.

Христианская философия нужна не только для того, чтобы удовлетворять жажду познания человека с помощью напитка Божественной Мудрости. Она также нужна для того, чтобы люди имели правильные ориентиры в своей повседневной личной и общественной жизни. Наверное, я говорю банальные вещи, которые понятны любому православному человеку. Но, увы, понимание необходимо, но недостаточно. Нужны дела. Я иногда задаю вопросы выпускникам духовных учебных заведений (академий и семинарий) для того, чтобы выяснить, по каким учебникам и в каком объеме они изучали христианскую философию. Выясняется, что такой дисциплины ни в одном духовном учебном заведении нет. Вот, для примера, Московская духовная академия (МДА). На ее сайте я нахожу учебные программы и выясняю следующее. В программе бакалавров изучается дисциплина «Философия» (216 акад. часов). В программе магистров есть две философские дисциплины – «Современные философские течения» (144 часа) и «Философия религии» (72 часа). Никакой христианской философией и не пахнет. Можно догадываться, что в этих курсах студентам (семинаристам) рассказывают о Платоне, Ницше и Фрейте. Может быть, это тоже надо. Но целостное представление о христианской философии, наверное, еще важнее.

О древе философского познания

Философия может и должна стать важнейшей частью христианского мировоззрения. Последнее можно сравнить с домом, состоящим из фундамента, стен и крыши. Фундамент – христианское богословие. Стены –

христианская философия. Крыша – науки, которые также должны быть освящены духом христианства.

Христианское мировоззрение можно также сравнить с деревом. Корни его – богословие (не только школьное богословие, но и богословие в более широком смысле, как теория и практика общения человека с Богом). Корни дерева вбирают в себя питательные вещества из земли; в нашем примере это познание Бога через восприятие Духа Святого. Ствол дерева – христианская философия как система общих взглядов на видимый мир (физический и социальный). Ветки – отдельные науки (естественные и социальные). На ветках – плоды. Под плодами следует разуть знания, нужные человеку как для жизни земной, так для спасения, обретения жизни вечной. Так в идеале должно выглядеть древо христианского мировоззрения. Увы, сегодня это древо на вид очень неказисто. Мало кто за ним ухаживает, и оно начинает чахнуть. Есть на нем и плоды, но они также неказисты. Впрочем, неказистость плодов еще ничего не говорит об их вкусе.

Но современный человек, увы, предпочитает полезным и вкусным плодам, имеющим невзрачный вид, плоды крупные, румяные, сочные, долго хранящиеся. А то, что они являются генетически модифицированными продуктами и содержат запредельные концентрации нитратов, консервантов и разных ядохимикатов, мало кого волнует. Люди перестали об этом задумываться. Мышление у них отключено, работают лишь пять органов чувств.

Если говорить о древе мировоззрения, то внимание большей части человечества сегодня привлекает другое древо. Оно выглядит очень пышным. На нем много веток, громадное количество листьев. Все ветки увешаны красивыми плодами. Не знаю, как вам, читатель, а мне это пышное растение напоминает то самое древо познания добра и зла, которое стояло в центре Эдемского

сада. Яблоки того дерева были весьма привлекательны, румяны и сочны. Но, как мы знаем, они, подобно тому напитку, о котором писал Григорий Палама, были не только сладки, но также ядовиты. Думаю, что концентрация яда в плодах современного дерева познания несоизмеримо выше, чем в том яблоке, которое вопреки запрету Бога сорвали и вкусили первые люди.

Еще одной отличительной особенностью современного дерева познания добра и зла является то, что у него крайне слабая корневая система. В отличие от дерева христианского познания, которое при отсутствии видимой пышности имеет глубокие корни. Философский ствол первого дерева очень толстый, но гнилой. Об этом я уже писал раньше. А как обстоит дело с философским стволом второго дерева, дерева христианского познания? Существует ли христианская философия?

О русской религиозной философии

Начну с того, что многие люди с высшим образованием, считающие себя эрудитами, уверенно отвечают на этот вопрос утвердительно. Для меня это было неожиданностью. Их уверенность строится на том, что христианская философия в их сознании почти полностью совпадает с понятием «религиозная философия». Да, есть такое понятие, которое подразумевает, что есть философия христианства, ислама, буддизма и других религий¹. Но у наших образованных соотечествен-

¹ Мне удалось выяснить, что в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) читается курс «Религиозная философия». Знакомство с программой курса показало, что фактически это несколько модифицированный курс истории философии. В этой программе религиозная философия Восточной христианской Церкви представлена слабо, зато значительную часть курса занимает русская религиозная философия XIX–XX веков. Имеется также учебное пособие: В. П. Лега. Религиозная философия (М.: МГЛУ, 2009. 308 с.).

ников понятие религиозная философия ассоциируется прежде всего с феноменом русской религиозной философии. Это плеяда русских мыслителей, творивших с конца XIX века примерно до середины XX века. Они предпринимали попытки синтезировать христианство и философию (классическую греческую, классическую немецкую и прочую). Русская религиозная философия начинается с Владимира Соловьева (хотя у него, безусловно, были свои предтечи, в частности П. Чаадаев, Н. Федоров, П. Юркевич). Далее следует ряд таких имен, как С. Булгаков, С. Франк, С. Трубецкой, Е. Трубецкой, Н. Бердяев, П. Флоренский, Н. Лосский, Л. Карсавин, И. Ильин, Г. Федотов, Г. Флоровский. Как пишут многие биографы и исследователи творчества указанных мыслителей, они стояли на позициях христианства (как правило, Православия, хотя были отклонения в сторону католицизма и протестантизма). Поэтому действительно в некоторых работах в качестве синонима понятия «русская религиозная философия» стало использоваться словосочетание «христианская философия». Некоторые авторы идут еще дальше и утверждают, что перечисленные выше мыслители создали христианскую философию. Мол, вопрос решен, надо просто изучать творческое наследие русской религиозной философии. Но, слава Богу, есть авторы, которые справедливо обращают внимание на то, что представители русской религиозной философии в своем стремлении к творчеству полностью или частично эмансипировались от догматов христианской Церкви. Яркий тому пример – философия Николая Бердяева, который во главу угла ставил свободу, творчество, свободу творчества. В результате русская религиозная философия наплодила кучу ересей – софианства, экуменизма, хилиазма, космизма и таких,

которым даже не были придуманы названия. Андрей Иванов в статье «Философия» (в энциклопедии «Кругосвет») пишет, что существует два вида религиозной философии. Первая является продолжением религии и теологии (богословия), прочно привязана к религиозной догматике. Вторая занимается изучением религии как внешний наблюдатель, который не связывает себя никакими обязательствами догматического характера. Вот выдержка из статьи: «Возможна... религиозная философия, как свободная от догматических церковных шор, рациональная попытка построения целостного религиозного мировоззрения... Раздел философии, который занимается изучением природы религиозного опыта, его места в культуре и человеческом бытии, носит название философии религии. Ясно, что философией религии может заниматься не только верующий человек, но и философ-атеист»¹. От себя добавлю, что такой философией религии (или религиозной философией) очень активно занимались советские философы-атеисты. В результате их многолетней творческой деятельности родилась серия учебников под названием «Научный атеизм». Эта марксистско-ленинская версия религиозной философии стала обязательным предметом в советских вузах наряду с марксистско-ленинской политической экономией, диалектическим и историческим материализмом, научным коммунизмом. И вот еще фрагмент из упомянутой статьи А. Иванова, касающийся второго вида религиозной философии: «Блестящие образцы подобной философии, в частности, дала отечественная философская традиция на рубеже веков (см.: В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. О. Лос-

¹ Иванов А. Философия // Энциклопедия «Кругосвет» // Интернет. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/FILOSOFIYA.html?page=0,1.

ский, С. Л. Франк, братья С. Н и Е. Н. Трубецкие)»¹. Автор симпатизирует мыслителям русской религиозной философии, но вместе с тем он дает понять, что эта плеяда философов далека от той истинной христианской философии, которую мы ищем. И с ним нельзя не согласиться. Некоторые жесткие критики русской религиозной философии даже окрестили ее «суррогатным богословием»².

Где она, христианская философия?

В работах по философии и богословию довольно часто встречается термин *христианская философия*. Кое-где он используется для обозначения того, что уже существует. То есть авторы дают понять читателю, что при желании он может познакомиться с христианской философией по соответствующим книгам и учебникам. Другие авторы пишут о христианской философии как о чем-то желаемом, но на сегодняшний день отсутствующем. По крайней мере, в завершенном виде.

Я, будучи непрофессионалом, попытался разобраться в этом, казалось бы, несложном вопросе. И вот результаты моих изысканий. В западной литературе иногда встречаются работы, в названиях которых содержится словосочетание «христианская философия».

¹ Там же.

² Об этих острых дискуссиях вокруг русской религиозной философии достаточно откровенно пишет Л. И. Василенко в своей книге «Введение в русскую религиозную философию». Прочитую фрагмент из предисловия: «... Констатируем, что по крайней мере часть возможных аргументов против русской философии правомерна, если она связана с поиском Истины в самом серьезном смысле этого слова. Это можно видеть, например, в книге о Георгия Флоровского “Пути русского богословия”» (Василенко Л. И. Введение в русскую религиозную философию: Учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 6).

Можно, в частности, привести в пример известную на Западе работу авторитетного французского философа и историка Этьена Жильсона (1884–1978) «История христианской философии»¹. Однако на русский язык она переведена не была. Можно добавить еще его книгу «Христианство и философия» на французском языке². На русском выходил сборник работ этого философа под названием «Избранное. Христианская философия»³, однако под его обложкой содержатся работы, которые, если судить по названиям, имеют весьма опосредованное отношение к теме христианской философии⁴.

В наш список можно также добавить несколько работ известного французского философа и католического теолога Жака Маритена (1882–1973). На русском языке выходила его книга «О христианской философии»⁵. Еще можно вспомнить немецкого философа Эрнста Блоха (1885–1977) и его работу на немецком языке «Христианская философия Средневековья, философия Возрождения»⁶. Впрочем, Блох был далек от христианства и близок к марксизму, поэтому его работы вряд ли можно рассматривать в качестве сколь-нибудь серьезного вклада в разработку темы христианской философии.

Если потратить несколько часов на поиск в интернете, наверное, можно добавить в список еще несколько статей иностранных авторов, названия которых содержат словосочетание *христианская философия*. В основ-

¹ Gilson E. History of Christian Philosophy. N.Y.: Random House, 1955.

² Gilson E. Christianisme et philosophie. Paris: Vrin, 1936.

³ Жильсон Э. Избранное. Христианская философия. М., 2004.

⁴ Работы, входящие в состав сборника, называются: «Учение Декарта о свободе и теология», «Бытие и сущность», «Бог и философия».

⁵ Маритен Ж. О христианской философии. М.: Научный мир, 1999.

⁶ Bloche. Christliche Philosophie des Mittelalters, Philosophie der Renaissance. 1985.

ном это французы, примыкающие к группе Маритена и Жильсона (есть также несколько философов из Германии, Италии, других европейских стран). Это группа философов XX века, которых в учебниках по истории философии называют основателями неотомизма. Это философская школа, которая возрождает и развивает идеи Фомы Аквинского (1225–1274) – самого знаменитого богослова и философа католицизма, обосновавшего необходимость сочетания теологии и философии. При этом в качестве философской основы такого союза он избрал учение Аристотеля. По сути, католицизм воспринял схоластическое учение Фомы Аквинского в качестве своей официальной доктрины, которую часто называют томизмом (по имени Фомы Аквинского – Томас в латинском написании). Неотомизм, как пишут учебники и энциклопедии, – официальная философия католицизма с 1879 по 1962 год. Многие положения неотомизма находили свое отражение в папских энцикликах. Неотомизм до сих пор популярен среди католиков, но перестал быть официальной доктриной.

Читателю не надо объяснять, что ни томизм, ни неотомизм для нас, православных, в качестве христианской философии не годится. А что имеется у наших православных (не только русских) философов и богословов с названиями, включающими словосочетание *христианская философия*? – Увы, очень немного. Список фактически состоит из нескольких позиций.

Первая позиция – книга, вышедшая в 1902 году под названием «Христианская философия». Автор – протоиерей Иоанн Кронштадтский (впоследствии канонизированный святой праведный). Однако название книги достаточно условное (трудно сказать, чьей была идея так назвать книгу – автора или издателя). Это подборка

дневниковых записей батюшки. Книга поучительная, интересная, но к теме нашего разговора имеющая отношение лишь косвенное.

Вторая позиция – работы мало известного у нас в России автора – Авраама Позова. Авраам Самуилович Позов – российский грек (настоящая фамилия – Позидис). Родился в 1890 году в Тарсе (Закавказье). По первоначальной профессии – врач. В 1920-е годы эмигрирует из СССР – сначала в Грецию, позднее переезжает в Германию. В эмиграции начинает проявлять интерес к философии, психологии, богословию. После Второй мировой войны постепенно отходит от медицинской практики, переключается на написание книг и статей по философско-богословской тематике. Скончался в 1984 году в Штутгарте (ФРГ)¹.

Его перу принадлежит ряд работ по духовному осмыслению русской поэзии: «Метафизика Пушкина» (Мадрид, 1967)²; «Метафизика Лермонтова» (Мадрид, 1975); «Лирический мистицизм Блока» (Штутгарт, 1978).

Целый ряд работ Позова посвящен христианской аскетике и мистике, в том числе: «Логос – медитация древней Церкви: Умное делание» (Мюнхен, 1964); «Аскетика и мистика» (Штутгарт, 1978); «Богочеловек: Мистика христианства» (1974).

Имеется фундаментальный трехтомный труд по христианской антропологии: Основы древнецерковной антропологии: Том 1: Сын Человеческий. Мадрид, 1965; Том 2: Апокалипсис. Мадрид, 1966.; Том 3: (Без назва-

¹ Подробнее см.: Рыбаков Я. С. Христианский мыслитель Авраам Самуилович Позов // Полигнозис. 2003, №1. С. 97–110; Иеромонах Иосиф (Киперман). Неизвестный Позов // Интернет. Режим доступа: <http://gumnoslavie.livejournal.com/25218.html#cutid1>.

² Данная книга была издана у нас в России: Позов А. Метафизика Пушкина / 2-е издание. М.: Наследие, 1998.

ния). Штутгарт, 1976¹. Среди других работ Позова по философско-богословской тематике следует выделить: Путь к истине и жизни. Штутгарт, 1977; Религия и философия: Критический сборник. Штутгарт, 1979.

Одним из наиболее фундаментальных трудов Позова является трехтомник «Основы христианской философии», который был издан в начале 1970-х годов в Мадриде: Том 1: Теория познания (Гносеология); Том 2. Диалектика; Том 3: Метафизика. К сожалению, у нас в России данный труд Позова не издавался. Однако, по оценкам зарубежных авторов, знакомых с «Основами христианской философии» Позова, данный труд перекликается с работой В. В. Зеньковского, которая имеет точное такое же название.

«Основы христианской философии» В. Зеньковского

Третья позиция – только что упомянутая книга протоиерея Василия Зеньковского под названием «Основы христианской философии». Несколько слов об авторе. Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) – русский религиозный философ, богослов, культуролог и педагог, белоэмигрант. Скончался в Париже. Основной труд Василия Зеньковского – «История русской философии», основой которого стали его лекции в Свято-Сергиевском богословском институте; эта работа посвящена русской

¹ В России были изданы первые два тома данной работы: Позов А. (Авраам Позидис). Основы древнецерковной антропологии: В 2 т. Том 1: Сын человеческий. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. Том 2: Апокатастасис. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С этими работами можно познакомиться на сайте Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова по следующим адресам: <http://reosh.ru/pozov-avraam-pozidis-osnovy-drevnecerkovnoj-antropologii-v-2-t-tom-1-synchelovecheskij.html> (том 1) <http://reosh.ru/pozov-avraam-pozidis-osnovy-drevnecerkovnoj-antropologii-v-2-t-tom-2-apokastasis.html> (том 2).

мысли XVIII–XX веков. Зеньковский считал, что русская философия является уникальным национальным опытом создания христианской философии. Обращал внимание на непрерывность русской философской традиции, сохраняющей, несмотря на несхожесть форм, своеобразное единство на всех этапах ее развития. Значительное внимание уделял теме влияния западной мысли на русскую философию. Я сейчас не берусь оценивать творчество прот. Василия Зеньковского в целом. Знаю, что у него были и остаются свои критики. Особенно смущают экуменистические воззрения Зеньковского, которые еще при его жизни осуждались архиепископом Серафимом (Соболевым) (ныне канонизированным нашей Церковью)¹.

Но, как бы там ни было, именно прот. Василий Зеньковский оказывается до сих пор единственным православным автором, который задумал труд, непосредственно посвященный проблемам христианской философии. Зеньковский планировал свои «Основы христианской философии» как трилогию, включающую разделы (книги) по гносеологии, космологии и антропологии. Замысел был реализован лишь частично. Были написаны первые два тома (книги). Третий том, о человеке, ему написать не удалось. Два тома на русском языке были изданы в Германии в первой половине 1960-х годов². В наше время работа издана у нас в России³.

¹ Архиеп. Серафим (Соболев). Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении? // Деяния совещания глав и представителей автокефальных Православных Церквей. Т. II. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1949. С. 364–368.

² Зеньковский В. В. Основы христианской философии. Франкфурт, 1961–1964. Т. 1–2.

³ Работа помещена в 4-м томе изданного недавно собрания сочинений Зеньковского. (Зеньковский В. В. Собрание сочинений. Том 4. – М.: Русский путь, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 2011). В этом томе также опубликованы архивные материалы из наследия философа под названием «Введение в систему философии Православия», а также работа «Принципы православной апологетики».

Сам Зеньковский свой творческий замысел в предисловии к «Основам христианской философии» описывает так: «Проблема знания должна быть, конечно, основой всякой философской системы – это столь бесспорно, что нет, собственно, и надобности это доказывать. Но все новейшие теории знания строились в эпоху принципиального отделения философии от религии, в эпоху секулярной культуры, – а тот свет Христов, которым осветилось все в мире, когда Господь пришел на землю, словно не дает ничего для понимания знания. Для христианского мыслителя это положение неприемлемо – но как надо мыслить знание именно в свете Христовом? Меня давно занимал, можно сказать, мучил этот вопрос, и когда у меня выработался ответ на него, то я немало лет посвятил на уяснение христианского учения о знании, проверяя и обдумывая разные стороны вопроса. Философски я вырастал под влиянием трансцендентализма, от которого многое усвоил, но очень рано у меня созрело также сознание необходимости преодолеть то неверное, что есть в трансцендентализме. Предлагая ныне мою книгу вниманию тех, кого интересуют вопросы философии, я сознаю себя “на другом берегу”, сознаю, насколько многое в моей книге несозвучно всему стилю нашего времени. Меня это не смущает, но я понимаю и то, как трудно тем, кто сросся с современными гносеологическими теориями, отрешиться от них. Моя цель – вернуть, насколько это еще возможно, философскую мысль к тем созерцаниям мира, к тому пониманию человека, которые рождались из глубины христианского сознания»¹.

Есть критики указанного труда Василия Зеньковского. Мол, автор в «Основах христианской фило-

¹ Зеньковский В. В. Собрание сочинений. Том 4. М.: Русский путь, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 213–214.

софии» попытался изложить христианскую истину на языке немецкого идеализма (у философов это обозначается термином *воцерковленный трансцендентализм*). Но Зеньковский своего замысла не скрывал, полагая, что надо брать все лучшее у западной философии. Я бы не стал осуждать Зеньковского за то, что он пытается изложить христианскую философию языком немецкого идеализма и трансцендентализма. Эта работа может быть квалифицирована как христианская апологетика Новейшего времени, когда все привыкли выражать свои мысли и понимать чужие на языке Гегеля, Канта, Фихте и Шеллинга. Мы уже около двух веков находимся под игом немецкой классической философии, и сразу перейти на свой собственный философский язык трудно.

Два тома труда Зеньковского в совокупности составляют около 250 страниц текста. Понятно, что это всего лишь основы или даже введение в тему. Слава Богу, что это у нас есть. Можно работу Зеньковского критиковать, но она есть та «печка», от которой можно «танцевать». Вместе с тем работа Зеньковского – лишь самая верхушка айсберга. Мы обладаем гигантскими богатствами христианской мысли, которую можно отнести к разряду христианской философии.

Патристика: взгляд на философию

Далеко не во всех словарях и энциклопедиях есть определение и раскрытие понятия *христианская философия*. Но там, где оно имеется, чаще всего приводится формула немецкого католического философа и культуролога Алоиса Демпфа (1891–1982): христианская философия – полемика христианской веры с господ-

ствующей современной философией¹. Это конечно, необходимый элемент христианской философии, который можно назвать *христианской апологетикой*. Она зародилась в первые два века существования христианства (наиболее яркие представители – Иустин Философ и его ученик Татиан). Но христианской апологетикой дело не исчерпывается. Собственно христианская философия зарождается в III веке по Р. Х., ее основателями считаются такие мыслители, как Климент Александрийский и Ориген.

Краеугольные камни христианской философии были заложены в период *патристики* (от греч. *патѣр*, лат. *pater* – отец). Он берет свое начало от учеников апостолов и продолжается до VII–VIII веков. Примечательно, что не только в период патристики, но еще на протяжении нескольких сотен лет (до XIII века) не было принято проводить границу между богословием и философией. Лишь в средний и поздний периоды схоластики теология начинает противопоставляться философии.

В учебниках по истории философии из святых отцов называются очень немногие: прежде всего блаженный Августин (IV век), да иногда преподобный Иоанн Дамаскин (VIII век). Это не вполне справедливо. Большинство святых отцов (по западной терминологии – отцов Церкви) были в равной степени богословами и философами. Из ряда отцов Церкви особенно выделяются *вселенские учителя*, имеющие наивысший личный авторитет в Церкви как оказавшие ей особые услуги защитой, формулированием и разъяснением догматов веры. В Восточной Церкви таковыми признаны Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и Афанасий Александрийский, на Западе, кроме

¹ Христианская философия // Губский Е. Ф., Кораблева Г. В., Лутченко В. А. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.

них, – блаженный Иероним, блаженный Августин, Амвросий Медиоланский и папа Григорий Великий. В житии каждого из отцов Церкви много интересного и поучительного, относящегося к вопросу о том, что такое философия и как к ней относиться.

Вот, например, святитель Василий Великий (329–379), один из трех великих каппадокийцев (наряду с Иоанном Златоустом и Григорием Богословом). Василий получил блестящее светское образование, в том числе философское. Одним из учителей Василия был греческий языческий философ Еввул. Этот философ был очень высокого мнения о своем ученике, считая, что ум его воспитанника превосходит обычную меру человеческого ума и в этом отношении он приближается к богам. В свою очередь, Василий был очень благодарен своему учителю и очень хотел убедить его в истинности христианства. Между ними происходили длительные философские беседы. В ходе одной из них Еввул спросил Василия о том, в чем, по его мнению, состоит существенное достоинство философии. «Сущность истинной философии, – отвечал Василий, – заключается в том, что она дает человеку памятование о смерти». В конце концов Василий, будучи еще сам некрещеным, но обладая сильной верой, хорошо зная Священное Писание и пользуясь приемами христианской апологетики, сумел убедить учителя в том, что истина – в христианстве. Согласно житиям святых Дмитрия Ростовского ученик Василий и учитель Еввул крестились одновременно (крестил их епископ Иерусалимский Максим в Иордане).

В зрелом возрасте Василий пишет трактат «К юношам о том, как им пользоваться языческими книгами», где говорит о возможности светского философского образования и вместе с тем призывает заниматься

философией с предельной осторожностью. «Вместе с тем Василий Великий не признавал за греческой философией и мифологией онтологической истинности, то есть не считал, что философия может приблизить нас к Истине в ее последней инстанции, но признавал возможным ее позитивное этическое использование. Он понимал, что нет никакого конфликта между научной информацией и библейским откровением. Это не мешало ему вступить в полемику с языческим миром в “Беседах на Шестоднев”»¹.

Блаженный Августин

Наверное, будет справедливо признать, что из всех отцов Церкви относительно большее внимание философии уделил в своих трудах блаженный Августин (354–430). Он не только оставил ценные мысли по вопросам взаимоотношений веры и философии, но, в отличие от предыдущих отцов Церкви и богословов, оставил после себя свою философско-богословскую систему. Такая система была крайне необходима Церкви, поскольку в IV веке возникли достаточно серьезные разномыслия среди христиан из-за различного понимания (толкования) Священного Писания, появились многочисленные ереси. Система Августина позволила снять некоторые вопросы и преодолеть некоторые противоречия в толкованиях.

Огромное литературное наследие Августина включает несколько философских произведений, которые также трактуют и положения христианского богословия. С другой стороны, многие из его религиозно-догматических произведений содержат философские мысли. Наиболее

¹ Синельников С. П. «Мед и цикута» философии: св. отцы о светской мудрости (апология философии)// Интернет. Режим доступа: http://www.bogoslov.ru/text/790889.html#_edn13.

важны для истории философии «О величине души», «Об учителе», «Об истинной религии», «О свободной воле», «Исповедь». В 413 году под впечатлением разгрома Рима, учиненного вестготами, Августин начал писать самое обширное и знаменитое из своих произведений «О граде Божьем», которое было окончено около 426 года. Центральным положением религиозно-философской системы Августина является способность человека к восприятию Божьей благодати, оно влияет на понимании им основных догматов христианства.

Религиозно-философская система Августина, с одной стороны, представляет результат усвоения некоторых основоположных принципов платонизма и неоплатонизма, приемлемых для христианского вероучения и использованных для его философского углубления, а с другой – результат отвержения и преодоления тех принципов, которые для него совершенно неприемлемы. От философов эллинистическо-римской эпохи Августин перенял практическо-этическую установку как главную цель философского знания, но он изменил эту установку в соответствии с положениями и задачами христианства. Провозглашая стремление к счастью основным содержанием человеческой жизни, он усматривал это счастье в познании человеком Бога и в уяснении своей полнейшей зависимости от него. «Любовь к себе, доведенная до презрения к себе как греховному существу, суть любовь к Богу, и любовь к себе, доведенная до презрения к Богу, – порок» (О граде божьем, XIV). «Религиозное мировоззрение Августина насквозь теоцентрично. Бог как исходный и конечный пункт человеческих суждений и действий непрестанно выступает во всех частях его философского учения»¹.

¹ Философия Августина Аврелия // Интернет. Режим доступа: <http://www.mudriyfilosof.ru/2014/07/filosofiya-avgustina-avriliya.html>.

Большое внимание Августин уделял *вопросу о происхождении зла*. Тут ему пришлось преодолевать свои серьезные заблуждения, которые возникли еще в молодости во время увлечения манихейством¹. Августин постепенно пришел к выводу, что добро, созданное Богом, есть онтологическая сущность, а зло – ничто, возникающее в результате недостатка добра или его порчи. «Злом, – отмечает он, – называется и то, что человек совершает, и то, что он терпит. Первое – это грех, второе – наказание... Человек совершает зло, которое хочет, и терпит зло, которого не хочет».

Августин подвергал критике представления неоплатонизма о Боге как некоем абстрактном Абсолюте (подобно гегелевскому Абсолюту) и подчеркивал личностную природу Бога.

Августин четко расставил акценты во многих вопросах *христианской антропологии*. Человек создавался Богом как свободное существо, но, совершив грехопадение, сам выбрал зло и пошел против воли Бога. Так возникает зло, так человек становится несвободным. Человек несвободен и не волен ни в чем, он всецело зависит от Бога. С момента грехопадения люди предрасположены к злу и творят его даже тогда, когда стремятся делать добро. Главная цель человека – спасение перед Страшным Судом, искупление греховности рода человеческого, беспрекословное повиновение Церкви.

Немало нового Августин внес также в *теорию познания*. В познании, как было принято считать, участвуют ум, чувства, память. К ним Августин добавляет еще и волю. Кроме того, он вводит понятие разума – мистическое прикосновение к высшей истине – просветление,

¹ Манихейство – ересь, возникшая при жизни Августина и заключающаяся в признании равнозначности добра и зла, причем источником зла выступал бог, противостоящий Богу христиан.

возникающее на основе интеллектуального и морального совершенствования. Разум – это взор души, которым она сама собой без посредства тела созерцает истинное. В изучении наук Августин допускает использовать такое средство, как авторитеты. Но следует при этом быть крайне осторожным в выборе авторитетов; при этом воспринимать у них не только ход мысли и сами мысли, но и образ жизни.

Пожалуй, никто до Августина не задумывался так глубоко о природе общества и о смысле и движущих силах истории. В каком-то смысле его можно считать основоположником *христианской социологии и историософии*. Пожалуй, со времен Платона никто так глубоко не размышлял о *государстве*, как Августин¹. По его мнению, государство – наказание человеку за первородный грех; является системой господства одних людей над другими; оно предназначено не для достижения людьми счастья и блага, а только для выживания в этом мире. Наиболее справедливым может быть христианское государство. Функции государства: обеспечение правопорядка, защита граждан от внешней агрессии, помощь Церкви и борьба с ересью. Социального совершенства в виде равенства и полной справедливости достичь невозможно, государство может сглаживать лишь самые острые противоречия. Кажется, именно Августин первый разделил войны на справедливые и несправедливые, и к первым он, в частности, отнес действия по отражению агрессий.

¹ Безусловно, Августин досконально исследовал учение Платона о государстве. Прежде всего, его труд «Государство» – диалог Платона, посвященный проблеме идеального государства. Написан в 360 году до Р. Х. С точки зрения Платона, государство является выражением идеи справедливости. Августин не был согласен со многими положениями Платона и высказывал противоположные греческому философу мнения о государстве. В своих рассуждениях о государстве Августин также опирался на мысли Цицерона.

В 22 книгах своего труда «О граде Божьем» Августин пытается осмыслить всемирно-исторический процесс, вводит понятие Промысла Божия, определяющего вектор истории. Он вводит понятие морального прогресса, полагает, что человечество обретает все бóльшую благодать и совершенствуется. Всю историю он делит на семь частей (эпох). Это: 1) от Адама до Великого потопа; 2) от Ноя до Авраама; 3) от Авраама до Давида; 4) от Давида до вавилонского пленения; 5) от вавилонского пленения до рождения Христа; 6) от Христа до конца земной истории (завершится Страшным Судом); 7) вечность.

Главная идея труда «О граде Божьем»: в ходе истории человечество строит два града. Первый – светское государство – царство зла и греха (прототипом его был Рим). Второй – государство Божие – христианская Церковь. Эти два града развиваются параллельно, переживая шесть эпох. В конце шестой эпохи граждане града Божия получают блаженство, а граждане земного града будут преданы вечным мучениям. Град Божий – тот самый Небесный Иерусалим, о котором говорит апостол Иоанн Богослов в последних главах последней книги Священного Писания. Августин Аврелий обосновал превосходство духовной власти как основы Небесного града над светской властью, олицетворяющей град земной и временный. Много позднее, когда от Вселенской Церкви отпала западная ее часть (католицизм), иерархи католичества ухватились за этот тезис Августина. Они его истолковали по-своему и использовали для того, чтобы утвердить в Европе главенство папы над государями.

Иоанн Дамаскин

Среди создателей системы христианского мировоззрения наряду с блаженным Августином стоит препо-

добный Иоанн Дамаскин. Он известен как крупнейший систематизатор христианского вероучения; ему принадлежит фундаментальный труд «Источник знания», включающий в себя философский («Диалектика»), обличительный («О ересях») и догматический («Точное изложение православной веры») разделы. «Диалектика» продолжает традицию христианских учебников логики и соответствует современной преподобному Иоанну практике предварения догматических трактатов философскими главами¹. Цель написания трактата, по словам Иоанна, «заключается в том, чтобы начать философией и вкратце предначертать в этой книге по возможности всякого рода знания»². Философию Иоанн рассматривает как служанку богословия. Основу для «Диалектики» составляет аристотелевская логика. Источниками являются «Категории» Аристотеля и «Введение» Порфирия. Преподобный Иоанн использует сочинения и других философов. При этом автор при необходимости вносит исправления в положения философов, противоречащие христианству. Пожалуй, со времен Аристотеля никто не уделял столько внимания построению понятийной базы познавательной деятельности. В «Философских главах» Иоанна (всего 68 глав) подробнейшим образом раскрываются ключевые понятия знания: сущее, природа, субстанция, акциденция, ипостась, вид, род, лицо, индивид, свойство, сходство, разность, синонимы, полинонимы, паранонимы и т. д. В этих главах Иоанн показал себя не только прекрасным знатоком греческой (особенно аристотелевой) логики, но и лингвистом, филологом и семантиком, тонко по-

¹ См.: Иоанн Дамаскин // Православная энциклопедия. Том XXIV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010.

² Преподобный Иоанн Дамаскин. Философские главы, или Диалектика // Интернет. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/loann_Damaskin/filosofskie_glavy/2.

нимающим оттенки слова. Он совершенно справедливо указывал на то, что неправильно выбранное слово, словосочетание, термин могут привести к тому, что вся конструкция умственных (философских) построений покосится и в конце концов рухнет. В «Философских главах» Иоанн почти не прибегает к Священному Писанию, разговаривая с читателем языком светской логики. Но мысленно хочется поставить эпиграфом к первой части труда «Источник знания» начальные строки из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины...»

Вопросы философского характера затрагиваются также во втором и третьем трактатах «Источника знания». Так, в трактате «О ересях» Иоанн называет около ста существовавших на тот момент ересей. Среди них немало ересей, происходящих из греческой философии. В список философских еретиков Иоанна Дамаскина включены: пифагорейцы и перипатетики; платоники; стоики; эпикурейцы; представители самаритянства и его ответвлений; горфины; севуеи; ессины; досифеи.

Очень важными для нас являются определения истинной (христианской) философии, содержащиеся в трудах преподобного Иоанна. Он дает в общей сложности шесть таких определений, которые дополняют друг друга и исчерпывающе раскрывают сущность христианской философии, ее отличие от богословия, и особенно отличие от греческой и всякой иной языческой философии. Привожу эти определения:

«Философия есть познание сущего как такового, то есть природы сущего. Философия есть познание Божественных и человеческих вещей. Философия есть помышление о смерти произвольной и естественной. Философия есть уподобление Богу в возможной для

человека степени. Мы уподобляемся Богу через справедливость, святость и добро. Справедливость состоит в правильном распределении, то есть в том, чтобы не наносить обид, никого не судить, но каждому воздавать по его делам. Святость выше справедливости и совпадает с добром, состоя в том, чтобы сносить несправедливость, уступать обидчикам и даже благотворить им, Философия есть искусство из искусств и наука из наук. Ибо философия есть начало всякого искусства, так как ею было изобретено всякое искусство. Философия есть любовь к мудрости, а истинная Премудрость есть Бог. Таким образом, любовь к Богу – вот истинная философия»¹.

Дамаскин вводит понятие *теоретическая философия*. Что это такое? «Теоретическая философия, – пишет Дамаскин, – имеет своей задачей рассматривать бестелесное, нематериальное, то есть Бога, Который прежде всего и в собственном смысле бестелесен и нематериален, затем ангелов, демонов и души. Последние (т. е. ангелы, демоны и души) по отношению к телу называются нематериальными, по отношению же к нематериальному в строгом смысле, то есть к Божеству, они являются материальными. Итак, все это составляет предмет богословия. Теоретическая философия имеет своей задачей рассмотрение также и природы материального, то есть животных, растений, камней и подобного – это составляет физиологию; а равно и того, что занимает среднее место между нематериальным и материальным, что иногда рассматривается в материи, а иногда независимо от материи – это составляет математику. В самом деле, число само по себе нематериально, рассматривается же в материи, например, в хлебе или в вине, ибо

¹ Преподобный Иоанн Дамаскин. Философские главы, или Диалектика // Глава LXVII. Шесть определений философии.

мы говорим: десять модиев хлеба, десять кружек вина. Подобным же образом обстоит дело и с другими видами математики»¹. Итак, теоретическая философия представляет собой традиционную философию как познавательную деятельность и богословие. Беря за основу классификацию наук Аристотеля, преподобный Иоанн пишет, что «теоретическая философия разделяется на богословие, математику и физиологию. Математика разделяется на арифметику, геометрию и астрономию»².

Но кроме теоретической философии Дамаскин вводит еще понятие *практической философии*, которая включает этику, экономику и политику. «Практическая же философия упорядочивает нравы и учит, как следует устраивать свою жизнь. При этом, если она воспитывает одного только человека, то называется этикой, если целую семью, то называется экономикой, если же целый город, то называется политикой»³.

Фома Аквинский. «Двойственная истина»

Конечно, и после окончания периода патристики развитие христианской философии продолжалось. Я не собираюсь делать подробный обзор, но назову одно имя, относящееся к более поздним векам и известное любому грамотному человеку. Это Фома Аквинский (1225–1274), который фактически дал католицизму максимально завершенную философскую систему, получившую название *томизм*. Это был синтез западной христианской теологии (которая к тому времени имела уже существенные отличия от богословия Восточной Церкви) и философии Аристотеля. Фома сумел преодо-

¹ Там же

² Там же

³ Там же.

леть многие сомнения, которые возникли к тому времени в Западной церкви. Суть их в том, что за несколько веков схоластики авторитет Аристотеля в церковных кругах был вознесен на невероятную высоту. Однако появление в XI–XIII веках переводов на латинский язык новых работ Аристотеля, ранее не известных европейцам, обнажило некоторые несовместимые с доктриной католицизма взгляды греческого философа, (например, идеи вечности мира и непричастности Бога к его созданию, отрицание бессмертия души человека и т. д.). Учитель Фомы Альберт Великий (1206–1280) не сумел до конца примирить философию Аристотеля (включая его натурфилософию) и христианство. В этом вопросе он полагался на свою интуицию. Вот одно из высказываний Альберта Великого: «Когда между ними [философией и Откровением] нет согласия, то в том, что касается веры и нравственности, нужно больше верить Августину, чем философам. Но если бы речь зашла о медицине, я больше поверил бы Гиппократу и Галену; а если речь идет о физике, то я верю Аристотелю – ведь он лучше всех знал природу»¹. Фома Аквинский бросился на спасение Аристотеля и других греческих философов. Как считают исследователи его творчества, он блестяще сумел помирить и подружить греческую философию и латинскую теологию. Свой синтез христианства и философии Фома изложил в своей знаменитой работе, известной под названием «Сумма философии»². В своей другой фундаментальной работе – «Сумма теологии» (которая не была закончена) Фома проводит мысль о том, что философия не может

¹ Цит. по: Виктор Лега. Можно ли совместить учение Церкви с философией Аристотеля? // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/94109.html>.

² Подлинное ее название – «Сумма истин католической веры против язычников».

решить все мировоззренческие проблемы, ответить на все вопросы. По сути, он лишний раз подчеркивал своими рассуждениями, что философия может быть лишь служанкой теологии. И в то же время Фома придерживался мнения, что познавать Бога можно не только верой, но и разумом. Переводя размышления Фомы на современный язык, он говорил о синергетическом эффекте веры и разума в познании Бога, философский и научный разум выступает в качестве своеобразного катализатора, усиливающего веру.

Во времена Фомы Аквинского среди католических схоластиков не на шутку разгорелись дискуссии на тему «двух истин» (или «двойственной истины»): под первой понималась истина веры, христианской теологической доктрины; под второй – истина философская (в более широком плане – научная). Вариантов решения этой дилеммы было несколько:

- а) признать одну из них истиной, а другую – ошибкой;
- б) признать, что объективно существует две различные истины;
- в) признать, что две истины лишь на первый взгляд различны и что при более глубоком исследовании (или правильном толковании) они оказываются единой истиной.

В средние века появился ряд теорий (учений) *двойственной истины*. Проблема двойственной истины до Фомы Аквинского получила развитие в трудах *аверроистов*. Это течение мысли названо по имени западноарабского философа *Аверроэса* (1126–1198)¹. Наиболее

¹ Это латинская версия имени философа. Его полное имя изначальное имя Абуль-Валид Мухаммад ибн Ахмад аль-Куртуби. Также известен как Ибн Рушд. Автор трудов по логике, аристотелевской и исламской философии, богословию, религиозному праву, географии, математике, физике, астрономии, небесной механике, медицине, психологии и политике. Видный представитель восточного аристотелизма. Переводы его трудов на латынь способствовали популяризации Аристотеля в Европе.

известные представители этого направления – Сигер Брабантский и Боэций Дакийский, философы-схоластики шартрской школы (Бернард Шартрский и его младший брат Тьерри, Гильберт Порретанский, Гильом из Конша)¹. Мнения и оттенки аверроистов могли быть разными. В частности, сам Аверроэс, опираясь на философию Аристотеля, утверждал, что истина одна, но имеются два пути движения к ней – через философию и через религию. А вот Сигер заявил, что существует двойственная истина: истина, достигаемая через науку и философию, и «религиозная» истина, достигаемая через веру. При этом предпочтение он отдавал первой истине, называя ее фактической, или твердой.

Фома погрузился в размышления по поводу этой дилеммы и пришел к следующему выводу: если в ответах теологии и философии на один и тот же вопрос возникает расхождение, то в один из ответов закралась ошибка; при этом ошибочным он однозначно определял ответ философов. Уже после смерти Фомы, в 1277 году, Католическая церковь осудила взгляды аверроистов². Следует отметить, что Фоме Аквинскому и Католической церкви не удалось полностью закрыть дискуссию о двойственной истине. Она продолжилась и после его смерти. Наиболее известными участниками дискуссии после Фомы были еврейский философ Исаак Альбалаг

¹ Подробнее см.: Ефремова Н. В. Двойственной истины теория // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Институт философии РАН. М.: Мысль, 2000–2001; Алиева Б. А. Теория двойственной истины. М., 1972; Аксельрод Л. Двойственная истина в современной немецкой философии // Аксельрод Л. Философские очерки. М., 1923.

² Справедливости ради следует сказать, что такому осуждению способствовал не только Фома Аквинский, но также католический епископ Этьен Тампье. Он выявил 219 неприемлемых тезисов в работах аверроистов. Большая часть из них принадлежала не Аверроэсу, а Сигеру и Боэцию (см.: Шевкина Г. В. Сигер Брабантский и парижские аверроисты XIII в. М., 1972).

(XIII век) и английский теолог и философ Уильям Оккам (XIV век, между прочим – последний яркий представитель средневековой схоластики). Оккам решился возразить Фоме Аквинскому, он вернулся к точке зрения, что может быть две отличные друг от друга истины – теологическая и философская¹.

Это был «апогей» схоластики католицизма. Век томизма был очень долгим. Реформация, которая пошатнула позиции Католической церкви, заставила католиков лишь еще более крепко держаться за спасительный круг учения Фомы Аквинского. В конце XIX века томизм перерос в неотомизм, который до недавнего времени был официальной философской доктриной Ватикана. Идеи философии Фомы Аквинского находили и находят отражение (как в явном, так и неявном виде) в энцикликах римских пап. В католицизме такие энциклики рассматриваются как развитие теологической и философской доктрины Ватикана.

Григорий Палама о богопознании и философии

Но для нас, православных, гораздо более важен и другой христианский мыслитель, который принадлежал к Восточной Церкви. Это живший и творивший в Византии святитель Григорий Палама². Конечно, в первую

¹ Несмотря на осуждение латинской церковью аверроизма в 1277 году, многие тезисы этого учения дожили до XVI века и присутствовали в философии Джордано Бруно и Джованни Пико делла Мирандола. Некоторые исследователи находят следы аверроизма даже в немецкой классической философии (Кант, Гегель). См.: Аверроизм // Новая философская энциклопедия // Интернет. Режим доступа: <http://iphras.ru/elib/0040.html>.

² Григорий Палама (1296–1359) – архиепископ Фессалоникийский, христианский мистик, византийский богослов и философ, систематизатор и создатель философского обоснования практики исихазма,

очередь Палама был православным богословом. Но он немало уделял внимания и философии. Например, можно вспомнить известную полемику по вопросам исихазма святителя Григория с монахом Варлаамом¹. В споре с Григорием Паламой Варлаам выдвинул несколько ошибочных тезисов философского характера. Эти тезисы, кстати, отражали мнение не только Варлаама, но и многих на тот момент времени богословов и философов (как на Западе, так и в Византии).

Самый главный из них: знание едино. Нельзя делить знание на Божественное и человеческое, как здоровье, подаваемое Богом и врачом, делить нельзя. Философия так же необходима для христиан, как Писание.

Другой важный тезис: познать Бога почти невозможно. Познание Бога в богословии ограничивается *апофатическим методом*². Возможно лишь символическое видение Бога. В этой жизни видеть Бога невозможно, но только после смерти.

Третий тезис: нет ничего ценнее для познания, чем философия (особенно классическая греческая).

Во времена Григория Паламы и Варлаама в Византии была очень популярна книга «Ареопагитик» (сочинение святителя, часто именуется отцом (особенно в Греческих Церквах) и учителем Церкви, православный святой. Прославлен Православной Церковью в лике святителей, память совершается 14 (27) ноября, а также переходящая память во вторую неделю (воскресенье) Великого поста.

¹ Варлаам Калабрийский (в миру Бернардо Массари; ок. 1290–1348) – калабрийский монах, писатель, философ и богослов. С начала своей монашеской жизни проявлял ярко выраженную склонность к унии Восточной Церкви с католиками. Выступал против исихазма. Закончил свои дни в лоне Римско-католической церкви в сане епископа.

² Апофатика – познание объекта через определение того, чем он не является. Например, применительно к Богу используются такие определения: Тот, Кто не является смертным; Тот, Кто не является грешным; Тот, Кто не является материальным; Тот, Кто не рожден (созданный) и т. п.

нение, приписываемое Дионисию Ареопагиту; многие, впрочем, ставят под сомнение такое авторство). Варлаам был признанным толкователем этой работы, он подчеркивал фундаментальную зависимость автора работы от сочинений античных философов. Фрагменты этого сочинения Варлаам сравнивал с текстами «Парменида» и «Государства» Платона, выявляя их полную идентичность. Варлааму авторитет работы «Ареопагитик» был важен для того, чтобы повысить значимость греческой философии по сравнению с христианской верой, а также для того, чтобы убедить всех сомневающихся, что апофатика (которой в работе Ареопагита уделено большое внимание) – единственный метод познания Бога и что этот метод крайне ограничен в своих возможностях¹. Григорий Палама противопоставлял схоластическому апофатическому методу познания Бога живой религиозный опыт мистического богообщения. Исихазм Восточной Церкви – конкретное проявление такого опыта.

Поскольку Варлаам полагал, что возможности богословия в деле познания Самого Бога крайне ограничены, то гораздо более перспективно богопознание через изучение тварной природы. При этом он апеллировал к словам апостола Павла о познании Бога «через рассматривание творений» (Рим 1, 20). Варлаам уважал «внешнюю мудрость» и высокомерно смотрел на монахов-исихастов, полагая их невежественными людьми.

¹ Варлаам являет собой яркий пример скептика, сомневающегося в возможности познания Бога. Но в истории христианства случалась и другая крайность: уверенность в полной познаваемости Бога. Яркий пример – Евномий Кизический, епископ IV века, который заявлял, что он лично хорошо знает Бога. Написал работу «Апология», в которой поддерживал и развивал идеи арианства. На Константинопольском соборе 381 года Евномий был анафематствован. Критика ересей Евномия дана в работе Василия Кесарийского «Против Евномия».

ми и советуя им вместо молитвы заниматься светскими науками и философией. Благо в Византии того времени языческая философия уже преподавалась в светских школах. Как отмечают прот. В. Асмус и М. М. Бернацкий, богопознание, по Варлааму, не зависит от понятия греха и от благодатной помощи свыше; Бог неким образом просвещает философов, и они превосходят большинство людей (Varlaam Calabr. Ep. 1. P. 262)¹.

Варлаам, формулируя тезис о едином знании, полагал, что христиане и язычники примерно одинаково познают мир, познание не зависит от того, находится ли человек внутри церковной ограды или за ее пределами. В противовес ему Палама четко различает *два вида знания: духовное и природное*. Напомним, что Варлаам неделимость знания сравнивает с тем, что здоровье человека, мол, также имеет неделимый источник – Бога и врача. Возражение Паламы: врачи не могут воскрешать мертвых, а Бог может. Внешнее знание принципиально отличается от духовного знания, невозможно «от [внешнего знания] научиться чему-либо верному о Боге». При этом между внешним и духовным знанием существует не только отличие, но и противоречие: «оно настроено враждебно по отношению к истинному и духовному знанию» (Триады I, 1, 10). Когда мудрость мира служит Божественной мудрости, они составляют единое древо, первая мудрость приносит листья, вторая – плоды. Мудрость Божия начинается с блага за счет чистоты жизни: «Если ты без чистоты, хоть бы

¹ Прот. В. Асмус, М. М. Бернацкий. Учение Григория Паламы // Православная энциклопедия // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/168057.html>. Далее при описании взглядов святителя Григория Паламы на философию использованы материалы данной статьи, а также следующего источника: Игумен Дионисий (Шленов). Святитель Григорий Палама: житие, творения, учение // Интернет. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/291635.html>.

и изучил от Адама до кончины мира всю природную философию, ты будешь глупцом, а то и хуже, а не мудрецом» (Триады I, 1, 3).

«Духовное» знание дано христианам, которые через подвиги исихазма могут постигать и видеть Бога. *Исихазм* – это практика умно-сердечной молитвы, совмещенная с трезвением (контролем) за всеми исходящими изнутри помыслами, способствующая очищению ума и сердца и подготавливающая (но не приводящая сама по себе) подвижника к богосозерцанию. Разумеется, речь не идет о буквальном, физическом созерцании, а о духовном, «внутреннем» зрении¹. Как писал св. Иоанн Синаит в «Лествице»: «Исихаст есть старающийся заключить в своем теле бестелесное». Традиционным символом исихазма является восхождение Моисея на гору Синай, его пребывание на вершине во время богообщения и последующее нисхождение для сообщения народу полученного откровения, но используется и представление о священнобезмолвии Моисея в течение сорока лет странствия избранного народа в пустыне. Исихазм опирается на многие места Священного Писания. Например: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк., 17, 21).

Палама не был основателем исихазма (как иногда ошибочно утверждается в некоторых источниках), он лишь его обосновал. Согласно Новому Завету, «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин., 1, 18). Несмотря на невозможность чувственного видения Бога Отца, Палама и другие исихасты утверждают, что Божья благодать пронизывает сей мир, а «слава Господня», являющаяся в различных эпизодах Ветхого и Нового Завета (например, неопалимая купина, которую видел Моисей,

¹ См.: Хоружий С. С. Исихазм // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010.

свет на горе Фавор на преображение Господне) была на самом деле нетварной энергией Бога. Иначе говоря, исихасты зрят несотворенное и невещественное влияние Бога (энергию). Палама сформулировал богословие Божественных энергий, постигаемых исихастами¹. Мудрость пророков и апостолов не приобретается научением, но преподается Духом Святым, является даром благодати, а не природным дарованием.

Другое (природное) знание, согласно Паламе, есть природный дар, даваемый Богом всем людям: и христианам, и язычникам (внешнее, природное знание). Оно предназначено для постижения видимого, физического мира и зависит от способностей человека и прикладываемого им труда. Это «познания внешней науки, даже применяемые для блага, суть дар не благодатный, всем сообща данный через природу от Бога и трудами увеличиваемый, и это – а именно что без труда и стараний он никогда ни у кого не прибывает – тоже явное свидетельство его природности, а не духовности» (Триады I, 1, 22). Увы, падший человек до неузнаваемости извратил дар природного познания, данный Богом. В первую очередь это касается философов-язычников (см.: Триады I, 1, 16). Язычники не были причастны «Мудрости Божией» («Божественной Софии»), которая «была в исследуемом ими творении; изучая всю жизнь его законы, они приходили к какому-то представлению о Боге... но недостойному Бога... пленники бессмысленной и безу-

¹ См.: Святитель Григорий Палама. О Божественных энергиях и их причастии. Святитель Григорий Палама. Сто пятьдесят глав, посвященных вопросам естественнонаучным, богословским, нравственным и относящимся к духовному делу, а также предназначенных к очищению от варлаамитской пагубы. – Глава IX. Различие между Божественной сущностью и Божественной энергией; Глава X. Фаворский свет. Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих. – Часть 3. Триады II. О священном свете. Свт. Марк Эфесский. О сущности и энергии. В. Н. Лосский. Нетварные энергии.

мной мудрости и невежественного ведения оклеветали Бога и природу, ее возведя в положение господства, Его же... из положения господства низведя и приписав демонам имя богов» (Триады I, 1, 18). Палама, в отличие от многих других отцов Церкви, более критично и даже жестко относился к платонизму. Он полагал, что это идеализм – недостойное, антропоморфное представление о Премудрости Божией; космология «Тимея» Платона ставит во главе мира целую пирамиду власти различных бесов; «божественный» свет, который мерещился неоплатоникам, Палама называл «дьявольскою прелестью». Досталось от Григория Паламы и Аристотелю, авторитет которого был непререкаем не только в Западной Европе, но и Византии. Палама считает, что современные ему теологи и философы явно преувеличивали возможности познания даже физического мира, а в области богословия Аристотель был вообще бесполезен. Многие превозносили этику Аристотеля, но и тут Палама дает нелюбимую оценку греческому философу: «Философской учености лучше всех достигла душа Аристотеля, которого богословы называли лукавым...» (Триады II, 1, 7).

Языческой философии Платона, Аристотеля, неоплатоников Палама противопоставляет философию святых отцов: «Философия, с которой этого не случилось, не превращена в безумие; да и с чего бы ей обезуметь, если она достигает своей природной цели, то есть обращается к дарителю природы Богу? Такова мудрость наших праведных и избранных мужей, поистине мужественно отбросившая вредное, отобравшая полезное, поддерживавшая Божию Церковь и пришедшая в прекрасное согласие с духовной премудростью» (Триады II, 2, 23).

Палама постоянно подчеркивал, что занятия философией – дело небезопасное, неподготовленный человек

может повредиться умом и душой. Без надобности на поле философии христианам лучше не заходить. Знание философии нужно в основном для тех, кто занимается христианской апологетикой. На поле философии могут допускаться самые стойкие к искушениям «внешней мудрости»: «...от змей нам тоже есть польза, но только надо убить их, рассечь, приготовить из них снадобье и тогда уж применять с разумом против их собственных укусов» (Триады I, 1, 2). Можно также вспомнить такое предупреждение Григория Паламы: «Мы никому не мешаем знакомиться со светской образованностью, если он этого желает, разве только он воспринял монашескую жизнь. Но мы никому не советуем предаваться ей до конца и совершенно запрещаем ожидать от нее какой бы то ни было точности в познании божественного учения о Боге». И немного далее: «Итак, у светских философов есть и кое-что полезное, также как в смеси меда и цикуты; однако можно сильно опасаться, что те, кто хочет выделить из смеси мед, выпьют нечаянно и остаток смертоносный»¹

Иногда в нашей православной литературе приводятся слова Дионисия Александрийского² в доказательство того, что погружение христианина в языческую философию лишь расширяет кругозор и укрепляет его. Вот эти слова: «Я изучал и сочинения, и предания еретиков, несколько времени осквернял свою душу гибельными их мнениями: впрочем, получил от них ту пользу, что опроверг их сам по себе и еще больше возгнушался ими». Однажды ему было видение, явившееся ему и укрепившее его: «Я слышал голос, который

¹ Цит. по: Синельников С. П. «Мед и цикута» философии: св. отцы о светской мудрости (апология философии) // Интернет. Режим доступа: http://www.bogoslov.ru/text/790889.html#_edn13.

² Дионисий Александрийский, он же Дионисий Великий (190–265), – епископ Александрии, священномученик.

ясно повелевал мне, говоря: “Читай все, что попадет-ся в руки, потому что ты можешь обсудить и исследовать каждую мысль – это и в начале обратило тебя к вере”¹. Что сказать по этому поводу? – Наверное, Дионисий Александрийский имел хороший духовный иммунитет, который не позволил ему повредиться от погружения в языческую литературу. Все-таки случай Дионисия не отменяет требования соблюдения правил «техники безопасности», сформулированных Григорием Паламой.

Для Варлаама конечная цель христианского богословия и мирской философии едина – богопознание. Для Григория Паламы цель не ограничивается богопознанием, высшая цель – спасение. Внешнее знание, даже неповрежденное язычеством и дающее неискаженную картину физического мира, не может дать спасения: «Будь то в знании или в догматах, спасительное совершенство дается, когда наши убеждения совпадают с тем, как мыслили апостолы, отцы, все вообще свидетели Святого Духа, возвестившего о Боге и Его творениях; а все, что Дух опустил и что изобрели другие, даже если истинно, бесполезно для спасения души, потому что учение Духа не может опустить ничего полезного. Не случайно мы как не порицаем разномыслия о мало-значущих вопросах, так и не хвалим, если кто знает о них в чем-то больше других» (Триады II, 1, 42).

Дискуссия между Паламой и Варлаамом растянулась на годы. Палама в период 1338–1341 годов написал девять «Слов» против Варлаама, разделив их на три триады («Триады в защиту священнобезмолвствующих»). Для обсуждаемого нами вопроса особый интерес представляют следующие части работы:

¹ Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие (Конспекты лекций). Вильнюс, 1992. С. 107–108.

1-я часть Триады I «Для чего и до каких пор полезно заниматься словесными рассуждениями и науками»;

1-я часть Триады III «Обличение нелепостей, вытекающих из второго сочинения философа, или Об обожении»;

2-я часть Триады III «Перечень нелепостей, вытекающих из посылок философа Варлаама. Слово второе, против второго»;

3-я часть Триады III «Перечень нелепостей, вытекающих из умозаключений того же философа. Ответ третий, на второе».

Варлаам ответил своему литературному противнику сочинением «Против мессалиан». В спор вмешались и другие лица: Палама встретил сочувствие у Вселенского патриарха Филофея Коккина, царицы Анны и ее сына Иоанна Палеолога, у царедворца, а позднее императора, Иоанна Кантакузина и, конечно, в среде византийских, особенно афонских, безмолвников, а Варлаам имел сторонников в лице богослова и философа Григория Акиндина и историка Никифора Григоры. Таким образом, составились две партии – варлаамитов и паламитов, – и спор разгорелся с большой силой. Однако партия варлаамитов не была монолитной; ни Акиндин, ни Григоря не были против исихазма, а Акиндин первоначально поддерживал Паламу. В итоге вопрос был сформулирован как: является ли свет Господня преображения на Фаворе полнотой Божества или же есть свет особый просвещающий, но сотворенный. Учение Варлаама, как еретическое, вызвало осуждение Церкви. По поводу него созывались соборы в 1341, 1347, 1351 и 1368 годах. На этих соборах учение Паламы и его сторонников было признано согласным с учением Церкви, а Варлаам и его сторонники анафематствованы. На этом я кончаю свой рассказ о Григории Паламе.

Может быть, я уделил ему в своих размышлениях непропорционально много места. Отчасти это может быть

объяснено таким парадоксальным фактом: во многих учебниках по философии имя этого выдающегося мыслителя Церкви, заложившего прочные камни в основание христианской философии, вообще не упоминается¹.

Христианская философия: задачи сегодняшнего дня

Палама жил и творил семь с половиной веков назад. Безусловно, и после него было большое количество мыслителей, которые оставили свои идеи, касающиеся христианской философии. Даже простое перечисление их имен заняло бы много места. Многие из них были нашими соотечественниками. Это святители Димитрий Ростовский, Филарет Московский, Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, славянофилы Иван Киреевский и Алексей Хомяков, Константин Леонтьев,

¹ Так, например, в учебнике В. Кохановского и В. Яковлева «История философии» (Интернет. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Kohan/index.php). Григорий Палама вообще не упоминается (при этом достаточно подробно описывается схоластика католицизма). Нет упоминания Григория Паламы и в коллективной монографии «История философии в кратком изложении» (Пер. с чеш. М.: Мысль, 1995). Наконец, открываю двухтомный учебник, изданный Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом: Лега В. П. История западной философии: В 2 ч. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. Это объемный (свыше тысячи страниц) и достаточно интересный учебник для студентов, получающих духовно-светское образование. Но там нет даже одного параграфа, посвященного Григорию Паламе. При этом очень подробно описано творческое наследие Климента Александрийского, Блаженного Августина, Фомы Аквинского, других схоластиков. Можно было бы объяснить отсутствие святителя Григория Паламы в учебнике тем, что, мол, он посвящен исключительно философии Западной Европы, а Григорий Палама жил в Византии. Но в учебнике есть разделы, посвященные арабской и еврейской философии. Это логично, поскольку они связаны с западноевропейской схоластической философией. Но взаимосвязь учения Григория Паламы с философией Западной Европы еще более очевидна. И тем не менее его взгляды в объемном учебнике никак не представлены.

Лев Тихомиров, священномученик Иларион Троицкий и многие-многие другие.

Прошу прощения у читателя за то, что вместо системного обзора христианской мысли, имеющей отношение к философской тематике, я даю лишь отдельные фрагменты. Выше я показал, что христианское мировоззрение можно сравнить со зданием, фундаментом которого является богословие, а стенами – христианская философия. Стены до сих пор стоят недостроенными. Вместе с тем бóльшая часть работы уже сделана – произведено большое количество добротных «кирпичей» христианской философии. Остается немного – завершить кладку. Это образно. А если более конкретно и предметно, то нам, православным, нужна книга под названием «Христианская философия», дополняющая и раскрывающая идеи Священного Писания и Священного Предания.

Пусть сначала это будет книга без четко выверенной структуры. Что-то наподобие «Введения в христианскую философию» или «Очерков христианской философии». Как я уже сказал, для начала работы можно отталкиваться от такой «печки», как труд Василия Зеньковского. Кстати, этот автор и определил общую структуру будущей работы: 1) теория познания (гносеология); 2) христианское учение о мире (космология); 3) учение о человеке (антропология). Я бы добавил еще две-три части. В частности, учение об обществе (включая философию истории). Здесь у нас тоже есть задел в виде работы Льва Тихомирова «Религиозно-философские основы истории»¹. Также весьма желательна часть, посвященная христианской аксиологии (учение о ценностях).

¹ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. О его историософском учении см.: Катасонов В. Ю. Историософия Льва Тихомирова // Катасонов В. Ю. Православное понимание общества. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 330–407.

Жизнь настоятельно диктует необходимость более тесной смычки богословия с нашей повседневной жизнью. Эту «смычку» и можно назвать христианской философией. Она стихийно создается, просто мы не всегда даем себе в этом отчет. Яркий пример – документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятый Архиерейским собором РПЦ в 2000 году. По сути, эти «Основы» – часть христианской философии, относящаяся к учению об обществе. В настоящее время Церковью подготовлены проекты еще ряда концептуальных (доктринальных) документов, которые также можно рассматривать как будущие «кирпичики» христианской социальной философии¹.

Полагаю, что некоторые философы и богословы могут меня обвинить в том, что я «ломлюсь в открытую дверь». Мол, христианская философия давно уже существует, только называется она по-другому: «христианская апологетика» или «основное богословие». Конечно, многие вопросы христианской философии рассматриваются в литературе и учебных курсах по апологетике². Но изначально апологетика, которая возникла почти одно-

¹ В частности, в мае 2016 года был опубликован для обсуждения проект документа «Экономика в условиях глобализации. Православно-этический взгляд». При желании читатели могут познакомиться с моими комментариями по данному документу. См.: Катасонов В. Ю. Размышление по поводу проекта документа «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд» // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/opp/2016/iyun/18/razmyshlenie_po_povodu_proekta_dokumenta_ekonomika_v_usloviyah_globalizacii_pravoslavnyj_eticheskij_vzglyad/.

² См., например: Рождественский Н. П. Христианская апологетика. Курс основного богословия: В 2 т. СПб., 1893; Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Сретенский монастырь, 2003; Фиолетов Н. Н. Очерки христианской апологетики. М.: Братство во имя Семилостивого Спаса, 1992; Лега В. П. Основное богословие, или Христианская апологетика; Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Введение в основное богословие. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1995; Андреев И. М. Православная апологетика. М.: Сретенский монастырь, 2006.

временно с христианством, была призвана объяснять истины христианства язычникам, которые понимали язык Сократа, Платона, Аристотеля и других греческих философов. Апологетика (основное богословие) – это преимущественно подспорье для общения христиан с людьми, находящимися вне ограды Церкви. При нынешней интеллектуальной деградации общества апологетика, наверное, не столь уж актуальна и эффективна, как это было раньше. Обсуждение темы соотношения христианской философии и основного богословия выходит за рамки данного материала. Скажу лишь, что они пересекаются, но не совпадают. А главное различие заключается в том, что если основное богословие (апологетика) нужна больше для общения христиан с людьми внешнего мира, то христианская философия нужна лично самим христианам для формирования целостного представления о мире. Апологетика выполняет сегодня больше защитную функцию, а нам нужна более конструктивная позиция. Она особенно нужна христианам сегодня, в наше «турбулентное» время, для того чтобы правильно выстраивать отношения с властью, оценивать события политической жизни, уметь отделять зерна от плевел в море обрушивающейся на человека информации и т. д. Более того, скажу: дело не в названиях. Я не возражаю против того, чтобы вместо «христианской философии» было название «основное богословие». Но в этом случае учебники по основному богословию нужно очень серьезно переделывать¹.

¹ Впрочем, исходя из тактических соображений, все-таки лучше, чтобы название было не «основное богословие», а «христианская философия». В силу того, что «основное богословие» изучается лишь в десятке высших учебных заведений страны. Многим людям даже с высшим образованием этот термин вообще ни о чем не говорит. А философия (в разных вариациях) является предметом, который является обязательным во всех вузах страны. Термин «христианская философия» более понятен нашим гражданам.

Важным шагом в деле достройки стен здания христианского мировоззрения могла бы стать подготовка хрестоматии по христианской философии, включающая в себя фрагменты работ святых отцов, особенно блаженного Августина, святителя Иоанна Дамаскина, святителя Григория Паламы. Думаю, что при желании мы могли бы серьезно продвинуться вперед и в обозримом будущем подойти к написанию учебника «Христианская философия». Его ждут не только те, кто учится в духовных учебных заведениях, но и многие чада Православной Церкви. Кроме того, он будет востребован всеми теми, кто проявляет «любовь к мудрости» и кто устал от философского рационализма Нового времени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Философия в жизни человека, особенно в последние времена	11
Философия в эпоху христианства. Судьба Агасфера и Сизифа	22
Можно ли считать философию наукой? О «голой королеве»	31
Философия и богословие	46
<i>Часть I. Четыре главных различия</i>	46
Есть ли принципиальные различия?.....	46
Предмет познания.....	48
Метод познания.....	50
«Свобода мысли», «свобода выбора» и «фильтры» идей.....	57
«Открытые проблемы» и вечные истины.....	64
<i>Часть II. Платон и Христос</i>	67
«Конвенция» между «королевствами» философии и богословия.....	68
Философы как «агенты влияния».....	70
Назад к Платону?.....	73
Так как же относиться христианам к Платону?.....	75
О православном богословии и «синтезе» западной теологии и философии.....	76
Русская религиозная философия: опыт «синтеза»... ..	80
Экуменизм и его философское «обоснование».....	86
Заключение.....	90

Знание – сила... нечистая	96
<i>Часть I. Знание как идол</i>	96
Знание как объект поклонения и фундамент «светлого будущего».....	96
Формула «Знание – сила» и ее автор.....	99
Знание, познавательная деятельность и ум.....	101
Знание как «процесс» и «дурная бесконечность» ...	102
«Стали учение, но зато и глупее»	104
Накопление знаний. «Интеллектуальное» мшелоеимство.....	106
«Частичное» знание.....	108
Знание как вера	111
Научное знание как религиозная секта.....	114
<i>Часть II. Гносис, или лжеименное знание</i>	117
Знание как яд. Ересь гностицизма.....	117
Ранний гностицизм, или синкретизм.....	119
Иудаизм и ранний гностицизм	121
Гностицизм как Лернейская гидра, или большой котел.....	124
Зарождение «христианского» гностицизма.....	126
Тайное знание вместо Истины Христа.....	130
Христианский гностицизм передает эстафету философам и тайным сектам.....	134
<i>Часть III. Интеллектуалы в поисках мистики</i>	136
Философия и атеизм: ренессанс «духовности».....	136
Поиск интеллигенцией неведомого бога	139
Окультизм и эзотерика как формы мистицизма....	141
Мистицизм: подделки под религию	142
Мистицизм: подделки под оздоровление, философию, науку	145
Тайные общества: борьба не только за души, но и за власть	147
Философы, мистицизм и тайные общества.....	149

Ипостаси мистицизма	152
Практический мистицизм.....	154
<i>Часть IV. Нечистая сила как «источник знания»</i>	<i>157</i>
Инфернальный мир и нечистая сила.....	157
Взгляд на «тайное знание»: Иоганн Вольфганг Гете и Михаил Булгаков	159
Философия самоубийства.....	163
Философия сумасшедшего дома.....	165
Философы и прочие «мыслители» как агенты «нечистой силы».....	169
<i>Часть V. О плодах с древа безбожного знания</i>	<i>172</i>
Может ли что быть чистое от нечистого?.....	173
Константин Леонтьев о прогрессе. Троянский конь из инфернального мира.....	175
Епископ Никанор о железных дорогах и о путях, ведущих в новый Вавилон.....	177
О заколдованном круге безбожного «прогресса» и о его невидимых «помощниках»	180
Западный прогресс и православное преображение.....	185
О безбожной философии и гадаринских свиньях	187
О философии, домостроительстве и антихристе.....	191
Философия с большой буквы и философии с маленькой	191
О конструкции христианского мировоззрения.....	193
Притча о домостроителях: благоразумном и безрассудном.....	195
О науке в контексте христианского домостроительства	197
Истинное христианство как симфония науки, философии и богословия	200
Об источниках знания представителей «свободной» философии.....	201

Свободные философы как вольные каменщики	205
Заметки о русской религиозной философии	211
Соединение несоединимого	211
Владимир Соловьев.....	215
Сергей Булгаков.....	221
Николай Бердяев.....	223
Сергий Булгаков: попытка осмысления мира и истории через «Философию хозяйства»	227
1. Введение	227
2. «Философия хозяйства» как философский взгляд на мир через призму хозяйства.....	229
3. Критика экономизма и его марксистской разновидности.....	233
4. Труд, творчество, культура.....	236
5. Наука. Критика механического детерминизма	239
6. Критика политической экономии	241
7. История и социология	244
8. Капитализм, социализм, социальный идеал человечества.....	247
9. Блуждания по лабиринтам философии. Софианство	253
10. Религиозный материализм Булгакова	260
11. С. Булгаков: этапы движения к истине.....	265
Философствующая интеллигенция и русская катастрофа	272
<i>Часть I. Философствующая интеллигенция, изменяющая мир</i>	272
Философия: созерцание мира или его преобразование?	272
Философствующая интеллигенция о роли философии в судьбе России	276
Взгляд на философствующую интеллигенцию со стороны «непросвещенных»	283

<i>Часть II. Иван Солоневич: портрет «русской» интеллигенции</i>	288
Иван Солоневич как свидетель русской катастрофы.....	288
Определение интеллигенции по Солоневичу.....	290
Некоторые важнейшие признаки интеллигенции.....	296
<i>Часть III. Дополнения к Солоневичу.</i>	
<i>Интеллигенты как западники и либералы.</i>	
«Еврейский фактор».....	306
Интеллигенты как западники.....	306
Интеллигенты как либералы.....	311
«Еврейский фактор».....	323
«Малый народ».....	336
<i>Часть IV. Интеллигенция в истории России</i>	339
Петр I – отец российской интеллигенции.....	339
Петербургская интеллигенция в сравнении с допетровской элитой.....	342
Рождение интеллигенции и перерождение России.....	344
<i>Часть V. Интеллигенция и Церковь</i>	348
Дополнения архимандрита Илариона к истории Ивана Солоневича.....	348
Интеллигенция против Церкви.....	359
Интеллигентский «синтез» философии и религии.....	367
<i>Часть VI. О «сеятелях»</i>	369
Что посеешь, то и пожнешь. Философствующие «сеятели» и 1917 год.....	369
Конец российской интеллигенции?.....	378
Нам надо жить своим умом и помнить свои интересы.....	384
Ветхозаветные книжники и философствующая интеллигенция	389
Действительно ли интеллигенция возникла в России?.....	389

Философствующая интеллигенция как феномен древних евреев	390
Вавилонский плен: время рождения еврейской интеллигенции	392
Ветхозаветные книжники	395
Еврейская интеллигенция и народ: высокомерие и страх	399
Обличение Христом еврейской интеллигенции ...	401
Философствующая интеллигенция и катастрофа ветхозаветного еврейского народа	405
Философствующая интеллигенция ветхозаветного народа после катастрофы	406
Ветхозаветная и российская интеллигенция	410
Мавр не умер, он в засаде	415
Христианская философия: фантом или реальность?	419
Три возражения против христианской философии ...	419
И все-таки христианская философия нужна	421
О древе философского познания	423
О русской религиозной философии	425
Где она, христианская философия?	428
«Основы христианской философии»	
В. Зеньковского	432
Патристика: взгляд на философию	435
Блаженный Августин	438
Иоанн Дамаскин	442
Фома Аквинский. «Двойственная истина»	446
Григорий Палама о богопознании и философии ...	450
Христианская философия: задачи сегодняшнего дня	460

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Русский исследовательский центр. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 26.01.2017 г. Формат 84 x 108 $\frac{1}{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 24,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ISBN 978-5-426-10171-5

9 785426 101715

**РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ РУССКИМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ЦЕНТРОМ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.

Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Нелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Трицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолубие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоценский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.

- Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.
Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века, 1200 с.
Русская доктрина, 1056 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спаский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.

- Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисоциалистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верую разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен, 688 с.
Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России, 944 с.
Ямщиков С. В. Горький дым Отечества, 976 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозозерцания у белорусов, 160 с.
Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.
Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.

Мэкензи Уоллэс. Традиции и быт России глазами иностранца. Этнографические очерки, 800 с.

Прыжов И. Г. Очерки русского быта, 640 с.

Август Гакстаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, 672 с.

Русский Народ. Полное собрание этнографических трудов Александра Бурцева в 2-х томах, т. 1 – 592 с.; т. 2 – 592 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.

Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.

Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.

Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.

Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.

Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.

Николай Краинский. Психофильм русской революции, 624 с.

Михаил Чижов. Константин Леонтьев, 640 с.

Личутин В. В. По морю жизни – на русском челне, 976 с.

Краинский Д. В. Записки тюремного инспектора, 896 с.

Станислав Куняев. Воспоминания, 688 с.

Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах, 624 с.

Крупин В. Н. Море житейское, 752 с.

Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 656 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.

Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.

Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.

Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.

Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.
- Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.
- Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.
- Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации: Мифы. Гипотезы. Открытия, 912 с.
- В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу, 480 с.

- Маюров А. Н. Борьба с пьянством в России с древних времен до наших дней, 880 с.
- Большаков В. В. Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды, 1248 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

- Юрген Граф. На пути к Апокалипсису. Что ждет коренные народы Европы? 624 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
- Платонов О. История царевубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
- Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
- Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
- Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

- Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
- Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
- Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
- Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
- Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.
- Платонов О. А. История русского народа в XX веке, 1264 с.

Книги, подготовленные Русским исследовательским центром, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)